

ISSN 2227-2283 (print)
ISSN 2587-6929 (online)

**Уральский
федеральный
университет**

ИЗВЕСТИЯ

Серия 2

**Гуманитарные
науки**

**2021 Т. 23
№ 2**

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2021. Т. 23

№ 2

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2021. Vol. 23

№ 2

Серия 2
Гуманитарные науки

Журнал основан в 1920 г.
Серия «Гуманитарные науки» выходит с 1999 г. 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель: Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-48320 от 27 января 2012 г.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук.

Журнал индексируется в БД:
Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index;
DOAJ; European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS);
Ulrich's Periodicals Directory;
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

В журнале публикуются научные статьи по всеобщей и отечественной истории, этнографии и антропологии, историографии и источниковедению, по русскому языку и теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию (на материале германских, романских, славянских и финно-угорских языков), по отечественному и зарубежному литературоведению и фольклору, по изобразительному, декоративно-прикладному искусству и архитектуре, теории и истории искусства, а также рецензии на новые, наиболее значимые научные издания по этим областям. Все поступающие материалы рецензируются. Публикация в журнале осуществляется на некоммерческой основе.

Е-mail: izvestia.2@yandex.ru

Сайт: <http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

«Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons «Attribution-NonCommercial» 4.0 Всемирная
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

© Уральский федеральный университет, 2021

Ural Federal University Journal

**Series 2
Humanities and Arts**

The Journal was founded in 1920
Series *Humanities and Arts* has been issued quarterly since 1999

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia

Publisher: Ural University Press
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media.
Mass media registration certificate PI FS77-48320 as of January 27, 2012.

The Journal is included in the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK)
list of leading peer-reviewed academic journals prescribed for the publication of research
results for scholars seeking advanced academic degrees.

The Journal is indexed in:
Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index;
DOAJ; European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
Russian Science Citation Index (RSCI, Web of Science Platform);
Ulrich's Periodicals Directory;
Science Index (eLibrary)

The Journal publishes academic articles in the fields of World and Russian History, Ethnography
and Anthropology, Historiography and Source Studies, Russian Language and Language Theory,
Historical, Typological and Comparative Linguistics (based on the material of the Germanic,
Romance, Slavic, and Finno-Ugric languages), on Russian and World Literary Studies and
Folklore, Fine Arts, Decorative and Applied Arts and Architecture, Theory and History of Art,
as well as reviews of new, most significant academic publications in these areas. The Journal uses
double-blind peer review. The Journal does not charge authors or their respective institutions
a paper submission, processing, or publication fee.

Email: izvestia.2@yandex.ru
<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>
Editorial Office Address: 51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts

Journal content is licensed under
a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

© Ural Federal University, 2021

Главный редактор

Т. В. Куц, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Заместители главного редактора

Е. П. Алексеев, канд. иск., доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. В. Матвеева, д-р. филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. Н. Баранов, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Л. А. Будрина, канд. иск., доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Е. М. Главацкая, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Е. В. Дзюба, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет)

А. Ю. Казарян, д-р иск., чл.-корр. РААСН, почетный член РАХ (Россия, Москва, Государственный институт искусствознания)

О. В. Калугина, д-р иск., член правления АИС (Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

А. А. Макарова, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет; Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)

А. М. Плотникова, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ю. А. Русина, канд. ист. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Д. В. Спиридонов, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

О. Е. Фролова, д-р филол. наук, ст. науч. сотр. (Россия, Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

О. Р. Хромов, д-р иск., акад. РАХ (Россия, Москва, Московский государственный художественный академический институт им. В. И. Сурикова)

А. В. Шамаханов, канд. ист. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Т. Е. Автухович, д-р филол. наук, проф. (Республика Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

А. Е. Аникин, д-р филол. наук, акад. РАН (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН)

Л. И. Бородин, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН (Россия, Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Дж. Боулт, PhD (Art Studies), проф. (США, Лос-Анджелес, Университет Южной Калифорнии)

М. А. Бусев, канд. иск., чл.-корр. РАХ (Россия, Москва, Государственный институт искусствознания)

П. Бушкович, PhD (History), проф. (США, Нью-Хейвен, Йельский университет)

А. Варда, Dr. Hab. (Philology), проф. (Польша, Лодзь, Лодзинский университет)

О. В. Зырянов, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

С. А. Кибальник, д-р филол. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)

Т. Краус, д-р ист. наук, проф. (Венгрия, Будапешт, Университет Лоранда Этвеша)

К. Кроо, д-р филол. наук, проф. (Венгрия, Будапешт, Университет Лоранда Этвеша)

И. Лай, PhD (Philology), проф. (Тайвань, Тайбэй, Национальный университет Чжэнчжи)

М. Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет)

Е. П. Мартынова, д-р ист. наук, проф. (Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого)

А. Мустайоки, PhD (Philology), проф. (Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский университет)

И. А. Ндэй, д-р филол. наук, проф. (Польша, Олыштын, Варминско-Мазурский университет)

Б. Ю. Норман, д-р филол. наук, проф. (Республика Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет)

М. Перри, M. A. (History), проф. (Великобритания, Бирмингем, Бирмингемский университет)

Х. Рюсс, Dr. Hab. (History), проф. (Германия, Мюнстер, Мюнстерский университет)

Ф. Сенешаль, д-р иск., проф. (Франция, Амьен, Университет Пикардии имени Жюль Верна)

Г. Торвальдсен, PhD (History), проф. (Норвегия, Тромсё, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии)

А. В. Чудинов, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории РАН)

А. Х. Элерт, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. (Россия, Новосибирск, Институт истории СО РАН)

Ответственный секретарь

Н. В. Мосеева (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Editor-in-Chief

T. V. Kushch, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Deputy Editors

E. P. Alekseev, PhD (Art Studies), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Yu. V. Matveeva, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

EDITORIAL BOARD

N. N. Baranov, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

L. A. Budrina, PhD (Art Studies), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

E. V. Dziuba, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University)

O. E. Frolova, Dr. Hab. (Philology), Senior Researcher (Russia, Moscow, Moscow State University)

E. M. Glavatskaya, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

O. V. Kalugina, Dr. Hab. (Art Studies), Member of the Board of the Association of Art Historians (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)

A. Yu. Kazaryan, Dr. Hab. (Art Studies), Corresponding Member of RAACS, Honorary Member of RAA (Russia, Moscow, State Institute for Art Studies)

O. R. Khromov, Dr. Hab. (Art Studies), Full Member of RAA (Russia, Moscow, V. I. Surikov Moscow State Academic Art Institute)

A. A. Makarova, PhD (Philology), Senior Researcher (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University; Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS)

A. M. Plotnikova, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Yu. A. Rusina, PhD (History), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

A. V. Shamanaev, PhD (History), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

D. V. Spiridonov, PhD (Philology), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

EDITORIAL COUNCIL

A. E. Anikin, Dr. Hab. (Philology), Full Member of RAS (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology, SB RAS)

T. E. Avtukhovich, Dr. Hab. (Philology), Professor (Republic of Belarus, Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno)

L. I. Borodkin, Dr. Hab. (History), Corresponding Member of RAS (Russia, Moscow, Moscow State University)

J. Bowlt, PhD (Art Studies), Professor (USA, Los Angeles, University of Southern California)

M. A. Busev, PhD (Art Studies), Corresponding Member of RAA (Russia, Moscow, State Institute for Art Studies)

P. Bushkovitch, PhD (History), Professor (USA, New Haven, Yale University)

A. Ch. Elert, Dr. Hab. (History), Chief Researcher (Russia, Novosibirsk, Institute of History, SB RAS)

S. A. Kibalnik, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, St Petersburg, Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, St Petersburg State University)

T. Krausz, Dr. Hab. (History), Professor (Hungary, Budapest, Eötvös Lorand University)

K. Kroo, Dr. Hab. (Philology), Professor (Hungary, Budapest, Eötvös Lorand University)

Y. Lai, PhD (Philology), Professor (Taiwan, Taipei, National Chengchi University)

M. N. Lipovetsky, Dr. Hab. (Philology), Professor (USA, New York, Columbia University)

E. P. Martynova, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Tula, Tula State Pedagogical University)

A. Mustajoki, PhD (Philology), Professor (Finland, Helsinki, University of Helsinki)

I. A. Ndiaye, Dr. Hab. (Philology), Professor (Poland, Olsztyn, University of Warmia and Mazury in Olsztyn)

B. Yu. Norman, Dr. Hab. (Philology), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

M. Perrie, M. A. (History), Professor (UK, Birmingham, University of Birmingham)

H. Rüß, Dr. Hab. (History), Professor (Germany, Münster, University of Münster)

P. Sénéchal, Dr. Hab. (Art Studies), Professor (France, Amiens, University of Picardie Jules Verne)

A. V. Tchoudinov, Dr. Hab. (History), Chief Researcher (Russia, Moscow, Institute of World History, RAS)

G. Thorvaldsen, PhD (History), Professor (Norway, Tromsø, UiT The Arctic University of Norway)

A. Warda, Dr. Hab. (Philology), Professor (Poland, Lodz, University of Lodz)

O. V. Zyryanov, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Managing Editor

N. V. Moseeva (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Грацианский М. В.* «Милость государя утвердила Бонифация епископом города Рима»: император Гонорий и кризис легитимности в Римской церкви в 419 г. 9
- Денисов С. А.* Миграция местных землевладельцев в государстве Тевтонского ордена в 1280–1370-е гг. 27
- Белоруссова Т. Е.* Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. 45
- Уваров П. Ю.* Проекты реформ Галликанской церкви и «повседневного благочестия» накануне Религиозных войн 59
- Стельник Е. В.* От идеологии к методологии: термин «обол Харона» в современном археологическом дискурсе 75

РУКОПИСИ И КНИГИ

- Курышева М. А.* Датировка и исторический контекст греческой рукописи с портретами императоров династии Палеологов (Paris. gr. 1783) 86
- Близнюк С. В.* Письмо короля Кипра Гуго IV Лузиньяна и его интерпретация в русской литературе XVII в. 96
- Хромов О. Р.* Московский печатный двор при патриархе Никоне: особенности репертуара и художественного оформления изданий 110
- Борщ Е. В.* Изображение интерьера в иллюстрациях французских изданий Мольера XVIII в. 128

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ

- Фролов М. А.* Литературная, общественно-политическая и материально-бытовая жизнь редакции журнала «Русское богатство» в 1896–1900 гг. 143
- Анисимов К. Г.* Репрезентация власти в письмах населения в газету «Кировская правда» во второй половине 1960-х гг. 158

КОНСТРУИРОВАНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

- Власова Е. Г.* Нарративизация пространства в первых путеводителях по Уралу 175
- Головнев И. А., Головнева Е. В.* «Русский Сахалин» Петра Полевого: визуально-антропологические образы 189
- Круповес В.* Чужой город: вильнюсский еврейский квартал в польских текстах межвоенного периода 205

ОБРАЗ ДРУГОГО В ЛИТЕРАТУРЕ

- Блашкив О.* Образы русских профессоров в романе Станислава Ракуса «Эксцентричный университет» 217
- Мних Р.* *Свой vs иной / другой / чужой* в идейно-эстетической парадигме модернизма 233

НАРОДНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТРАДИЦИИ

- Галицына Е. Г.* Тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.) в народной номенклатуре германских и финно-пермских языков 246
- Сатанар М. Т.* Особенности мифологического хронотопа в якутском и шорском эпосе 259

РЕЦЕНЗИИ

- Бут Ю. Е.* Политическая культура габсбургских народов в середине XIX — начале XX в. Рец. на кн.: Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. : очерки / М. С. Ващенко, О. И. Величко, М. Ю. Дронов [и др. ; под ред. О. В. Хавановой (отв. ред.) и др.]. Москва : Индрик, 2018. 408 с. 280
- Алексеев Е. П.* Искусство быть искусствоведом. Рец. на кн.: Искусство постигать искусство : сборник статей к 100-летию Н. А. Дмитриевой / отв. ред. М. А. Бусев. Москва : БуксМАрт, 2020. 408 с.; ил. 288

TABLE OF CONTENTS

WORLD HISTORY

<i>Gratsianskiy, M. V.</i> "Mercy of the prince has confirmed Boniface as bishop of the city of Rome": Emperor Honorius and the Legitimacy Crisis in the Church of Rome in 419.....	9
<i>Denisov, S. A.</i> Migration of Local Landholders in the State of the Teutonic Order between the 1280s and 1370s.....	27
<i>Belorussova, T. E.</i> Evolution of Military and Political Cooperation of Greeks and Franks in the Peloponnese between the 1340s and 1370s.....	45
<i>Uvarov, P. Yu.</i> Projects of the Gallican Church and the 'Everyday Piety' Reform on the Eve of the Wars of Religion.....	59
<i>Stelnik, E. V.</i> From Ideology to Methodology: The Term "Charon's Obol" in Modern Archaeological Discourse.....	75

MANUSCRIPTS AND BOOKS

<i>Kuryshcheva, M. A.</i> Dating and Historical Context of a Greek Manuscript Containing Palaiologoi Emperors' Portraits (Paris. gr. 1783).....	86
<i>Bliznyuk, S. V.</i> Letter of King Hugh IV of Cyprus and its Interpretation in the 17 th -Century Russian Literature.....	96
<i>Khromov, O. R.</i> Moscow Print Yard under Patriarch Nikon: Specific Features of the Repertoire and Artistic Design of Publications.....	110
<i>Borshch, E. V.</i> Depiction of Home Interiors in Illustrations of Molière's Works in French 18 th -Century Editions.....	128

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN PERIODICALS

<i>Frolov, M. A.</i> Literary, Socio-Political, and Material Everyday Life of the Editorial Board of the <i>Russkoye Bogatstvo</i> Magazine, Its Authors, and Staff between 1896 and 1900.....	143
<i>Anisimov, K. G.</i> Representation of the Authorities in Letters to the <i>Kirovskaya Pravda</i> Newspaper in the Late 1960s.....	158

TERRITORY'S IMAGE:

CONSTRUCTION AND REPRESENTATION

<i>Vlasova, E. G.</i> Space Narrativisation in the First Travel Guides around the Urals.....	175
<i>Golovnev, I. A., Golovneva, E. V.</i> "Russian Sakhalin" of Pyotr Polevoy: Visual and Anthropological Images.....	189
<i>Krupowies, W.</i> Alien City: The Vilnius Jewish Ghetto in Polish Texts of the Interwar Period	205

IMAGE OF THE OTHER IN LITERATURE

<i>Blashkiv, O.</i> Image of a Russian Professor in Stanislav Rakús's <i>The Eccentric University</i>	217
<i>Mnich, R.</i> One's Own vs. Other / Another / Alien in the Conceptual and Aesthetic Paradigm of Modernism.....	233

FOLK LANGUAGE TRADITIONS

<i>Galitsyna, E. G.</i> Common Yarrow (<i>Achillea millefolium</i> L.) in the Folk Taxonomy of the Germanic and Finno-Permic Languages	246
<i>Satanar, M. T.</i> Features of the Mythological Chronotope in Yakut and Shor Epos.....	259

REVIEWS

<i>But, Yu. E.</i> Political Culture of the Habsburg Peoples in the Mid-19 th and Early 20 th Centuries. <i>Review of:</i> Vashhenko, M. S., Velichko, O. I., Dronov, M. Yu., et al. (2018). <i>Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniya v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg.: ocherki</i> [Political Parties and Social Movements in the Habsburg Monarchy, 1848–1914: Essays]. Moscow: Indrik. 408 p.....	280
<i>Alekseev, E. P.</i> Art of Being an Art Critic. <i>Review of:</i> Busev, M. A. (2020). <i>Iskusstvo postigat' iskusstvo: sbornik statei k 100-letiiu N. A. Dmitrievoi</i> [Art of Comprehending Art: Collected Articles for N. A. Dmitrieva's 100 th Birthday]. Moscow: BooksMArt. 408 p.: Il.....	288

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ WORLD HISTORY

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.022
УДК 272 + 27-726.2 + 27-53 + 94(450-25)

М. В. Грацианский
*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет*
Москва, Россия

«МИЛОСТЬ ГОСУДАРЯ УТВЕРДИЛА БОНИФАЦИЯ ЕПИСКОПОМ ГОРОДА РИМА»: ИМПЕРАТОР ГОНОРИЙ И КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ В РИМСКОЙ ЦЕРКВИ в 419 г.

В статье исследуются обстоятельства вступления на римскую кафедру Бонифация I (418–422), сопровождавшегося соперничеством между двумя кандидатами. Поскольку изначально в качестве легитимного епископа императором Гонорием (395–423) был утвержден его соперник Евлалий, Бонифацию пришлось пройти сложную процедуру легитимации, решающим фактором которой была позиция императора. В статье исследуется роль институциональных факторов в сфере легитимации церковной власти, в данном случае применительно к римской кафедре. Под институциональными факторами понимаются прежде всего государственная власть в лице ее региональных и центральных представителей, а также сообщество епископов, объединенное принципом соборного функционирования. В статье рассматриваются подходы императорской власти к решению кризиса легитимности римского епископа. На основе представления данных источника показывается, что император Гонорий намеревался разрешить кризис посредством соборного суда, причем в состав собора должны были входить представители обеих префектур Западной Римской империи. Несмотря на свое первоначальное намерение, император был вынужден разрешить кризис самостоятельно, и Бонифаций был утвержден в качестве римского епископа его личным решением. Автором статьи делается вывод об определяющей роли императора в сфере церковного управления, а также об отсутствии у римского епископа исключительного положения среди епископов Западной Римской империи: дела римской кафедры по повелению императора могли передаваться на суд западных епископов, а право окончательного решения принадлежало самому императору.

Тем самым император использовал соборный принцип управления церковью в качестве возможного инструмента разрешения внутрицерковных конфликтов, однако также оставлял за собой право единоличных решений в церковной сфере, причем римская кафедра не представляла здесь исключения.

Ключевые слова: Бонифаций и Евлалий; император Гонорий; префект Симмах; Флавий Констанций; Галла Плацидия; церковные соборы; *imperium et sacerdotium*

Цитирование: Грацианский М. В. «Милость государя утвердила Бонифация епископом города Рима»: император Гонорий и кризис легитимности в Римской церкви в 419 г. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 9–26. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.022>

Поступила в редакцию: 20.10.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Mikhail V. Gratsianskiy

*St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
Moscow, Russia*

“MERCY OF THE PRINCE HAS CONFIRMED BONIFACE AS BISHOP OF THE CITY OF ROME”: EMPEROR HONORIUS AND THE LEGITIMACY CRISIS IN THE CHURCH OF ROME IN 419

This article examines the circumstances behind Boniface I's ascension (418–422) to the See of Rome which was accompanied by rivalry between two candidates. Since his rival Eulalius had been initially approved as a legitimate bishop by Emperor Honorius (395–423), Boniface had to go through a complicated procedure of legitimation, whose decisive factor was the position of the emperor. The article examines the role of institutional factors in the legitimisation of church authority, in this case in relation to the See of Rome. By institutional factors the author means, first of all, state power represented by its regional and central authorities and the community of bishops united by the principle of conciliar functioning. The article examines the approaches of the imperial power to resolving the crisis of legitimacy of the Roman bishop. Based on the presentation of source data, it is demonstrated that Emperor Honorius intended to resolve the crisis through a deliberation by a council that was to include representatives of both prefectures of the Western Roman Empire. Despite his initial intention, the emperor was forced to resolve the crisis on his own and Boniface was confirmed as bishop of Rome by his personal decision. The author of the article draws a conclusion that the decisive role in the sphere of church administration belonged to the emperor and that the Roman bishop did not have an exceptional position among the bishops of the Western Roman Empire: the affairs of the See of Rome could be transferred by order of the emperor to the court of Western bishops, and the right of the final decision belonged to the emperor himself. Thus, the latter used the conciliar principle of administering the church as a possible instrument for resolving internal

church conflicts, but he also reserved the right of taking his own independent decisions in the ecclesial sphere, and the See of Rome was not an exception.

Key words: Boniface and Eulalius; Emperor Honorius; prefect Symmachus; Flavius Constantius; Galla Placidia; church councils; *imperium et sacerdotium*

For citation: Gratsianskiy, M. V. (2021). “Milost’ gosudaria utverdila Bonifatsiia episkopom goroda Rima”: imperator Gonorii i krizis legitimnosti v Rimskoi tserkvi v 419 g. [“Mercy of the prince has confirmed Boniface as bishop of the city of Rome”: Emperor Honorius and the Legitimacy Crisis in the Church of Rome in 419]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 9–26. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.022>

Submitted: 20.10.2020

Accepted: 25.03.2021

Вступление на папский престол Бонифация I (418–422) было осложнено изначально сомнительной законностью его рукоположения и сложным процессом обретения им легитимности, вызванными расколом римского клира и одновременным рукоположением 29 декабря 418 г. двух соперничающих епископов. Легитимация Бонифация как римского епископа была следствием целого ряда мер, предпринятых как светскими властями города Рима, так и верховной властью Западной Римской империи [Caspar, S. 361–365; Haller, S. 130–131; Pietri, 1976, p. 452–455, 948–950; Cristo; Ullmann, S. 54–55; Chantraine]. Благодаря сохранившейся по этому поводу в «Авеллановом собрании» переписке официальных лиц¹ мы оказываемся достаточно хорошо информированы о данных событиях. Тем не менее, их анализ до сих пор представляется недостаточным, а зачастую и довольно односторонним². В силу этого в настоящей статье нам представляется уместным дать обзор событий, связанных с избранием и обретением легитимности папой Бонифацием, и сделать наблюдения над действием институциональных факторов³ как в сфере церковного управления вообще, так и применительно к римской кафедре в частности.

Первое сохранившееся послание, относящееся к понтификату Бонифация I (418–422), было составлено префектом Рима Симмахом [PLRE II, p. 1043–1044 (Aurelius Anicius Symmachus 6); Chastagnol, 1960, p. 446–449; 1962, p. 281; Cameron, p. 488] в форме донесения императору Гонорию (395–423) и касалось

¹ О подборке документов в составе «Авелланова собрания», относящихся к расколу Бонифация и Евлалия, см.: [Clemente, p. 123–133; Salzman].

² К примеру, Дж. Данн предлагает рассмотреть, в какой мере обстоятельства этого дела соотносятся с «теорией конфликта» [Dunn, 2015, p. 7–12]. Конфликт Евлалия и Бонифация также анализировался в связи с социологической теорией Макса Вебера [Wirbelauer, 1994, S. 410–415]. Католические исследователи в основном предпочитают игнорировать обстоятельства поставления Бонифация и говорить об «усилении папства» в его понтификат, основываясь на «петринологической» риторике его писем к епископам Иллирика [Caspar, S. 373–381; Pietri, 1976, p. 1105–1130; Ullmann, S. 48–53; Wojtowysch, S. 270–273].

³ Под таковыми мы понимаем, прежде всего, такие институции Римской империи, как государственная власть в лице ее региональных и центральных представителей и сообщество епископов, объединенное принципом соборного функционирования.

событий, имевших место в Риме непосредственно после кончины 26 декабря 418 г. папы Зосима (417–418) и связанных с поставлением его преемника [Liber Pontificalis, p. 225; Coll. Avell. 14, p. 59–60]⁴.

Донесение Симмаха было составлено уже на следующий день после событий, сопровождавших похороны Зосима, в результате которых противоборствующие фракции римского клира поставили сразу двух епископов — Бонифация и Евлалия. 29 декабря 418 г. Симмах сообщает, что немедленно после кончины Зосима им были приняты меры к тому, чтобы выборы нового епископа прошли «в спокойствии согласно рассуждению клириков» (*cum quiete clericorum tractatu*), «без народного возмущения» (*turbatio popularis*). Евлалий сразу после похорон был приведен народом в Латеранскую базилику, там «с величайшим множеством» людей и многими «священниками» (подразумеваются епископы) провел два дня, ожидая «обычного дня» (*dies consuetus*) для торжественного совершения рукоположения [Coll. Avell. 14, p. 59.20–25]. Отметим здесь, что Симмах не сообщает, что Евлалий был рукоположен: он отмечает лишь, что последний находился в Латеранской базилике, ожидая воскресенья 29 декабря — дня рукоположения. За это время соперничающей партией был рукоположен Бонифаций [Dunn, 2015, p. 2].

Вслед за этим «несколько пресвитеров» вместе с Бонифацием, человеком «того же звания» (*eiusdem ordinis*), собрав народ, направились в церковь Феодоры и, «произведя рассуждение» (*habito tractatu*), вознамерились поставить его епископом. Вызвав их к себе, Симмах напомнил (*admonui*) им, что они не должны идти против «порядка священного закона или формы обычая» (*contra sacrae legis ordinem uenirent aut contra consuetudinis rationem*). Тем не менее, те «ничуть не усомнились» (*minime dubitarent*) привести свои «угрозы» (*minati sunt*) в исполнение: в церкви Марцелла они решили, что Бонифаций должен быть рукоположен, и «прошествовали с ним в базилику святого Петра» (*ad sancti apostoli Petri basilicam processerunt*) [Coll. Avell. 14, p. 59.25–60.9].

Сообщив таким образом императору обстоятельства дела, Симмах заключает: «И поскольку делом Вашего благочестия является вынести суждение об этой партии (сторонников Бонифация. — М. Г.), я решил немедленно обратиться к Вашему величеству за компетентным решением, чтобы о том, что по поводу этой партии определит Ваше благочестие, я был бы ясно уведомлен (*euidenter informer*) наставлением Вашего волеизъявления (*praecepto uestri numinis*)» [Ibid., p. 60.9–13].

Уже 3 января 419 г. последовал рескрипт Гонория на имя Симмаха. Император отмечал правильность представленной Симмахом картины событий: он констатировал, что «на древний порядок (*quietem ueterem*) при назначении досточтимого священства дерзость немногих пожелала совершить покушение (*attemptare*)» [Coll. Avell. 15, p. 60.22–23]. Гонорий отмечает, что выдвижение Евлалия состоялось согласно «порядку избрания» (*ordine subrogandi*)

⁴ О дате и месте захоронения Зосима см.: [Carefoote, p. 261, n. 1].

и на основе «общего суждения» (*communi iudicio*): в его отношении было совершено «всё, что требовалось правилом кафолической дисциплины» (*regula catholicae posceret disciplinae*). Император выражал удивление в связи с тем, что «некоторые» (*aliquos*) устремились к поставлению другого кандидата [Coll. Avell. 15, p. 60.23–29].

Гонорий постановляет: «Итак, пусть знает твое высочество (*sublimitas tua*) на основании настоящего распоряжения нашей милости, что голос и наше усердие в отношении Евлалия, предстоятеля священного закона, сходятся, [ибо] соответствующее число поставляющих, торжество в законное время и качество места (*competens numerus ordinantium, legitimi sollemnitas temporis locique qualitas*) правильно доставили ему вершину досточтимого имени» [Ibid., p. 61.5–9]. Император запрещает Бонифацию находиться в Риме [Ibid., p. 61.14–16].

Из содержания этого письма следует, что император располагал о поставлении Евлалия в Риме большей информацией нежели та, которую ему сообщил Симмах: последний не говорил об обстоятельствах рукоположения Евлалия. Потому нужно предполагать, что одновременно с донесением Симмаха Гонорию было направлено и «соборное послание» («синодика») сторонников Евлалия, в котором излагались точные сведения о поставлении последнего⁵. Также следует предполагать, что одновременно с рескриптом Симмаху император направил Евлалию утверждение избрания.

8 января префект Рима в своем письме восхвалял ту скорость, с которой император отреагировал на его первое послание [Coll. Avell. 16, p. 62.6–9]. Сразу по получении императорского распоряжения Симмах вызвал к себе Бонифация и запретил ему совершение службы. Этим повелением последний пренебрег и был выдворен из города. Попытка Бонифация вернуться была префектурой предотвращена: он остался за пределами города, где его сторожили четверо подчиненных Симмаха (*contubernales et apparitores quattuor*)⁶. Что касается Евлалия, то он со множеством людей справлял службу в базилике святого Петра. Когда было опубликовано решение императора, весь город радовался и прославлял императора аккламациями [Ibid., p. 62.9–63.10].

В те же дни, 6 или 7 января, императору была подана петиция сторонников Бонифация [Coll. Avell. 17, p. 63.17–65.6]. Согласно их версии, после кончины Зосима «священники» (*sacerdotes*) собрались для обсуждения кандидатуры преемника (*de constituendo successore*) почившего папы. При этом выяснилось, что почти все входы Латеранской церкви оказались перекрыты и охранялись сторонниками архидиакона Евлалия⁷. В результате «на другой день» (*altero die*) в согласии с «христианским народом» (*participato cum Christiana plebe*

⁵ Пример текста «соборного послания» императору с сообщением о рукоположении папы и прошением его утвердить см.: [Liber diurnus..., p. 112–113].

⁶ О контуберналах и их роли в описываемых событиях см.: [Silverio]; об аппараторах см.: [Jones, 1949; Purcell].

⁷ О римских архидиаконах как наиболее вероятных кандидатах на епископскую кафедру см.: [Wirbelauer, 1994, S. 410–411; 2011, S. 303–304].

consilio)⁸ они избрали того, «кого повелел Бог» (*quem deus iussit*) [Coll. Avell. 17, р. 63.19–64.4].

Сообщение об *altero die* указывает на субботу 28 декабря. В петиции церемония рукоположения хронологически не отделяется от избрания, т. е. можно сделать вывод, что рукоположен он был в тот же день. Тем самым император в своем рескрипте Симмаху имел все основания говорить о том, что в отличие от поставления Бонифация при поставлении Евлалия действительно были соблюдены все процедурные правила: день (воскресенье), место (Латеранский собор) и состав участников (епископ Остии: о нем см. ниже)⁹.

Бонифаций, «старый пресвитер, весьма ученый в законе и известный добрыми нравами» (*ueterem presbyterum in lege doctissimum ac bonis moribus comprobatum*), был избран против своего желания (*inuitum*) аккламацией всего народа и с согласия лучших (*meliorum*) людей города. Далее он был «посвящен чином божественного установления» (*diuinae institutionis ordine consecratum*): «за подписью более семидесяти пресвитеров, в присутствии девяти епископов различных провинций (*astantibus nouem diuersarum prouinciarum episcopis*) в соответствующее время (*competenti tempore*), как известно, было совершено благословение (*benedictionem*)» [Ibid., р. 64.8–12]. Письма, свидетельствующие о поставлении Бонифация, были доставлены Евлалию, однако он отверг их и, окруженный немногочисленными пресвитерами, «предъявил» (*exhibito*) епископа Остии, который, по словам сторонников Бонифация, находился там против воли, будучи «при смерти» (*prope mortuum*). Именно после этого, якобы в нарушение всех процедур, состоялось поставление Евлалия.

Далее сторонники Бонифация совершают демарш против Симмаха: они утверждают, что в своем донесении префект города ввел императора в заблуждение, просят отменить императорское распоряжение по делу Бонифация и рассмотреть спор между двумя претендентами в императорском суде [Ibid., р. 64.23–31].

В сущности, свидетельства партии Бонифация вполне обличают сомнительную законность поставления последнего. Рукоположение Евлалия произошло согласно предусмотренным процедурам избрания римского епископа, насколько они нам известны. Евлалий был рукоположен в Латеранской базилике, где была совершена служба по скончавшемуся Зосиму. Указание сторонников Бонифация можно понять так, что Евлалий не принял участие в похоронной процессии (*contemptis impie summi sacerdotis exsequiis*) и остался в Латеранской базилике, чтобы провести свое избрание. Тем не менее, показания Симмаха и сторонников Бонифация дополняют здесь друг друга: избрание Бонифация стихийно

⁸ Анализ участия народа Рима в спорах, связанных с выборами римского епископа см. в: [Pietri, Duval, Pietri]; о конфликте между сторонниками Евлалия и Бонифация см.: [Ibid., р. 383–384].

⁹ Об обычае рукополагать римского епископа в воскресенье см.: [Turner, р. 341–343]. Э. Вирбельауэр соглашается с тем, что Бонифаций был рукоположен в субботу: [Wirbelauer, 1994, S. 413]. Кеэфут и Данн считают, что оба претендента были рукоположены в воскресенье 29 декабря [Carefoote, р. 263; Dunn, 2015, р. 2].

состоялось в субботу, на следующий день после похорон Зосима, в то время как Евлалий был рукоположен днем позже.

Далее, сторонники Бонифация указывают на то, что решение рукоположить последнего было принято большинством голосов клира (*cleri maioris*) при участии девяти епископов разных провинций. При этом они стараются не акцентировать тот факт, что поставление Бонифация состоялось не в Латеранском соборе, что влиятельная коллегия римских диаконов и часть пресвитеров была против. Однако наиболее сильным аргументом в пользу законности поставления Евлалия был факт, о котором сообщают сами его противники: Евлалия посвятил епископ Остии — ключевая фигура в церемонии рукоположения, поскольку, согласно традиции, римский епископ рукополагался именно епископом Остийским [*Gesta conlationis...*, p. 294.7–11; *Liber diurnus...*, S. 111–112; *Concilia Africae*, p. 288].

Впрочем, Гонорий счел представление сторонников Бонифация достойным рассмотрения, а вопрос, какая из сторон в своих действиях соблюла «порядок совершенного деяния» (*gestae rei ordo*), — более тщательного изучения. В своем письме на имя Симмаха 15 января 419 г. император отменял свое предшествующее распоряжение. Однако он не ставил ни одну из сторон в привилегированное положение и не давал ей возможность использовать в новом суде уже бывшее решение (*praeiudicium*). Государь требовал личной явки Бонифация, Евлалия и тех, кто осуществил их поставление: неявка одной из сторон автоматически означала ее поражение. Для проведения суда император вызывал «из различных провинций соответствующее число священников» (*ex diuersis prouinciis competentem numerum sacerdotum*), чтобы «дело, подвергнутое сомнению, перед нами разрешило рассуждение большинства» (*disceptatio plurimorum*) [Coll. Avell. 18, p. 65.7–66.15]¹⁰.

О выполнении указаний императора и о текущей обстановке в Риме Симмах сообщал 25 января [Coll. Avell. 19, p. 66.17–67.13]. Префект обязал обе партии явиться на созываемый императором собор для дознания [Ibid., p. 66.24–25]. Он сообщал о предпринятых в городе с целью обеспечения общественной безопасности мерах [Ibid., p. 67.10–12; Dunn, 2015, p. 4–5, 11].

По повелению императора 8 февраля в Равенне начался собор, в котором участвовали епископы, не причастные к рукоположению Бонифация и Евлалия [Coll. Avell. 20, p. 67.15–68.7; Dunn, 2015, p. 5]. Их мнения разделились и принятие решения большинством голосов оказалось невозможным. В послании, направленном Симмаху 15 марта 419 г., император сообщает о неуспехе собора и невозможности в сложившихся обстоятельствах разрешить вопрос. Помимо этого он объявляет о своем решении, ввиду отсутствия законного епископа, поручить епископу Сполетскому Ахиллею совершить в Риме пасхальное

¹⁰ П. Кеэфут связывает резкое изменение позиции Гонория не столько с фактом апелляции сторонников Бонифация, сколько с влиянием сестры императора Галлы Плацидии и ее мужа Флавия Констанция [Carefoote, p. 265–266, n. 17].

богослужение. После окончания пасхальных торжеств император обещает вернуться к рассмотрению дела епископами [Coll. Avell. 21, p. 68.17–69.2].

Упомянутому Ахиллею, епископу города Сполетий в Умбрии, было адресовано особое императорское послание. Так как никакого решения по поводу римских выборов не было принято, император предписывал Ахиллею поспешить в Рим, чтобы «предоставить людям дни святой Пасхи в подобающем покое с обычной торжественностью» [Coll. Avell. 24, p. 69.20–23; Carefoote, p. 266]. Ахиллею было специально указано на то, что он не должен при этом упоминать Евлалия или Бонифация, «о которых известно, что они судом отстранены» (*de quibus constat suspensos esse iudicio*).

Одновременно Гонорий направил послания сенату и народу Рима, в котором излагал ситуацию с дознанием, сообщал о повелении Ахиллею провести в Риме пасхальные торжества, а также призывал к спокойствию и порядку [Coll. Avell. 23, p. 69.17–70.17; Coll. Avell. 24, p. 70.19–71.17]¹¹. По поводу дальнейшего разбирательства он сообщал, что оно будет позднее поручено «полноценному» (*integrum*) собору священников, более полному числом (*numero pleniore*)» [Coll. Avell. 24, p. 70.27–28; Dunn, 2015, p. 6].

Одновременно с этим император вступает в переписку по вопросу оспариваемых выборов римского понтифика. 20 марта им направлено послание епископу Павлину Ноланскому, пользующемуся большим личным авторитетом [Frend; Trout, 1999, p. 254–258; Desmulliez, p. 273; Литовченко]. Гонорий сетует в послании, что Павлин не смог прибыть на уже состоявшийся в Равенне собор. Тем не менее, он полагает, что именно Павлин в состоянии разрешить римский вопрос [Coll. Avell. 25, p. 72.2–3]: якобы ради того, чтобы услышать «божественные наставления» (*divina praecepta*) из уст Павлина, Гонорий отложил его решение [Ibid., p. 72.5–7].

В тот же день направляются письма в Африку. Первое составлено самим Гонорием и обращено к африканским епископам в целом [Coll. Avell. 26, p. 72.15–27]. В нем Гонорий декларирует свое видение правильной религиозной политики: «Наша тихость (*serenitas*) как обо всех делах, так и особенно о тех, которые относятся к чтимой религии, желает иметь взвешенное (*perpensum*) суждение» [Ibid., p. 72.16–18]. Император говорит, что в Африке (*trans maria*), конечно, уже стало известно о «возникшем споре относительно священства вечного города» (*de sacerdotio urbis aeternae*), который немногими не смог быть завершен и потому очевидно, что необходимо суждение (*iudicium*) многих» [Ibid.]. Он требует, чтобы адресаты отрядили достойных людей, которые к 13 июня (*intra diem Iduum Iuniarum*) должны явиться в Сполетий [Ibid.].

Два последующих письма, несмотря на сохранившееся надписание, приписывающее их Гонорию, принадлежат перу Галлы Плацидии [Caspar, S. 363, Anm. 4; Cristo, p. 165–166; Demougeot, p. 193; Sivan, p. 75–79; Salisbury, p. 124–127].

¹¹ О римском сенате в свете документов «Авелланова собрания» по делу Евлалия и Бонифация см.: [Clemente, p. 130–133; Salzman].

Первое из них адресовано Аврелию Карфагенскому. Как и в послании Павлину Ноланскому, в нем выражается желание лично видеть Аврелия: «Начатый из-за этого спора суд меньшее, нежели того требует соборный обычай, количество священников отложило для более многочисленных учений мужей, главой которых является твоя святость» [Coll. Avell. 27, p. 73.1–21]¹². Тем самым очевидно, что Аврелий наряду с Павлином Ноланским приглашался в качестве одного из председателей предстоящего собора.

Аналогичным образом составлено и послание Галлы Плацидии, разосланное семи африканским епископам, одним из которых был Августин Гиппонский. Августа подчеркивает, что, поскольку ее брат созывает в Италии собор, на нем требуется и представительство «заморских областей» (*ex transmarinis regionibus*) [Coll. Avell. 28, p. 73.23–74.17; Dunn, 2015, p. 6–7].

Практически одновременно с этим произошли события, которые оказались провозвестниками разрешения кризиса, хотя и не в том ключе, который предусматривался планами Гонория. От 23 марта 419 г. сохранилось письмо Симмаха, адресованное супругу Галлы Плацидии, комиту и патрицию Флавию Констанцию, впоследствии соправителю Гонория [PLRE II, p. 321–325 (Constantius 17); Stein, p. 269–271; Jones, 1964, p. 185–188; O’Flynn, p. 63–73; Lütkenhaus, S. 94–101; Reynolds, p. 86–116; Dunn, 2014, p. 4–12; Грацианский, Норкин]. Префект сообщает, что 21 марта, несмотря на императорский запрет, в Рим явился Евлалий, а позже в тот же день Ахиллей Сполетский уведомил Симмаха, что по императорскому распоряжению он будет совершать в Риме пасхальную службу. Это известие застало префекта врасплох. Когда же через день Ахиллей прибыл в Рим, там вспыхнул мятеж. Приверженцы Бонифация явились на форум Веспасиана, где Ахиллей в присутствии префекта Симмаха, викария Рима¹³ и других первых лиц должен был объявить об императорском решении, и с оружием в руках набросились на безоружных сторонников Евлалия. Симмах и викарий подверглись опасности и вынуждены были спастись. По приказу префекта и викария многие из нападавших, оказавшихся в большинстве своем рабами, были затем задержаны и допрошены. Об этих событиях Симмах спешит доложить Констанцию, чтобы тот «положил четкий конец этим делам» (*certum finem rebus*). Префект обращает внимание на появление в городе как Евлалия, так и Ахиллея Сполетского. Симмах предвидел, что при таких условиях на Пасху может пролиться кровь, поскольку обе партии оспаривали друг у друга владение Латеранской базиликой [Coll. Avell. 29, p. 76.1–6].

В своем ответе 26 марта Констанций сообщал, что направляет к Симмаху своего канцелярия (*cancellarium*), чтобы тот ознакомился с ситуацией на месте и разузнал, кто является предводителями обеих «факций» (*factionum auctores*),

¹² О возможных причинах приглашения африканцев см.: [Cristo, p. 165].

¹³ Викарий Рима управлял диоцезом Italia suburbicaria, включающим провинции Средней и Южной Италии. О должности викария в сравнении с должностью префекта города см.: [Sinnigen; Chastagnol, 1963, p. 358–372].

для последующего доклада императору. Пока же Констанций предписывал неукоснительно следовать императорским указам [Coll. Avell. 30, p. 76.11–20].

26 марта свое послание Симмаху направил и император. Гонорий напомнил о своем предписании обоим соперникам находиться за пределами города и ожидать там вынесения соборного приговора. Император не мог равнодушно (*aequo animo*) смотреть на то, как его предписаниям фактически была объявлена открытая война (*publicum paene bellum*). Зачинщиком этой войны он объявляет Евлалия, который «не потерпел, чтобы, согласно порядку предписаний, отсутствовать [в городе] (*abesse non passum*)». Гонорий постановлял, что предписанный порядок должен соблюдаться: Евлалия следовало «всеми способами принудить» (*omnimodis urgeatur*) «со всей поспешностью» (*omni celeritate*) покинуть город, чтобы он не давал повода к мятежу и не стал «причиной смерти невинных» (*innocentibus causa mortis*). Если Евлалий будет упорствовать, то не только вынесет приговор «о своем положении» (*de statu suo*), но и подвергнет опасности свою жизнь (*de salutis discrimine*). Равному наказанию будут подвержены и клирики, пожелавшие вступить в общение с Евлалием; миряне (*laicos*), стремящиеся к общению (*communione*) с ним, будут подвержены наказанию, соразмерному их гражданскому положению. Под страхом наказания «первым людям» городских регионов (*primates regionum*) предписывалось умерять «дух плебса» (*spiritum plebis*). Епископ Сполетия должен был служить в Риме на Пасху, причем ему одному должна была быть предоставлена Латеранская базилика. Об этом следовало объявить во всех церквях и общественных местах. Примискринию префекта и всему штату городских чиновников (*reliquum officium*) под угрозой штрафов и более серьезных наказаний предписывалось привести в исполнение указания императора [Coll. Avell. 31, p. 76.22–78.11].

От 29 марта у нас опять имеется послание Симмаху к патрикию Констанцию, в котором префект Рима докладывал о получении нового эдикта (*sacra*) императора и попытке привести в исполнение его предписания. Однако, несмотря на все усилия властей, Евлалий отказался подчиниться и уйти из города. Ознакомившись с императорским распоряжением, он заявил, что ему требуется «более тщательно поразмыслить» (*diligentius tractaturum*). На следующий день с наступлением ночи (*nocturnis horis*), собрав толпу (*collecta multitudine*), Евлалий предпринял попытку занять Латеранскую базилику. После совещания с первыми людьми города (*habito tractatu cum proceribus*) к базилике были направлены члены корпораций и чиновники, подчиненные префекту и викарию Рима. Многочисленные члены корпораций и старшие городских регионов [Pietri, 1989], повинувшись императорским распоряжениям (*qui praeceptis imperialibus serviunt*), выдворили Евлалия из базилики и под надзором чиновников (*adiunctis apparitoribus*) препроводили из города¹⁴. Другие чиновники того же ранга были поставлены стеречь базилику с тем, чтобы обеспечить пасхальное

¹⁴ Поведение Евлалия выглядит странным. Попытку его объяснения см. в: [Wirbelauer, 1994, S. 413, Anm. 107].

богослужение Ахиллеем Сполетским. Несколько клириков, участвовавших в беспорядках на стороне Евлалия, были задержаны. Симмах обещал держать Констанция в курсе касательно событий в городе, «которым Ваше счастье управляет» (*urbis, quam uestra felicitas regit*), и ожидал дальнейших указаний [Coll. Avell. 32, p. 78.13–79.25].

В дальнейшем у нас имеется императорский эдикт от 3 апреля 419 г., адресованный префекту города Симмаху. Гонорий отмечает, что действовал в этом деле с «особой умеренностью» (*moderatione praecipua*) и потому отложил его рассмотрение судом епископов. Евлалий же своим пренебрежением к решениям первого собора и своими действиями «захотел разрушить всё, что наша умеренность сохраняет» (*totum perire uoluit, quicquid moderatio nostra conseruat*). В этой ситуации новый собор безусловно проголосовал бы за его осуждение (*ut sciret se specialiter esse damnatum*). Беззаконное поведение Евлалия, по мнению императора, свидетельствовало и о незаконности его поставления [Coll. Avell. 33, p. 80.10–12]. На основании всего этого Гонорий выносит окончательное решение: «Мы постановили, что досточтимый муж, епископ Бонифаций, касательно управления которого мы верно приняли решение издать наше повеление, должен войти в город, дабы под его руководством почитание религиозного закона отправлялось посредством привычного управления (*ut sub eius gubernaculis religiosae legis reuerentia moderatione solita compleatur*)» [Ibid., p. 80.12–20].

О выполнении этого императорского решения префект докладывал в послании, датировка которого не сохранилась. Симмах восхваляет обоих императоров, Гонория и Феодосия, за решение признать «священство» (*sacerdotium*) за Бонифацием. Эдикт был одобрен сенатом и римским народом (*ordo amplissimus et Romanus populus*). По истечении двух дней в город вступил Бонифаций, встреченный народом и чиновниками префектуры [Coll. Avell. 34, p. 80.23–81.18].

Ряд писем отражает завершающую фазу этого дела. В письме проконсулу Африки 7 апреля 419 г. император сообщает об окончательном утверждении Бонифация на римской кафедре. Гонорий напоминает, что после собора в Равенне он постановил собрать на последующий собор большее число епископов, в том числе «из африканских и галльских провинций» (*ex Africanis uel Gallicanis prouinciis*). Между тем Евлалий нарушил данные ему предписания, в силу чего, пишет император, «был нашим распоряжением (*nostra auctoritate*) изгнан, а святой епископ Бонифаций утвержден (*roboratum*)» [Coll. Avell. 35, p. 82.5–6]. Тем самым «дело было исчерпано» (*consumptum negotium est*), а прибытие епископов на новый собор стало излишним. Проконсулу поручалось сообщить «священникам» (*singulos sacerdotes*) об окончании дела и об отмене повеления прибыть в Италию. Последующее сохранившееся в «Авеллановом собрании» письмо представляет собой обращение по этому поводу проконсула Африки к Августину Гиппонскому [Coll. Avell. 36, p. 82.16–26]¹⁵.

¹⁵ Цитата из этого письма приведена нами в заглавии статьи: *sanctum igitur ac uenerabilem uirum Bonifatium urbis Romae episcopum firmavit clementia principalis* [Coll. Avell. 36, p. 82.16–26].

На основании изложенного выше хода событий можно сделать ряд важных наблюдений, которые касаются главным образом прерогатив императора в отношении епископов, не исключая и римского. Прежде всего можно видеть, что по результатам выборов конца декабря 418 г. законным епископом оказывается всё же Евлалий, который прошел все принятые процедуры поставления вплоть до утверждения императором. Очевидно, что санкция императора является по сути неременным условием легитимации избрания римского епископа: в том случае, если император решает отозвать свое утверждение, он делает это беспрепятственно и исключительно исходя из своего видения обстоятельств, как это и имело место в случае Евлалия. Впоследствии решение императора признать законным епископом соперника Евлалия было обусловлено лишь нежеланием последнего исполнить императорскую волю. Тем самым, если Гонорий и колебался в трактовке законности процедуры избрания римского епископа, то очевидно, что важнейшим критерием, по которому он о ней судил, была верность кандидата императорским распоряжениям.

Следует подчеркнуть, что именно императору принадлежит последнее слово в деле утверждения выбора клира и епископов. Тем самым он обладает фактически большей властью, чем две первых инстанции: по своему усмотрению император имеет право отрешить епископа от должности (*suspendere*), не признав законность процедуры поставления. В случае возникновения спора именно император принимает апелляцию и решает, какая инстанция разрешит его: в случае Евлалия и Бонифация Гонорий поручает рассмотрение дела и вынесение решения собору. Между тем, утверждение соборного определения он оставляет за собой. Собор тем самым предстает скорее в виде совещательной инстанции. Ввиду неспособности собора более низкого (италийского) уровня разрешить вопрос император передает дело на рассмотрение собора с более широким представительством, включающим епископов Италии, Африки и Галлии, и со смешанным председательством, причем председателей (первенствующих епископов) собора император назначает лично. Император также определяет состав участников собора в целом: местным примасам дается задание направить определенное количество участников от их Церквей. Обращение императора к епископам разных регионов Западной Римской империи показывает, что хотя престол Рима и мог иметь особый престиж в западном мире, однако распоряжаться его судьбами по повелению императора вполне могли другие авторитетные епископы.

Тем самым преимущества римского епископа не воспринимались как исключительные, а его зависимость от соборных процедур представляется очевидной. Император сам, по своему усмотрению, ввиду изменившихся обстоятельств отменяет проведение собора и единолично принимает решение в пользу одного из кандидатов. В сущности, это показывает, что соборные процедуры являются по сути опциональными и их применение зависит от того, угодно ли императору прибегнуть к ним при рассмотрении дела.

Следует обратить также внимание на компетенции императора в отношении не только римского епископа, но и так называемого «апостольского престола» или «престола святого Петра», т. е. римской кафедры. По решению Гонория епископ Сполетия Ахиллей должен был совершить пасхальное богослужение в Риме вместо собственно римского епископа¹⁶. Отметим, что это решение император принял лично, не согласовывая его с римским клиром или какой-либо иной духовной коллегией. Это действие императора наглядно демонстрирует его прерогативы в отношении отправления таинств.

Следует также обратить внимание на то, что в сохранившейся переписке, освещающей данные события, нет ни единого упоминания апостола Петра либо римской кафедры как «петровой». Участники избрания обоих претендентов подчеркивают, что они избирают «преемника» (*successor*) Зосима, а отнюдь не преемника или тем более наследника св. Петра: события в целом лишены какого бы то ни бы «петринологического» измерения [ср.: Грацианский, 2015; 2019, с. 30–35; 2020а, с. 13–18].

Вообще вся ситуация с избранием Евлалия и Бонифация примечательна еще и тем, что начисто лишена какого-либо сакрального или духовного измерения в нашем современном восприятии этих понятий¹⁷. Однако именно в этом обстоятельстве явно проявляется типично римское неразличение сакральных и государственных измерений, одинаково принадлежащих к публичной сфере. В этом смысле избрание римского епископа едва ли отличалось от избрания любого другого магистрата, подлежащего императорскому утверждению. Согласно же римским правовым понятиям, «священники» (*sacerdotes*) так же, как и магистраты, относились к ведению публичного права и тем самым находились равным образом в юрисдикции императора [см. об этом: Грацианский, 2020б].

Источники

Coll. Avell. — Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad a. DLIII datae. Avellana quae dicitur collectio. Pars 1 / rec. O. Günther. Prag ; Wien : F. Tempsky ; Leipzig : G. Freytag, 1895. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum ; 35).

Concilia Africae a. 345 — a. 525 / ed. Ch. Munier. Turnhout : Brepols Publ., 1974. (Corpus Christianorum. Series Latina ; 259).

Gesta conlationis Carthaginensis anno 411 / ed. S. Lancel. Turnhout : Brepols Publishers, 1974. (Corpus Christianorum. Series Latina ; 149).

Liber diurnus Romanorum pontificum / Hrsg. von H. Foerster. Bern : Francke Verl., 1958.

¹⁶ Об Ахиллее и особенностях «петринологии» посвятителной эпиграммы в основанном им в Сполетии соборе см.: [Trout, p. 144–150].

¹⁷ Кроме, пожалуй, одного весьма примечательного момента. Сторонники Бонифация, требуя в своей петиции от императора не принимать решение в пользу Евлалия, утверждали, что таковое будет противоречить «божественному суду» (*in iniuriam diuini iudicii*). Они поясняли при этом, что «божественным является всё то, что утверждается избранием столь многих» (*nam diuinum est, quicquid tantorum confirmat electio*) [Coll. Avell. 17, p. 64.25–26], явившихся для того, «чтобы провозгласить свою волю, то есть суд Божий» (*omnes aderunt, qui uoluntatem suam, hoc est dei iudicium, proloquantur*) [Ibid., p. 64.32–65.1]. В том, что подобные воззрения восходят еще к языческому прошлому, не приходится сомневаться.

Liber Pontificalis — Le Liber Pontificalis : texte, introduction et commentaire par L. Duchesne. Vol. II. Paris : E. Thorin, 1886.

PLRE II — *Martindale J. R.* Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge ; London ; New York ; New Rochelle ; Melbourne ; Sydney : Cambridge Univ. Press, 1980.

Исследования

Грацианский М. В. Апостол Петр и «Акакианская схизма» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 3 (59). С. 9–19.

Грацианский М. В. Haeres Petri sive vicarius Petri: Обоснование исключительных властных прерогатив римского епископа папой Львом Великим // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 89. С. 26–48.

Грацианский М. В. Папа Сириций (384–399) и римская экклезиология в эпоху после окончания арианских споров // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020а. Вып. 88. С. 11–29.

Грацианский М. В. Res divinae et res saeculares в восприятии папы Льва Великого. К пред истории возникновения «геласианской теории» // Вестник древней истории. 2020б. Т. 80, вып. 4. С. 1103–1114. <https://doi.org/10.31857/S032103910010638-4>

Грацианский М. В., Норкин К. В. На службе империи: папа Зосим и Римский собор 417 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 6–23. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.1>

Литовченко Е. В. К вопросу о позднеантичной эпистографии: Павлин Ноланский и его адресаты // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 70–84.

Cameron A. The Antiquity of the Symmachi // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1999. Bd. 48/4. P. 477–505.

Carefoote P. J. Pope Boniface I, the Pelagian Controversy and the Growth of Papal Authority // Augustiniana. 1996. Vol. 46/3–4. P. 261–289.

Caspar E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 1. Tübingen : Verl. von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1933.

Chantraine H. Das Schisma von 418/19 und das Eingreifen der kaiserlichen Gewalt in die römische Bischofswahl // Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. Festschrift für Karl Christ zum 65. Geburtstag / Hrsg. von P. Kneissl, V. Losemann. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1988. S. 79–94.

Chastagnol A. La préfecture urbaine à Rome sous le Bas-Empire. Paris : Presses universitaires de France, 1960.

Chastagnol A. Les fastes de la préfecture de Rome au Bas-Empire. Paris : nouvelles éditions latines, 1962.

Chastagnol A. L'Administration du Diocèse Italien au Bas-Empire // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1963. Bd. 12/3. P. 348–379.

Clemente G. The Roman Senate and the Politics of Religion in the Collectio Avellana (IV–VI Century AD) // Scripta Classica Israelica. 2017. Vol. 36. P. 123–139.

Cristo S. Some Notes on the Bonifacian-Eulalian Schism // Aevum. 1977. Vol. 51/1–2. P. 163–167.

Demougeot É. L'évolution politique de Galia Placidia // Geriôn. 1985. Vol. 3. P. 183–210.

Desmulliez J. Paulin de Nole: du gouverneur de Campanie à l'évêque de Nole, ruptures et continuités // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 2006. Vol. 17. P. 267–275.

Dunn G. D. Flavius Constantius and Affairs in Gaul between 411 and 417 // Journal of the Australian Early Medieval Association. 2014. Vol. 10. P. 1–21.

Dunn G. D. Imperial Intervention in the Disputed Roman Episcopal Election of 418/419 // Journal of Religious History. 2015. Vol. 39/1. P. 1–13.

- Frend W.H.C.* Paulinus of Nola and the Last Century of the Western Empire // *Journal of Roman Studies*. 1969. Vol. 59. P. 1–11.
- Haller J.* Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Bd. 1. Urach ; Stuttgart : Port Verl., 1950.
- Jones A. H. M.* The Roman Civil Service (Clerical and Sub-Clerical Grades) // *Journal of Roman Studies*. 1949. Vol. 39/1–2. P. 38–55.
- Jones A. H. M.* The Later Roman Empire 284–602. Vol. 1. Oxford : Basil Blackwell, 1964.
- Lütkenhaus W.* Constantius III: Studien zu seiner Tätigkeit und Stellung im Westreich 411–421. Bonn : Dr Rudolf Habelt, 1998. (Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte ; 44).
- O'Flynn J. M.* Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton : The Univ. of Alberta Press, 1983.
- Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome : École française de Rome, 1976.
- Pietri Ch.* Régions ecclésiastiques et paroisses romaines // Actes du XIe congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève, Aoste, 21–28 septembre 1986. Rome : École Française de Rome, 1989. (Publications de l'École française de Rome ; 123). P. 1035–1062.
- Pietri L., Duval Y., Pietri Ch.* Peuple chrétien ou peuples : le rôle des laïcs dans les élections ecclésiastiques en Occident // Institutions, société et vie politique dans l'Empire romain au IVe siècle ap. J.-C. Actes de la table ronde autour de l'oeuvre d'André Chastagnol (Paris, 20–21 janvier 1989). Rome : École Française de Rome, 1992. P. 373–395.
- Purcell N.* The Apparitores: A Study in Social Mobility // *Papers of the British School at Rome*. 1983. Vol. 51. P. 125–173.
- Reynolds J.* Defending Rome: The Masters of the Soldiers. Sydney : Xlibris, 2011.
- Salisbury J. E.* Rome's Christian Empress. Galla Placidia Rules at the Twilight of the Empire. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 2015.
- Salzman M. R.* Contestations between Elites: Italo-Roman Senatorial Aristocrats and the Senate in the Collectio Avellana // The Collectio Avellana and Its Revivals / ed. by R. Lizzi Testa, G. Marconi. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publ., 2019. P. 140–148.
- Silverio E.* I 'contubernales' agli ordini del praefectus Urbi A. Anicio Simmaco nei disordini del 418–419 d. C. // *Bollettino della unione storia ed arte*. 2012. № 7. P. 17–30.
- Sinnigen W. G.* The Vicarius Urbis Romae and the Urban Prefecture // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1959. Bd. 8/1. P. 97–112.
- Sivan H.* Galla Placidia. The Last Roman Empress. Oxford : Oxford Univ. Press, 2011.
- Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Vol. 1. Paris ; Brussels ; Amsterdam : Desclée de Brouwer, 1959.
- Trout D. E.* Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems. Berkeley : Univ. of California Press, 1999.
- Trout D.* Peter beyond Rome: Achilleus of Spoleto, Neon of Ravenna, and the *Epigramma Longum* // Leadership and Community in Late Antiquity: Essays in Honour of Raymond Van Dam / ed. by Y. R. Kim, A. E. T. McLaughlin. Turnhout : Brepols Publ., 2020. (Cultural Encounters in Late Antiquity and the Middle Ages ; 26). P. 141–164.
- Turner C. H.* The Papal Chronology of the Third Century // *The Journal of Theological Studies*. 1916. Vol. 17. № 68. P. 338–353.
- Ullmann W.* Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter. Stuttgart : Anton Hiersemann, 1981. (Päpste und Papsttum ; 18)
- Wirbelauer E.* Die Nachfolgerbestimmung im römischen Bistum (3.–6. Jh.). Doppelwahlen und Absetzungen in ihrer herrschafts-soziologischen Bedeutung // *Klio*. 1994. Bd. 76. S. 388–437.
- Wirbelauer E.* Bischofswahlen in Rom (3.–6. Jh.): Bedingungen — Akteure — Verfahren // *Episcopal Elections in Late Antiquity* / ed. by J. Leemans, P. van Nuffelen, Sh. W. J. Keough, C. Nicolay. Göttingen : De Gruyter, 2011. S. 293–304.
- Wojtowysch M.* Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile. Stuttgart : Anton Hiersemann, 1981.

References

- Cameron, A. (1999). The Antiquity of the Symmachi. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 48/4, 477–505.
- Carefoote, P. J. (1996). Pope Boniface I, the Pelagian Controversy and the Growth of Papal Authority. *Augustiniana*, 46/3–4, 261–289.
- Caspar, E. (1933). *Geschichte des Papsttums. Von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft* (Vol. 1). Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Chantraine, H. (1988). Das Schisma von 418/19 und das Eingreifen der kaiserlichen Gewalt in die römische Bischofswahl. In P. Kneissl, & V. Losemann (Eds.), *Alte Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. Festschrift für Karl Christ zum 65. Geburtstag* (pp. 79–94). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Chastagnol, A. (1960). *La préfecture urbaine à Rome sous le Bas-Empire*. Paris: Presses universitaires de France.
- Chastagnol, A. (1962). *Les fastes de la préfecture de Rome au Bas-Empire*. Paris: nouvelles éditions latines.
- Chastagnol, A. (1963). L'Administration du Diocèse Italien au Bas-Empire. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 12/3, 348–379.
- Clemente, G. (2017). The Roman Senate and the Politics of Religion in the Collectio Avellana (IV–VI Century AD). *Scripta Classica Israelica*, 36, 123–139.
- Cristo, S. (1977). Some Notes on the Bonifacian-Eulalian Schism. *Aevum*, 51/1–2, 163–167.
- Demougeot, É. (1985). L'évolution politique de Galia Placidia. *Geriôn*, 3, 183–210.
- Desmulliez, J. (2006). Paulin de Nole: du gouverneur de Campanie à l'évêque de Nole, ruptures et continuités. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*, 17, 267–275.
- Dunn, G. D. (2014). Flavius Constantius and Affairs in Gaul between 411 and 417. *Journal of the Australian Early Medieval Association*, 10, 1–21.
- Dunn, G. D. (2015). Imperial Intervention in the Disputed Roman Episcopal Election of 418/419. *Journal of Religious History*, 39/1, 1–13.
- Frend, W. H. C. (1969). Paulinus of Nola and the Last Century of the Western Empire. *Journal of Roman Studies*, 59, 1–11.
- Gratsianskiy, M. V. (2015). Apostol Petr i “Akakianskaia skhizma” [Apostle Peter and the “Acacian Schism”]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofii*, 3 (59), 9–19.
- Gratsianskiy, M. V. (2019). Haeres Petri sive vicarius Petri: Obosnovanie iskluchitel'nykh vlastnykh prerogativ rimskogo episkopa papoi L'vom Velikim [Haeres Petri sive vicarius Petri. Arguments of Pope Leo the Great for the Exceptional Prerogatives of Power for the Bishop of Rome]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 89, 27–48.
- Gratsianskiy, M. V. (2020a). Papa Siritsii (384–399) i rimskaiia ekkleziologiia v epokhu posle okonchaniia arianskikh sporov [Pope Siricius (384–399) and Roman Ecclesiology during the Period after the End of the Arian Controversy]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofii*, 88, 11–29.
- Gratsianskiy, M. V. (2020b). Res divinae i res saeculares v vospriiati papy L'va Velikogo. K predystorii vozniknoveniia “gelasianskoi teorii” [Res divinae and res saeculares in the Perception of Pope Leo the Great. On the Prehistory of the Gelasian Theory]. *Vestnik drevnei istorii*, 80(4), 1103–1114. <https://doi.org/10.31857/S032103910010638-4>
- Gratsianskiy, M. V., & Norkin, K. V. (2020). Na sluzhbe imperii: papa Zosim i Rimskii sobor 417 goda [In the Service of the Empire: Pope Zosimus and the Roman Synod of 417]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriiya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 25(6), 6–23. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.1>
- Haller, J. (1950). *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit* (Vol. 1). Urach; Stuttgart: Port Verlag.

- Jones, A. H. M. (1949). The Roman Civil Service (Clerical and Sub-Clerical Grades). *Journal of Roman Studies*, 39/1–2, 38–55.
- Jones, A. H. M. (1964). *The Later Roman Empire 284–602* (Vol. 1). Oxford: Basil Blackwell.
- Litovchenko, E. V. (2019). K voprosu o pozdneantichnoi epistolografii: Pavlin Nolanskii i ego adresaty [Late Antique Epistolography Revisited: Paulinus of Nola and His Addressees]. *Vizantiiskii vremennik*, 103, 70–84.
- Lütkenhaus, W. (1998). *Constantius III: Studien zu seiner Tätigkeit und Stellung im Westreich 411–421*. Bonn: Dr Rudolf Habelt.
- O'Flynn, J. M. (1983). *Generalissimos of the Western Roman Empire*. Edmonton: The University of Alberta Press.
- Pietri, Ch. (1976). *Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. Rome: École française de Rome.
- Pietri, Ch. (1989). Régions ecclésiastiques et paroisses romaines. In *Actes du XIe congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève, Aoste, 21–28 septembre 1986* (pp. 1035–1062). Rome: École Française de Rome.
- Pietri, L., Duval, Y., & Pietri, Ch. (1992). Peuple chrétien ou plebs: le rôle des laïcs dans les élections ecclésiastiques en Occident. In *Institutions, société et vie politique dans l'Empire romain au IVe siècle ap. J.-C. Actes de la table ronde autour de l'oeuvre d'André Chastagnol (Paris, 20–21 janvier 1989)* (pp. 373–395). Rome: École Française de Rome.
- Purcell, N. (1983). The Apparitores: A Study in Social Mobility. *Papers of the British School at Rome*, 51, 125–173.
- Reynolds, J. (2011). *Defending Rome: The Masters of the Soldiers*. Sydney: Xlibris.
- Salisbury, J. E. (2015). *Rome's Christian Empress. Galla Placidia Rules at the Twilight of the Empire*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Salzman, M. R. (2019). Contestations between Elites: Italo-Roman Senatorial Aristocrats and the Senate in the Collectio Avellana. In R. Lizzi Testa, & G. Marconi (Eds.), *The Collectio Avellana and Its Revivals* (pp. 140–148). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Silverio, E. (2012). I 'contubernali' agli ordini del praefectus Urbi A. Anicio Simmaco nei disordini del 418–419 d.C. *Bollettino della unione storia ed arte*, 7, 17–30.
- Sinnigen, W. G. (1959). The Vicarius Urbis Romae and the Urban Prefecture. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 8/1, 97–112.
- Sivan, H. (2011). *Galla Placidia. The Last Roman Empress*. Oxford: Oxford University Press.
- Stein, E. (1959). *Histoire du Bas-Empire* (Vol. 1). Paris; Brussels; Amsterdam: Desclée de Brouwer.
- Trout, D. E. (1999). *Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems*. Berkeley: University of California Press.
- Trout, D. (2020). Peter beyond Rome: Achilles of Spoleto, Neon of Ravenna, and the Epigramma Longum. In Y. R. Kim, & A. E. T. McLaughlin (Ed.), *Leadership and Community in Late Antiquity: Essays in Honour of Raymond Van Dam* (pp. 141–164). Turnhout: Brepols Publishers.
- Turner, C. H. (1916). The Papal Chronology of the Third Century. *The Journal of Theological Studies*, 17/68, 338–353.
- Ullmann, W. (1981). *Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter*. Stuttgart: Anton Hiersemann.
- Wirbelauer, E. (1994). Die Nachfolgerbestimmung im römischen Bistum (3.–6. Jh.). Doppelwahlen und Absetzungen in ihrer herrschafts-soziologischen Bedeutung. *Klio*, 76, 388–437.
- Wirbelauer, E. (2011). Bischofswahlen in Rom (3.–6. Jh.): Bedingungen – Akteure – Verfahren. In J. Leemans, P. van Nuffelen, Sh. W. J. Keough, & C. Nicolaye (Eds.), *Episcopal Elections in Late Antiquity* (pp. 293–304). Göttingen: De Gruyter.
- Wojtowysch, M. (1981). *Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile*. Stuttgart: Anton Hiersemann.

Грацианский Михаил Вячеславович

кандидат исторических наук, PhD
ведущий научный сотрудник
Лаборатории исследования церковных
институций
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
127051 Москва, Лихов пер., 6/1, комн. 418
E-mail: gratsianskiy@mail.ru

Gratsianskiy, Mikhail Viacheslavovich

PhD (History), Leading Researcher
Ecclesiastical Institutions Research
Laboratory
St. Tikhon's Orthodox University
for the Humanities
6/1, Likhov Ln., 127051 Moscow, Russia
Email: gratsianskiy@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6981-3216>
ResearcherID: W-8402-2018

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.023

УДК 929.71(43) + 94(4)“1280/1370” +
+ 94(36)“1280/1370” + 325.11 + 347.236.1**С. А. Денисов***Институт археологии РАН*
Москва, Россия

МИГРАЦИЯ МЕСТНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ В ГОСУДАРСТВЕ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В 1280–1370-е гг.

Статья посвящена инкорпорированию пруссов, судовов и скаловов, переселившихся на чужие для них территории, в социальную систему государства Тевтонского ордена в 1280–1370-е гг. Главные аспекты этой проблемы — имущественное положение и обязанности переселенцев — рассмотрены на основе сведений, содержащихся в 41 акте, выданном мигрантам Орденом и церковью, а также в хрониках Петра из Дусбурга и Каспара Шютца. Изучение данных сведений с помощью про-сопографического и сравнительно-исторического методов позволило определить основные направления миграции, численность переселенцев, размеры и состав их имущества, а также обязанности, выполняемые по отношению к Ордену и церкви. Основными областями для переселения стали Самбия и Помезания, где обосновались 5 144 из 5 166 мигрантов. Выбор этих земель был связан с нехваткой местных земледельцев, которая возникла вследствие разорения, совершенного в ходе борьбы пруссов, скаловов и судовов с экспансией Ордена в 1260–1280-е гг. Другой причиной стало географическое расположение Самбии и Помезании, находившихся вдали от родины переселенцев и Великого Литовского княжества. С одной стороны, это предотвращало возможный союз мигрантов с литовскими правителями, а с другой стороны — укрепляло их связь с Орденом, гарантировавшим положение в новых социумах. Инкорпорирование мигрантов происходило через пожалование лена или должности локатора, что подразумевало наделение их правами и обязанностями, аналогичными тем, которыми обладали местные жители. Переселенцы несли военную службу, выплачивали налоги, обладали юрисдикцией над своими крестьянами, включали в свою собственность выморочные земли, получали разрешение ловить рыбу в близлежащих водных угодьях и т. д. Данные особенности, свидетельствующие об успешном инкорпорировании мигрантов в новую социальную систему, способствовали дальнейшему развитию государства Тевтонского ордена.

К л ю ч е в ы е с л о в а: миграция; Тевтонский орден; пруссы; ленное землевладение; локатор; военная служба; налог

Ц и т и р о в а н и е: Денисов С. А. Миграция местных землевладельцев в государстве Тевтонского ордена в 1280–1370-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 27–44. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.023>

Поступила в редакцию: 27.05.2020

Принята к печати: 15.04.2021

Sergey A. Denisov

*Institute of Archaeology of the RAS
Moscow, Russia***MIGRATION OF LOCAL LANDHOLDERS
IN THE STATE OF THE TEUTONIC ORDER
BETWEEN THE 1280s AND 1370s**

This article considers the incorporation of Prussians, Sudovians, and Scalovians who migrated to territories which were not theirs originally, into the social system of the State of the Teutonic Order between the 1280s and 1370s. The author examines the main aspects of this issue, i.e. property status and duties of migrants, with reference to data from 41 acts granted to them by the Order and the church, and the Chronicles written by Peter of Dusburg and Caspar Shuetz. The study of these data with the help of the prosopographical and historical and comparative methods makes it possible to determine the main directions of migration, number of migrants, size, and composition of their property and duties performed in relation to the Order and the church. The main regions for migration were Sambia and Pomesania, receiving 5 144 out of 5 166 persons. The choice of the regions was caused by the lack of local farmers that was the result of the devastation committed during the struggle of Prussians, Scalovians, and Sudovians with the expansion of the Order between 1260s and 1280s. Another reason was the remoteness of Sambia and Pomesania from the migrants' native lands and the Grand Duchy of Lithuania. On the one hand, it prevented possible union between the settlers and the Lithuanian rulers and, on the other hand, fostered communication between the migrants and the Order which guaranteed the former status in the new community. The incorporation of Prussians, Scalovians, and Sudovians was carried out by granting them fief or locator's office and implied the definition of their rights and duties similar to those enjoyed by the local inhabitants. The migrants served in the military, paid taxes, had jurisdiction over their peasants, added unclaimed lands to their property, received permission to fish in the nearby waters, etc. These features testify to the successful incorporation of migrants into the new social system that contributed to a further development of the State of the Teutonic Order.

Key words: migration; Teutonic Order; Prussians; liege landholding; locator; military service; tax

For citation: Denisov, S. A. (2021). Migratsiia mestnykh zemlevladel'tsev v gosudarstve Teytonskogo ordena v 1280–1370-e gg. [Migration of Local Landholders in the State of the Teutonic Order between the 1280s and 1370s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 27–44. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.023>

*Submitted: 27.05.2020**Accepted: 15.04.2021*

В истории Юго-Восточной Прибалтики период второй половины XIII–XIV вв. являлся временем активной миграции местного населения, которая была обусловлена Великим восстанием пруссов, судовов и скаловов против

Тевтонского ордена в 1242–1283 гг. Ко времени появления братьев Ордена в регионе в 1231 г. общая численность указанных народов составляла около 200 тыс. чел. [Трокаль, с. 160–161], из которых в миграции участвовали около 15 тыс. персон. Речь идет о самостоятельном переселении пруссов, судовов и скаловов, вынужденных из-за постоянной военной угрозы искать новые безопасные места для жизни, и об их принудительном перемещении братьями Ордена в другие земли. Данный процесс, подразумевавший отрыв от социума и изменение сложившегося общественного устройства, ставит вопрос об инкорпорировании мигрантов в новую для них среду. Ключевым аспектом этой проблемы являются имущественное положение и обязанности переселенцев, устанавливаемые Орденом и церковью.

Данные аспекты рассматривались в историографии в контексте проблемы миграционных потоков среди этнотерриториальных общностей или статусов их представителей. Основным выводом стало утверждение о включении переселенцев в социальную систему государства Тевтонского ордена в качестве ленников и локаторов, обязанных за полученный надел нести военную службу и платить налоги [Ewald, S. 262–263; Пашуто, с. 79; Wenskus, S. 421; Górski, s. 50; Białyński, 2008, s. 55; 2010, s. 108–111; Новиков, 2009a; Szczepański, s. 143; Dobrosielska]. Однако при этом процессы, происходившие среди них и свидетельствующие об успешности инкорпорирования, рассмотрены не были.

Хронологическими рамками исследования являются 1280–1370-е гг. — от первого переселения пруссов, судовов и скаловов, находившихся под властью Ордена, до оформления социальной системы нового государства [Biskup, Labuda, s. 288–290].

Основным источником для изучения положения, занимаемого переселенцами, являются акты, к которым относится 41 документ, фиксирующий получение пруссом, судовом или скаловом земельного надела и определявший обязанности за него. Формуляр этих документов состоит из обозначений дарителя и адресата, публичного объявления, изложения обстоятельств дела (размера, расположения участка и обязанностей владельца), запрета на отторжение надела и ущерб здоровью собственника, указаний на дату и свидетелей, а также сигнатуры¹. Сведения актов дополняются сообщениями, которые содержатся в хрониках Петра из Дусбурга, завершенной в 1326 г., и Каспара Шютца, законченной в 1592 г. В источниках говорится о направлениях миграции, этнотерриториальной принадлежности переселенцев и выполняемых ими обязанностях.

Выделение переселенцев в актах и хрониках возможно благодаря прямым указаниям на миграцию или на происхождение персоны из той или иной области (Бартии, Самбии, Скаловии и др.).

Для изучения указанных сведений в нашей работе использованы просопографический и сравнительно-исторический методы, подразумевающие соответственно исследование указанной группы на основе статусов ее представителей

¹ Подробную характеристику данных грамот см. в: [Рогачевский, с. 76–78].

и сопоставление полученной характеристики с положением, занимаемым местными землевладельцами.

Прусы, скаловы и судовы, несмотря на их объединение в хронике Петра из Дусбурга в один народ, представляли собой различные этнотерриториальные общности [Седов, с. 409–419; Кулаков, с. 28–46]. Среди пруссов выделялось 9 подгрупп: самбы, вармы, наттанги, барты, помезане, погезане, сассины, галинды и надровы.

Миграцию представителей перечисленных общностей можно разделить на внешнюю и внутреннюю. К первой относилось переселение в Древнерусское государство, Польское королевство и Великое Литовское княжество, а ко второй — перемещение между отдельными землями, подвластными Ордену. Для решения поставленной проблемы обратимся к изучению миграций, относящихся ко второму виду. Для этого рассмотрим отдельно каждую этнотерриториальную общность и (в случае с пруссами) составляющие ее подгруппы.

Судовы

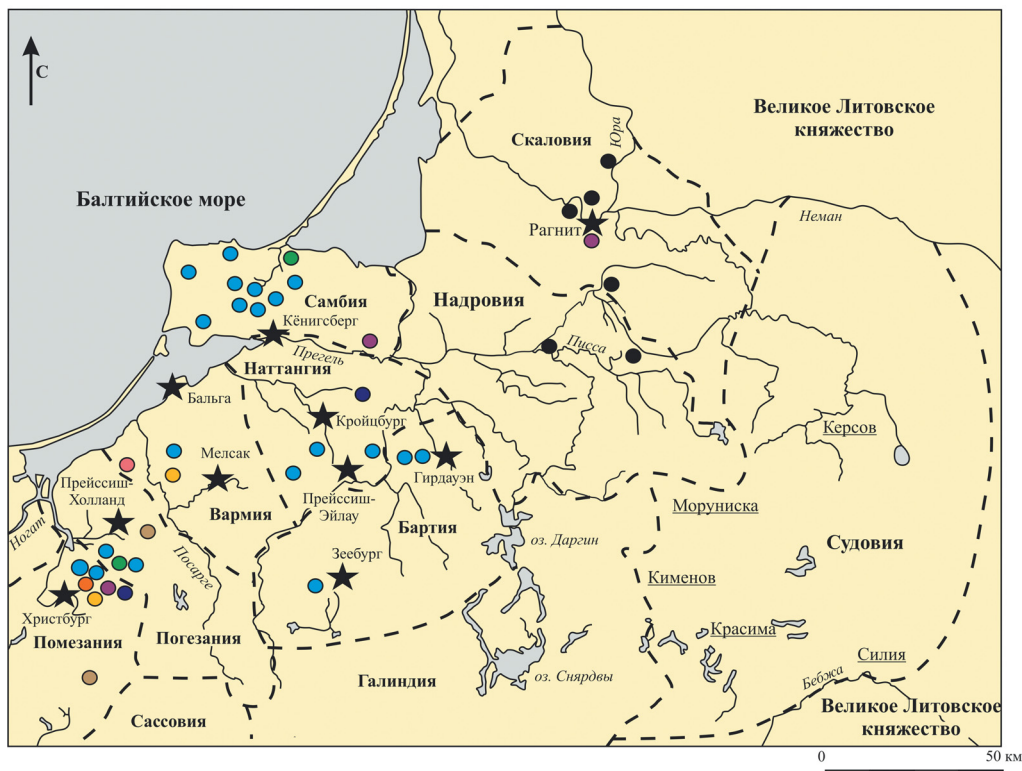
Из рассматриваемых общностей наиболее длительное сопротивление орденской экспансии оказали судовы, чьи земли, входившие в состав Великой пуци, граничили на западе с Галиндией, а на востоке — с Великим Литовским княжеством (см. рисунок). Природные условия и соседство с литовскими правителями позволили судовам длительное время сохранять независимость и совершать набеги на прусские земли [Dubonis, p. 32; Новиков, 2009б, с. 142–143]. Однако в ходе кампаний 1279–1283 гг. Орден одержал ряд побед над местными вождями и заставил судовов переселиться в Пруссию или Великое Литовское княжество [Petri de Dusburg, S. 138, № 194; S. 139, № 197; S. 140, № 202; S. 141–142, № 207; S. 142, № 209; S. 143, № 211; S. 145–146, № 219, etc.]. Длительные войны и последовавшее затем переселение привело к опустошению области, которое сохранялось к 1326 г. [Ibid., S. 145–146, № 219]. Орден и церковь не предпринимали попыток к новому заселению Судовии, рассматривая ее как буферную зону между своими владениями и Великим Литовским княжеством [Новиков, 2009б, с. 147, 149].

Рассмотрим далее, каким было положение тех судовов, которые мигрировали в прусские земли. К ним относятся 3 134 персоны, владения которых распределены в Помезании, Погезании, Самбии, Бартии, Вармии и Наттангии (см. рисунок).

В Помезании и Погезании поселились следующие персоны:

1. Кантегерд. Вождь из волости Силия. Перешел на сторону Ордена вместе с сыновьями² и 1 600 судовами [Petri de Dusburg, S. 145, № 217]. Ландмейстер Конрад фон Тирберг (1283–1288) пожаловал им 1 августа 1285 г. часть поля

² При расчете количества переселенцев, упоминающихся в актах, сведения о мигрантах во множественном числе рассматриваются как имеющие минимальное числовое значение — 2 персоны.

Распределение мигрантов из различных племен в прусских землях:

- — судовы, ● — надровы, ● — скаловы, ● — барты, ● — погезанин, ● — вармы, ● — самбы, ● — помезане и сассин, ● — надровские и скаловские крепости, разрушенные Орденом в 1274–1280 гг., ★ — опорные пункты Ордена, Кименов — волости Судовии

Migrants in Prussian lands per tribe:

- — Sudovians, ● — Nadruvians, ● — Scalovians, ● — Bartians, ● — Pogesianian, ● — Warmians, ● — Sambians, ● — Pomesanians and Sassen, ● — Nadruvian and Scalovian fortresses destroyed by the Order between 1274 and 1280, ★ — fortified places of the Order, Kimenov of Sudovia Volost

Повунден в районе Христбурга в Помезании³. За это Кантегерд и его сыновья были обязаны нести военную службу со своими людьми, а также возводить и ремонтировать укрепления. В акте отдельно отмечалось, что ленники имели

³ Локализация владений Кантегерда и его сыновей вызвала в историографии продолжительное обсуждение. Одни исследователи полагали, что это владение находилось в районе Христбурга в Помезании [Voigt, S. 397, Anm. 2; Ewald, S. 262; Трокаль, с. 133], в то время как другие [Heinel, S. 47; Новиков, 2009а, с. 22; Dobrosielska, s. 120] считали, что судовы получили земли в Самбии. Трудность локализации обусловлена наличием в обеих землях топонима Повунден, с которым связывали владение. В свою очередь, хотелось бы отметить, что упоминание в акте в качестве свидетелей комтуров Христбурга и Эльбинга (Помезания), а в качестве места выдачи — Прейссиш-Холланда (Погезания) подтверждает первую точку зрения.

право поселить на своих землях новых крестьян при условии выплаты теми десятины и выполнения обязательных работ (шарверка). Также специально оговаривалось, что крестьянские участки, оставшиеся без наследных владельцев, должны перейти в собственность Кантегерда и его сыновей [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 1, Hft. 2, S. 302, № 472]. Аналогичным образом получили вторую часть поля Повунден судов Звинниен и его братья [Ibid., S. 302, № 472].

2. Мунтигин, Толейке, Схаре и Продвеле. Стали владельцами поля Димстейнис, расположенного в районе Христбурга, при обстоятельствах и на условиях, схожих с описанными выше. Единственным отличием стало отсутствие у судовов права на выморочные земли [Ibid., S. 301–302, № 471].

3. Абданге, Зохе, Мелинс, Молодинс, Диркоте, которые получили 1 октября 1312 г. от великого магистра Карла фон Трира (1311–1324) поля Марвиц, Утекин, Вадекин, Смансвельде в районе Прейссиш-Холланд в Погезании на условиях, повторяющих в целом те, что были сформулированы в пожаловании Кантегерду. Отличием стало исключение из состава участка владений, принадлежавших пруссам Кипенсу, Крауполу и Танеху [Ibid., Bd. 2, Lief. 1–3, S. 53–54, № 85].

4. Повиле. Получил 8 сентября 1317 г. от ландмейстера Фридриха фон Вильденберга (1317–1324) 3 гуффена и 10 югеров в поле Вагеник в округе Прейссиш-Холланда, за которые обязался сражаться против врагов Ордена на коне и с оружием по обычаю, а также платить по шеффелю пшеницы и ржи. Штраф (вергельд) за ущерб, причиненный его здоровью, составил 30 марок [Ibid., S. 131–132, № 193].

5. Ионус. Верховный трапир и комтур Христбурга Конрад фон Бруинингсхейм (1347–1353) пожаловал ему 20–27 мая 1347 г. 4 гуффена в поле Лаубниц в районе Христбурга. Ленник получал в свое распоряжение штрафы за незначительные преступления (право малого суда) и треть штрафов за крупные нарушения (право большого суда). За это Ионус обязался нести службу на коне и с оружием, предписанным обычаем, а также возводить и ремонтировать укрепления [Ibid., Bd. 4, S. 168–169, № 191].

Предоставление ленникам в 1285–1312 гг. прав поселить дополнительное число земледельцев и включить выморочные земли в свои наделы говорит о вероятной нехватке крестьян в местностях, выделенных им Орденом для поселения, что было обусловлено разорением округ Христбурга, Эльбинга и Прейссиш-Холланда в период борьбы братьев с пруссами и судовами в 1260–1280-е гг. [Petri de Dusburg, S. 121–122, № 144, 145; S. 129, № 169; S. 136–137, № 190–192].

Не менее многочисленной была группа судовов, представители которой поселились в Самбии, также подвергшейся сильному разорению в 1260–1280-е гг. [Ibid., S. 107–108, № 107, 108; S. 134, № 184; S. 140–141, № 204]. К ним относятся:

1. Йедет. Вождь из волости Кименов. Перешел на сторону Ордена в 1283 г. вместе с 1 500 судовов [Ibid., S. 145–146, № 219]. В 1288–1289 гг. ландмейстер Мейнхард фон Кверфурт (1288–1299) пожаловал ему 3 гакена в поле Шлаклак-укен к северу от Кёнигсберга [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 1, Hft. 2, S. 440, № 704; Bd. 2, Lief. 1–3, S. 94–95, № 142]. Его сын Лупрехт стал 27 декабря 1315 г.

владельцем 3 гаконов в поле Метткайм, а также обменял доставшийся ему от отца участок на надел размером 3 гакона в поле Медникен. Право на оба владения, также расположенные к северу от Кёнигсберга, были зафиксированы в акте, пожалованном ему великим магистром Карлом фон Триром. За полученные участки судов обязался служить Ордену на коне и с прусским оружием, а также возводить и ремонтировать укрепления. В документе отдельно отмечено, что Лупрехт обладал полной юрисдикцией над своими крестьянами, а также имел право на компенсацию в случае ущерба здоровью по праву витингов [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 2, S. 94–95, № 142]. Позднее владения Лупрехта увеличились. Великий магистр Винрих фон Книпроде (1351–1382) пожаловал ему 24 октября 1352 г. 70 гуффенов в поле Ассуне и участок в поле Колдитен в районе Гердауэна. За полученное владение он обязался служить Ордену с оружием по обычаю и своими людьми, а также строить и ремонтировать укрепления. Ленник получал право большого и малого суда, за исключением суда дороги. В случае отсутствия прямых наследников имущество передавалось по мужской линии вплоть до 4 степени родства. Лупрехт имел право рыбной ловли в близлежащих водных угодьях. Вергельд за ущерб его здоровью составил 60 марок [Ibid., S. 50–51, № 90].

2. Прейсинге. Получил 28 февраля 1295 г. от ландмейстера Мейнхарда фон Кверфурта 2 гакона в поле Статау к северу от Кёнигсберга в обмен на несение военной службы на коне, с прусским оружием и строительство укреплений [Ibid., Bd. 1, Hft. 2, S. 402–403, № 631].

3. Катце. Ландмейстер Конрад Зак (1302–1306) пожаловал ему 31 декабря 1302 г. 2 гакона у деревни Судове к северо-востоку от Кёнигсберга, за которые ленник обязался нести военную службу с прусским оружием, возводить и ремонтировать укрепления. В случае нехватки земли он мог восполнить ее за счет расположенного рядом леса [Ibid., S. 486, № 782].

4. Конрад Судов. Стал локатором деревни, получив 8 октября 1326 г. от Самбийского епископа Иоганна Кларе (1315–1344) 30 гуффенов в священной роще в районе Фишхаузена. Из данного участка к личному владению Конрада относились 3 гуффена, он также мог распоряжаться третью судебных штрафов. За это локатор был обязан ежегодно выплачивать епископу 0,5 марки, 2 курицы и меру жира [Urkundenbuch des Bisthums Samland, Hft. 2, S. 164, № 245]. Вероятно, освоение участка оказалось безуспешным, так как в 1352 г. эти земли были переданы Генриху фон Блуменау [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 5, Lief. 1–3, S. 33–34, № 61].

5. Петр Судов. Великий магистр Дитрих фон Альтенбург (1335–1341) пожаловал ему 17 мая 1338 г. 5 гуффенов в поле Квандигитен, расположенном к северу от Кёнигсберга, с полной юрисдикцией над крестьянами. За полученное владение Петр обязался защищать орденские земли на коне и с оружием, предписанным обычаем, а также возводить новые и ремонтировать ветхие укрепления. В документе отдельно оговаривалось, что ленник владел участком по тому же праву, каким пользовались его предки (*sua progenitores*) [Ibid., Bd. 3, Lief. 1, S. 117–118, № 162].

Помимо перечисленных персон, к судовам, жившим в Самбии, относились также землевладельцы, чьи участки упомянуты в акте 21 марта 1355 г. как соседние с владением прусса Вернко и его братьев. Данные наделы располагались в северо-западной части Самбии в районе кирхи Хайлигенкройц [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 5, Lief. 1–3, S. 175, № 314].

В Наттангии и Бартии судовы были представлены следующими лицами:

1. Скоманд. Вождь из волости Красима. Перешел на сторону Ордена в 1283 г. вместе с родственниками и челядью [Petri de Dusburg, S. 143, № 211]. Ландмейстер Конрад фон Тирберг пожаловал ему и его сыновьям, Галму, Гедете и Рукалсу, 18 апреля 1285 г. деревню Стейнию, луг Пенковео и поле Лабалаукс в районе Прейссиш-Эйлау в Наттангии. Получив владения, нобиль и его сыновья обязались нести службу Ордену с оружием по обычаю и своими крестьянами, а также возводить и ремонтировать укрепления. Ленники получали право малого суда и треть большого суда. В акте отдельно указывалось, что в случае заселения участков новыми крестьянами они обладали статусом, равным положению местных земледельцев [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 1, Hft. 2, S. 297–298, № 464]. Позднее Галм получил личное владение. Дитрих фон Альтенбург пожаловал ему 13 апреля 1339 г. 5 гуффенов в поле Костен в районе Прейссиш-Эйлау. Получив участок, ленник обязался нести службу на коне и с оружием по обычаю, а также строить и восстанавливать укрепления [Ibid., Bd. 3, Lief. 1, S. 182–183, № 254].

2. Дитрих Скоманд, сын Галма. Владел обширными по размеру участками в Бартии. Он получил 21 мая 1366 г. от великого магистра Винриха фон Книпроде 50 гуффенов у деревни Барскелаукен в районе Шиппенбайля по кульмскому праву, за которые обязался нести службу Ордену на коне, с оружием по обычаю, возводить и ремонтировать укрепления, а также ежегодно выплачивать по шеффелю пшеницы и зерна за каждый плуг, шеффель пшеницы за каждый гакен, фунт воска и кёльнский денарий [Ibid., Bd. 6, Lief. 1, S. 258, № 453]. В 1376 г. Дитрих вместе с Генрихом Траупе самостоятельно пожаловали владения в районе Гердауэна ленникам Тунгебуту и Скварбе [GStA PK, XX HA, OF № 105], а также локатору Генриху Ашинбунеру [Ibid., OF, GÄ, OF № 105].

3. Конрад Судов. Получил 13 апреля 1345 г. от Бруно фон Лутира, фогта Вармийского епископа, 33 гуффена в районе Зеебурга в Бартии для основания деревни Галис. Из данного владения к личной собственности Конрада относились 3 гуффена за должность локатора и 6 гуффенов, за которые он был обязан нести военную службу на коне и с воином, вооруженным по обычаю, возводить и ремонтировать крепости, а также ежегодно платить шеффель ржи, фунт воска и 6 кульмских денариев. От перечисленных обязанностей локатор освобождался на 11 лет. В личном владении, предусмотренном должностью локатора, Конрад имел право малого и треть большого суда. Ему также разрешалась рыбная ловля в близлежащих водных угодьях [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 3, Lief. 2, S. 604–605, № 716].

В Вармии известны два судова: вождь Руссиген, который переселился в 1280 г. вместе с родственниками и челядью в комтурство Бальги [Petri

de Dusburg, S. 141–142, № 207] и Конрад Судов, получивший до 15 октября 1317 г. 12 гуффенов в деревне Хохендорф в районе Мелсака от капитула Вармийской епископии [Codex Diplomaticus Warmiensis, Bd. 1, p. 314–315, № 182]. В обоих случаях об обязанностях судовов по отношению к Ордену и церкви не сообщается.

Скаловы

В 1280 г. скаловские нобили Сурбанч, Свисдета и Сурдета после длительного противостояния Ордену перешли на его сторону вместе с родственниками и челядью [Petri de Dusburg, S. 133–134, № 182, 183; S. 134–135, № 185–188], а вслед за ними — остальное автохтонное население, после чего область опустела на длительное время [Ibid., S. 135, № 188]. Тем не менее, уже через 40 лет Орден приступил к ее повторному освоению, о чем говорит пожалование наделов местным ленникам, начиная с 1312 г. [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 2, Lief. 1–3, S. 35, № 58; S. 428, № 641; S. 535, № 799, etc.].

Демографическая ситуация в Скаловии, сложившаяся в конце XIII в., была схожа с положением дел в Судовии: в обоих случаях речь шла о запустении земель после их разорения Орденom и миграции населения. Это обстоятельство позволяет сравнить численность скаловов и судовов с тем, чтобы выяснить количество переселенцев, принадлежавших к первой общности.

О численности скаловов косвенно говорят сообщения об их войске, содержащиеся в хрониках XIV–XVI вв. В труде Петра из Дусбурга сообщается о том, что они имели около 2 тыс. конных воинов и множество пеших ратников [Petri de Dusburg, S. 51–52, № 3]. Согласно Старшей хронике Великих магистров, составленной в середине XV в., после взятия Рагнита, одного из четырех крупных скаловских замков, братья Ордена убили 1 100 мужчин, защищавших его [Die ältere Hochmeisterchronik, S. 576, № 95]. В труде Симона Грунау, завершенном в 1526 г., сообщается, что, объединив ополчение, скаловы могли собрать 3 тыс. воинов [Simon Grunau's Preussische Chronik, S. 264]. Таким образом, численность скаловского войска можно определить как 2–3 тыс. воинов, конных и пеших, что было в три раза меньше, чем у судовов, как следует из упомянутого выше сообщения Петра из Дусбурга. Такое соотношение свидетельствует о меньшей (в три раза) численности населения Скаловии по сравнению с Судовией. Это предположение подтверждается тем, что скаловы занимали меньшую территорию. Расположение замков, являвшихся центрами округ, в районе рек Прегель, Неман и Юра (см. рисунок) говорит о том, что размер их родной области был равен $\frac{1}{3}$ Судовии. Представленные сведения позволяют предположить, что после гибели, пленения и миграции в Великое Литовское княжество оставшееся число скаловов, перебравшихся в государство Тевтонского ордена, было также в три раза меньше, чем количество переселенцев из Судовии, т. е. около 1 тыс. чел.

Согласно хронике Каспара Шютца, основная часть скаловов была поселена братьями Ордена в Самбии [Schütz, p. 47], что оказалось возможным благодаря

развитой, преимущественно водной, коммуникации между двумя областями [Petri de Dusburg, S. 133, № 182; S. 134, № 184; S. 135, № 187].

В актах упоминаются четыре землевладельца, относящиеся к рассматриваемой общности:

1. Гирдоле и два его брата, которые получили в 1287 г. 10 крестьянских семей и поле Протове в Помезании от ландмейстера Конрада фон Тирберга. За это они обязались нести службу Ордену с оружием, предписанным обычаем, строить и восстанавливать укрепления, а также ежегодно платить шеффель пшеницы или ржи за каждый гакен. В акте подчеркивалось, что если братья пожелают разделить имущество, то 4 семьи должно перейти Гирдоле, а 6 — его братьям [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 1, Hft. 2, S. 327, № 520];

2. Сандер. Великий магистр Генрих Дуземер (1345–1351) пожаловал ему 11 декабря 1347 г. 5 гаконов в поле Гиркелаукен в Самбии, за что скалов обязался служить Ордену на коне и с оружием по обычаю, а также строить и ремонтировать крепости [Ibid., Bd. 4, S. 238, № 267].

Пруссy

Переселение затронуло представителей семи из девяти подгрупп, составлявших данную общность. Рассмотрим далее положение мигрантов отдельно для каждой подгруппы.

Надровы

Покорение Надровии заняло у братьев Ордена около трех лет. К 1280 г. на сторону Ордена перешла часть местного нобилитета [Petri de Dusburg, S. 131, № 175], а многие поселения были разрушены [Ibid., S. 131–132, № 176–179]. Потерпев поражение, надровы мигрировали в Великое Литовское княжество или, подчинившись Ордену, переселились в прусские области, после чего их родная земля опустела [Ibid., S. 132, № 179]. Период запустения длился здесь 64 года, после чего Орден приступил к новому заселению области: в 1340–1370-е гг. в Надровии получили земли 50 местных ленников [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 3, Lief. 1, S. 217–218, № 305, 306, 308; S. 267–268, № 386; S. 270, № 392, etc.].

Население Надровии насчитывало к 1274 г. около 9 800 человек [Новиков, 2014, с. 26] и концентрировалось в это время, судя по направлениям орденских походов, в междуречье Писсы и Прегеля (см. рисунок), занимая территорию, равную трети Судовии. В случае войны надровы могли выставить 2 тыс. конных воинов, что в три раза меньше аналогичного отряда, которые собирали судовы (6 тыс. чел.) [Petri de Dusburg, S. 51–52, № 3]. Исходя из этих соотношений, а также принимая во внимание общую численность надровов, можно предположить, что количество местных переселенцев было также в 2–3 раза меньше аналогичной группы судовов и составляло 1 000–1 500 чел. Вследствие приблизительности расчетов целесообразным представляется выбрать из этого диапазона минимальное значение — 1 тыс. чел.

Учитывая наличие водной коммуникации, наиболее вероятным местом расселения рассматриваемой группы является Самбия [Petri de Dusburg, S. 132, № 177].

В актах упомянуты два надрова, получившие владения от Ордена и церкви вне родной земли:

1. Норуне. Получил 3 апреля 1348 г. от великого магистра Генриха Дусемера 3 гуффена в поле Тумпитте в Погезании, обязуясь нести военную службу Ордену. В документе отдельно отмечено, что надел пожалован леннику вместо ранее принадлежавшего ему участка в поле Пруге в Надровии [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 4, S. 277–278, № 311].

2. Петр, сын Децелена. Самбийский епископ Иаков (1344–1357) пожаловал ему 6 апреля 1354 г. 2 гакена в поле у деревни Лабитен к северу от Кёнигсберга в качестве компенсации за 2 гакена в Надровии, которые были отданы деревне, основанной у замка Георгенбург. Получив участок, Петр обязался нести службу Ордену на коне, с оружием по обычаю, а также возводить и ремонтировать укрепления. Ему было разрешено пользоваться близлежащим лесом совместно с жителями соседней деревни [Ibid., Bd. 5, Lief. 1–3, S. 131, № 236].

Как видно, оба ленника получили участки в качестве компенсации за свои владения в Надровии, которые были забраны в собственность Ордена и церкви в период нового освоения области. Данная ситуация обусловлена небольшим числом местных земель, удобных для культивации. Основная часть Надровии, входившая в Великую пущу, была к данному времени покрыта лесами.

Барты

В хронике Петра из Дусбурга говорится о бартах, которые бежали от власти Ордена в Великое Литовское княжество и участвовали в 1284 г. в составе местного войска в набеge на Польское королевство. Однако на обратном пути это войско встретили бартийские нобили Нумо и Дерско, которые предложили переселенцам освободить захваченных пленников и вернуться к Ордену. После того, как барты, приняв предложение, перебили литовцев и вернули свободу пленникам, они вместе с нобилиями вернулись в орденские земли и были поселены в Погезании [Petri de Dusburg, S. 147–148, № 225].

В 1286 г. барты были привлечены к строительству замка Рагнит в Скаловии, который являлся укрепленным пунктом Ордена на границе с Великим Литовским княжеством [Ibid., S. 148–149, № 227]. Они же служили в качестве оруженосцев в составе гарнизона замка и участвовали в походах на замок Юнигеда в Жемайтии в 1292 и 1293 гг. [Ibid., S. 155, № 247; 157, № 252].

В актах зафиксировано положение десяти представителей рассматриваемой подгруппы:

1. Бутилабе и сыновья Мунтира. Получили 27 августа 1289 г. два поля в Самбии от ландмейстера Мейнхарда фон Кверфурта. При этом Бутилабе принадлежали две трети земель, а сыновьям Мунтира — одна треть. За полученные

наделы они были обязаны участвовать в кампаниях Ордена и защищать его территорию с оружием, предписанным обычаем, а также возводить и ремонтировать укрепления [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 1, Hft. 2, S. 340–341, № 541].

2. Суде, Самое, Манит, Миркоте, Салейде, Гедуте и Сусте. Ландмейстер Зигфрид фон Шварцбург (1306) пожаловал им 28 июля 1306 г. часть поля Дирговите в Помезании. За это барты обязались нести службу с оружием по обычаю, возводить и ремонтировать крепости, а также ежегодно выплачивать шеффель ржи за каждый гакен [Ibid., S. 548, № 872].

Погезане

Представители этой подгруппы были привлечены вместе с бартами к строительству замка Рагнит и принимали участие в походах в 1292 и 1293 гг.

В актах зафиксирован один погезанин, участвовавший в переселении — Герман фон Блудау, который получил 25 мая 1310 г. 64 гуффена в поле Клопотитен и луг Пуринге в Вармии от местного епископа Эберхарда (1301–1326) для основания поселения по кульмскому праву. Согласно акту, он мог построить на полученных землях таверну и мельницу. За это Герман обязался служить епископу с легким вооружением и в сопровождении двух воинов, а также выплачивать ежегодно по шеффелю пшеницы и ржи с каждого плуга, 2 фунта воска, 2 кёльнских или 12 кульмских денариев. Помимо этого, локатор был обязан построить приходскую церковь и ежегодно выплачивать для ее содержания по шеффелю пшеницы и овса. Отдельно в документе оговаривалось, что Герман освобожден от выплаты налогов на 10 лет [Codex Diplomaticus Warmiensis, Bd. 1, p. 264–266, № 153].

Вармы

Данная подгруппа представлена шестью персонами:

1. Трумпис, Никтов, Прислампис, Гланде и Вайстулс. Получили 20 мая 1349 г. от великого магистра Генриха Дуземера 4 гуффена в поле Сорокопурн в районе Христбурга в Помезании, обязуясь сражаться с противниками Ордена, а также возводить и восстанавливать укрепления. Переселение было совершено, так как ленники в прежнем месте заняли не принадлежавший им участок [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 4, S. 371–372, № 410]. В дальнейшем они соблюдали законы Ордена, о чем говорит пожалование им двух дополнительных наделов великим магистром Винрихом фон Книпроде. Первый участок, размером 1 гуффен и 9 югеров был выделен вармам 18 января 1358 г. за обязанности, схожие с теми, что выполнялись ими за прежнее владение. Единственным отличием являлось указание на то, что вармы были обязаны участвовать в орденских кампаниях на конях [Ibid., Bd. 5, Lief. 1–3, S. 228, № 404]. За второй участок размером 2,5 гуффена, пожалованный им 24 марта 1360 г., ленники обязались дополнительно к службе выплачивать ежегодно по шеффелю пшеницы и ржи с каждого плуга, а также шеффель ржи за каждый гакен [Ibid., S. 486, № 860].

2. Томас фон Покарбин. Винрих фон Книпроде пожаловал ему 24 октября 1358 г. 18 гуффенов в поле Фришинг в районе Кройцбурга в Наттангии по магдебургскому праву. За это варм обязался после истечения 6-летнего срока нести военную службу на коне, с оружием по обычаю, возводить и ремонтировать крепости, а также платить фунт воска, кёльнский или 6 кульмских денариев [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 5, Lief. 1–3, S. 387–388, № 683].

Самбы

В актах зафиксировано положение четырех представителей данной подгруппы:

1. Кольтенин, получивший вместе с братьями 13 февраля 1285 г. от ландмейстера Конрада фон Тирберга часть поля Липпиц в районе Морунгена в Помезании. За полученный участок ленник обязался нести военную службу Ордену, возводить и ремонтировать укрепления, а также ежегодно выплачивать по шеффелю пшеницы и ржи с каждого плуга и шеффель ржи за каждый гакен. Ему предоставлялись малый суд и треть большого суда [Ibid., Bd. 1, Hft. 2, S. 286–287, № 455].

2. Антик. Получил 5 ноября 1305 г. от Вармийского капитула 13 гуффенов в поле Висеейке в районе Браунсберга в Вармии по кульмскому праву. За это он был обязан нести военную службу на коне и в сопровождении воина, вооруженного по обычаю, а также выплачивать ежегодно по шеффелю пшеницы и ржи с каждого плуга, шеффель ржи за каждый гакен, фунт воска, кёльнский или 6 кульмских денариев [Codex Diplomaticus Warmiensis, Bd. 1, p. 235–236, № 135].

Помезане и сассины

Представители этих подгрупп соседствовали друг с другом и почти не участвовали в миграции, поэтому рассмотрим их вместе:

1. Милгеде и Сионс, помезане, упоминаются в акте 18 июля 1350 г., изданном комтуром Эльбинга Ортольфом фон Триром (1349–1353), как обладатели 2 гакенов в поле Понариен в районе Морунгена, которыми они владели вместе с местными ленниками Висамиром и Гинтисом [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 4, S. 538–539, № 597].

2. Пеце, сассин. Получил 7 апреля 1350 г. от комтура Остероде Гюнтера фон Гогенштейна (1349–1370) 9 гуффенов в поле Водоните в районе Розенберга в Помезании в обмен на надел в поле Иггелауке в Сассовии. Ленник обладал правом малого суда и половиной большого суда, мог заниматься рыбной ловлей и включать в свою собственность выморочные земли крестьян. За новый участок он был обязан нести военную службу на коне и с оружием по обычаю, строить и восстанавливать укрепления, а также ежегодно платить шеффель ржи с каждого плуга и шеффель пшеницы за каждый гакен [Ibid., S. 503–504, № 553].

Рассмотренные сведения источников позволяют сделать выводы о географическом распределении переселенцев, а также об их социальном составе и выполняемых функциях. Как видно из табл. 1, основные миграционные потоки были направлены в Самбию и Помезанию (3 514 и 1 630 чел. соответственно). В остальных областях число мигрантов было меньшим (1–11 чел.).

Таблица 1

Численность мигрантов в прусских землях

Общности / подгруппы	Помезания	Самбия	Скаловия	Погезания	Наттангия	Бартия	Вармия
Барты	7	3	N	2, N			
Погезане			N				1
Надровы		1 001		1			
Скаловы	3	1 001					
Судовы	1 611	1 509		6	5	2	1
Вармы	5				1		
Самбы	3						1
Помезане и сассины	1			2			

Такая диспропорция обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, Самбия и Помезания представляли собой хорошо освоенные области, в которых после войн с пруссами, скаловами, судовами и литовцами не хватало землевладельцев для использования местного фонда. Во-вторых, эти земли были достаточно удалены от Великого Литовского княжества, что уменьшало вероятность союза между переселенцами и его правителями. В-третьих, перемещение в менее близкие по культуре области укрепляло отношения между мигрантами и Орденом, власть которого гарантировала переселенцам неприкосновенность их имущества и личную безопасность. Последнее обстоятельство актуализировало значение способов, при помощи которых переселенцы были инкорпорированы в социальную систему государства Тевтонского ордена. Как видно из табл. 2, они были включены в систему местного условного землевладения на положении ленников и локаторов, обладавших наделами 3–18 гуффенов.

Среди мигрантов происходил процесс социально-имущественной дифференциации. С одной стороны, наблюдалась концентрация наделов в руках отдельных лиц (Лупрехт, Дитрих Скоманд, Гальм, Трумпис, Никтов, Прислампис, Гланде, Вайстулс), чьи владения доходили до 50–80 гуффенов. При этом один из них, Дитрих Скоманд, мог самостоятельно жаловать земли за службу и налог. С другой стороны, некоторые собственники не использовали наделы, что вело к возвращению участков дарителю (две персоны по имени Конрад Судов в Самбии и Вармии), или продавали свои участки (Абданге, Зохе, Мелинс, Молодинс и Диркоте).

Таблица 2

Имущественное положение переселенцев

Общности / подгруппы	Размеры участков	Социальный статус			
		Ленники		Локаторы	Статус неясен
		платившие налог	освобожденные от налога		
Барты	два поля, часть поля	7	3		2, N
Погезане	64 гуффена			1	N
Надровы	3 гуффена		2		1 000
Скаловы	5 гакенов, поле	3	1		1 000
Судовы	3–12 гуффенов, 50–70 гуффенов	2	25	2	3 105
Вармы	8, 18 гуффенов		6		
Самбы	13 гуффенов, часть поля	4			
Помезане и сассины	9 гуффенов		1		2

Сопоставление имущественного положения, прав и обязанностей мигрантов с аналогичными аспектами, которые зафиксированы в актах, пожалованных местным жителям, свидетельствует об успешности рассматриваемого инкорпорирования. Местные ленники, владея 1–20 гуффенами, неся военную службу и выплачивая налоги, также обладали полной [Preussisches Urkundenbuch, Bd. 6, Lief. 1, S. 29, № 54; S. 191, № 337] или частичной юрисдикцией над своими крестьянами [Ibid., Bd. 2, Lief. 1–3, S. 96–97, № 145; Bd. 5, Lief. 1–3, S. 8, № 15], имели право на выморочные земли [Ibid., Bd. 6, Lief. 2, S. 449–450, № 780], дополняли участок за счет близлежащих угодий [Ibid., Bd. 4, S. 568–569, № 631], освобождались от военной службы и налогов на определенный период времени [Ibid., Bd. 4, S. 290, № 329; S. 350–351, № 379–382; Bd. 5, Lief. 1–3, S. 122, № 212], занимались рыбной ловлей в ближайших водных угодьях [Ibid., Bd. 2, Lief. 1–3, S. 352, № 521; Bd. 4, S. 492–493, № 546; Bd. 6, Lief. 1, S. 183, № 325], получали компенсацию в случае ущерба здоровью [Ibid., Bd. 5, Lief. 1–3, S. 312, № 550; S. 314, № 557; S. 387, № 682], приводили на свои участки земледельцев [Ibid., Bd. 2, Lief. 1–3, S. 262, № 351], пользовались угодьями вместе с крестьянами соседних деревень [Ibid., Bd. 3, Lief. 1, S. 183, № 254]. Часть указанных положений (право рыбной ловли, отсрочка от службы и налогов, юрисдикция) касались местных локаторов в той же мере, что и переселенцев, получивших эту должность [Codex Diplomaticus Warmiensis, Bd. 1, p. 482–484, № 296, 297; p. 486–487, № 299].

Итак, положение пруссов, судовов и скаловов, переселившихся из своих земель в чужие для них области, определялось рядом факторов. Основные потоки миграции были направлены в Самбию и Помезанию, как в хорошо освоенные земли, использование фонда которых было затруднено вследствие разорения, совершенного пруссами, скаловами, судовами и литовцами в 1260–1280-е гг. При этом удаленность этих областей от Великого Литовского княжества и родных для переселенцев земель значительно укрепила отношения мигрантов с Орде-ном, который в новой ситуации гарантировал их имущественное положение и личную безопасность. Внутри рассматриваемой группы происходил процесс социально-имущественной дифференциации, который выражался, с одной стороны, в концентрации участков в руках отдельных лиц, а с другой стороны — в возвращении надела дарителю или в его продаже другому владельцу. Инкорпорирование мигрантов в орденскую социальную систему происходило через пожалование лена или должности локатора, что подразумевало предоставление прав и наделение обязанностями, характерными для местных землевладельцев. Переселенцы, так же как автохтонное население, обязуясь нести военную службу и платить налоги, получали частичную или полную юрисдикцию над своими крестьянами, дополняли участок за счет близлежащих угодий, включали в личную собственность земли, оставшиеся без наследных владельцев, обладали правом рыбной ловли и т. д. Перечисленные особенности свидетельствуют об успешном инкорпорировании мигрировавших персон в новую социальную систему, что способствовало дальнейшему развитию государства Тевтонского ордена.

Источники

Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 1 / Hrgb. von C. P. Woelky, J. M. Saage. Mainz : Verl. von Franz Kirchheim, 1860.

Die ältere Hochmeisterchronik // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 3 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig : Verl. von S. Hirzel, 1866. S. 540–709.

GStA PK — Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (Berlin): XX HA, OF № 105 — XX Hauptabteilung, Ordensfoliant № 105; XX HA, OF, GÄ, OF № 105 — XX Hauptabteilung, Ordensfolianten, Gebietsämter, Ordensfoliant № 105.

Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussae // Scriptorum rerum prussicarum. Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig : Verl. von S. Hirzel, 1861. S. 21–219.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 2 / Bearb. A. Seraphim. Königsberg : Hartungsche Verlagsdruckerei, 1909.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 2. Lief. 1–3 / Hrgb. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg : Gräfe und Unzer, 1932–1937.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3. Lief. 1 / Hrgb. von M. Hein. Königsberg : Gräfe und Unzer, 1944.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 3. Lief. 2 / Hrgb. von H. Koeppen. Marburg : N. G. Elwert Verl., 1958.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 4 / Hgb. von H. Koeppen. Marburg : N. G. Elwert Verl., 1964.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 5. Lief. 1–3 / Hgb. von K. Conrad. Marburg : N. G. Elwert Verl., 1969–1975.

Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6. Lief. 1 / Hgb. von K. Conrad. Marburg : Hartung, 1986.

- Preussisches Urkundenbuch. Bd. 6. Lief. 2 / Hgb. von K. Conrad. Marburg : N. G. Elwert Verl., 2000.
- Schütz C. Historia rerum Prussicarum. Zerbst : Bonaventur Schmid, 1594.
- Simon Grunau's Preussische Chronik / Hrsgb. von. M. Perlbach. Bd. 1. Leipzig : Verl. von Duncker & Humblot, 1876.
- Urkundenbuch des Bisthums Samland. Hft. 2 / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Leipzig : Verl. von Duncker & Humblot, 1898.

Исследования

- Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М. : Индрик, 2003. (Prussia Antiqua ; т. 1).
- Новиков А. С. «Судавский угол» // Надровия. 2009а. № 4. С. 22–27.
- Новиков А. С. Ятвягия в системе международных отношений Восточной Европы XIII века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. Калининград, 2009б.
- Новиков А. С. Роль Надровия в сопротивлении экспансии Тевтонского ордена в XIII в. // Калининградские архивы : материалы и исследования : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. Вып. 11. С. 25–33.
- Пащуто В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII века) // История СССР. 1958. № 6. С. 54–81.
- Рогачевский А. Л. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.
- Седов В. В. Западнобалтские племена // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1987. С. 398–419.
- Трокаль Т. В. Государство Тевтонского ордена в Пруссии в XIII — начале XIV века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). М., 2004.
- Białuński G. Emigracja Prusów w XI–XIV wieku // Pruthenia. 2008. T. 3. S. 35–63.
- Białuński G. Ród Pipina // Pruthenia. 2010. T. 5. S. 91–112.
- Biskup M., Labuda G. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk : Wydaw. Morskie Gdańsk, 1988.
- Dobrosielska A. Uwagi o udziale Jaćwięgów w kolonizacji krzyżackiej // Pruthenia. 2010. T. 5. S. 113–131.
- Dubonis A. Yatvingians in the genesis of Lithuanian anti-teutonic orientation // Lithuanian historical studies. 2006. Vol. 11. P. 18–38.
- Ewald A. L. Die Eroberung Preussens durch die Deutschen. Buch 4. Halle : Verl. der Buchh. des Weisenhauses, 1886.
- Górski K. Zakon Krzyżcki a powstanie państwa pruskiego. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdansk : Zakł. nar. im. Ossolińskich, 1977.
- Heinel E. Geschichte Preussens / Bearb. von C.F. Laudien. Königsberg : Akademische Buchh., 1876.
- Szczepański S. Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII–XV wieku. Olsztyn : Ośrodek Badań Naukowych im. Woiciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, 2016.
- Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 3. Königsberg : Verl. der Gebrüder Vorntäger, 1828.
- Wenskus R. Der Deutsche Orden und die nichtdeutsche Bevölkerung des Preussenlandes mit besonderer Berücksichtigung der Siedlung // Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte / Hrsg. W. Schlesinger. Sigmaringen : Thorbecke, 1975. S. 417–438.

References

- Białuński, G. (2008). Emigracja Prusów w XI–XIV wieku. *Pruthenia*, 3, 35–63.
- Białuński, G. (2010). Ród Pipina. *Pruthenia*, 5, 91–112.
- Biskup, M., & Labuda, G. (1988). *Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach*. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie Gdańsk.

Dobrosielska, A. (2010). Uwagi o udziale Jaćwiegów w kolonizacji krzyżckiej. *Pruthenia*, 5, 113–131.

Dubonis, A. (2006). Yatvingians in the genesis of Lithuanian anti-teutonic orientation. *Lithuanian historical studies*, 11, 18–38.

Ewald, A. L. (1886). *Die Eroberung Preussens durch die Deutschen* (Book 4). Halle: Verlag der Buchhandlung des Weisenhauses.

Górski, K. (1977). *Zakon Krzyżcki a powstanie państwa pruskiego*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich.

Heinel, E. (1876). *Geschichte Preussens*. Königsberg: Akademische Buchhandlung.

Kulakov, V. I. (2003). Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia before 1283]. *Prussia Antiqua*, 1. Moscow: Indrik.

Novikov, A. S. (2009a). “Sudavskij ugol” [Sudava Corner]. *Nadroviya*, 4, 22–27.

Novikov, A. S. (2009b). *Yatviagiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenij Vostochnoj Evropy XIII veka* [Sudovia in the System of International Relations of 13th-Century Eastern Europe] (doctoral dissertation). Moscow.

Novikov, A. S. (2014). Rol' Nadrovii v soprotivlenii ekspansii Tevtonskogo ordena v XIII v. [The Role of Nadrovia in Resistance to the Expansion of the Teutonic Order in the 13th Century]. In V. N. Maslov (Ed.), *Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia* [Kaliningrad Archives: Materials and Research] (Iss. 11, pp. 25–33). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Press.

Pashuto, V. T. (1958). Bor'ba prusskogo naroda za nezavisimost' (do kontsa XIII veka) [Struggle of Prussians for Independence (before the Late 13th Century)]. *Istoriya SSSR*, 6, 54–81.

Rogachevskij, A. L. (2004) *Ocherki po istorii prava v Prussii XIII–XVII vv.* [Essays on the History of Law in Prussia in the 13th–17th Centuries]. St Petersburg: Law Institute Press.

Sedov, V. V. (1987). Zapadnobaltskie plemena [Western Baltic Tribes]. In V. V. Sedov (Ed.), *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia* [Ugro-Finns and Balts in the Middle Ages] (pp. 398–419). Moscow: Nauka.

Szczepański, S. (2016). *Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII–XV wieku*. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Woiciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie.

Trokal, T. V. (2004). *Gosudarstvo Tevtonskogo ordena v Prussii v XIII – nachale XIV veka* [The State of the Teutonic Order in Prussia in the 13th – Early 14th Centuries] (doctoral dissertation). RUDN University, Moscow.

Voigt, J. (1828). *Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens* (Vol. 3). Königsberg: Verlag der Gebrüder Vorntträger.

Wenskus, R. (1975). Der Deutsche Orden und die nichtdeutsche Bevölkerung des Preussenlandes mit besonderer Berücksichtigung der Siedlung. In W. Schlesinger (Ed.), *Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte* (pp. 417–438). Sigmaringen: Thorbecke.

Денисов Сергей Александрович

кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник
Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
E-mail: Densera@yandex.ru

Denisov, Sergey Aleksandrovich

PhD (History), Junior Researcher
Institute of Archaeology of the RAS
19, Dm. Ulyanov Str., 117036 Moscow, Russia
Email: Densera@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>
ResearcherID: AAN-6160-2020

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГРЕКОВ И ФРАНКОВ НА ПЕЛОПОННЕСЕ В 1340–1370-е гг.

С начала XIII в. Пелопоннес превратился в зону цивилизационного приграничья, на которой сосуществовали и взаимодействовали греческая и западноевропейская этнокультурные общности. Долгое время стороны находились в состоянии перманентной войны, однако с течением времени их отношения начали изменяться. К середине XIV в., когда баланс сил на Пелопоннесе сместился в пользу византийцев, эти перемены проявились особенно отчетливо. В данной статье анализируется эволюция военно-политического сотрудничества между греками и франками на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. Основываясь на данных исторических сочинений, автор рассматривает причины сотрудничества франков и греков, выделяет мотивы каждой стороны для такого взаимодействия и новые черты, в которых выразилась эволюция их военно-политических контактов.

Исследование показало, что со стороны ахейского баронства сближению с греками способствовало разочарование в анжуйском управлении княжеством. Для византийцев мир и сотрудничество были выгодны из соображений безопасности и укрепления внутренней организации Морейского деспотата. Главным побудительным мотивом заключения военно-политического союза между греками и франками стала необходимость защитить Пелопоннес от нападений извне. Автор приходит к выводу, что заключение союза между частью баронов Ахейского княжества и деспотом Мануилом Кантакузином свидетельствовало о зарождении новой, более сложной модели греко-латинских отношений на Пелопоннесе. Эволюция военно-политического сотрудничества сторон выразилась в его беспрецедентной устойчивости и временной продолжительности в сравнении с прежними ситуативными договоренностями. Изменения заключались в последовательности политического курса деспота, долгое время избегавшего военных действий против соседей, которые также соблюдали договоренности. Их военно-политическое сотрудничество в 1350–1360-е гг. дало видимый результат и показало плодотворность подобной модели взаимоотношений.

Ключевые слова: поздняя Византия; Пелопоннес; Морейский деспотат; Ахейское княжество; Кантакузины; греко-латинское взаимодействие

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-39-90019 «Греко-латинский фронт на Пелопоннесе (середина XIII — XIV в.): политическое и социокультурное взаимодействие».

Ц и т и р о в а н и е: *Белоруссова Т. Е.* Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 45–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.024>

Поступила в редакцию: 27.01.2021

Принята к печати: 15.04.2021

Tatiana E. Belorussova

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

EVOLUTION OF MILITARY AND POLITICAL COOPERATION OF GREEKS AND FRANKS IN THE PELOPONNESE BETWEEN THE 1340s AND 1370s

From the beginning of the thirteenth century, the Peloponnese became a zone of civilization borderland, where Greek and Western European ethnocultural communities coexisted and interacted with each other. For a long time, they had been in a state of permanent war, but over time, their relationship began to change. By the mid-fourteenth century, the changes became especially evident as the balance of power in the Peloponnese shifted in favour of the Byzantines. This article analyses the evolution of military and political cooperation between the Greeks and the Franks in the Peloponnese between the 1340s and 1370s. Based on data from historical writings, the author examines the reasons for cooperation between the Franks and the Greeks, identifies the motives of each side for such interaction and new features which expressed the evolution of their military and political contacts.

The study demonstrates that on the part of the barony of Achaea, the rapprochement with the Greeks was promoted by disillusionment with the Angevin administration of the principality. For the Byzantines, peace and cooperation were beneficial for security reasons and for strengthening the internal organisation of the Despotate of the Morea. The main motivation for this military and political alliance between the Greeks and the Franks was the need to protect the Peloponnese from external attacks. The author concludes that the alliance between a part of the Achaean barons and the despot Manuel Kantakouzenos indicated the emergence of a new, more complex model of Graeco-Latin relations in the Peloponnese. The evolution of the military and political cooperation between the parties was expressed in its unprecedented stability and duration in comparison with previous situational agreements. Unlike before, the political course of the despot was consistent. For a long time, he avoided any military actions against the neighbours who were also complying with agreements. Their military and political cooperation between the 1350s and 1360s gave a visible result and showed the fruitfulness of such a relationship model.

Key words: Late Byzantium; Peloponnese; Despotate of the Morea; Principality of Achaea; Kantakouzenos; Greek-Latin interaction

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research* (project 20-39-90019 “The Greek-Latin Frontier on the Peloponnese in the Second Half of the Thirteenth – Fourteenth Centuries: Political and Sociocultural Interactions”).

For citation: Belorussova, T. E. (2021). Evolutsiia voenno-politicheskogo sotrudnichestva grekov i frankov na Peloponnese v 1340–1370-e gg. [Evolution of Military and Political Cooperation of Greeks and Franks in the Peloponnese between the 1340s and 1370s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 45–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.024>

Submitted: 27.01.2021

Accepted: 15.04.2021

В позднее Средневековье Пелопоннес обладал выраженными локальными особенностями [Page, p. 241–242; Bon, p. 223]. С начала XIII в., после образования на бывших византийских владениях латинских государств, здесь сосуществовали две этнорелигиозные и культурные общности — греческая и западноевропейская, что превращало регион в зону цивилизационного пограничья [см.: Jacoby]. Острые греко-латинские противоречия из-за территорий придавали отношениям франков Ахейского княжества и византийцев в XIII в. преимущественно конфликтный характер. Несколько десятилетий стороны, каждая из которых стремилась расширить свои владения на полуострове, находились в состоянии перманентной приграничной борьбы. Однако со временем их отношения претерпели изменения, несмотря на сохранение территориальных претензий друг к другу и социокультурные различия между полиэтничным населением Пелопоннеса [Housley, p. 108]. За сто лет совместного проживания пропасть между греками и латинянами не сильно уменьшилась, но она уже не выглядела столь непреодолимой, как это было в начале XIII в. [Lock, 1995, p. 308–309]. Постепенно менялся характер политического взаимодействия между греками и франками, которое допускало и временное политическое сближение прежде непримиримых соперников. В частности, стали возможны совместные, хоть во многом и ситуативные, военные действия латинян и греков как ответы на внешние вызовы.

Вопросы греко-латинских конфликтов и контактов на Пелопоннесе, включая их военно-политическое сотрудничество, неоднократно рассматривались в научной литературе [Bon; Jacoby; Lock, 1995; Shawcross; Zakythinos], однако эволюция этого сотрудничества не стала предметом комплексного анализа. К середине XIV в. именно эти изменения греко-латинского взаимодействия проявились особенно отчетливо. Несмотря на то, что о периоде, к которому относится долгое правление первого византийского деспота Мануила Кантакузина (1348/9–1380) в Морее, известно не так много, сохранившиеся сведения говорят об отсутствии враждебности в отношениях ромеев с латинянами [Zakythinos, p. 112]. В частности, сюжеты, связанные с военно-политическим сотрудничеством франков и греков Пелопоннеса, нашли отражение в историческом сочинении Иоанна IV

Кантакузина (1347–1354) и в Арагонской версии Морейской хроники. Какими причинами это сотрудничество было обусловлено? Чем была мотивирована позиция каждой из сторон? В чем конкретно выразилась эволюция военно-политических контактов греков и латинян? Рассмотрение этих вопросов позволит приблизиться к пониманию причин изменений во взаимоотношениях двух главных участников политического процесса, протекавшего в этом фронтирном регионе.

К середине XIV в., по сравнению с его первыми десятилетиями, баланс сил на Пелопоннесе изменился. Междоусобная война (1315–1316) между претендентами на княжеский титул в Ахайе серьезно ослабила франкское княжество. В условиях отсутствия стабильной системы управления латинскими территориями франкские владения переживали политический кризис [Shawcross, p. 245]. Византийская провинция с центром в Мистре, напротив, вступала в полосу стабилизации благодаря решению императора Андроника II (1282–1328) в 1308 г. отказаться от ежегодной смены наместников Мореи [Воп, р. 222]. Византийцы начали наступление на владения франков, в результате чего те несли тяжелые территориальные потери. Итогом завоевательной политики византийского наместника (κεφαλῆ) Андроника Асеня [PLP, № 1489], управлявшего Мореей в 1316–1321 гг., стало подчинение части Аркадии, расположенной в центре полуострова [Воп, р. 202]. Франкская знать, судя по всему, осознавала опасность собственного положения. В изменившихся условиях ахейские бароны были озабочены сохранением земельных владений, которые обеспечивали им высокий социальный статус и экономическое благополучие.

Неэффективное анжуйское руководство контрастировало с более стабильной ситуацией на византийских территориях [Page, p. 206]. В условиях серьезного ослабления Ахейского княжества сохранение верности анжуйским сюзеренам, находящимся в Неаполе, стало для баронства вопросом выживания. В то же время общий политический фон ухудшался из-за активизации тюрок, которые к началу 1330-х гг. представляли основную опасность для региона [Lock, 2014, p. 148]. Новый вызов еще больше подталкивал латинян к пересмотру их отношений с ромеями. Часть латинской знати к этому времени уже открыто демонстрировала провизантийские симпатии. Нахождение в Ахайе в 1338–1341 гг. княгини-регента Екатерины де Валуа-Куртене (1332–1346), которая прибыла сюда для восстановления порядка, не помогло возродить прежнюю лояльность баронов к далекому сюзерену. Наоборот, настроения местных элит окончательно склонились к поиску нового лидера, способного защитить их интересы [Воп, р. 212].

Еще в бытность Екатерины в Ахайе (она покинет регион в 1341 г.) бароны планировали сближение с византийским наместником, что подтверждает письмо, датированное 24 декабря 1340 г., от верховного сюзерена Ахейского княжества, неаполитанского короля Роберта (1309–1343), адресованное прелатам и баронам княжества [Topping, p. 128]. В нем звучали призывы сохранять верность княгине-регенту и упоминалось, что архиепископ Патр Роже (1337–1347),

епископ Олены, бургундец Филипп де Жуанвиль [Ortega, p. 598], барон Востицы и Нивеле, и ряд других феодалов приняли решение заключить союз с греками [Topping, p. 128]. Возможно, это решение было продиктовано конфликтом интересов между старой и новой латинской знатью Ахайи: франкской и итальянской, поскольку при анжуйских сюзеренах, которые отправили из Неаполя на Пелопоннес доверенных лиц, произошла «итальянизация» элиты княжества [Balard, p. 835]. Сближению греческого и латинского населения полуострова на социокультурном уровне способствовало распространение смешанных браков [Ortega, p. 214]. Таким образом, потомки франкских родов и церковные феодалы сильнее тяготели к греческой стороне, которая была им ближе, чем наместники (балы) князя, редко задерживавшиеся в Морее надолго.

Эти процессы нашли отражение в сочинении Иоанна VI Кантакузина (1347–1354). Занимавший в 1340 г. пост великого доместика империи [о его функциях см.: Поляковская, с. 294] Кантакузин произвел благоприятное впечатление на ахейских рыцарей, которые участвовали в неудачных для них военных действиях против византийцев в Эпире [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 2, p. 75, 22–24; 76, 1–6; Topping, p. 129]. Осенью 1341 г. в Дидимотику, где находился Кантакузин, прибыли послы ахейских баронов: неназванный епископ венецианского Корона и Жан Сидерос (Σιδερός Ντζιούαν), владевший землей в Скорте [PLP, № 25311]. Последний, предположительно, имел греческое происхождение [Jacoby, p. 894] или являлся полукровкой – гасмулом (γασμούλος) [см. о них: The Oxford Dictionary of Byzantium, p. 823], чьи фамильные земли были урезаны при анжуйском правлении. Это объясняет мотивацию некоторых феодалов к смене сюзерена [McLaughlin, p. 344], а также подтверждает предположение о расколе в среде латинской элиты Пелопоннеса.

Цель посольства латинян заключалась в том, «чтобы передать василевсу все города, которыми они владели, в то время как они оставались бы в качестве губернаторов этих земель, но платили бы ему все подати, которые выплачивались [латинскому] князю, и проявляли бы всевозможное почтение, а также имели военачальника от императора, которому они были согласны подчиняться» в обмен на его защиту [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 2, p. 74, 21–24; 75, 1–14]. Подобное предложение ахейских послов, очень близкое по характеру к вассальным отношениям Западной Европы, было охотно принято византийской стороной, поскольку объединение Пелопоннеса, по мнению Кантакузина, могло стать «основой для великих достижений» [Ibid., p. 80, 2–5]. Согласие великого доместика на франкские условия говорило о сближении латинского и греческого населения на этих территориях и их определенном взаимовлиянии в административной сфере. Кантакузин намеревался сам отправиться в Ахайю весной следующего, 1342 года, поскольку обязательным условием франков был его личный визит для принесения клятвы и, вероятно, ведения военных действий против наместника князя (балы) [Ibid., p. 76, 7–10]. Требование личного посещения Ахайи должно было, по всей видимости, стать подтверждением серьезности византийских намерений. Отправка посольства является отражением

полного разочарования франкской элиты в неаполитанских сюзеренах, а также еще раз доказывает, что греков и латинян на Пелопоннесе вовсе не разделяла непреодолимая пропасть [Page, p. 207]. Этот эпизод демонстрирует и постепенную эволюцию в их взаимоотношениях, а также возросшую терпимость ромеев к латинянам, чьи предки в начале XIII в. завоевали их территории.

Планы объединения Пелопоннеса, однако, нарушила гражданская война в Византии (1341–1347), последовавшая за смертью императора Андроника III Палеолога (1328–1341). Намерение латинян «добровольно передать себя в распоряжение императора» [Nikephori Gregorae..., p. 596, 5–6] так и не было реализовано. Несмотря на провал этого проекта, тенденция налаживания греко-латинского сотрудничества вновь проявилась через несколько лет, во время правления в Морее в качестве наместника сына Иоанна VI Кантакузина, деспота Мануила (1348/9–1380) [PLP, № 10981; Nicol, p. 122–123]. Этим событиям предшествовали обострившиеся в период гражданской войны внутренние проблемы Морей, предоставленной в это время самой себе [Necipoglu, p. 19]. Согласно Кантакузину, в 1340-е гг. «Пелопоннес был полностью разрушен не только персами (тюрками. — Т. Б.), нападавшими с большим флотом, и латинскими подданными князя, владевшими территорией, называемой эллинами Ахайей, но и самими пелопоннесцами, которые постоянно ссорились, захватывая имущество друг друга и совершая убийства. Их невозделанные деревни были опустошены врагом извне, в то время как их городам, разрушенным изнутри, грозило полное исчезновение» [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 85, 3–8]. Не исключено, таким образом, что в указанный период имели место как военные конфликты между латинянами и греками, так и междоусобицы внутри самих политических образований.

Став императором в 1347 г., Кантакузин предпринял попытку разрешить кризис на Пелопоннесе, вновь изменив систему управления провинцией. Не имея возможности отправиться в Морею самостоятельно, «он послал своего сына, деспота Мануила... сильной рукой управлять пелопоннесцами» [Ibid., p. 85, 11–14]. С этого времени в Морею должны были назначаться пожизненные правители — деспоты, которые, признавая власть императора, пользовались бы административной автономией в управлении вверенной им территорией [Guilland, p. 54, 63]. Образование Морейского деспотата ознаменовало новый этап в жизни Пелопоннеса [Zakythinos, p. 94]. Можно утверждать, что с созданием деспотата византийские территории обрели статус политической доминанты на полуострове.

Местная землевладельческая элита Морей, традиционно тяготевавшая к максимальной самостоятельности [Page, p. 191], встретила эти изменения враждебно. В первые несколько лет своего правления деспот Мануил Кантакузин был вынужден подавлять сопротивление архонтов, не желавших признавать над собой власть нового и чуждого им правителя [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 85, 14–15; 86, 8–10]. Димитрий Кидонис в письме на Пелопоннес, датированном октябрём 1352 г., одобрял новую модель управления Мореей и называл

пелопоннесцев, погрязших во смутах, «несчастьем для страны» [Démétrius Cydonès, p. 85, ep. 51, 25–26], что говорит о серьезности и продолжительности внутреннего конфликта в Морее. Вероятно, именно противоречия с местными элитами склонили деспота к необходимости заключения перемирия с латинянами Ахейского княжества. По-видимому, вскоре после прибытия на Пелопоннес в 1349 г. Мануил заключил с ними мирный договор, «убедив варваров не смотреть свысока на пелопоннесцев» [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 85, 16–20]. Традиционное для византийцев восприятие латинян варварами подчеркивало, вероятно, и существующие трудности в контактах с княжеством на момент описываемых событий.

Помимо соображений безопасности и сохранения ресурсов, мир с франками был необходим деспоту, чтобы сосредоточиться на разрешении внутреннего конфликта с морейскими архонтами. Эта борьба действительно затянулась на несколько лет: для защиты своих интересов местные землевладельцы были готовы выступить единым фронтом против деспота, отодвинув внутренние распри на второй план [Ibid., p. 86, 4–10]. Однако Кантакузин сообщает, что после победы Мануила над архонтами и установления некоторой стабильности на византийских землях латиняне объявили войну Морейскому деспотату, будучи «обеспокоенными его процветанием» [Ibid., p. 89, 17–19]. В греко-латинских отношениях на Пелопоннесе, таким образом, к середине XIV в. сохранялась определенная напряженность.

Росту напряжения способствовала частая смена балы в правление ахейского князя Роберта Тарентского (1346–1364), не проявлявшего особого интереса к своим владениям на Пелопоннесе [Воп, р. 223]. Подобный стиль управления княжеством, разумеется, мешал выработке единой политической линии, что проявлялось во всех сферах жизни, включая отношения с византийскими соседями. Реорганизация управления греческими землями, определившая усиление позиций ромеев в регионе, в свою очередь, вынуждала франкскую элиту искать сближения с деспотом. Отметим, что франки обратились к Мануилу для заключения союза лишь после решительного военного отпора, который деспот им оказал. Согласно Кантакузину, латиняне, действовавшие самостоятельно, «убедили его заключить с ними мирный договор, чтобы они были как подданными князя, так и друзьями и союзниками деспота», обозначив свою готовность выступать под его началом в случае войн на Пелопоннесе и за его пределами [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 89, 20–25; 90, 1–2]. Вероятно, в числе участников переговоров с Мануилом были те же франки, кто в 1341 г. отправлял посольство к отцу деспота в Дидимотику. Тот факт, что часть ахейской знати, не отрекаясь от сюзерена, была готова выступать под началом греческого правителя, говорит о зарождении новой, более сложной модели греко-латинских отношений на Пелопоннесе. С появлением в регионе сильного лидера, каким стал морейский наместник, оформилась тенденция к устойчивому, а не ситуативному сотрудничеству. Авторитет деспота, таким образом, распространился и на северную часть полуострова.

Достигнутые договоренности продемонстрировали, что и сам Мануил был заинтересован в военной поддержке своих латинских соседей. Союз с франками являлся необходимым для укрепления внутренней организации деспотата и восполнения ресурсов страны [Zakythinos, p. 94]. Важно также, что мир на Пелопоннесе и поддержка Мануила латинянами обеспечивали дополнительную устойчивость собственной власти деспота в его владениях. О том, что сепаратистские настроения среди местных землевладельцев сохранялись довольно долго, свидетельствует борьба третьего деспота Морей Феодора I Палеолога (1383–1407) с архонтами тридцатью годами позже [Page, p. 209].

Основной же целью греко-латинского сотрудничества была оборона совместными усилиями территории полуострова от внешних врагов, поскольку ко второй половине XIV в. обстановка в регионе стала еще более напряженной. Упоминая о нападениях на Пелопоннес извне, которые опустошали полуостров, Кантакузин имел в виду прежде всего тюрков. Впервые побережье Морей было разграблено флотом Умура, эмира Айдынского бейлика, в 1332/1333 г., а весной 1335 г. тюрки продвинулись вплоть до столицы византийского Пелопоннеса Мистры [Runciman, p. 52]. В дальнейшем подобные рейды становились все более частыми, набеги превращались в экспедиции длительностью до 50 дней [Gill, p. 57]. Кантакузин писал, что Пелопоннес страдал от тюркских нападений [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 85, 3–4], а попытка его сына собрать налог на снаряжение флота, чтобы пресечь регулярные нападения, вызвала восстание архонтов [Ibid., p. 87, 3–8]. Об усилении тюркской опасности в середине XIV в. говорят и венецианские документы. В постановлении Сената от 24 июля 1352 г. шла речь о формировании антитюркского союза населения венецианских портов Корона и Модона с франками. Муниципалитет предоставлял для этих целей две галей и транспортное судно, расходы на которые делили франки, католическая церковь и венецианцы [Régestes..., p. 73, № 256]. Архиепископ Патр в это же время был вынужден непрерывно оказывать сопротивление тюркам, а в 1357 г. папа Иннокентий VI (1352–1362) обратился к князю Роберту Тарентскому с просьбой о его личном вмешательстве и защите Ахайи от тюркской угрозы [Zakythinos, p. 107].

Напряжение в регионе достигло пика, когда маршал Афинского герцогства Рожер де Ллуриа [PLP, № 20754] обратился за помощью к османскому султану Мураду I (1362–1389) в захвате города Фивы, находившегося под властью каталонцев. Крупный османский отряд, прибывший на греческие территории, сделал положение всего Пелопоннеса крайне уязвимым, поскольку вскоре после оккупации Фив разграбил полуостров, нанеся вред как греческим, так и латинским территориям [Zakythinos, p. 108]. Географический фактор и непростые отношения с каталонцами в прошлом поставили население полуострова перед угрозой регулярных нападений, которая побудила владельцев Пелопоннеса сплотиться для защиты своих территорий. Их совместные военные действия нашли отражение в Арагонской версии Морейской хроники. В начале 1360-х гг. (вероятнее всего в 1363/1364 г. [Lock, 1995, p. 326; Nicol, p. 125]) против турок

оформился союз греков и латинян Пелопоннеса, который заключили «деспот греков» Мануил, баллы Ахейского княжества Готье де Лор, венецианцы, а также госпитальеры Родоса [Libro de los Féchos..., p. 151, 685]. Целью союза было недопущение новых нападений на территорию Пелопоннеса. На судах, предоставленных венецианцами и рыцарями ордена св. Иоанна под началом Раймонда Беренгера [PLP, № 19688], союзники атаковали турецкий флот у берегов близ Мегары. В результате, согласно хронике, было сожжено 35 турецких кораблей, а выжившие бежали в Фивы к каталонцам. Хронист отмечает, что воины Пелопоннеса не имели возможности их там преследовать и отступили, удовлетворенные победой [Libro de los Féchos..., p. 151, 685–86]. Для греко-латинского сотрудничества на полуострове этот случай можно назвать уникальным, поскольку формирование столь крупного военного союза стало единственным примером их объединения перед лицом внешней угрозы.

Мемуары Иоанна VI Кантакузина также содержат сведения о том, что латиняне «часто были его (Мануила. — Т. Б.) союзниками, когда он отражал персидские морские атаки, и он разделял с ними (франками. — Т. Б.) многие победы над варварами» [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 90, 1–5]. Это сообщение, судя по всему, говорит в пользу неоднократности совместных военных действий Мануила и его латинских союзников. Упоминает Кантакузин и об их совместном «нападении на Беотию в войне против одного из латинских правителей, человека по имени Рожер де Ллуриа» [Ibid., p. 90, 5–8], что перекликается с данными хроники. Отметим, что на сей раз варварами именовались уже не латиняне, лояльные деспоту и выступавшие в войне с ним заодно, а представлявшие опасность турки и каталонцы. Подобная градация варварства также может говорить о том, что пропасть между западными и восточными христианами на Пелопоннесе за время греко-латинского сотрудничества была сокращена, и обе стороны воспринимали как достаточно привычное явление ведение совместных военных действий.

Об эволюции взаимоотношений франков и ромеев свидетельствует тот факт, что их союз стал более устойчивым и длительным. С момента прибытия Мануила на Пелопоннес и до рассмотренных событий прошло почти пятнадцать лет. Ранее в истории греко-латинских отношений самый продолжительный по времени мир был достигнут в конце XIII в. — он продлился около семи лет [Zakythinos, p. 61–64]. В силу же того, что внешняя угроза стала для региона перманентной, ситуативность прежних договоренностей о сотрудничестве уступила место более стабильному военно-политическому союзу.

Одной из причин наступившего продолжительного взаимопонимания между греками и франками было латинское происхождение супруги Мануила. Исследователи единогласны в том, что в какой-то мере через жену на деспота распространилось латинское влияние [Zakythinos, p. 106; Runciman, p. 53]. Изабелла де Лузиньян [PLP, № 92549] была дочерью короля Киликийской Армении Константина III (1342–1344), а также родственницей королей Кипра [Близнюк, с. 245]. Их брак был заключен предположительно в 1347 г., вскоре после того, как отец Мануила стал византийским императором [Nicol, p. 124]. Безусловно,

этот династический брак преследовал цель укрепить политические контакты Византии с латинскими правителями Романии. В то же время родство деспота с династией Лузиньянов в дальнейшем привело к нарушению политического равновесия, установившегося на Пелопоннесе с начала его правления.

Двоюродным братом деспины был Ги де Лузиньян, принц Галилеи [PLP, № 92553] и первый муж Марии де Бурбон, ставшей после брака с Робертом Тарентским титулярной императрицей Константинополя и княгиней Ахайи. Вскоре после смерти в 1364 г. не оставившего наследников Роберта на Пелопоннесе началась борьба между претендентами на княжеский титул [Topping, p. 141–142], вновь обнажившая неоднородность латинских элит Ахайи и отсутствие внутри них согласия. В 1366 г. Мария де Бурбон, которой принадлежали крупные владения в княжестве [Documents..., p. 141–144], и ее сын от первого брака Гуго [PLP, № 92562] решили оспорить права Филиппа, брата покойного князя Роберта, которому симпатизировало большинство баронов, включая влиятельного архиепископа Патр Анжело Аччайуоли (1365–1366/7) [PLP, № 1607; Zakythinos, p. 108–109]. В результате многочисленное войско Марии и Гуго осадило Патры. Разразилась вторая в истории Ахайи война за княжеский титул.

В эту войну оказался вовлечен и Мануил Кантакузин. Венецианец Карло Дзено [PLP, № 27914], руководивший обороной Патр, сумел отбросить войска Марии к Наварино, где она с сыном смогли укрыться [Libro de los Féchos..., p. 153, 693; Topping, p. 142]. Преданный Марии кастелян Наварино Гийом де Талай незадолго до этих событий запросил помощи у «деспота греков», а также сеньора Аргоса и Нафплиона Ги д'Энгьена [Ortega, p. 595], чтобы те «послали ему людей на помощь, из любви к его даме и его господину Гуго де Лузиньяну, принцу Галилеи, который был их родственником» [Libro de los Féchos..., p. 153, 697–698]. Оба адресата ответили на призыв, что подтверждает личный интерес самого деспота к событиям в Ахайе [Millet, p. 458–459] и готовность вмешаться во внутренние дела соседей, несмотря на заключенный мир с латинянами. Не исключено, что деспот поддержал Марию и ее сына, рассчитывая, что их приход к власти в Ахайе позволит укрепить его влияние на латинских территориях. Отряды Мануила и Ги д'Энгьена, отправленные на помощь Марии, нанесли значительный ущерб ахейским землям в окрестностях крепостей Андравида и Манолады на северо-западе Пелопоннеса [Libro de los Féchos..., p. 154, 698]. Таким образом, брак с Изабеллой предоставил деспоту повод для вмешательства во внутренние дела франков.

Конфликт был урегулирован прибывшим на Пелопоннес графом Амадеем VI Савойским (1343–1383), который пришел на помощь Марии, приходившейся двоюродной сестрой его жене [Zakythinos, p. 10]. Согласно мирному соглашению, заключенному в Модоне, архиепископ Патр должен был выплатить Марии и ее сыну крупную денежную компенсацию. Часть этой суммы, восемь тысяч дукатов, была разделена между Мануилом и другими воинами, пришедшими им на помощь [Libro de los Féchos..., p. 155, 702]. Однако, несмотря на договор, Гуго и Мануил продолжали разорять Ахайю вплоть до 1370 г., когда Мария

заключила договор с Филиппом Тарентским и отказалась от притязаний на княжество [Bon, p. 250]. Таким образом, Мануил Кантакузин, несмотря на то, что князем стал не Гуго де Лузиньян, сумел извлечь выгоды из этого предприятия, как минимум улучшив собственное финансовое положение. Не исключено также, что в условиях военных действий он смог захватить некоторые латинские земли. Но военная активность Мануила в Ахайе не могла не повлиять на его отношения с латинянами, вызвав у них настороженность в отношении греков. К сожалению, не представляется возможности проследить, пострадали ли в ходе этой войны латиняне, ранее сотрудничавшие с Мануилом, или же удары были направлены на иных подданных княжества.

Греко-латинские отношения окончательно испортились через несколько лет, когда новый балыи, неаполитанец Франциск де Сан-Северино, напал на византийскую крепость Гардики, расположенную между Мессенией и Аркадией [Topping, p. 146]. Это нарушило мир между княжеством и Морейским деспотатом. Мануил Кантакузин, получивший тревожную новость, выступил против франков, но в сражении при Гардики в 1375 г. греки потерпели поражение [Libro de los Féchos..., p. 158, 715–717; 159, 720–721]. Сама же крепость, будучи хорошо укрепленной, устояла, так что балыи был вынужден снять осаду и отступить в Кларенцу [Bon, p. 252]. Конфликт не привел к видимым результатам, однако изменил характер политических отношений двух сторон. И хотя до смерти Мануила Кантакузина в 1380 г. новых военных конфликтов с латинянами не происходило, о прежнем сотрудничестве говорить уже не приходилось. К концу его правления Ахейское княжество было разделено на несколько самостоятельных уделов, часть из которых оказались под властью новых латинских правителей, не скрывавших своих завоевательных амбиций: госпитальеров Родоса, получивших княжество в пятилетнюю аренду, и наваррских наемников — наиболее организованной латинской силы, которые инициировали серию военных столкновений на полуострове [Necipoglu, p. 235; Tsougarakis, p. 6].

Таким образом, продиктованное вызовами времени политическое сближение византийцев и латинян Мореи было обусловлено рядом причин. Бесспорно, большую роль в заключении греко-латинского союза в середине XIV в. сыграло появление на Пелопоннесе фигуры постоянного и авторитетного правителя, который сумел прекратить внутренние неурядицы в Морее и завоевать доверие латинских соседей. Необходимость союза с деспотом осознавали и латиняне, которые и ранее стремились обрести деятельного и небезразличного до их внутренних дел сюзерена, способного обеспечить защиту их владений и стабильность их социального положения. Главными побудительными мотивами создания военно-политического союза в итоге стали общая заинтересованность в мире как залого успешного внутреннего развития и необходимость защитить Пелопоннес от участвовавших нападений извне. Нацеленное, в первую очередь, на противодействие тюркской угрозе, греко-латинское военно-политическое сотрудничество дало видимый результат и продемонстрировало плодотворность такой модели взаимоотношений.

Утвердившийся мир привел к относительной стабилизации обстановки в регионе и способствовал постепенному сближению греческого и латинского населения Пелопоннеса. Продолжительное сотрудничество деспота Мануила и латинских подданных Ахейского княжества, по меньшей мере до 1360-х гг., говорит в пользу того, что в их отношениях за это время произошла определенная подвижка. Изменения выразились в последовательности политического курса византийского деспота, который в течение половины своего тридцатилетнего правления избегал военных действий против соседей, а они, в свою очередь, сохраняли верность заключенному союзу. Только дестабилизация Ахейского княжества, вызванная борьбой претендентов за княжеский титул, и призыв одной из соперничающих сторон вынудили Мануила отправить туда военные силы и втянуться в новый конфликт.

Внутри правящего класса франков, не отличавшегося однородностью, не было согласия. Латиняне были разобщены, и деспот заключал союз лишь с какой-то частью ахейской знати. В условиях междоусобной войны, когда Мануил Кантакузин поддержал, причем совместно с еще одним латинским бароном, родственника своей супруги, византийская сторона, по сути, не нарушила существовавшего мирного договора. Но вмешательство во внутриахейские дела византийцев лишь усложнило политическую ситуацию на Пелопоннесе. Возродились прежние противоречия, вновь дали о себе знать культурно-исторические различия между латинянами и греками. Наступил конец мирному сосуществованию франков и ромеев в регионе цивилизационного фронта.

Источники

Близнюк С. В. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр» / пер. с кипрского диалекта среднегреческого яз., вступ. ст. и комм. С. В. Близнюк. М.: Academia, 2018.

Démétrius Cydonès, Correspondence / ed. R.-J. Loenertz. Vatican: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1956. Vol. 1.

Documents sur le Régime des Terres dans la Principauté de Morée au XIVe siècle / ed. par J. Longnon, P. Topping. Paris: Mouton & Co La Haye, 1969.

Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri IV / ed. L. Schopen, E. Bekker. Bonn: Impensis ed. Weberi, 1831. Vol. 2; 1832. Vol. 3.

Libro de los Féchos et Conquistas del Principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles / publ. et trad. par A. Morel-Fatio. Genève: Imprimerie Jules-Guillaume Fick, 1885.

Nikephori Gregorae Historia Byzantina / ed. L. Schopen; E. Bekker. Bonn: Impensis ed. Weberi, 1830. Vol. 2.

Régestes des Délibérations du Sénat de Venise Concernant la Roumanie / ed. Fr. Thiriet. Paris: Mouton & Co La Haye, 1958. Vol. 1.

Исследования

Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Balard M. Latins in the Aegean and the Balkans (1300–1400) // The Cambridge History of the Byzantine Empire ca. 500–1492 / ed. J. Shepard. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 834–851.

- Bon A. *La Morée Franque: Recherches Historiques, Topographiques et Archéologiques sur la Principauté d'Achaïe (1205–1430)*. Paris : E. de Boccard, 1969.
- Gill J. John VI Cantacuzenus and the Turks // *Byzantina*. Vol. 13. No. 1. 1985. P. 55–76.
- Guilland R. *Recherches sur l'Histoire Administrative de l'Empire Byzantin: Le Despote, δεσπότης* // *Revue des Études Byzantines*. 1959. Vol. 17. P. 52–89.
- Housley N. *Frontier Societies and Crusading in the Late Middle Ages* // *Mediterranean Historical Review*. 1995. Vol. 10. P. 104–119.
- Jacoby D. *The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnese after the Fourth Crusade* // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78, No. 4. P. 783–906.
- Lock P. *The Franks in the Aegean, 1204–1500*. London ; New York : Longman, 1995.
- Lock P. *Sanudo, Turks, Greeks and Latins in the Early Fourteenth Century* // *Contact and Conflict in Frankish Greece and Aegean, 1204–1453* / ed. N. G. Chrissis, M. Carr. London ; New York : Routledge, 2014. P. 135–149.
- Millet G. *Inscriptions Inédites de Mistra* // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1906. Vol. 30. P. 453–466.
- McLaughlin B. S. *An Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories, Book III, Chapters 1–30* : doctoral thesis / Royal Holloway, University of London. London, 2017.
- Necipoglu N. *Byzantium between the Ottomans and the Latins*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009.
- Nicol D. *The Byzantine Family of Kantakouzenos, ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study*. Washington : Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1968.
- Ortega I. *Les Lignages Nobiliaires dans la Morée Latine (XIIIe–XVe siècle), Permanences et Mutations*. Brepols : Brepols Publishers, 2012.
- Page G. *Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008.
- PLP — *Prosopographischen Lexikon der Palaiologenzeit* / erst. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaft, 1976–1995. Fasc. 1–12.
- Runciman S. *Mistra. Byzantine capital of the Peloponnese*. London : Thames and Hudson, 1980.
- Shawcross T. *Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009.
- The Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A. P. Kazhdan. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 1991.
- Topping P. *The Morea (1311–1364); The Morea (1364–1460)* // *A History of the Crusades* / ed. K. M. Setton, H. W. Hazzard. Madison; Wisconsin : The Univ. of Wisconsin Press, 1975. Vol. 3. P. 104–140; 141–166.
- Tsougarakis N. I. *The Latins in Greece: A Brief Introduction* // *A companion to Latin Greece* / ed. N. I. Tsougarakis, P. Lock. Boston ; Leiden : Brill, 2014. P. 1–22.
- Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée*. Paris : Société d'Édition «Les Belles Lettres», 1932. Vol. 1.

References

- Balard, M. (2007). *Latins in the Aegean and the Balkans (1300–1400)*. In J. Shepard (Ed.), *The Cambridge History of the Byzantine Empire ca. 500–1492* (pp. 834–851). Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Bon, A. (1969). *La Morée Franque: Recherches Historiques, Topographiques et Archéologiques sur la Principauté d'Achaïe (1205–1430)*. Paris: E. de Boccard.
- Gill, J. (1985). John VI Cantacuzenus and the Turks. *Byzantina*, 13(1), 55–76.
- Guilland, R. (1959). *Recherches sur l'Histoire Administrative de l'Empire Byzantin: Le Despote, δεσπότης*. *Revue des Études Byzantines*, 17, 52–89.
- Housley, N. (1995). *Frontier Societies and Crusading in the Late Middle Ages*. *Mediterranean Historical Review*, 10, 104–119.

Jacoby, D. (1973). The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade. *The American Historical Review*, 78(4), 783–906.

Kazhdan, A. P. (Ed.). (1991). *The Oxford Dictionary of Byzantium* (Vols. 1–3). Oxford; New York: Oxford Univ. Press.

Lock, P. (1995). *The Franks in the Aegean, 1204–1500*. London; New York: Longman.

Lock, P. (2014). Sanudo, Turks, Greeks and Latins in the Early Fourteenth Century. In N. G. Chrissis, & M. Carr (Eds.), *Contact and Conflict in Frankish Greece and Aegean, 1204–1453* (pp. 135–149). London; New York: Routledge.

McLaughlin, B. S. (2017). *An Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories, Book III, Chapters 1–30* (doctoral dissertation). Royal Holloway, University of London, London.

Millet, G. (1906). Inscriptions Inédites de Mistra. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 30, 453–466.

Necipoglu, N. (2009). *Byzantium between the Ottomans and the Latins*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Nicol, D. (1968). *The Byzantine Family of Kantakouzenos, ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

Ortega, I. (2012). *Les Lignages Nobiliaires dans la Morée Latine (XIIIe–XVe siècle), Permanences et Mutations*. Brepols: Brepols Publishers.

Page, G. (2008). *Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Polyakovskaya, M. A. (2011). *Vizantiiskii dvortsovyi tseremonial XIV v.: “teatr vlasti”* [The Byzantine Palace Ceremonial of the 14th Century: “The Theatre of Power”]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Runciman, S. (1980). *Mistra. Byzantine capital of the Peloponnese*. London: Thames and Hudson.

Shawcross, T. (2009). *Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Topping, P. (1975). The Morea (1311–1364); The Morea (1364–1460). In K. M. Setton, & H. W. Hazzard (Eds.), *A History of the Crusades* (Vol. 3, pp. 104–140; 141–166). Madison; Wisconsin: The University of Wisconsin Press.

Trapp, E., Walther, R., Beyer, H.-V. et al. (Eds.). (1976–1995). *Prosopographischen Lexikon der Palaiologenzeit*, Fasc. 1–12. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft.

Tsougarakis, N. I. (2014). The Latins in Greece: A Brief Introduction. In N. I. Tsougarakis, & P. Lock (Eds.), *A Companion to Latin Greece* (pp. 1–22). Boston; Leiden: Brill.

Zakythinos, D. A. (1932). *Le Despotat Grec de Morée*. Paris: Société d'Édition «Les Belles Lettres» (Vol. 1).

Белоруссова, Татьяна Евгеньевна

аспирант, инженер-исследователь

кафедры истории Древнего мира

и Средних веков

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: belorussovaaa@gmail.com

Belorussova, Tatiana Evgenievna

Postgraduate Student, Research Engineer

Department of Ancient History

and the Middle Ages

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia

Email: belorussovaaa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3493-1474>

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.025
УДК 929 Генрих (44)*2 + 27-528.2 +
+ 2-768

П. Ю. Уваров

¹ Институт всеобщей истории РАН

² Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

ПРОЕКТЫ РЕФОРМ ГАЛЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ И «ПОВСЕДНЕВНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ» НАКАНУНЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН

Во время так называемого «галликанского кризиса» 1551–1552 гг. папа Юлий III обвинял французского короля в подготовке схизмы, а в Королевском совете обсуждалась возможность учреждения патриаршества во Франции. Но вскоре на смену конфликту пришел тесный союз папы и Генриха II. Был ли «галликанский кризис» лишь средством политического давления на Юлия III? Насколько серьезны были планы короля и его окружения по реформированию Галликанской церкви? Недостаток источников, освещавших этот вопрос, можно в определенной мере восполнить за счет анализа сочинения адвоката Парижского парламента Рауля Спифама *«Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata»* (1556). Это был сборник риторических упражнений в области юриспруденции, написанный в форме королевских постановлений о реформировании всех дел в королевстве. Удивительным образом часть этих вымышленных проектов реализовалась в будущем. Причина «ясновидения» автора крылась в его связях с государственными секретарями, готовившими масштабные преобразования, которые остались нереализованными из-за неожиданной гибели короля и начавшихся Религиозных войн. Немалая часть постановлений посвящена планам реформы Галликанской церкви: от возведения епископства Парижского в архиепископский ранг до ужесточения контроля над нравами прелатов. В данной статье особое внимание уделяется тому, как в *«Dicaearchiae»* регламентировалась форма ритуалов «повседневного благочестия»: благословения ложа новобрачных, очищения женщины после родов перед посещением церкви, представлений о лимбе. Предусматривалось ограничение «роскоши» — отказ от драгоценной церковной утвари, излишних колоколов, сокращение числа праздничных дней, связанных с почитанием святых. Не отказываясь от культа святых, Спифам предпринимает реформу церковного календаря и создает особый национальный мартиролог воинов, погибших за родину и «почитаемых как святые без всякой канонизации».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Генрих II; Галликанская церковь; «галликанский кризис»; Рауль Спифам; «повседневное благочестие»; национальный мартиролог воинов

Благодарности

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Ц и т и р о в а н и е: Уваров П. Ю. Проекты реформ Галликанской церкви и «повседневного благочестия» накануне Религиозных войн // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 59–74. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.025>

Поступила в редакцию: 21.10.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Pavel Yu. Uvarov

¹ *Institute of World History of the RAS*

² *National Research University Higher School of Economics*
Moscow, Russia

PROJECTS OF THE GALLICAN CHURCH AND THE ‘EVERYDAY PIETY’ REFORM ON THE EVE OF THE WARS OF RELIGION

During the so-called ‘Gallican crisis’ between 1551 and 1552, Pope Julius III accused the French king of preparing an ecclesiastical schism, while the possibility of establishing a French patriarchate was discussed in the royal council. Before long, however, the conflict gave way to a close alliance between the Pope and King Henry II. Was the ‘Gallican crisis’ just a tool of political pressure on Julius III? To what extent were the plans of the king and his entourage to reform the Gallican Church serious? The lack of sources can be filled, at least in part, by turning to the work by Raoul Spifame, a lawyer of the Paris Parliament, titled *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progyrnasmata* (1556). In its essence, it is a collection of rhetorical exercises in the field of jurisprudence written in the form of royal decrees designed to reform everything in the kingdom. Surprisingly, some of these fictional measures later would be actually implemented. The reason for the author’s ‘clairvoyance’ lies in his contacts with the secretaries of state who were then preparing large-scale reforms, which would eventually be cancelled due to the unexpected death of the king and the outbreak of the Wars of Religion. A considerable part of the decrees is devoted to plans of the reform of the Gallican Church: from the elevation of the Bishopric of Paris to the rank of an archdiocese to tightening control over the morals of prelates. This article pays special attention to how the *Dicaearchiae* regulated the elements of ‘everyday piety’ — the rituals of blessing of the bridal chamber, purification after childbirth, and belief in the existence of limb. A limitation of ‘luxury’ was also to be introduced: refusal of precious ecclesiastical ornaments, redundant bells, and a reduction in the number of holidays associated with the veneration of saints. Without abandoning the cult of saints, Spifame undertakes a reform of the ecclesiastical calendar and creates a sort of national martyrology of warriors who died for their homeland and ‘are venerated as saints without a canonisation’.

Key words: Henry II; Gallican Church; “Gallican crisis”; Raoul Spifame; everyday piety; national martyrology of warriors

Acknowledgements

The study was implemented in the framework of the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2021.

For citation: Uvarov, P. Yu. (2021). Proekty reform Gallikanskoj tserkvi i "povsednevnogo blagochestiia" nakanune Religioznykh vojn [Projects of the Gallican Church and the 'Everyday Piety' Reform on the Eve of the Wars of Religion]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 59–74. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.025>

Submitted: 21.10.2020

Accepted: 25.03.2021

Так называемый «галликанский кризис», вызванный конфликтом французского короля Генриха II с папой Юлием III, разразился в 1551–1552 гг. Во время этого конфликта стороны, казалось, были в шаге от полного разрыва. Генрих II отправил каждому из епископов своего королевства письмо, в котором указывал на «раздоры, разврат, ереси, ошибки и злоупотребления, кишящие в христианском мире, в результате чего вера убывает со дня на день, гибнет и погибает на глазах» [Venard, p. 201]. Епископам предписывалось незамедлительно прибыть в свои диоцезы и неотлучно находиться в них следующие шесть месяцев, проверить состояние дел, проводить беседы со всеми кюре, раз узнавать о верованиях и поведении прихожан, чтобы затем доложить обо всем на национальном соборе, который король соберет для блага Галликанской церкви и сохранения католической веры в ее целостности. Французский король провозглашал программу религиозных реформ, легитимность которым должен был придать национальный собор Галликанской церкви.

Юлий III осудил «так называемую ассамблею национального собора всей Франции, созываемую вопреки авторитету Святого Престола», как шаг к отделению Галликанской церкви от католического мира. В разговоре с французским кардиналом де Турноном папа пригрозил лишить Генриха II королевства. Король отозвал из Рима французских кардиналов и выслал из Франции папского нунция, а 5 августа 1551 г. на заседании Королевского совета прозвучало предложение вывести Французское королевство из подчинения папе и учредить должность патриарха, который обладал бы всей полнотой власти над Галликанской церковью. Кардинал Лотарингский убедил короля отложить это решение [Ibid., p. 206].

Угроза схизмы казалась реальной, но стороны пошли на примирение весной 1552 г. Юлий III отказался от союза с императором и от войны с итальянскими союзниками Генриха II. Прагматические цели короля были достигнуты, и о реформе Галликанской церкви перестали вспоминать. Весной 1552 г. началась французская военная кампания в Германии. При этом в стране произошли беспрецедентные преобразования. Зимой 1551–1552 гг. было создано сразу 60 президиальных судов. Массовая продажа новых должностей позволила окупить военные расходы того года, а учрежденная новая судебная инстанция усиливала контроль короля над территорией Франции. Беспрецедентная по своему размаху судебная реформа требовала напряженной работы всего штата королевских

секретарей [Claerr]. Королевский «штаб реформ», даже если бы и получил такой приказ, не смог бы параллельно готовить реформу Галликанской церкви.

Но существовал ли у короля или у его советников в 1551–1552 гг. некий план церковной реформы? Если он был, то от него тогда отказались совсем или же отложили его реализацию до окончания войны с Габсбургами? Об этом мы вряд ли узнаем. И все-таки есть документ, который, как представляется, может хоть как-то пролить свет на данный вопрос.

В августе 1556 г. в Париже было опубликовано произведение, названное *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata* («Упражнения христианнейшего короля Генриха в хорошем правлении»). Термин *progymnasmata* относил произведение к жанру риторических упражнений на вымышленную тему. Сборник состоял из 306 якобы королевских постановлений, имевших целью достичь «наилучшего состояния государства» [Dicaearchiae, fol. 2¹]. Этот труд не был анонимным: в латинском посвящении сочинение уподоблялось статуе «христианнейшего короля Генриха, возведенной в Лютеции Парижской с народного одобрения Раулем Спифамом, галльским поэтом, автором сего сочинения (*Radolpho Spifama poeta Gallo praekonii huius auctore*)».

26 августа 1556 г. Парижский парламент издал постановление о конфискации экземпляров этой книги, уничтожении рукописи и набора второго тома, подготовленного к печати [AN, XIa 1583, fol. 134]. Дело было в том, что Рауль Спифам давно уже конфликтовал со своими могущественными родственниками и их друзьями в Парламенте [Десимон, Мий, Уваров, с. 274–277]. В 1552 г. ему было запрещено публиковать «пасквили против многих известных персон парламентской курии» [AN, XIa 1573, fol. 599]. В мае 1554 г. по просьбе родных Рауля Спифама поместили под опеку «по причине помешательства ума и чувств». Парламентская курия «рассмотрела многие писания, клеветнические пасквили и публичные акты указанного Спифама и сочла помешательство очевидным», ему было запрещено появляться в Парламенте и в других судах [AN, XIa 1578, fol. 583; AN, XIa 1579, fol. 23v]. Публикация книги означала злостное нарушение парламентских запретов, тем более что ряд положений этого сочинения содержал персональные нападки на судей и приставов Парламента.

Некоторые экземпляры первого тома *Dicaearchiae* разошлись по рукам, и книга стала известна последующим поколениям. Одни считали ее порождением фантазии человека, одержимого манией величия [Catherinot, p. 7–8; Nerval], другие принимали некоторые из вымышленных постановлений Спифама за вполне аутентичные королевские законы [Sainte-Marthe, p. 502; Estivals, p. 108], третьи же видели в *Dicaearchiae* озарение провидца, поскольку автору удалось предсказать многое из того, что было претворено в жизнь позднее [Auffray; Fournier, p. 398; Defrance, p. 22; Heller, p. 69–73].

Как же получилось, что при всей экстравагантности автора ему удалось предвосхитить вполне конкретные преобразования? Помимо того, что Спифам

¹ Пагинация в трактате дается не по страницам, а по листам, хотя и она иногда прерывается.

был наблюдательным и опытным юристом, чутко улавливавшим слухи, которые носились под сводами Дворца правосудия, он общался и с теми, кто разрабатывал реформационные эдикты Генриха II.

Стремясь подражать логике королевских реформ и по возможности углубить их, он эксплицитно (и даже немного шаржированно) провозглашал идеологию преобразований, которая имплицитно присутствовала в королевском законодательстве. Это в первую очередь относится к мерам в области судопроизводства [Jeanclos], муниципального управления, образования, к распоряжениям, затрагивавшим область семейных отношений. Не менее трети постановлений *Dicaearchiae* посвящены реформе Галликанской церкви.

Вопросы церковного устройства по Спифаму рассмотрены мной в отдельной статье [Уваров, 2020], поэтому ограничусь здесь лишь самыми общими сведениями об обосновании автором прерогатив короля в сфере церковного управления.

Король обладает высшей юрисдикцией в том, что относится к светской власти церковных сеньоров: контролирует церковные суды, регулирует вопросы, связанные с имущественными правами духовенства, организует преследование еретиков. Этому посвящено немало статей *Dicaearchiae*. Но Спифам от имени короля активно вмешивается в те области, которые считались предметом попечения церкви: помощь бедным, организация странноприимных домов и больниц, школьное и университетское образование, вопросы семьи и брака. Это также соответствовало интенциям реального королевского законодательства, но в *Dicaearchiae* оказалось выражено в более концентрированном виде. На правах «сюринтенданта Галликанской церкви» король на страницах *Dicaearchiae* вносит изменения в структуру церковной иерархии. Среди предложенных мер: учреждение патриаршества во Франции — патриархом должен был стать архиепископ Парижский (кафедра Парижа станет архиепископской лишь в 1622 г.) — и особой коллегии кардиналов Галликанской церкви (ими станут епископы диоцезов Иль-де-Франса), а также учреждение особой «квазипонтификальной» печати и соответствующей канцелярии для управления Галликанской церковью. От имени короля «квазипапское суперинтендантство» будут осуществлять Великий омонье (королевский раздатчик милостыни) и подчиненные ему служители.

Наделить короля необходимыми для этого прерогативами должен, по мысли Спифама, некий освященный собор — то ли возобновивший свою работу и значительно «улучшенный» Тридентский собор, то ли тот самый собор, о котором говорилось в 1551 г. как о соборе Галликанской церкви, приравненном ко Вселенскому. Но если созыв собора будет откладываться (а по состоянию на 1556 г. дело обстояло именно так), то сам папа передаст королю такое право с целью реформировать злоупотребления в Галликанской церкви.

В рамках данной статьи будут рассмотрены вопросы, которые относятся к области, именуемой в современной французской религиоведческой литературе *religion vecu* — «переживаемая религия», обыденная религиозная жизнь. Автор *Dicaearchiae* не оставляет без внимания ритуалы благочестия, связанные

с основными этапами жизненного пути человека — свадьбой, рождением детей, праздниками, болезнями, смертью.

Начнем со свадьбы, вернее, с обряда благословения супружеского ложа новобрачных, который, по мнению законодателя, часто служит «причиной многих скандалов и глумлений над святым таинством брака, насмешек над церковным благословением и унижения оно». К тому же, добавляет Спифам, «чаще всего новобрачные вовсе и не ложатся в постель, над которой свершалось церковное благословение». Когда же обряд презируют, то его лучше вовсе запретить или же «перенаправить на милосердные деяния помощи ближнему, находящемуся в нужде». Впредь исполнение обряда во время свадьбы запрещено, получить благословение супружеского ложа можно будет только в церкви. По окончании мессы для тех, кто пожелает, благословение будет проводиться «над изображением указанного ложа» (*sur la representation dudit lit*), выставленного на краю алтаря, или же над сложенным бельем, заранее принесенным в храм и предназначенным для ложа новобрачных. Деньги, которые прежде уплачивались за эту требу кюре или его викарию в размере 14 парижских су, теперь будут расходоваться на содержание близлежащего чумного барака (*le sanitat*) или госпиталя для заразных больных [*Dicaearchiae*, XLVII, fol. 76v–77v.].

Итак, Спифам борется с давним обычаем, уходящим корнями в фольклорные обряды плодородия, видя в них лишь непотребства. В данном случае это вполне соответствовало наблюдениям современников, достаточно взглянуть на картину «благословение брачного ложа» фламандского художника Мартина ван Клеве, младшего современника Спифама и Брейгеля-старшего. В «королевском» постановлении Спифама желание прихожан следовать традиции «конвертируется» в общественную пользу для общего блага, тем более что забота о больных рассматривается в *Dicaearchiae* как важнейшая задача церкви. Интересно, что в этом постановлении, как и в некоторых других, Спифам стремился ограничить контакты церковнослужителей с мирянами за пределами храма и вне контроля властей.

Dicaearchiae стоит на страже «семейной тайны», неприкосновенности частного жилища. В том же постановлении, помимо обряда благословения ложа, критикуется еще один обычай: «под видом христианского благословения после водосвятия по воскресеньям затеваются походы с целью доставки на дом святой воды». Но поскольку в праздничные дни многие жители отправляются за город или участвуют в развлечениях, оставляя свои дома без должной охраны, то от этих разносчиков святой воды «происходит большой ущерб для общего порядка, в результате дома часто бывают ограблены, женщины и девы изнасилованы, и многие секреты этих домов оказываются раскрыты к выгоде злонамеренных людей, ведущих судебную тяжбу с хозяевами данного жилища» [*Dicaearchiae*, XLVII, fol. 76v.]. Впредь, согласно *Dicaearchiae*, святую воду миряне будут получать только в церкви из рук священников. Спифам со свойственной ему практичностью уточняет, кто будет выполнять эту функцию, какое будет вознаграждение, из каких фондов оно будет выплачиваться.

Французский исследователь Андре Бюргьер, анализируя требники, служебники, судебные и нотариальные документы Старого порядка во Франции, показал, как менялось отношение церкви к участию в брачных обрядах [Burguière]. С конца XVI в. усилилась нетерпимость церковных властей к фольклорным элементам культуры. Постепенно большинство обрядов свадебного ритуала переносилось под своды церкви, переосмысливаясь в религиозно-дидактическом духе. В данном случае Спифам следует вектору изменений в духе решений Тридентского собора.

Защита «домашней тайны» упомянута и в другом постановлении, посвященном беременности и родам. «Во исполнение святых декретов, запрещающих особые обряды очищения женщин, разрешившихся от бремени, восставших незапятнанными с ложа достойного плодородия, перед тем как им посещать церковь и слушать божественную службу», кюре и викариям приходских церквей предписывается не проводить подобные обряды и не превращать их в торжество [Dicaearchiae, CLVI, fol. 209v–210v]. В *Dicaearchiae* поясняется, что одни женщины оправляются от родов быстрее, другие медленнее и сие относится к «домашним секретам», которые надлежит хранить в стенах дома, а не превращать в праздник.

Спифам, имевший степень доктора не только в гражданском, но и в каноническом праве, хорошо представлял себе суть коллизии. Ученая традиция, в том числе отраженная в Декрете Грациана, вступала в противоречие с обычаем «очищений» (*relevailles*), согласно которому женщину допускали в храм и к причастию только на сороковой день после родов. Этот обычай восходил к древним табу, находившим, впрочем, подтверждение в предписаниях книги Левит о ритуальной чистоте и нечистоте [Miramon].

Особую важность представляет причастие: «кюре и викариям следует всячески увещевать беременных женщин как можно чаще причащаться святым телом Господа нашего, поскольку роды опасны для жизни, а причастие является во всех смыслах животворящей силой». Если женщина в тягости не будет публично причащаться в приходской церкви должным образом, то ее муж будет приговорен к штрафу, «взимаемому Великим омонье или его служителем» [Dicaearchiae, CLVI, fol. 210].

Следующее по порядку постановление *Dicaearchiae* тоже посвящено деторождению. Кюре и викариям категорически запрещено допускать, чтобы тела детей, рожденных в законном браке, но умерших прежде, чем было совершено их крещение, бросали в яму, именуемую «колодецем лимба» (Спифам уточняет, ссылаясь на молву, что этот «колодец лимба» якобы служит для устрашения матерей). Эта «темнота предосудительного благочестия» прямо противоречит католической доктрине. «Король твердо верит, как и все должны верить в то, что дети христиан, зачатые в законном браке, еще во чреве матери относятся к числу избранников Божьих». Спифам объясняет, что избранность детей предопределена как таинством брака, так и твердым намерением родителей крестить ребенка. И если ребенок умирает, то на него все равно будет распространяться

благодать крещения, «подобно тому, как турок или еврей, решившие креститься и направлявшиеся в крестильню, но умершие в пути, считаются крещеными». В постановлении предписывается хоронить мертворожденных детей в освященной земле, «как достойных воскрешения к вечной жизни в утешение их несчастных матерей в их тоске и отчаянии», хотя, продолжает законодатель, «они должны оценивать их смерть в большей мере как обретение, чем как потерю, поскольку младенцы суть святые души посланники между Богом и людьми» [Dicaearchiae, CLVII, fol. 210v–211].

Международная теологическая комиссия лишь в 2007 г. с санкции папы Бенедикта XVI окончательно отказалась от «теории лимба». Но и в XVI в. полемика о мертворожденных младенцах и попадании в лимб велась весьма интенсивно. Представляется, однако, что внимание Спифама к данному сюжету имело не только ученый характер. В феврале 1556 г. Генрих II подписал Эдикт о сокрытии беременности [Flandrin, p. 221]. Королевское распоряжение было направлено против убийства матерями младенцев, прижитых вне брака, вследствие чего убитые дети были лишены таинств крещения и причастия. По всей видимости, постановление Спифама призвано было образовать пару к февральскому эдикту: несчастная судьба младенцев-бастардов, не дождавшихся крещения, должна была контрастировать со спасением душ мертворожденных детей, зачатых в законном и освященном браке.

Вообще, 1556 год оказался знаменит тем, что королевское законодательство впервые вторглось в эту область семейного права, традиционно регулировавшегося правом каноническим или обычным (кутюмами). В том же феврале был опубликован Эдикт против тайных браков, заключенных без согласия родителей. Дети от такого брака лишались наследства и своего социального статуса [Code matrimonial..., p. 34; Peguera Poch, p. 147–148]. Спифам и в данном случае опубликовал постановления на смежную тему [Dicaearchiae, LV, fol. 85–86; CCXVI, fol. 280v–281v].

Утверждение *Dicaearchiae* о том, что скорбь по поводу умерших младенцев не уместна, более пространно обосновывается в специальном постановлении, посвященном трауру. Спифам объясняет, что знаки печали и меланхолии, траура и грусти, внушаемые церковью христианам, служат цели склонить их к покаянию, а не вселить ужас перед смертью. Смерть — неизбежная дань природе, выгодная человеку, который в ином случае жил бы долго, все больше впадая в беспомощность и мучаясь от болезней. Согласно христианскому вероучению, увещевает автор *Dicaearchiae*, час смерти является началом пути в вечное празднование, его следует скорее желать, чем бояться. Поэтому все знаки траура и печали по усопшим, по мнению Спифама, излишни. Исключения составляют похороны государей и сеньоров, от жизни которых зависит общее благо [Dicaearchiae, XIV, fol. 17v–19].

Основное содержание данного постановления составляют именно эти исключения, а вовсе не искоренение погребальных процессий и заупокойных служб. В противном случае практичный Спифам тщательно прописал бы

меры воздействия на нарушителей запретов и способы использования высвободившихся средств. Но в целом осуждение излишнего траура можно отнести к «сумптуариям» — предписаниям против роскоши [Селунская]. В других постановлениях этого типа в *Dicaearchiae* запреты выражены более определенно.

Так, Спифам предписывает отказаться от церковной утвари из золота и серебра, украшенной самоцветами, что вводит прихожан в соблазн и опасно граничит с идолопоклонством. Потиры, дароносицы и реликварии впредь должны быть деревянными и оловянными, а конфискованные роскошные предметы послужат для организации (конституирования) рент в местной ратуше, проценты по которым пойдут на благотворительные нужды [*Dicaearchiae*, CXV, fol. 175].

Особое постановление посвящено церковным колоколам. «Хотя использование колоколов является необходимым для сохранения гражданского общества (*société civile*) и для церковных церемоний, все же, как часто случается в подобных вещах... их излишество оборачивается нелепостью и презрением», когда колокола служат для удовлетворения тщеславия и для светских развлечений. Необходимо, проинспектировав все церкви, лишние колокола отправить на переплавку, дабы полученный материал пошел на чеканку мелкой монеты. Образовавшиеся суммы лягут в основу конституированных рент местной ратуши, выпущенных под 12-й денье (8,3 %). В пограничных областях королевства снятые колокола пойдут на изготовление пушек, дабы не быть застигнутыми врасплох в случае внезапного возобновления войны [*Dicaearchiae*, CCLXIV, fol. 229]².

К «роскоши» Спифам относит также поведение священников и алтарников, ищущих любые пути для получения денег с мирян [*Dicaearchiae*, LXXXI, fol. 107v]. Они берут плату за требы, сакраменталии и таинства, которые должны быть бесплатны, и, главное, склоняют мирян устраивать пирушки с участием клириков по любому поводу: крестины, венчания и свадьбы, поминки и похороны, благословение колоколов и первая месса, которую называют «свадьбой клириков». В данном случае речь идет о первой церковной службе молодого священника, на которую приглашались все его родные и близкие [*Schlaefli*]. Если не все эти практики можно запретить, то их надо ограничить. Так, дозволяется иметь во время крестин не более одного восприемника и восприемницы, на свадьбах — не более шести участников с каждой стороны. «Первую мессу» помимо молодого клирика надлежит служить еще двум опытным, дабы продемонстрировать нераздельное сослужение в «наисвятейшей евхаристии». Таким образом, молодой клирик не будет иметь особых прав на банкет и подарки. Запрещаются празднование помолвок, пирушки религиозных братств, банкеты по случаю получения ремесленных метризов [Кириллова], докторских и иных степеней и иных успехов в ремесле и в науке, равно как и банкеты после вступления в должность. Участие в недозволенных праздниках и ассамблеях ведет

² Такое использование колоколов время от времени встречалось при Старом порядке, но во время Французской революции оно было узаконено декретами от 3 августа в 1791 г. и 14 апреля 1792 г. [*Répertoire général*, p. 554].

к конфискации съестных припасов, значительным штрафам, а в случае рецидива — к тюремному заключению. Помимо борьбы с «непотребствами», строгости призваны пресечь перевод продуктов, поскольку вокруг много голодающих.

Законодатель запрещает принимать участие и в публичных танцах, и в пирах в праздничные дни, особенно в дни престольных праздников. По мнению Спифама, это только видимость благочестия, служащая лишь чревоугодию и чреватая именно тем идолопоклонством, в борьбе с которым гибли святые мученики. Следовало категорически пресекать какую-либо торговлю как внутри церкви, так и в непосредственной близости от нее [Dicaearchiae, CCLXV–CCLXVI, fol. 330v–332].

Эти и прочие ограничения кажутся вполне предсказуемыми, о них много раз упоминали и современники Спифама. Предписывается также ограничить паломничества, особенно в страны, которыми правят враги Французского королевства [Dicaearchiae, CCLXXVI, fol. 343v–344], и не допускать пышных и продолжительных церковных процессий — Спифам рекомендовал проводить их, не покидая ограды церкви [Dicaearchiae, CCLXXIV, fol. 340v–342v].

Также недопустимым казалось и чрезмерное воздержание во время поста, ведь эта практика ставила под угрозу жизнь подданных Французского королевства. Спифам для примера говорит об отшельниках-картузианцах, которые даже во время болезни отказываются от пищи животного происхождения, будь то бульон из каплуна или похлебка, способные поддержать силы. Тем самым они допускают «беззаконие по отношению к своей душе, поскольку тело — вечный ее помощник в земной жизни и в бессмертии». Характерно, что в этом же постановлении Спифам меняет регламент диспутов в Сорбонне, предписывая устраивать перерыв, чтобы не причинять вреда здоровью [Dicaearchiae, CCXLVIII, fol. 313v–315].

Соблюдение постов все же представляется Спифаму необходимым. Прежде всего, это относится к духовенству, но и мирянам не следует пользоваться послаблениями, легко получаемыми из рук прелатов. Прелаты вообще не имеют власти в этом вопросе, они могут отпускать свершенные грехи, но не допускать их свершение. «Поскольку исполнение святых соборных и апостолических декретов возложено не на прелатов церкви, а на короля», большую часть этих забот законодатель перепоручает Великому омонье. Только он и его служители (викарии) должны следить за соблюдением постов и выдавать письменные разрешения не соблюдать пост по уважительной причине. Но и получив разрешение, люди должны искупать этот свой грех умеренными штрафами, которые пойдут в кассу ближайшего чумного барака [Dicaearchiae, CLVIII, fol. 209v–210v].

Поститься должны все, включая военных. Но их случай — особый. Ведь войны обычно начинаются весной, а в это время плоть благочестивых воинов ослаблена воздержанием. Поэтому сроки Великого поста для них сдвигаются. По мнению Спифама, Великий пост для военных должен заканчиваться в воскресенье после первой пятницы марта и, соответственно, начинаться сорока днями ранее [Dicaearchiae, CCXVIII, fol. 282–283].

В целом Спифам достаточно вольно обращается с календарем. Предвосхищая Руссильонский эдикт 1564 г., он предписывает начинать год с 1 января, «чтобы сблизить Галликанскую церковь с Римским апостолическим престолом», а также для удобства делопроизводства, поскольку те, кто занимается финансами, давно уже отсчитывают год не по Пасхе, а с фиксированной даты 1 января [Dicaearchiae, CXCV, fol. 255v].

Сетуя на обилие праздничных дней, посвященных тому или иному святому, что мешает должному их почитанию и не дает возможность бедному люду заработать на хлеб, Спифам смело объединяет и переставляет церковные праздники. По его мнению, на неделе не более одного дня, помимо воскресенья, надлежит отводить торжественному поминовению святых. Таким днем он объявляет четверг, причем церковную службу следует реорганизовать так, чтобы святых поминали утром, а вторая половина дня была освобождена для работы [Dicaearchiae, XLVIII, fol. 78].

Чуть дальше, в группе документов, запрещающих пирушки по поводу дня святых и торговли в храмах, делается более решительный шаг, изменяющий всю систему поминовения святых. «Король получает многочисленные жалобы от своего бедного народа на множественность праздников, которые, следуя зачастую один за другим, мешают зарабатывать на жизнь». Это имеет особо тяжкие последствия в сезоны посевных и уборочных работ: «часто бывает так, что благоприятные дни приходятся на праздники, а в прочие дни идет дождь или устанавливается непогода, в результате чего земля плохо обрабатывается и плохо собираются ее дары, что ведет к ущербу для общего блага и является неблагодарностью к Богу-творцу, чьи дары следует тщательно собирать, воздавая тем ему хвалу» [Dicaearchiae, CCLXVII, fol. 332].

Согласно *Dicaearchiae*, ни одного дня праздничного поминовения святых не должно приходиться на периоды с середины февраля до середины апреля, с середины июня до Успения (15 августа) и с 1 сентября до дня Всех святых (1 ноября). Нерабочими должны оставаться лишь воскресенья и Великие (двенадесатые) праздники [Ibid., fol. 332–333v].

При этом Спифам совсем не против почитания святых. В одном из постановлений, уже цитировавшемся мной [Уваров, 2019], говорится о необходимости почитания святых. На фасаде каждого дома должно находиться изображение святого, перед которым в ночное время будет гореть свеча, чтобы «ночное освещение убавило смелости святотатцам и грабителям». Имя святого покровителя дома надлежит зарегистрировать в полицейской палате, тем самым решая проблему поиска адресов. Хозяину следует позаботиться о том, чтобы все жители дома знали житие этого святого, совершенные им чудеса и выучили молитвы, с которыми к святому следует обращаться за помощью [Dicaearchiae, CXXVI, fol. 186–187].

Пытаясь сократить число праздничных дней и при этом не умалить почитания святых, автор *Dicaearchiae* предписывает помянуть святого не ежегодно, но один раз в десять лет. В году он предусматривает три праздничных дня, в каждый

из которых будет поминаться пара святых. Первый праздник будет посвящен в основном поминовению апостолов, евангелистов, а также святых Екатерины и Агнессы. Во время второго праздника будут поминаться святые и угодники, причем в один из годов следует отмечать день памяти святых покровителей данного диоцеза и данного прихода. Цикл третьего праздника открывает в первый год поминовение Невинноубиенных [младенцев] и 10 тысяч [Никомедийских] мучеников, в следующий раз будут поминаться 11 тысяч девственниц [св. Урсулы] и св. Маврикий с его воинами. На третий же год наступит очередь святых Роланда и Оливье — «мучеников и рыцарей Круглого стола (!), которые погибли в Ронсевальском ущелье, защищая Христианский мир, мученичество которых церковь отмечает в 16-е календы июня, ибо те, кто смело защищал веру и родную страну и корону Франции и пал на поле брани на службе своему государю, суть славные мученики в Раю, и потомки должны их почитать без всякой канонизации». Оставшиеся семь лет цикла пока остаются незанятыми, в эти дни будут почитаться «рыцари Франции, умершие за свою христианскую веру и за свою страну» [Dicaearchiae, CCLXVII, fol. 333v]. Их имена и форма прославления будут установлены Патриаршим советом (новым органом, придуманным Спифамом), чтобы побудить потомков к подражанию их доблести.

В постановлении XIV, где обсуждался траур по усопшим, Спифам, как мы помним, делал исключение для правителей и сеньоров, от которых зависело общее благо. Там же говорилось о святых рыцарях Роланде и Оливье и о необходимости создать «мартиролаг — каталог всех принцев, капитанов, их помощников и прочих воинов, погибших в военных походах ради сохранения и защиты короны Франции, начиная со времен Карла Великого» [Dicaearchiae, XIV, fol. 17v–19]. Подобно мартирологу святых этот «каталог воинов» надо было организовать по календарному принципу в соответствии с днями поминовения и читать его во всех церквах, «дабы воодушевить дворянство более доблестно служить своим оружием среди опасностей войны» и пасть «в качестве подлинных мучеников, без канонизации, если случится им умереть на этом одре славы». Спифам учреждал должность «штатного историографа доблестных деяний, свершенных добрыми и славными рыцарями» [Ibid., fol. 18v]. Описание подвигов следовало составить на латыни и на французском языке. Историографу предстояло работать в паре со специально назначенным для этого прославленным поэтом. Очертив круг их обязанностей, Спифам определял размер их жалованья и указывал статью королевских доходов, из которых оно должно было выплачиваться.

Жан Офрэ, почитатель Спифама, живший в XVIII в., был в восторге от идеи создания военного мартиролога и писал, что такой пример необходим и современным ему воинам [Auffray, p. 17–18]. Но и здесь Спифам, придумывая, казалось бы, нечто совершенно новое, опирался на хорошо известные примеры. Указания на «святых Роланда и Оливье» не являются его вымыслом. Эти рыцари не были включены в унифицированный Римский мартиролаг 1583 г., но в некоторых из старых мартирологов они упоминались как святые (их память, судя по всему, отмечалась все-таки в 16-е календы июля, а не июня)

[The Pseudo-Turpin, p. 87]³. Позднее Средневековье подготовило шаг, который уподобит святым героев, павших за Родину [Kantorowicz]. Кстати, и Офрэ указывал, что подобные заупокойные службы за павших героев учреждены в Испании, Австрии и на Мальте, но, конечно, они далеки от таких разумных предложений Спифама [Auffray, p. 19].

Обращает на себя внимание то, что «сбывшихся предсказаний» Спифама немало в области судопроизводства и организации муниципальной жизни, но в отношении реформирования Галликанской церкви их значительно меньше. При Старом порядке сбылось лишь «предсказание» об учреждении архиепископства Парижского, хотя общий вектор изменений, предписываемых Спифамом, направлен в ту же сторону, что и преобразования в духе Тридентского собора, и инновации следующего столетия — «века святых» во Франции. Мне представляется вероятной гипотеза о близости Спифама кругу «государственных секретарей», осуществлявших масштабные реформы Генриха II. В период «галликанского кризиса» эти чиновники проговаривали варианты реформ Галликанской церкви, ведь поднимался же в Королевском совете вопрос об учреждении патриаршества во Франции — вопрос, который так вдохновил Спифама. Вряд ли секретари сразу же забывали про свои наработки, даже если их реализация откладывалась. Изменения судебной системы, развитие городов, помощь бедным — все это будет развиваться примерно в одном направлении. Королевская власть в следующем веке еще более усилится, чиновников станет еще больше, города вырастут, но будут управляться лучше, за бедными попытаются следить более внимательно. Экстраполяция имевшегося опыта на будущее — ближайшее или более отдаленное — в принципе была возможна. Но отношения королевской власти с церковью двинутся совсем по другой траектории, чем это виделось в начале 1550-х гг. Реформация, Контрреформация и долгие Религиозные войны сделают реализацию предсказаний невозможной или отложат ее на очень уж долгий период.

И все же планы Рауля Спифама, как губка впитывавшего идеи, которые носились в воздухе, о которых говорили в королевском «штабе реформ» и которые так и не были реализованы, хорошо иллюстрируют специфику раннего Нового времени. Эта эпоха являлась амальгамой Средневековья, перерабатывала вполне средневековые идеи, но при этом таила в себе удивительный инновационный потенциал, далеко не сразу нашедший себе применение в последующий период.

Источники

AN — Archives Nationales. Série X Parlement de Paris; XIa Parlement civil.

Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours, ou Choix des arrests qui composent le Recueil de Raoul Spifame, connu

³ Выражаю глубокую признательность А. А. Королеву, предпринявшему разыскания и предоставившему подробные сведения о почитании этих святых рыцарей и вариативности дней их поминовения. Собранный им материал вполне может лечь в основу отдельной статьи.

sous le titre de *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata*. Amsterdam ; Paris : Chez Claude-Jacques-Charles Durand, 1775.

Catherinot N. Le Prest gratuit. Bourges : [s. e.], 1679.

Code matrimonial ou recueil des édits, ordonnances et déclarations sur le mariage, avec un dictionnaire des décisions les plus importantes sur cette matière / éd. P. Le Ridant. Paris : Hérisant fils, 1766.

Dicaearchiae — [*Radelpho Spifama poeta Gallo præconii huius authore*] *Dicaearchiae Henrici Regis Christianissimi Progymnasmata*. [Paris], 1556.

The Pseudo-Turpin, edited from Bibliothèque Nationale, fonds latin, MS. 17656 / ed. H. M. Smyser. Cambridge (Mass.) : Medieval Academy of America, 1937.

Répertoire général: contenant la jurisprudence de 1791 / par A. Ledru-Rollin. Paris : Bureau du journal de Palais, 1846. T. 3.

Sainte-Marthe A. [III] de. Plaidoyez de Messire Nicolas de Corberon chevalier, seigneur de Torvilliers, conseiller du Roy en ses conseils, avocat general au Parlement de Metz, & ensuite maistre des requestes ordinaires de l'Hôtel de Sa Majesté: avec les arrests intervenus sur ces plaidoyez: ensemble les plaidoyez de Abel de Sainte Marthe, avocat au Parlement, et depuis conseiller du Roy en son Conseil d'Etat, & garde de la bibliothèque de Sa Majesté à Fontainebleau. Paris : Ch. de Sercy, G. de Luyne et E. Michallet, 1693.

Исследования

Десимон Р., Мий Э., Уваров П. Ю. Семейные ценности Спифамов (разрыв и преемственность в парижском линияже в XVI–XVII веках) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2011. Вып. 72 (1–2). С. 274–305.

Кириллова Е. Н. Банкет в контексте эпохи: традиции французских ремесленных и торговых корпораций // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7, вып. 6 (50). URL: <https://history.jes.su/s207987840001553-7-1/> (дата обращения: 30.04.2021).

Селунская Н. А. Святой год, Святая Бедность, Сумптуарии: Проблемы историографии и методов исторических исследований. М. : ИВИ РАН, 2017.

Уваров П. Ю. Город чист, безопасен и хорошо управляем: урбанизм, утопизм и реализм в восприятии Парижа времен Генриха II // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 4 (193). С. 39–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.4.066>

Уваров П. Ю. «Королевское суперинтенданство над всею Галликанской церковью». Об одном малоизвестном проекте времен Генриха II (1556) // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV — XVII веке / отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. Калуга : Калуж. гос. ин-т развития образования, 2020. С. 531–554.

Burguière A. Le rituel du mariage en France: pratiques ecclésiastiques et pratiques populaires (XVIe–XVIIIe siècle) // Annales. ESC. 1978. Vol. 33, No. 3. P. 637–649.

Claerr R. L'histoire d'une prise de décision: les édits des présidiaux (janvier et mars 1552) // La Prise de décision en France (1525–1559) / éd. P. Claerr, O. Poncet. Paris : Publications de l'École nationale des chartes, 2008. P. 161–177.

Defrance E. Histoire de l'éclairage des rues de Paris. Paris : Imprimerie Nationale, 1904.

Estivals R. Le Dépôt légal sous l'Ancien régime de 1537 à 1791. Paris : Rivière, 1961.

Flandrin J.-L. Les amours paysannes. Amour et sexualité dans les campagnes de l'ancienne France (XVIe–XIXe siècle). Paris : Gallimard-Julliard, 1975.

Fournier E. Le vieux-neuf: Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes. T. 2. Paris : E. Dentu, libraire-éditeur, 1859.

Heller H. Labour, Science and Technology in France, 1500–1620. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998.

Jeanclus Y. Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame. Genève : Droz, 1977.

Kantorowicz E. H. Pro Patria Mori in Medieval Political Thought // The American Historical Review. 1951. Vol. 56, No. 3. P. 472–492.

Miramon Ch. de. La fin d'un tabou? L'interdiction de communier de la femme menstruée au Moyen Âge. Le cas du XIIe siècle // Le sang au Moyen Âge : Actes du quatrième colloque international de Montpellier, Université Paul-Valéry (27–29 novembre 1997) / ed. M. Faure. Montpellier : Université Paul-Valéry, 1999. P. 163–181.

Nerval G. de. Le roi de Bicêtre (XVIe siècle): Raoul Spifame // Nerval G. de. Oeuvres. Paris : Edité par Garnier, 1958. P. 82–97.

Peguera Poch M. Filiation illégitime et mariagere prouvé en France à l'époque moderne (XVIe–XVIIIe siècle) // Bâtards et bâtardises dans l'Europe médiévale et moderne / dir. C. Avignon. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2016. P. 147–156.

Schlaefli L. Une fête rare: la première messe // Revue d'Alsace. 2015. Vol. 141. P. 179–193.

Venard M. Une réforme gallicane? Le projet de concile national de 1551 // Revue d'histoire de l'Église de France. 1981. T. 67, No. 179. P. 201–225.

References

Burguière, A. (1978). Le rituel du mariage en France: pratiques ecclésiastiques et pratiques populaires (XVIe–XVIIIe siècle). *Annales. ESC*, 33(3), 637–649.

Claerr, R. (2008). L'histoire d'une prise de décision: les édits des présidiaux (janvier et mars 1552). In P. Claerr, & O. Poncet (Eds.), *La Prise de décision en France (1525–1559)* (pp. 161–177). Paris: Publications de l'École nationale des chartes.

Defrance, E. (1904). *Histoire de l'éclairage des rues de Paris*. Paris: Imprimerie Nationale.

Descimon, R., Milles, É., & Uvarov, P. Yu. (2011). Semeinye tsennosti Spifamov (razryv i preemstvennost' v parizhskom lin'iazhe v XVI–XVII vekakh) [The Spifame Family Values (Breaks and Continuity of Parisian Lineage of 16th–17th Centuries)]. *Srednie veka. Issledovaniia po istorii Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni*, 72 (1–2), 274–305.

Estivals, R. (1961). *Le Dépôt légal sous l'Ancien régime de 1537 à 1791*. Paris: Rivière.

Flandrin, J.-L. (1975). *Les amours paysannes. Amour et sexualité dans les campagnes de l'ancienne France (XVIe–XIXe siècle)*. Paris: Gallimard-Julliard.

Fournier, E. (1859). *Le vieux-neuf: Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes* (Vol. 2). Paris: E. Dentu, libraire-éditeur.

Heller, H. (1998). *Labour, Science and Technology in France, 1500–1620*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Jeanclos, Y. (1977). *Les projets de réforme judiciaire de Raoul Spifame*. Genève: Droz.

Kantorowicz, E. H. (1951). Pro Patria Mori in Medieval Political Thought. *The American Historical Review*, 56(3), 472–492.

Kirillova, E. N. (2016). Banket v kontekste epokhi: traditsii frantsuzskikh remeslennykh i torgovykh korporatsii [Banquets in the Frame of Time: Traditions of French Craft Guilds]. *ISTORIYA*, 7, 6 (50). Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840001553-7-1/>

Miramon, Ch. de (1999). La fin d'un tabou? L'interdiction de communier de la femme menstruée au Moyen Âge. Le cas du XIIe siècle. In M. Faure (Ed.), *Le sang au Moyen Âge : Actes du quatrième colloque international de Montpellier, Université Paul-Valéry (27–29 novembre 1997)* (pp. 163–181). Montpellier: Université Paul-Valéry.

Nerval, G. de (1958). Le roi de Bicêtre (XVIe siècle): Raoul Spifame. In G. de Nerval, *Oeuvres* (pp. 82–97). Paris: Edité par Garnier.

Peguera Poch, M. (2016). Filiation illégitime et mariagere prouvé en France à l'époque moderne (XVIe–XVIIIe siècle). In C. Avignon (Ed.), *Bâtards et bâtardises dans l'Europe médiévale et moderne* (pp. 147–156). Rennes: Presses universitaires de Rennes.

Schlaefli, L. (2015). Une fête rare: la première messe. *Revue d'Alsace*, 141, 179–193.

Selunskaya, N. A. (2017). *Sviatoi god, Sviataia Bednost', Sumptuarii: Problemy istoriografii i metodov istoricheskikh issledovanii* [Holy Year, Holy Poverty, and Sumptuary Laws: Issues of Historiography and Methods of Historical Research]. Moscow: Institute of World History RAS.

Uvarov, P. Yu. (2019). Gorod chist, bezopasen i khorosho upravliaem: urbanizm, utopizm i realizm v vospriiatii Parizha vremen Genrikha II [The City Is Clean, Safe, and Well-Managed: Urbanism, Utopianism, and Realism in the Perception of Paris in the Time of Henry II]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 21, 4 (193), 39–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.4.066>

Uvarov, P. Yu. (2020). “Korolevskoe superintendantstvo nad vseiu Gallikanskoi tserkov'iu”. Ob odnom maloizvestnom proekte vremen Genrikha II (1556) [“Royal Superintendence over the Entire Gallican Church”. About a Little- Known Project of the Time of Henry II (1556)]. In I. N. Bergovskaya, V. D. Nazarov, & P. Yu. Uvarov (Eds), *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV – XVII veke* [On the Way to the States of Modern Times: West and East of Europe at the End of the 15th – 17th Centuries] (pp. 531–554). Kaluga: Kaluzhskii gosudarstvennyi institut razvitiia obrazovaniia.

Venard, M. (1981). Une réforme gallicane? Le projet de concile national de 1551. *Revue d'histoire de l'Église de France*, 67(179), 201–225.

Уваров Павел Юрьевич

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

¹ главный научный сотрудник, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Институт всеобщей истории РАН 119334, Москва, Ленинский пр., 32а;

² профессор Школы исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории социальных исследований Центра фундаментальных исследований Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» 105006, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3

E-mail: oupav@mail.ru

Uvarov, Pavel Yurievich

Dr. Hab. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

¹ Chief Researcher, Head of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern Times

Institute of World History of the RAS 32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia

² Professor, School of Historical Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Social Research, Centre for Fundamental Research National Research University Higher School of Economics

21/4, Bldg. 3, Staraya Basmannaya Str., 105006 Moscow, Russia

Email: oupav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0808-2277>

ResearcherID: E-2807-2017

Scopus AuthorID: 56297330900

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.026
УДК 94(39)(093) + 903.26 + 82'01

Е. В. Стельник
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

ОТ ИДЕОЛОГИИ К МЕТОДОЛОГИИ: ТЕРМИН «ОБОЛ ХАРОНА» В СОВРЕМЕННОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается парадоксальная ситуация, связанная с использованием термина «обол Харона» в современном археологическом дискурсе. Термин «обол Харона» превратился в негласное нормативное историографическое правило, в «бесспорную» объяснительную модель. При этом сам, по существу, «пустой» термин не нуждается в аргументации, являясь очевидностью, вытекающей из самой «естественной» логики археологического исследования. Археологический дискурс превращает находку «обола Харона» в «закономерную» неизбежность. Практически любая монета (любого материала и достоинства) античного и раннесредневекового времени, найденная в Европе, Скандинавии, на Переднем Востоке или в Центральной Азии, привычно объявляется исследователями «оболом Харона». Поразительно, что чем более удален регион от древнегреческих полисов, тем скорее археологи находят там монеты, как считается, «посвященные» Харону. Более того, сам Харон превратился в историографии в однозначный символ не только древнегреческой книжной мифологии, но и всей древнегреческой культуры. Парадокс ситуации заключается в том, что Харон, представления исследователей о котором составляют содержание термина, не нуждался в монетах, а «древнегреческий похоронный обряд», к которому апеллируют авторы как к образцу «платы Харону», не предполагал никаких выплат Харону. Термин оказывается результатом не критичного чтения античной классической литературы, когда условности текста удобно замещают историческую реальность. «Филологическая археология» легко конструирует из свидетельств античных письменных источников необходимые для своей «научной» картины мира парадигмы, понятия и термины. Термин «обол Харона» не может быть наполнен содержанием, а является искусственной идеологической конструкцией, связанной с исследовательской традицией, опирающейся на идеи европейского романтизма (концепции И. И. Винкельмана и И. В. Гете).

К л ю ч е в ы е с л о в а: обол Харона; археология; классическая античная литература; методология, идеология

Ц и т и р о в а н и е: Стельник Е. В. От идеологии к методологии: термин «обол Харона» в современном археологическом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 75–85. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.026>

*Поступила в редакцию: 21.07.2019
Принята к печати: 25.03.2021*

Evgeny V. Stelnik*Volgograd State University
Volgograd, Russia*

**FROM IDEOLOGY TO METHODOLOGY:
THE TERM “CHARON’S OBOL”
IN MODERN ARCHAEOLOGICAL DISCOURSE**

This article deals with the paradoxical situation associated with the use of the term “Charon’s obol” in modern archaeological discourse. The term “Charon’s obol” turned into an unspoken normative historiographical rule and an “indisputable” explanatory model. At the same time, the term itself is essentially “empty”, and does not need to be argued, being the evidence arising from the “natural” logic of archaeological research. Archaeological discourse turns the discovery of “Charon’s obol” into a “natural” inevitability. Almost any coin (of any material and value) of ancient and early Middle Ages found in Europe, Scandinavia, the Far East, or Central Asia, is usually declared “Charon’s obol” by researchers. Surprisingly, the further the region is located from the ancient Greek poleis, the more coins dedicated to Charon archaeologists find. Moreover, in historiography, Charon has become an unambiguous symbol not only of ancient Greek book mythology, but also of the entire ancient Greek culture. The paradox of the situation is that Charon, the ideas of the researchers about whom constitute the content of the term, did not need coins, and the “ancient Greek funeral rite” which the authors appeal to as a model of “payment to Charon” did not imply any payments to Charon. The term is a result of uncritical reading of ancient classical literature. The term “Charon’s obol” cannot be filled with content, but is an artificial ideological construction related to the research tradition based on the ideas of European Romanticism (concepts of I. I. Winkelman and I. V. Goethe).

Key words: Charon’s obol; archaeology; classical ancient literature; methodology; ideology

For citation: Stelnik, E. V. (2021). Ot ideologii k metodologii: termin “obol Kharona” v sovremennom arkheologicheskom diskurse [From Ideology to Methodology: The Term “Charon’s Obol” in Modern Archaeological Discourse]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 75–85. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.026>

*Submitted: 21.07.2019**Accepted: 25.03.2021*

В современном археологическом дискурсе термин «обол Харона» приобрел чрезмерный характер. Исследователи просто «обречены» постоянно находить «обол Харона» в Северном и Восточном Причерноморье, Кавказской Албании, на Северном Кавказе, в Персии, Согдиане и Бактрии, в Средней Азии, в китайском Туркестане, на Ближнем Востоке, на Руси, в Южной Скандинавии, в Северной Европе, в Западной Сибири, у средних сарматов, у остроготов, у франков, у кельтов, у аваров, в Золотой Орде.

Любая монета, найденная во рту (на глазах или в руке), в погребении любого региона и культуры античного или раннесредневекового времени, автоматически, без какой-либо аргументации, становится «оболом Харона» [De Schutter, p. 56; Завойкин, с. 175].

«Обол Харона» — это само собой разумеющаяся очевидность. Термин не нуждается в обосновании¹, но сам по себе является объяснительной моделью.

По словам Б. Ш. Шмонеvского, «обол Харона» — не что иное, как «транскультурный феномен» [Шмонеvский, с. 266]. Универсальность оказывается главным свойством этого термина. Побочный эффект этой универсальности — это превращение Харона, о котором Цицерон не мог сказать ничего определенного [Сисеро, р. 326], в сверхбожество античного мира, перед которым меркнут Зевс и Юпитер.

Сомнения относительно универсальности монеты возникают у специалистов только с появлением христианского контекста, но и эти сомнения также строятся на допущении, что монета — это элемент исключительно эллинистической, т. е. языческой картины мира. Редкая критика термина [Sartori, S. 205; Литвинский, с. 117; Мызгин, с. 30] археологическим сообществом игнорируется. Любая попытка рассмотреть образ Харона заканчивается на предсказуемо отобранных свидетельствах «великой греческой литературы» [Сударев, Болдырев, с. 435; Зубарь, 2005, с. 127; Калашник, с. 90], которые должны однозначно объяснить наличие в погребении монеты.

Использование термина «обол Харона» в археологическом дискурсе стало важным историографическим правилом. Стереотипы археологической историографии делают находку «оболы Харона» просто неизбежной. Более того, само по себе активное употребление термина превращается в его же обоснование².

Парадокс ситуации заключается в том, что в античной мифологии Харон исполнял роль сурового бога смерти и не нуждался в монетах, а «древнегреческий похоронный обряд», к которому апеллируют авторы как к образцу «платы Харону», не предполагал никаких выплат Харону.

Использование термина «обол Харона» основывается на некритичном отношении к античным нарративным источникам. Классические тексты, созданные по своим внутренним законам и правилам, со своими стилистическими нюансами и риторическими топосами, воспринимаются специалистами как очевидный и универсальный аргумент.

Харон в этом контексте как персонаж рафинированной книжной античной мифологии рассматривается в отрыве от повседневных практик и фольклорных массовых представлений [Стельник, с. 334], а сама элитарная «высокая литература» воспринимается как единственный и непротиворечивый источник,

¹ Говоря об оболе, исследователи используют характерные безличные выражения: «обычно объясняется» [Калашник, с. 89], «принято называть» [Зубарь, 1982, с. 106] и т. д.

² «Устойчивое выражение "обол Харона" в литературе заставляет учитывать и роль этого персонажа в погребальном обряде» [Калашник, с. 89].

непосредственно и прямо раскрывающий историческую реальность, погребальный обряд в том числе³.

Самым цитируемым античным автором в археологической историографии является Аристофан и его комедия «Лягушки» [Сударев, Болдырев, с. 435; Зубарь, 2005, с. 126; 1982, с. 106; Калашник, с. 89, 91]. Эсхил и Еврипид, Лукиан, Страбон, Диодор Сицилийский играют вспомогательную роль в аргументации археологов. Сюжет переправы Диониса в Аид и платы двух оболв Харону, как он представлен Аристофаном [Ἀριστοφάνης κωμῳδία..., р. 327–328, 332], принимается как очевидное объяснение наличия монет в античных погребениях. Более того, сюжет становится описанием «древнегреческого погребального обряда». Это решающее доказательство.

Удивительно, но Аристофан не ставил своей целью описание погребального обряда или погребального инвентаря. Сам Харон и два оболв в тексте комедии выполняют литературную задачу, раскрыть которую возможно лишь изучив контекст, в котором это произведение писалось и ставилось на сцене афинского театра.

«Комическая логика» Аристофана (выражение М. Гриффита) [Griffith, р. 66] фиксирует не современные автору погребальные обычаи, а политическую и социальную ситуацию в Афинах в последние годы V в. до н. э. Харон в этом контексте имел не мифологический смысл [Ibid., р. 169], а являлся ярким символом кризисного состояния афинского полиса. Полис, по выражению комедиографа, оказался во «власти волн», а граждане и рабы теперь находятся «в одной лодке». Интересно, что описание этого кризиса проникнуто образной логикой элевсинских мистерий [Nelson, р. 265].

Вопрос о значении двух оболв в «Лягушках» Аристофана имеет свою историографию [Цымбал, с. 176–177]. Но, скорее всего, это шутка автора про инфляцию цен в Афинах после 413 г. до н. э. из-за сицилийской экспедиции Алкивиада [Alföldy-Găzdac, Găzdac, р. 289; Stevens, р. 216; Duchemin, р. 130; Stefanakis, р. 181; Grinder-Hansen, р. 208]. Хотя, возможно, автор комедии намекал зрителям на плату за вход в театр (и возможность влиять на жюри) [Nelson, р. 265] или на средний дневной заработок [Alföldy-Găzdac, Găzdac,

³ Критическое отношение к литературным источникам — частая тема в историографии. Так, К. Газдак и А. Алфёльду-Газдак, рассмотрев упоминания Харона у 55 греческих и римских авторов, пришли к выводу, что этот образ является «литературным инструментом», с помощью которого писатели (особенно римские) успешно занимались морализаторством [Alföldy-Găzdac, Găzdac, р. 293, 296]. Тема платы Харону, по их мнению, яркая аллегория тщетности накоплений и равенства всех, богатых и бедных, перед смертью [Ibid., р. 309–310]. О Хароне как «стилистическом инструменте» пишет Р. Терпенинг [Terpening, р. 244]. К. Гриндер-Хансен также рассматривает литературу как спорный источник при изучении погребальных обрядов и мифологии [Grinder-Hansen, р. 207]. Харон в тексте, по его мнению, — это просто литературная условность, а выводы, которые можно сделать из литературных доказательств, — ограничены [Ibid., р. 209]. Ж.-М. Дойен обращает внимание на то, что литературные свидетельства не могут дать достаточную информацию о Хароне [Doyen, р. III]. Критично к литературе относятся и Ж.-П. Дюшмон, а сам поиск простых аналогий между археологическими элементами и литературными свидетельствами считает устаревшим [Duchemin, р. 130].

р. 289], популистскую политику Клефона [Radcliffe, p. 129] или популярность в Средиземноморье афинской серебряной монеты [Ehrenberg, p. 140].

То есть буквальное значение сцены переправы Диониса для зрителей афинского театра не совпадает с буквальным пониманием этой сцены современными специалистами. Более того, современные исследователи в эту сцену вносят свою, заранее заданную «очевидность». Эта сконструированная «очевидность» лежит и в основе термина «обол Харона».

Популярность ссылок на литературные тексты во многом объясняется тем, что античная литература представляется исследователям единственным и очень удобным источником, позволяющим интерпретировать погребальный инвентарь и реконструировать погребальный обряд. Древнегреческий фольклор в расчет не принимается и никогда не рассматривается.

Универсальный литературный образ Харона-лодочника, с его ясной идеей платы за переправу⁴, оказывается очень удобным, но это удобство не имеет ничего общего с реальными повседневными представлениями о Хароне.

На наш взгляд, переход от противоречивого археологического материала к «простым» и «очевидным» литературным источникам не просто удобный исследовательский прием, а, используя терминологию И. Лакатоса, целая научная программа, которая имеет свои основания и методологию.

Ж.-М. Дойен в своей статье замечает, что современная методология изучения монет в могилах зачастую находится на уровне середины XIX в. [Doeyen, p. 6]. Автору представляется, что корни методологических подходов к «оболу Харона» лежат еще в филоэллинизме и романтизме XVIII–XIX вв.

Идеализация «великой греческой литературы», игнорирование методов герменевтики, некритичное отношение к тексту [Wohlleben, S. 11–12; North, p. 118], конструирование прекрасной, но поверхностной [Valdez, p. 5] метаисторической «греческой культуры»⁵ — все это элементы мировоззрения, свойственного эпохе И. И. Винкельмана, но, что неожиданно, не потерявшего привлекательности и для современных исследователей.

Научная традиция романтизма основана на характерных допущениях и ожиданиях⁶. В этом смысле исследователь априори исходит из идеологизированной картины античной культуры и ожидает соответствующих этой картине, заранее заданных результатов. Ожидание найти в погребении отголоски неверно понятых литературных текстов приводит к конструированию

⁴ К. Сурвину-Инвуд считает идею платы Харону (ναῦλον, πορθμεῖον), возникшую в текстах Каллимаха и Гесиодия, проявлением «утилитарной логики» [Sourvinou-Inwood, p. 315].

⁵ «Греческая культура» И. И. Винкельмана имеет явный утопический характер и скорее описывает настроения немецких интеллектуалов XVIII–XIX вв., а не культуру Древней Греции [North, p. 59].

⁶ В 1778 г. И. Гёте, посетив греческие храмы в Пестуме (Южная Италия), испытал шок и настоящее недоумение перед грубостью и общей «негреческостью» увиденного. Ожидаемый образ, созданный классической литературой, оказался никак не связан с реальностью. Для современных исследователей некритичная опора на литературные источники оборачивается позитивистским прочтением древнегреческой культуры, которая своей ясностью и упорядоченностью противостоит запутанной и сложной современности [Evangelista, p. 12].

идеологически важных, но содержательно пустых терминов, подобных «оболу Харона». Сопrotивление археологического материала в этом случае легко преодолевается.

Подобная «филологическая археология» [Díaz-Andreu, p. 2] имеет свою идеологическую основу. Опираясь на элитарную литературную традицию (четко локализуемую в социальной структуре античного общества), исследователи исключают «народ» с его фольклорной культурой.

Более того, древнегреческая культура и ее сконструированный погребальный обряд превращаются в образец для соседних культур, который они «обречены» воспроизводить. Античная книжная мифология, в нашем случае литературная традиция о Хароне, становится нормативной и обязательной, в том числе и для китайской культуры [De Crussol, p. 323].

Такой же искусственной конструкцией, как литературный Харон и его обол, оказывается «древнегреческий погребальный обряд». При ближайшем рассмотрении похоронных обрядов оказывается много (как и стоящих за ними представлений о смерти и Аиде), с самыми разнообразными практиками использования монет (количеством, номиналом монет и их местоположением) [Doyen, p. 11]. К примеру, Ж.-П. Дюшмон не находит никакой системы в древнегреческих похоронных обрядах [Duchemin, p. 136]. По его мнению, различные группы населения в разных регионах в различном социальном контексте прибегали к различным «погребальным жестам» [Ibid., p. 132], что, по его мнению, ставит обряд положения монет(ы) Харону под сомнение [Ibid., p. 180]. Монета не могла иметь одного значения, в этом смысле термин «обол Харона», по словам исследователя, это «чрезмерное обобщение» [Ibid., p. 132]. Ж.-М. Дойен приходит к выводу, что представления и практика платы Харону не могли быть общегреческими [Doyen, p. 4].

Чрезвычайное региональное разнообразие погребальных обрядов и символики монет отмечали К. Хофманн и Р. Аттула [Hofmann, Attula, p. 260, 263]. У погребальной традиции, по их мнению, отсутствовал «стандарт», и многое в практике определяли индивидуальные или групповые предпочтения [Ibid., p. 263]. Скептическое отношение к универсальному обряду «обол Харона» высказывает и В. Фишер-Боссерт, для которого монета в погребении скорее являлась знаком социального превосходства покойного, а не платой Харону [Fischer-Bossert, σ. 128]. М. Стефанакис, изучая обряды похорон на эллинистическом Крите, пришел к выводу, что монета в могиле — это аристократический символ. Так как подавляющая часть населения не использовала монеты в погребальных обрядах, исследователь задается вопросом: может быть, низшие классы не верили в Харона? [Stefanakis, p. 186].

Монета оказывается всегда слишком многозначной. Она может означать связь мертвеца с торговлей [Köstner, S. 7], иметь магические функции [Németh, p. 55; Brown, p. 128], быть символом собственности [Grinder-Hansen, p. 215], но связь с Хароном всегда сомнительна. Наиболее четко по этому вопросу высказывается К. Гриндер-Хансен, который предлагает просто исключить термин «обол

Харона» из словаря археологов⁷. У монеты в погребении нет связи с Хароном [Grinder-Hansen, p. 214].

Грекоцентристская (а по сути, европоцентристская) идеология, скрывающаяся за термином «обол Харона», оказывала влияние и на методологию. Исследователи всеми силами искали универсалии (такие, как «обол Харона»).

При таком подходе действительно возможен лишь один, универсальный для всех слоев общества «общегреческий погребальный обряд», лишь одна интерпретация монеты, лишь одно прочтение письменного источника. Правильный ответ всегда один, так как историческая реальность обязана быть простой и очевидной.

Подобный исторический универсализм приводит к эволюционизму, который исходит из того, что нет культурного разнообразия, а все культуры стремятся к своему образцу — к Древней Греции. Это мир, где культуру распространяют греческие миграции (скажем, в Азию [Литвинский, с. 118]), а культурное развитие — это всегда диффузия эллинистических традиций.

Практика использования термина «обол Харона» в современном отечественном археологическом дискурсе носит спорный характер. Сам термин оказывается не связанным с античным образом Харона, а существует как концептуальное понятие, которое не отражает историческую реальность, а конструирует ее.

Это конструирование зачастую происходит в рамках «естественного романтического эллинизма» [Wallace, p. 5]. Проблемный характер носит и апеллирование специалистов к античным текстам как инструменту для подтверждения устоявшихся археологических схем. Несмотря на то, что нарратив всегда сложнее предметов (в нашем случае монет), именно нарратив, извлеченный из своего контекста и лишенный своего изначального смысла, становится удобным инструментом для аргументации.

На наш взгляд, термин «обол Харона» — это элемент порочного логического круга, разорвать который возможно лишь через процесс осознания неявных методологических предпосылок.

Источники

Cicero : in 28 vols. Vol. 19 : De natura deorum ; Academica / ed. H. Rackham. London : Harvard Univ. Press, 1951.

Ἀριστοφάνης κωμῳδίαи κωμῳδίων ἀποσπλάσματα = Aristophanis Comoediae et deperditarum fragmenta / ed. G. Dindorf. Paris : Firmin Didot, 1877.

Исследования

Завойкин А. А. Афина и Горгона Медуза в святилище «Береговой 4» // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 245. С. 168–184.

⁷ «Вообще установлено, что имеется очень мало доказательств в пользу связи между мифом о Хароне и всеобщей практикой использования монет смерти. Поэтому следует выражение “плата Харону” изъять из словаря археологии и заменить его более корректным термином “монета смерти”» [Grinder-Hansen, p. 215].

- Зубарь М. В.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев : Наукова думка, 1982.
- Зубарь М. В.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев : Изд. дом «Стилос», 2005.
- Калашиник Ю. П.* Пантикапейские индикации // Фидития [Φειδίτια]. Памяти Юрия Викторовича Андреева / ред. Ю. А. Виноградов, М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. С. 85–99.
- Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М. : Наука, 1972.
- Мызгин К. В.* «Обол Харона» в погребальной традиции населения Черняховской культуры: а был ли? // «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка» : тез. докл. и сообщ. III междунар. нумизматического симп. (Севастополь 29.08.–2.09.2014) / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь : Заповедник «Херсонес Таврический», 2014. С. 29–31.
- Стельник Е. В.* Харон или Харос? Языковые группы и культурные уровни в византийском обществе IX–XII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 6 (26). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.26>
- Сударев Н. И., Болдырев С. И.* «Обол Харона» как археологический термин // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы / ред. В. Н. Зинько. Керчь : ИП Кифниди Георгий Иванович, 2009. Вып. X. С. 435–438.
- Цымбал О. Г.* Финансовые реформы в Афинах IV в. до н. э. (к проблеме кризиса греческого полиса) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Ярославль, 2015.
- Шмонеvский Б. III.* Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территорий (VI–VIII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 254–274.
- Alföldy-Gázdac Á., Gázdac C.* “Who pays the Ferryman?” The Testimony of Ancient Sources on the Myth of Charon // Klio. 1995. Vol. 95, Iss. 2. P. 285–314. <https://doi.org/10.1524/klio.2013.95.2.285>
- Brown L.* Charon’s Obols? A Case Study in the Role of Coins in Roman Burial Ritual // Theoretical Roman Archaeology Journal. 2007. P. 121–130. https://doi.org/10.16995/TRAC2007_121_130
- De Crussol F. T.* Obole a Charon et Rite Fanhan // Varia Archaeologica Hungarica. 2000. No. IX (Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.–7. Jh.). P. 323–329.
- De Schutter X.* Rituel funéraire et coût des obsèques en Grèce classique // Kernos. 1989. No. 2. P. 53–56. <https://doi.org/10.4000/kernos.234>
- Díaz-Andreu M. A.* World History of Nineteenth-Century Archaeology: Nationalism, Colonialism, and the Past. New York : Oxford Univ. Press, 2007. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199217175.001.0001>
- Doyen J.-M.* The “Charon’s obol”: Some Methodological Reflexions // Journal of Archaeological Numismatics. 2012. Vol. 2. P. I–XVIII.
- Duchemin J.-P.* Numismatique et Archéologie du Rituel: Réflexion sur le Rite dit de l’“Obole a Charon” a Partir de l’exemple de la Nécropole Tardo-Antique de Nempontsaint-Firmin (Pas-De-Calais, France) // Journal of Archaeological Numismatics. 2012. Vol. 2. P. 127–198.
- Ehrenberg V.* The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy. New York : Schocken Books, 1962. <https://doi.org/10.4324/9780203799000>
- Evangelista S.* British Aestheticism and Ancient Greece: Hellenism, Reception, Gods in Exile. New York : Palgrave Macmillan, 2009. <https://doi.org/10.2979/vic.2010.52.3.474>
- Fischer-Bossert W.* Goldene Charonsgröschen // Κερμάτια φιλίας. Τιμητικός τόμος για τον Ιωάννη Τουράτσογλου / Συν. Σ. Δρούγου, Δ. Ευγενίδου, Χ. Κριτζάς και άλλοι. Athen : Ministry of Culture, Numismatic Museum, 2009. T. A: Νομισματική-Σφραγιστική. Σ. 117–125.
- Griffith M.* Aristophanes’ Frogs. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013.
- Grinder-Hansen K.* Charon’s Fee in Ancient Greece. Some Remarks on a Well-Known Death Rite // Acta Hyperborea: Danish Studies in Classical Archaeology. 1991. No. 3 (Recent Danish Research in Classical Archaeology — Tradition and Renewal). P. 207–218.

Hofmann K., Attula R. Funerary Spatial Concepts and Spatial Practices in Southeastern Sicily during the Eighth to Fifth Centuries BCE // *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece. Manipulating Material Culture* / ed. by L. C. Nevett. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2017. P. 249–272.

Köstner E. Münzen, Lampen, Balsamarien — ihre Rolle im römischen und im provinziäl-römischen (treverischen) Bestattungsritus // *Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde*. 2011. No. 15. S. 1–14. <https://doi.org/10.21248/fera.15.51>

Nelson S. Aristophanes and his Tragic Muse: Comedy, Tragedy, and the Polis in 5th Century Athens. Leiden : Brill, 2016. <https://doi.org/10.1163/9789004310919>

Németh G. Coins in Water // *Acta Classica Univ. Scient. Debrecen*. 2013. XLIX. P. 55–63.

North J. H. Winckelmann's "Philosophy of Art": A Prelude to German Classicism. Cambridge : Cambridge Scholars Publ., 2012.

Radcliffe G. E. III. Myths of the Underworld Journey Plato, Aristophanes, and the 'Orphic' Gold Tablets. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. https://doi.org/10.17104/0017-1417_2007_4_294

Sartori P. Die Totenmünze // *Archiv für Religionswissenschaft*. Vaduz : Kraus Reprint Ltd, 1965. Bd. 2, Heft 1/2. S. 205–225.

Sourvinou-Inwood C. Reading Greek Death. To the End of the Classical Period. Oxford : Clarendon Press, 1996.

Stefanakis M. I. An Inexpensive Ride? A Contribution to Death-Coin Rites in Hellenistic Crete // *Numismatica e Antichita Classiche*. 2002. Vol. XXXI. P. 171–189.

Stevens S. T. Charon's Obol and the other Coins in Ancient Funerary Practice // *Phoenix*. 1991. Vol. 45, No 3. P. 215–229. <https://doi.org/10.2307/1088792>

Terpening R. H. Charon and the Crossing: Ancient, Medieval and Renaissance Transformations of a Myth. Toronto : Associated Univ. Presses, 1985.

Valdez D. German Philhellenism: The Pathos of the Historical Imagination from Winckelmann to Goethe. New York : Springer, 2014. <https://doi.org/10.1057/9781137293152>

Wallace J. Shelley and Greece: Rethinking Romantic Hellenism. New York : Palgrave Macmillan, 1997.

Wohlleben J. Die Sonne Homers: Zehn Kapitel deutscher Homer-Begeisterung von Winckelmann bis Schliemann. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1990.

References

Alföldy-Gázdac, Á., & Gázdac, C. (1995). "Who pays the Ferryman?" The Testimony of Ancient Sources on the Myth of Charon. *Klio*, 95(2), 285–314. <https://doi.org/10.1524/klio.2013.95.2.285>

Brown, L. (2007). Charon's Obols? A Case Study in the Role of Coins in Roman Burial Ritual. *Theoretical Roman Archaeology Journal*, 121–130. https://doi.org/10.16995/TRAC2007_121_130

De Crussol, F. T. (2000). Obole a Charon et Rite Fanhan. *Varia Archaeologica Hungarica*, IX (*Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe in 6.-7. Jh.*), 323–329.

De Schutter, X. (1998). Rituel funéraire et coût des obsèques en Grèce Classique. *Kernos*, 2, 53–56. <https://doi.org/10.4000/kernos.234>

Díaz-Andreu, M. A. (2007). *World History of Nineteenth-Century Archaeology: Nationalism, Colonialism, and the Past*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199217175.001.0001>

Doyen, J.-M. (2012). The "Charon's obol": Some Methodological Reflexions. *Journal of Archaeological Numismatics*, 2, 1–XVIII.

Duchemin, J.-P. (2012). Numismatique et Archéologie du Rituel: Réflexion sur le Rite dit de l'"Obole a Charon" a Partir de l'exemple de la Nécropole Tardo-Antique de Nempontsaint-Firmin (Pas-De-Calais, France). *Journal of Archaeological Numismatics*, 2, 127–198.

Ehrenberg, V. (1962). *The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy*. New York: Schocken Books. <https://doi.org/10.4324/9780203799000>

Evangelista, S. (2009). *British Aestheticism and Ancient Greece: Hellenism, Reception, Gods in Exile*. New York: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.2979/vic.2010.52.3.474>

Fischer-Bossert, W. (2009). Goldene Charonsgröschen. In Σ. Δρούγου, Δ. Ευγενίδου, Χ. Κριτζάς και άλλοι (Ed.), *Κερμάτια φιλίας. Τιμητικός τόμος για τον Ιωάννη Τουράτσογλου* (Τ. Α: Νομισματική-Σφραγιστική, pp. 117–125). Athens: Ministry of Culture, Numismatic Museum.

Griffith, M. (2003). *Aristophanes' Frogs*. Oxford: Oxford University Press.

Grinder-Hansen, K. (1991). Charon's Fee in Ancient Greece. Some Remarks on a Well-Known Death Rite. *Acta Hyperborea: Danish Studies in Classical Archaeology*, 3 (*Recent Danish Research in Classical Archaeology — Tradition and Renewal*), 207–218.

Hofmann, K., & Attula, R. (2017). Funerary Spatial Concepts and Spatial Practices in Southeastern Sicily during the Eighth to Fifth Centuries BCE. In L. C. Nevett (Ed.), *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece. Manipulating Material Culture* (pp. 249–272). Ann Arbor: University of Michigan Press.

Kalashnik, Yu. P. (2013). Pantikapeiskie indikatsii [Panticapaeon Indications]. In Yu. A. Vinogradov, M. Yu. Vakhtina, & V. A. Goroncharovsky (Eds.), *Φειδῖτια. Pamiati Yuriia Viktorovicha Andreyeva* [Pheiditia. In Memory of Yuri Viktorovich Andreev] (pp. 85–99). St Petersburg: Dmitry Bulanin.

Köstner, E. (2011). Münzen, Lampen, Balsamarien — ihre Rolle im römischen und im provinzialrömischen (treverischen) Bestattungsritus. *Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde*, 15, 1–14. <https://doi.org/10.21248/fera.15.51>

Litvinsky, B. A. (1972). *Kurgany i kurumy Zapadnoi Fergany* (Raskopki. Pogrebal'nyi obriad v svete etnografii) [Mounds and Kurum of West Fergana (Excavations. Funerary Ceremony in the Light of Ethnography)]. Moscow: Nauka.

Myzgin, K. V. (2014). “Obol Charona” v pogrebal'noi traditsii naseleniia Cherniakhovskoi kul'tury: a byl li? [“Charon's Obol” in the Funerary Tradition of the Population of Chernyakhov Culture: Did it Exist?]. In N. A. Alekseenko (Ed.), “*PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka*”: *tezisy dokladov i soobshchenii III mezhdunarodnogo numizmaticheskogo simpoziuma (Sevastopol' 29.08.-2.09.2014)* [“PriPONTiysky Exchanger: Money of the Local Market”. Abstracts of Reports and Communications of the III International Numismatic Symposium] (pp. 29–31). Sevastopol: Zapovednik “Khersones Tavricheskiy”.

Nelson, S. (2016). *Aristophanes and his Tragic Muse: Comedy, Tragedy and the Polis in 5th Century Athens*. Leiden: Brill. <https://doi.org/10.1163/9789004310919>

Németh, G. (2013). Coins in Water. *Acta Classica Univ. Scient. Debrecen*, XLIX, 55–63.

North, J. H. (2012). *Winckelmann's “Philosophy of Art”: A Prelude to German Classicism*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Radcliffe, G. E. III. (2004). *Myths of the Underworld Journey Plato, Aristophanes, and the ‘Orphic’ Gold Tablets*. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.17104/0017-1417_2007_4_294

Sartori, P. (1965). Die Totenmünze. *Archiv für Religionswissenschaft* (Vol. 2, Iss. 1/2, pp. 205–225). Vaduz: Kraus Reprint Ltd.

Shmonevsky, B. SH. (2016). Vizantijskaia moneta i ee podrazhaniia (moneta mertvykh) na primere nakhodok iz pogrebenij Avarskogo kaganata, na Shelkovom puti i privilegiiushchikh territorij (VI–VIII vv.) [Byzantine Coins and Their Imitations (Coin of the Dead) with Reference to the Finds from the Burials of Avar Khaganate, on the Silk Road and Adjacent Territories (6th–8th Centuries)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii*, 244, 254–274.

Sourvinou-Inwood, C. (1996). *Reading Greek Death. To the End of the Classical Period*. Oxford: Clarendon Press.

Stefanakakis, M. I. (2002). An Inexpensive Ride? A Contribution to Death-Coin Rites in Hellenistic Crete. *Numismatica e Antichita Classiche*, XXXI, 171–189.

Stelnik, E. V. (2019). Charon ili Charos? Iazykovye sloi i sotsial'nye gruppy v vizantijskom obshchestve [Charon or Charos? Language Groups and Cultural Levels in the Byzantine Society

of the 9th–12th Centuries]. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relationships*, 6 (26), 331–335. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.26>

Stevens, S. T. (1991). Charon’s Obol and the other Coins in Ancient Funerary Practice. *Phoenix*, 45(3), 215–229. <https://doi.org/10.2307/1088792>

Sudarev, N. I., & Boldyrev, S. I. (2009). “Obol Charona” kak arkhеologicheskij termin [“Charon’s Obol” as an Archaeological Term]. In V. N. Zin’ko (Ed.), *Bosporskie chteniia. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov’ia. Aktual’nye problemy* [Bosporus Readings. Bosporus Cimmerian and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Relevant Issues] (Vol. X, pp. 435–438). Kerch: IP Kifnidi Georgiy Ivanovich.

Terpening, R. H. (1985). *Charon and the Crossing: Ancient, Medieval and Renaissance Transformations of a Myth*. Toronto: Associated University Presses.

Tsymbal, O. G. (2015). *Finansovye reformy v Afinakh IV v. do n. e. (k probleme krizisa grecheskogo polisa)* [Financial Reforms in Athens in 4th Century BC (On the Crisis of the Greek Polis)] (doctoral dissertation). Yaroslavl.

Valdez, D. (2014). *German Philhellenism: The Pathos of the Historical Imagination from Winckelmann to Goethe*. New York: Springer. <https://doi.org/10.1057/9781137293152>

Wallace, J. (1997). *Shelley and Greece: Rethinking Romantic Hellenism*. New York: Palgrave Macmillan.

Wohlleben, J. (1990). *Die Sonne Homers: Zehn Kapitel deutscher Homer-Begeisterung von Winckelmann bis Schliemann*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Zavoykin, A. A. (2016). Afina i Gorgona Meduza v sviatilishche “Beregovoy 4” [Athena and Medusa in the “Coast 4” Sanctuary]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 245, 168–184.

Zubar’, M. V. (1982). *Nekropol’ Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e.* [Necropolis of Chersonesos of the Tauric 1st–4th cc. AD]. Kiev: Naukova dumka.

Zubar’, M. V. (2005). *Bogi i geroi antichnogo Khersonesa* [Gods and Heroes of Ancient Chersonesos]. Kiev: Stilos.

Стельник Евгений Викторович

кандидат исторических наук
доцент кафедры сервиса и туризма
Волгоградский государственный
университет
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
E-mail: analitika@volsu.ru

Stelnik, Evgeny Viktorovich

PhD (History), Senior Lecturer
Department of Service and Tourism
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave., 400062 Volgograd,
Russia
Email: analitika@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1097-1161>
ResearcherID: A-8488-2018

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.027

УДК 025.171 + 94(495)“16” + 929.52 Палеологи +
+ 75.041.5 + 930.24

М. А. Курышева

*Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия*

**ДАТИРОВКА И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ С ПОРТРЕТАМИ ИМПЕРАТОРОВ
ДИНАСТИИ ПАЛЕОЛОГОВ (PARIS. GR. 1783)**

В статье предлагается новая, более поздняя датировка греческой рукописи из Национальной библиотеки Франции в Париже — BnF, Paris. gr. 1783 — с рисунками портретов императоров династии Палеологов. Рукопись сохранила важные тексты, относящиеся к константинопольской дворцовой истории и культуре. Ранее в историографии принято было датировать ее XV в. Обычно историки искусства датировали рукопись по имеющемуся в ней портрету известного участника Ферраро-Флорентийского собора патриарха Иосифа II (†1439), изображения которого сохранились во фресковой живописи Италии XV столетия. Между тем изучение палеографии рукописи показывает, что она написана анонимными писцами-выходцами с Крита, работавшими в Венеции и Риме для итальянских гуманистов в середине — третьей четверти XVI в. Типологически близким к почерку основного писца рукописи оказался почерк знаменитого критского каллиграфа, сотрудника библиотеки Франциска I в Фонтенбло Ангелоса Вергикиоса, а также связанных с ним писцов. Аналогии такому почерку можно также видеть в письме другого знаменитого писца эпохи — критского грека из Ретимно, сотрудника и копииста Ватиканской библиотеки Мануила Проватариса.

Новая палеографическая датировка рукописи Paris. gr. 1783 меняет дату создания рисунков-портретов византийских императоров династии Палеологов и патриарха Иосифа II. Изменить следует и датировку содержащихся в ней важных текстов — одного из трех известных в науке списков императорских гробниц церкви Свв. Апостолов в Константинополе, а также списка должностей византийского двора и всех прочих содержащихся в рукописи текстов. Рукопись Paris. gr. 1783 должна быть выведена из круга поздневизантийской книжности и включена в поствизантийское книжное наследие.

Ключевые слова: греческие рукописи; греческая палеография; Parisinus graecus 1783; патриарх Иосиф II; Иоанн VIII Палеолог; критские писцы; Ангелос Вергикиос; Мануил Проватарис; Byzance après Byzance; поствизантийские исследования

Цитирование: *Курьшева М. А.* Датировка и исторический контекст греческой рукописи с портретами императоров династии Палеологов (Paris. gr. 1783) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 86–95. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.027>

Поступила в редакцию: 19.10.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Marina A. Kuryшева

*Institute of World History of the RAS
Moscow, Russia*

DATING AND HISTORICAL CONTEXT OF A GREEK MANUSCRIPT CONTAINING PALAIOLOGOI EMPERORS' PORTRAITS (PARIS. GR. 1783)

This article puts forward a new later dating of the Greek manuscript BnF, Paris. gr. 1783 kept in the National Library of France and containing portraits of emperors of the Palaiologoi dynasty. The manuscript contains important texts related to the Constantinople period of court history and culture. Historiographers used to date the manuscript to the fifteenth century according to the portrait of Patriarch Joseph II (†1439), a famous participant of the Ferraro-Florence Council, which can be seen in the Italian fresco paintings of the fifteenth century. Meanwhile, the study of the manuscript's palaeographical features shows that it was written by an anonymous scribe from Crete who worked in Venice and Rome for Italian humanists in the middle — third quarter of the sixteenth century. The handwriting of the famous Cretan calligrapher, employee of Francis I's library in Fontainebleau Angelus Vergecius, as well as some other scribes associated with him was typologically close to the handwriting of the main scribe of the manuscript. Analogies to this handwriting can also be seen in the handwriting of Manuel Provataris, another famous scribe of the epoch, a Cretan Greek from Rethymno, employee and copyist of the Vatican Library.

The new palaeographic dating of the Paris. gr. 1783 manuscript changes the date of creation of portrait drawings of the Byzantine emperors of the Palaiologoi dynasty and Patriarch Joseph II. Also, it is important to change the dating of all texts contained in the manuscript including such important texts as one of the three lists of imperial tombs of the Church of Sts. Apostles in Constantinople, as well the list of the offices of the Byzantine court. The Paris. gr. 1783 manuscript should be excluded from the circle of Late Byzantine booklore and attributed to post-Byzantine book heritage.

Key words: Greek manuscripts; Greek palaeography; Parisinus graecus 1783; Patriarch Joseph II; John VIII Palaiologos; Cretan scribes; Angelus Vergecius; Manuel Provataris; Byzance après Byzance; post-Byzantine studies

For citation: Kurysheva, M. A. (2021). Datirovka i istoricheskij kontekst grecheskoi rukopisi s portretami imperatorov dinastii Paleologov (Paris. gr. 1783) [Dating and Historical Context of a Greek Manuscript Containing Palaiologoi Emperors' Portraits (Paris. gr. 1783)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 86–95. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.027>

Submitted: 19.10.2020

Accepted: 25.03.2021

Греческая рукопись из Национальной библиотеки Франции — ВнФ, Paris. gr. 1783¹ является историко-хронографическим сборником текстов, касающихся жизни и истории византийской столицы. Рукопись содержит следующие тексты²: 1) Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως (л. 1–67 об.); 2) краткая анонимная хроника от Юлия Цезаря до Михаила [VIII] Комнина Палеолога с указанием лет правления каждого императора и наиболее важных событий соответственно с 48 г. до н. э. до 11 декабря 1282 г. (л. 67 об.–69 об.); 3) список императорских гробниц церкви Свв. Апостолов и других монастырей и церквей Константинополя (69 об.–72); 4) анонимный компендий ветхозаветной истории (л. 72–95 об.); 5) список должностей константинопольского двора (л. 96–97 об.); 6) список константинопольских патриархов периода «от Константина до василевса кир Иоанна Палеолога», обрывающийся на бумажном листе 98 об. (л. 97–98) [Omont, p. 12].

Эта небольшая рукопись, сохранившая такие важные тексты, относящиеся к константинопольской дворцовой истории и культуре, в историографии всегда относилась к XV в., однако, как представляется, должна быть датирована более поздним временем³.

Особенно рукопись Paris. gr. 1783 знаменита своими рисунками [Spatharakis, p. 234–235], которые, по-видимому, были сделаны самими писцами и теми же чернилами, что и основной текст. Согласно подписям, на л. 1 нарисованы свв. Константин и Елена: «ὁ ἅγιος καὶ εὐσεβὴς Κωνσταντῖνος ὁ βασιλεὺς(ς)», «ἡ ἁγία Ἐλένη ἡ μη(τέ)ρ(α) αὐτοῦ» (рис. 1). На л. 2 bis – портреты византийских императоров из династии Палеологов: как считается [Куш, с. 401], Иоанна V (1341–1376, 1379–1391) или Иоанна VII (1390) — «Ἰω(άννης) ὁ Παλαιολό(γος)»; в центре — портрет сына Иоанна V и дяди Иоанна VII Мануила II (1391–1425) — «Μανουήλ ὁ Παλαιολό(γος)»; далее — изображение старшего сын Мануила II Иоанна VIII (1425–1448) — «Ἰω(άννης)» (рис. 2). Но наиболее известное изображение находится в самом конце рукописи на л. 98 об. (рис. 3), где нарисован константинопольский патриарх Иосиф II (род. ок. 1360 г.; патриаршество: 1416–10.06.1439).

¹ Микрофильм рукописи Paris. gr. 1783 доступен для просмотра на сайте Национальной библиотеки Франции. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10723468t/f6.image> (дата обращения: 23.09.2020).

² Принципы комплектования такого рода сборников, включая Paris. gr. 1783, рассмотрены в работах З. Г. Самодуровой [Самодурова, 1967; 1974].

³ Предварительные краткие тезисы доклада о ее новой датировке были представлены нами ранее [Курьшева].

Патриарх Иосиф II поддержал византийского императора Иоанна VIII Палеолога в вопросе о заключении унии Западной и Восточной церквей и вместе с ним принял участие в Ферраро-Флорентийском соборе. Во время пребывания на соборе патриарх был уже очень стар и болен, а во Флоренции он внезапно скончался [Луховицкий].

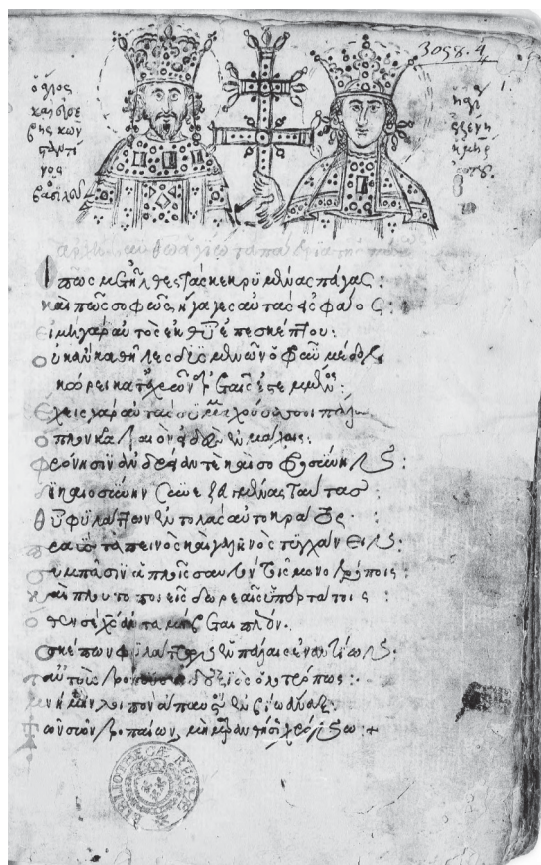

Рис. 1. Paris, gr. 1783. Л. 1. Почерк первого писца

Fig. 1. Paris, gr. 1783. L. 1. The first scribe's handwriting

Заметим, что от XV столетия сохранился целый ряд портретных изображений сторонника унии патриарха Иосифа II, среди которых самые известные следующие. Первое — это знаменитая фреска в Капелле волхвов в Палаццо Медичи-Риккарди во Флоренции «Поклонение волхвов» Беноццо Гоццолли, написанная в 1459–1461 гг., где патриарх Иосиф II представлен в образе одного из волхвов [Ronchey, p. 125–150, 536 (fig. 8)]. Второе — фресковый портрет на могиле патриарха во Флоренции в церкви Санта-Мария Новелла, где он изображен в полный рост с эпитафией на латинском языке и полным титулом

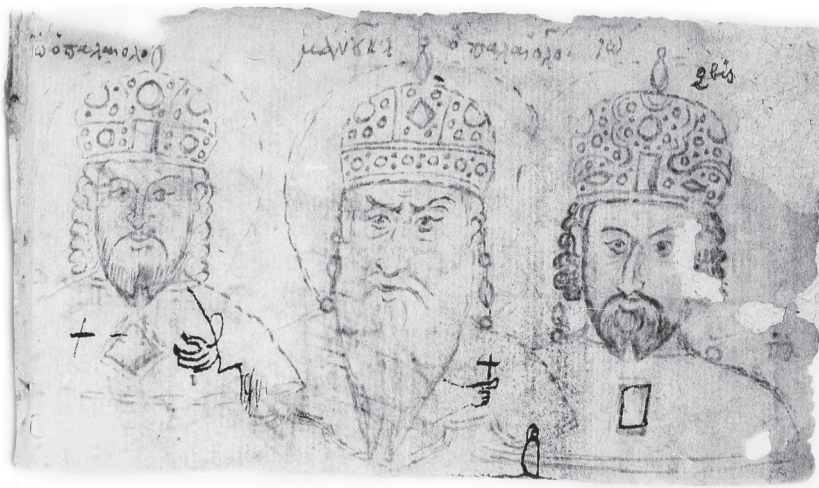

Рис. 2. Paris. gr. 1783. Л. 2 bis.

Fig. 2. Paris. gr. 1783. L. 2 bis.

Рис. 3. Paris. gr. 1783. Л. 98 об.

Fig. 3. Paris. gr. 1783. Rev. of l. 98

на греческом языке с датой 6947 (=1439) г. [Belting, S. 93; Spatharakis, p. 235]. Примечательно, что фреска над могилой изображает патриарха без нимба, в отличие от рисунка в рукописи Paris. gr. 1783, где орнаментальным контуром обозначен нимб.

По-видимому, именно из-за этих «ренессансных» изображений патриарха исследовавший рукопись Paris. gr. 1783 И. Спатаракис и предположил, что рисунок в ней выполнен «итальянским мастером либо греком, испытывавшим сильное западное влияние» [Spatharakis, p. 234]. И именно по этой последней миниатюре И. Спатаракис считал, что *terminus post quem* создания рукописи Paris. gr. 1783 — время патриаршества Иосифа II при общей датировке кодекса XV столетием.

Между тем, палеография рукописи заставляет пересмотреть эту датировку, основанную на заключении историков искусства. Изучение почерка первого писца рукописи привело нас к заключению, что стиль этого рисунка не может быть ориентиром в ее датировке, а вся рукопись Paris. gr. 1783 и ее рисунки должны датироваться серединой XVI столетия. Поскольку рукопись, по-видимому, происходит из среды греков критского происхождения, работавших в Венеции и Риме для итальянских гуманистов, то она и несет отпечаток «западного влияния».

Почерки первого писца Paris. gr. 1783, который написал л. 1–95 об., т. е. большую часть рукописи, а также двух других писцов, написавших соответственно л. 96–96 об. и 97–98 об., — относятся к группе почерков критских греков середины XVI в., хотя и имеют выраженные индивидуальные черты. Нам не удалось найти этим писцам прямых аналогий в альбомах, однако представление о такого рода почерках дает элитарное, но типологически близкое письмо знаменитого критского каллиграфа, сотрудника библиотеки Франциска I в Фонтенбло Ангелоса Вергикиоса (с 1535 по 1569 г. им написано около 130 рукописей) [RGK-I, № 3; RGK-II, № 3; RGK-III, № 3; Vervliet, p. 383–385; Peers; Nousia, p. 9–10, n. 37]. Похожие почерки имели и связанные с Ангелосом Вергикиосом писцы, среди которых следующие лица: его племянник Петр Вергикиос, датированные рукописи которого известны с 1536 по 1559 г. [RGK-I, № 344; RGK-II, № 470; RGK-III, № 547]; Антоний Епископопулос, который писал рукописи с 1565 по 1588 г. [RGK-I, № 24; RGK-II, № 33; RGK-III, № 37]; Венедикт Епископопулос, единственная выявленная рукопись которого датируется 1571 г. [RGK-I, № 38]; Иаков Епископопулос, творивший в середине – 2-й половине XVI в. [RGK-I, № 144; RGK-II, № 192; RGK-III, № 242; Carolla]; Иоанн Франциск или Франциск Грек — писец Ватикана в 1549–1555 гг. [RGK-I, № 188; RGK-II, № 247; RGK-III, № 312]; Авксентий Трахотис, рукописи которого сохранились с 1572 по 1574 г. [RGK-I, № 29].

В основном почерке Paris. gr. 1783 встречаются такие же лигатуры и характерные элементы, которые легли в основу шрифта Grecs du Roi («Королевский греческий»), разработанного в 1541 г. Клодом Гармоном как раз на основе почерка Ангелоса Вергикиоса [Vervliet, p. 383–385; Peers, p. 81].

Почерк первого писца рассматриваемой рукописи близок и к почерку другого знаменитого писца эпохи — критского грека из Ретимно Мануила Проватариса [RGK-I, № 254; RGK-II, № 350; RGK-III, № 418], с 1546 по 1571/1572 г. сотрудника и копииста Ватиканской библиотеки, который написал или сотрудничал с другими писцами в изготовлении дошедших до нас 155 греческих рукописей [Canart; Фонкич].

Судя по приведенным аналогиям, рукопись Paris. gr. 1783, несомненно, написана анонимными писцами — выходцами с Крита в середине — третьей четверти XVI в. в Италии.

Таким образом, новая палеографическая датировка рукописи Paris. gr. 1783 меняет дату создания рисунков-портретов византийских императоров династии Палеологов и патриарха Иосифа II. До сих пор рисунки в рукописи Paris. gr. 1783 воспринимались как «прижизненные» для изображенных лиц. Эти портреты постоянно привлекаются в историографии, например, в дискуссии об идентификации портретов из набросков знаменитого художника итальянского ренессанса Антонио Пизанелло (ок. 1394 – ок. 1455), сделанных «с натуры» во время Ферраро-Флорентийского собора [Vickers; Vambach, p. 531]. Однако теперь наша датировка серединой — третьей четвертью XVI в. показывает, что их портретная достоверность небесспорна. Более того, ранее они воспринимались как пример палеологовского искусства, а теперь должны считаться образцами поствизантийской графики.

Кроме того, встает вопрос об образце, с которого была скопирована рукопись Paris. gr. 1783. Ясно, что и тексты, и портреты были скопированы в Paris. gr. 1783 с хронологически более раннего образца. По сохранившимся в рукописи текстам можно заключить, что в любом случае образец имел центральное, константинопольское происхождение и был создан не ранее середины XV в., судя по наличию портрета Иоанна VIII Палеолога (†1448).

Наш вывод вносит изменения в датировку содержащегося в рукописи Paris. gr. 1783 одного из поздних списков императорских гробниц церкви Свв. Апостолов в Константинополе (ранее как *Anonymous List R* был датирован Г. Дауни XV в. [Downey, p. 28 (отметим путаницу в шифрах двух парижских рукописей), 37–40]), который теперь должен расцениваться как пример сохранения исторической памяти о византийских императорских захоронениях в разрушенной в период туркокрации церкви. Также следует передатировать список должностей византийского двора (ранее датирован Ж. Верпо XV в. [Pseudo-Kodinos, p. 303–306]) и всех прочих содержащихся в рукописи текстов.

Рукопись Paris. gr. 1783 должна быть выведена из круга поздневизантийской книжности и включена в поствизантийское книжное наследие, которое было неотъемлемой, если не основной, частью культурной традиции и исторической памяти греков XVI столетия, получившего после знаменитой книги Н. Йорги название «*Byzance après Byzance*» [Iorga].

Источники

Paris. gr. 1783 — греческая рукопись. Микрофильм оцифрован на сайте электронной библиотеки Национальной библиотеки Франции (BnF) и ее партнеров *Gallica*: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10723468t.image?lang=FR> (дата обращения: 23.09.2020).

Pseudo-Kodinos. *Traité des offices* / introd., texte et trad. par J. Verpeaux. Paris : Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1976.

Исследования

Курьшева М. А. Рукопись Paris. gr. 1783 с портретами императоров династии Палеологов: палеографическая датировка // Византийский мир: реалии и интерпретации : тез. докл. XIV научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 10–12 октября 2018 г. / под ред. Т. В. Куш. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 30–31.

Куш Т. В. Мануил II Палеолог // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2016. Т. 43. С. 397–401.

Луховицкий Л. В. Иосиф II // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2011. Т. 26. С. 9–10.

Самодурова З. Г. Малые византийские хроники и их источники // Византийский временник. 1967. Т. 27 (52). С. 153–161.

Самодурова З. Г. Греческие рукописные сборники, содержащие малые византийские хроники и их классификация // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР / ред. коллегия: А. Д. Люблинская (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1974. С. 200–241.

Фонкич Б. Л. Греческие писцы эпохи Возрождения. II // Византийский временник. 1968. Т. 28 (53). С. 283–285.

Bambach C. C. Studies of Emperor John VIII Palaiologos and His Retinue (318 A, B) // Byzantium: Faith and Power (1261–1557) / ed. by H. C. Evans. New York ; New Haven : Metropolitan Museum of Art, 2004. P. 527–532.

Belting H. Das illuminierte Buch in der spätbyzantinischen Gesellschaft. Heidelberg : Carl Winter Univ. Verl., 1970.

Canart P. Les manuscrits copiés par Emmanuel Provataris (1546–1570 environ). Essai d'étude codicologique // Mélanges Eugène Tisserant. VI. Città del Vaticano : Biblioteca Apostolica Vaticana, 1964. P. 173–287.

Carolla P. Nuovi manoscritti di Giacomo Episcopopulo. Saggio di un'indagine su alcuni collaboratori di Andrea Darmario // The Legacy of Bernard de Montfaucon: Three Hundred Years of Studies on Greek Handwriting. Proceedings of the Seventh International Colloquium of Greek Palaeography (Madrid — Salamanca, 15–20 September 2008) / éd. A. Bravo Garcia. Turnhout : Brepols, 2010. P. 243–255, 809–814.

Downey R. E. G. The Tombs of the Byzantine Emperors at the Church of the Holy Apostles in Constantinople // Journal of Hellenic Studies. 1959. Vol. 79. P. 27–51.

Iorga N. Byzantium after Byzantium / introd. by V. Cândea ; transl. by L. Treptow. Iași : Center for Romanian studies, 2000.

Nousia F. The Transmission and Reception of Manuel Moschopoulos' *Schedography* in the West // Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance / ed. by F. Ciccolella, L. Silvano. Leiden ; Boston : Brill, 2017. P. 1–25.

Omont H. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque nationale. Seconde partie. Paris : Alphonse Picard, Libraire, 1888.

Peers G. Forging Byzantine animals: Manuel Philes in Renaissance France // Rivista di Studi Bizantini e Neellenici. N.S. 49 (2012). Roma : "Sapienza", Università di Roma, 2013. P. 79–104.

RGK-I — Gamillscheg E., Harlfinger D. Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 1. Teil : Handschriften aus Bibliotheken Grossbritanniens. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 1981.

RGK-II — Gamillscheg E., Harlfinger D. Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 2. Teil : Handschriften aus Bibliotheken Frankreichs und Nachträge zu den Bibliotheken Grossbritanniens. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 1989.

RGK-III — Gamillscheg E., Harlfinger D., Eleuteri P. Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 3. Teil : Handschriften aus Bibliotheken Roms mit dem Vatikan. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 1997.

Ronchey S. Il “salvataggio occidentale” di Bisanzio. Una lettera di Enea Silvio Piccolomini e l'allegoria pittorica di Bisanzio nel primo Rinascimento // Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII–XV secolo): Atti del Colloquio Internazionale organizzato nel centenario della nascita di Raymond-Joseph Loenertz O.P., Venezia, 1–2 dicembre 2000 / a cura di C. A. Maltezos e P. Schreiner. Venezia : Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini di Venezia, 2002. P. 125–150, 529–544.

Spatharakis I. The Portrait in Byzantine illuminated manuscripts. Leiden : E. J. Brill, 1976.

Verriet H. D. L. The Palaeotypography of the French Renaissance: Selected Papers on Sixteenth-century Typefaces. Vol. II. Leiden ; Boston : Brill, 2008.

Vickers M. Some Preparatory Drawings for Pisanello's Medallion of John VIII Palaeologus // The Art Bulletin. 1978. Vol. 60, No. 3. P. 417–424.

References

Belting, H. (1970). *Das illuminierte Buch in der spätbyzantinischen Gesellschaft*. Heidelberg: Carl Winter Universitäts Verlag.

Canart, P. (1964). Les manuscrits copiés par Emmanuel Provataris (1546 — 1570 environ). Essai d'étude codicologique. In *Mélanges Eugène Tisserant* (Vol. VI, pp. 173–287). Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana Publ.

Carolla, P. (2010). Nuovi manoscritti di Giacomo Episcopopulo. Saggio di un'indagine su alcuni collaboratori di Andrea Darmario. In A. Bravo Garcia (Ed.), *The Legacy of Bernard de Montfaucon: Three Hundred Years of Studies on Greek Handwriting. Proceedings of the Seventh International Colloquium of Greek Palaeography (Madrid–Salamanca, 15–20 September 2008)* (pp. 243–255, 809–814). Turnhout: Brepols Publ.

Downey, R. E. G. (1959). The Tombs of the Byzantine Emperors at the Church of the Holy Apostles in Constantinople. *Journal of Hellenic Studies*, 79, 27–51.

Evans, H.C. (Ed.). (2004). *Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*. New York; New Haven: Metropolitan Museum of Art Publ.

Fonkich, B. L. (1968). Grecheskie pistry epokhi Vozrozhdeniia. II [Greek Scribes of the Renaissance. II]. *Vizantiyskiy vremennik*, 28 (53), 283–285.

Gamillscheg, E., & Harlfinger, D. (1981). *Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 1. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Grossbritanniens*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Gamillscheg, E., & Harlfinger, D. (1989). *Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 2. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Frankreichs und Nachträge zu den Bibliotheken Grossbritanniens*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Gamillscheg, E., Harlfinger, D., & Eleuteri, P. (1997). *Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 3. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Roms mit dem Vatikan*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Iorga, N. (2000). *Byzantium after Byzantium* (V. Căndeia, introd.; L. Treptow, trans.). Iași: Center for Romanian studies Publ.

Kuryseva, M. A. (2018). Rukopis' Paris. gr. 1783 s portretami imperatorov dinastii Paleologov: paleograficheskaya datirovka [The Paris. gr. 1783 Manuscript with Portraits of Emperors

of the Palaiologoi: Palaeographic Dating]. In T. V. Kushch (Ed.), *Vizantijskij mir: realii i interpretatsii: tezisyy dokladov XIV nauchnykh Syuzyumovskikh chtenij. Yekaterinburg, 10–12 oktiabria 2018 g.* [The Byzantine World: Realities and Interpretations: Abstracts of the Reports of the XIV Scholarly Suzumov Readings. Yekaterinburg, October 10–12, 2018] (pp. 30–31). Yekaterinburg: Ural University Press.

Kushch, T. V. (2016). Manuil II Paleolog [Manuel II Palaiologos]. In Patriarch Kirill of Moscow (Ed.), *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopaedia] (Vol. 43, pp. 397–401). Moscow: Tserkovno-nauchnyj tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia”.

Lukhovitskiy, L. V. (2011). Iosif II [Joseph II of Constantinople]. In Patriarch Kirill of Moscow (Ed.), *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopaedia] (Vol. 26, pp. 9–10). Moscow: Tserkovno-nauchnyj tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia”.

Nousia, F. (2017). The Transmission and Reception of Manuel Moschopoulos’ *Schedography* in the West. In F. Ciccolella, & L. Silvano (Eds.), *Teachers, Students, and Schools of Greek in the Renaissance*. Leiden; Boston: Brill.

Omout, H. (1888). *Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque nationale. Seconde partie* [Aggregate Inventory of Greek Manuscripts of the National Library. Second Part]. Paris: Alphonse Picard, Libraire Publ.

Peers, G. (2013). Forging Byzantine Animals: Manuel Philes in Renaissance France. *Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici*, 49 (2012), 79–104.

Ronchey, S. (2002). Il “salvataggio occidentale” di Bisanzio. Una lettera di Enea Silvio Piccolomini e l’allegoria pittorica di Bisanzio nel primo Rinascimento. In C. A. Maltezou, & P. Schreiner (Eds.), *Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII–XV secolo): atti del Colloquio Internazionale organizzato nel centenario della nascita di Raymond-Joseph Loenertz O.P., Venezia, 1–2 dicembre 2000* (pp. 125–150, 529–544). Venezia: Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini di Venezia.

Samodurova, Z. G. (1967). Malye vizantijskie khroniki i ikh istochniki [Minor Byzantine Chronicles and their Sources]. *Vizantijskiy vremennik*, 27 (52), 153–161.

Samodurova, Z. G. (1974). Grecheskie rukopisnye sborniki, sodержashchie malye vizantijskie khroniki i ikh klassifikatsiia [Greek Manuscripts Containing Minor Byzantine Chronicles and their Classification]. In A. D. Lyublinskaya (Ed.), *Problemy paleografii i kodikologii v SSSR* [Issues of Palaeography and Codicology in the USSR] (pp. 200–241). Moscow: Nauka.

Spatharakis, I. (1976). *The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts*. Leiden: E. J. Brill.

Vervliet, H. D. L. (2008). *The Palaeotypography of the French Renaissance: Selected Papers on Sixteenth-century Typefaces* (Vol. II). Leiden; Boston: Brill.

Vickers, M. (1978). Some Preparatory Drawings for Pisanello’s Medallion of John VIII Palaeologus. *The Art Bulletin*, 60(3), 417–424.

Курьшева Марина Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела специальных исторических дисциплин

Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32А
E-mail: kuryшева@yandex.ru

Kuryшева, Marina Aleksandrovna

PhD (History), Senior Research Fellow
Department of Auxiliary Sciences of History
Institute of World History of the RAS
32A, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: kuryшева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9681-7108>
ResearcherID: AAI-2049-2020
Scopus AuthorID: 57214231184

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.028

УДК 930.2 + 94(564.3) + 929 Гуго (564.3)*4 +
+ 091 + 821.161.1“16”**С. В. Близнюк***Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ПИСЬМО КОРОЛЯ КИПРА ГУГО IV ЛУЗИНЬЯНА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII в.

В работе представлены два источника, касающиеся русской и кипрской истории: неопубликованное письмо короля Кипра Гуго IV Лузиньяна королеве Неаполя Джованне и сочинение неизвестного русского автора XVII в. о победе кипрского христианского войска над турками. В статье проводится текстологический и сравнительный анализ обоих источников и доказываемое заимствование русским автором информации из письма кипрского короля. Сочинение анонимного автора является практически свободным художественным переводом письма Гуго IV. В исследовании отмечается, что русский автор-переводчик позаимствовал сюжет письма не прямо, а скорее всего через кипрскую литературу более позднего времени, в которой история, рассказанная кипрским королем, была, по всей вероятности, чрезвычайно популярна. В русском тексте переплетаются события кипрской истории разных времен с целью показать героическое прошлое Кипра. Русский автор датирует свою историю 552 г. и связывает ее с императором Юстинианом I, наиболее почитаемым и героическим византийским правителем. Он не отделяет историю Кипра от истории Византии, как не могли это сделать кипрские и греко-византийские авторы XIV–XVI вв. Однако в обоих текстах речь идет о крестоносцах-латинянах, которые ведут сражение против турок под руководством кипрского короля. Русский автор остается верен православной традиции неприятия крестоносной идеи и заменяет идею мученичества крестоносца во имя Господа на традиционную для русской литературы героизацию воинов. Он признает, что воины сражаются за христианскую веру и церковь, но отрицает идею гарантированного спасения и вечной жизни за военный подвиг. В статье публикуется полный текст письма Гуго IV Лузиньяна по рукописи XV в., хранящейся в отделе рукописей Баварской государственной библиотеки.

Ключевые слова: Кипр; Гуго IV Лузиньян; русская литература; история; Средние века; рукописи; крестоносцы; турки; православие; идеология; интерпретация

Цитирование: Близнюк С. В. Письмо короля Кипра Гуго IV Лузиньяна и его интерпретация в русской литературе XVII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 96–109. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.028>

*Поступила в редакцию: 29.06.2020**Принята к печати: 25.03.2021*

Svetlana V. Bliznyuk*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

**LETTER OF KING HUGH IV OF CYPRUS
AND ITS INTERPRETATION
IN THE 17th-CENTURY RUSSIAN LITERATURE**

This article contains two sources concerning the history of Russia and Cyprus: an unknown and previously unpublished letter of King Hugh IV of Lusignan of Cyprus to Giovanna, Queen of Naples, and a work of an unknown Russian author of the seventeenth century about the victory of the Cypriot Christian army over the Turks. A textual and comparative analysis of both sources carried out in the article proves a borrowing of information by the Russian author from the letter of the Cypriot king. The work of the anonymous author is an almost liberal literary translation of Hugh's letter. At the same time, the Russian translator did not borrow the plot of the letter directly, but most likely through later Cypriot literature, in which the story told by the Cypriot king was probably extremely popular. The events of the history of Cyprus of different times intertwine in the Russian text in order to show the heroic past of Cyprus. The Russian author dates his story to 552 and connects it with Emperor Justinian I, the most revered and heroic Byzantine ruler. He cannot separate the history of Cyprus from the history of Byzantium, just as the Cypriot and Greek-Byzantine authors of the fourteenth and sixteenth centuries could not do it. However, both texts speak of Latin Crusaders, who are fighting against the Turks under the leadership of the King of Cyprus. The Russian author remains faithful to the Orthodox tradition of rejection of the idea of crusades and replaces the idea of martyrdom of a crusader in the name of the Lord with heroic battle scenes traditional for Russian literature. He acknowledges that warriors are fighting for the Christian faith and for the church but denies the idea of guaranteed salvation and eternal life for military feats. At the end of the article, the full text of the letter of Hugh IV of Lusignan based on a manuscript of the fifteenth century kept in the manuscript department of the Bavarian State Library is published.

Key words: Cyprus; Hugh IV of Lusignan; Russian literature; history; Middle Ages; manuscripts; crusaders; Turks; Orthodoxy; ideology; interpretation

Citation: Bliznyuk, S. V. (2021). Pis'mo korolia Kipra Gugo IV Luzin'iana i ego interpretatsiia v russkoi literature XVII v. [Letter of King Hugh IV of Cyprus and its Interpretation in the 17th-Century Russian Literature]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 96–109. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.028>

*Submitted: 29.06.2020**Accepted: 25.03.2021*

Русские люди впервые познакомились с островом Кипр, с его историей, достопримечательностями, преданиями и реликвиями в самом начале XII в. благодаря игумену Даниилу, совершившему паломничество в Святую землю и посетившему

на пути туда остров Кипр. По стопам Даниила к святым местам потянулись и другие русские пилигримы. Некоторые из них оставили свои записки, в том числе и о Кипре, который лежал на их пути к Иерусалиму. Их воспоминания о Кипре, по меткому определению О. А. Белобровой, положили начало «кипрскому циклу в древнерусской литературе» [Белоброва; Близнюк, 2020].

В XVI–XVII вв. русский читатель, несмотря на всю свою глубокую религиозность, связанную с воспитанием и окружающей его действительностью, почувствовал внутреннюю потребность в светских темах в литературе: в рыцарских романах, лирике, сатире, исторических, героических и эпических рассказах. Похожие сочинения проникали в русскую читательскую среду из Западной Европы, в основном через Польшу, переписывались, переводились на русский язык и пользовались спросом и популярностью [Николаев, 2002; 2008]. Постепенно рос интерес и к Кипру. Литературное вдохновение русский писатель черпал в кипрской истории, отыскивая на ее героических страницах события, созвучные его духовным потребностям. В русскую читающую среду стали проникать кипрские истории, легенды, сочинения греко-кипрских хронистов. Их переводили, интерпретировали, переписывали, распространяли и хранили рукописи в личных книжных коллекциях. Для многих в России эти сочинения стали любимым чтением. С удовольствием читали различные повести, рассказы и легенды о Кипре [Белоброва, с. 76–98]. Широкую известность приобрели переводы хроники Псевдо-Дорофея, повествующей не только о падении Византии в 1453 г. и последовавшем за ним периоде [Лебедева], но и о завоевании «умилненного» Кипра турками [Белоброва, с. 90–91]. Во второй половине XVII в. был переведен с польского на русский язык исключительно популярный в Европе эпохи Ренессанса рыцарский роман XIV в. Жана Аппасского «Повесть о Мелусине» [Белоброва, с. 93–97; Melusine; Melusine par Jehan d'Arras; Desaivre; Campagnolo, Martiniani-Reber]. Знакомство со всеми этими сочинениями значительно расширило и углубило представления русских людей о Кипре, его истории и культуре.

В данной работе мы не ставим перед собой задачу проанализировать все возможные заимствования и переводы кипрских сочинений в русской литературе. Но одно из них — «Сказание о приходе турского и сорочинов на Кипрский остров» — вызвало наш особый интерес. Именно на нем нам бы хотелось сконцентрировать свое внимание. По содержанию, литературным приемам и оборотам оно настолько перекликается с одним малоизвестным в исторической науке письмом короля Кипра Гуго IV Лузиньяна о победе кипрского войска над турками, что невозможно не предположить популярности данного сюжета в кипрской литературе на протяжении многих веков. Вероятно, благодаря многочисленным переложениям данного сюжета в народной литературе Кипра, названная история попала к русскому читателю. Попытаемся проследить текстологические и смысловые совпадения и параллели в обоих текстах.

Письмо короля Кипра Гуго IV Лузиньяна, датированное 1345 г., было адресовано королеве Сицилии. Копия письма сохранилась в картулярии XV в., который

хранится в отделе рукописей Баварской государственной библиотеки в Мюнхене [BSB, fol. 300 r-v]. В письме говорится, что летом 1345 г. войско крестоносцев ведет тяжелейшие и изнуряющие воинов бои с турками и несет большие потери. Однако с помощью Бога и под руководством его непосредственного посланника крестоносцы, в конце концов, одержали сокрушительную победу над турками. Всему произошедшему чуду король Кипра сам был свидетелем, что он и описал в своем послании¹.

События русского «Сказания» датируются 552 г. (6060 г.) [Белоброва, с. 79–81], что, казалось бы, сразу же опровергает наше утверждение о совпадении двух историй. Однако в русском рассказе причудливо переплелись времена, реальные события и героические легенды. Небезосновательно автор «Сказания» сначала переносит читателя во времена императора Юстиниана I, наиболее почитаемого героического императора Византии. Именно тогда, согласно русскому «Сказанию», турки и сарадины напали на остров Кипр с целью его полного покорения [Там же, с. 79]. Безымянный русский автор «Сказания» не может отделить историю Кипра от истории Византии точно так же, как не мог этого сделать и кипрский хронист конца XIV — начала XV в. Леонтий Махера; точно так же, как не мог не включить историю завоевания Кипра турками в общий контекст истории покорения византийских земель греческий хронист XVI в. Псевдо-Дорофей. Для всех них Кипр — это часть византийского мира. История Кипра неразрывно связывается с византийской историей и культурой. Император Юстиниан, императрица Феодора, согласно кипрским легендам, родившаяся на острове, не раз предстают перед читателем как вершители судьбы Кипра. Одновременно из контекста «Сказания» следует, что действие происходит в эпоху крестовых походов. Или, наоборот, эпоха крестовых походов как бы переносится в 552 г., во времена великого императора Византии. Тем самым, автор пытается подчеркнуть величие, силу, славу кипро-византийской истории. В то же время в рассказе вдруг появляется фряжский, т. е. франкский, король и латинские князья, которые ведут непримиримую борьбу с турками и сарадинами. Кипрское войско сразу же превращается в войско крестоносцев: «Князь кипрский собрал христианское воинство, короли фряжские и князи их, пошли морем на стретение безбожным турком» [Там же].

В «Сказании» содержится очень любопытный намек на реальные события, связанные с организацией и действием Священной Лиги, образованной папой Иоанном XXII в 1334 г. и продолжавшей вести священную войну против турок в Восточном Средиземноморье вплоть до 1370-х гг. В 1340-е гг. инициативу руководства Лигой в борьбе с турками в регионе взял на себя кипрский король Гуго IV. Именно ему принадлежит ряд славных побед над турками, с которыми римские понтифики Бенедикт XII и Климент VI не раз его поздравляли и высказывали свое особое одобрение его политики [Близнюк, 2016, с. 101–130; Coureas]. «Сказание» практически фиксирует эту ситуацию, говоря, что «кипрский князь»

¹ Текст письма и перевод см. ниже.

собрал христианское войско и, объединившись с другими фряжскими королями и князьями, повел его против турок. Гуго также говорит, что он вступает в бой «вместе с другими христианами, преданными делу креста» [Белоброва, с. 79; BSB, fol. 300 r].

Примечательна еще одна деталь, на которую обращает внимание читателя русский автор: помощь кипрскому королю пришла по морю. Следовательно, русский автор словно хочет особо подчеркнуть, что кипрский король мог рассчитывать на помощь других правителей и получал ее, согласно условиям договоров 1334, 1343, 1348, 1350 гг., заключавшихся в рамках существования Священной Лиги [Sougeas; Близнюк, 2016, с. 112–113]. В «Сказании», конечно, не упоминается имя короля, крестоносцы не называются крестоносцами, а Лига не называется Лигой. Кипрский король просто превратился в легендарного героя, латинские воины с легкостью именуются православными, а о каком бы то ни было военном союзе речь вообще не идет. Последнее следует, однако, из контекста о приходе помощи кипрскому королю из-за моря. Фряжское (франкское) происхождение короля и его союзников при этом также не скрывается и воспринимается как само собой разумеющееся. Для автора рассказа было гораздо важнее описать победу христиан над «погаными басурманами» [Белоброва, с. 81]. Автор «Сказания» повествует не о длительной войне, а об одном событии. У него, как и в письме Гуго IV, речь идет именно о тяжелом бое, длившемся несколько дней. Битва и в том, и в другом случае идет на территории Кипра близ гор. В письме — «на равнине, расположенной между горами и возвышенностью», в «Сказании» — около города Талавод, под которым, вероятнее всего, подразумевается аббатство Беллапаис, расположенное в горах на севере острова. В «Сказании» называется та же самая фантастическая численность турецкого войска в 1,2 млн воинов. Более того, цифры записаны тем же не совсем обычным способом, что и в письме Гуго IV: «12 сот тысяч» турок, из которых погибло «11 сот тысяч» [Там же, с. 79, 80]. Гуго IV также добавляет, что войско крестоносцев насчитывало 200 тысяч воинов.

Понятно, что цифры нереальные и в том, и в другом тексте, но по удивительному совпадению одинаковые. Подобные преувеличения весьма характерны для литературы Средних веков в целом. Численность войска, как правило, многократно завышалась. С помощью подобного преувеличения хронисты пытались представить более яркую, полную драматизма картину событий. Так поступали, например, Леонтий Махера, Филипп де Мезьер, Доменико Малипьеро, говоря о численности крестоносного войска кипрского короля Пьера I Лузиньяна в своих сочинениях [Machairas, § 167, 190–191; Близнюк, 2018, § 167, 190–191, с. 146–147, 156–157; Mézières, p. 127–128; Annali..., vol. II, p. 594]. При детальном рассмотрении событий все цифры оказываются бесконечно завышенными [Близнюк, 2016, с. 145–147, 157]. К подобному приему гиперболизации прибегают и наши авторы, которые с его помощью стремятся подчеркнуть героизм христиан, неравенство сил воюющих сторон, оказание божьей помощи крестоносцам и отсутствие таковой у мусульман. Именно поэтому, с их точки

зрения, последние должны были понести жестокое поражение, несмотря на свое несравнимое численное превосходство.

И Гуго IV, и автор «Сказания» рассказывают о явлении христианам всадника: в первом случае одетого в верблюжью власяницу, во втором — в белые одежды. В руках он держал животворящий крест. Он воодушевил христиан, придал им сил и обеспечил победу над врагом. И в письме Гуго, и в «Сказании» во время явления посланника с неба звучала необыкновенная божественная музыка и распространялся чудесный запах, которые придали сил христианским воинам. «Христианом же... прииде им неизреченное благоухание в ноздри их, до тем христиане и кони их были сыти и веселы», — сказано в «Сказании». И эта идея о насыщении воинов «благоуханием» в русском тексте проводится дважды [Белоброва, с. 80, 81]. В русском рассказе явившийся воинам всадник прямо называет себя сыном Божиим по имени Христос, которого Отец послал на помощь христианам: «Аз есмь сын божий, глаголемый Христос, послан бы есть отцем моим небесным на помощ к вам. А знамение мое и непобедимое оружие — животворящий кресть мой — сотворен вашего ради спасения, понеже молихом мя пречистая дева Мария, мати моя, приехати ми на помощь вашу» [Там же, с. 81].

В Письме Гуго IV под всадником, казалось бы, должен подразумеваться Иоанн Креститель, ибо на вопрос христиан он ответил словами из Евангелия от Иоанна — он тот, кто сказал: «Вот агнец Божий, который берет на себя грехи мира» (Ин. 1:29). Верблюжья власяница всадника тоже косвенно указывает на Иоанна Крестителя. Именно он традиционно изображался одетым в верблюжью власяницу или шкуру. Однако нам неизвестно ни одного конного изображения или описания Иоанна Предтечи в средневековом искусстве или литературе. Следовательно, в письме Гуго IV, скорее всего, заложен более глубокий, иносказательный смысл, символ, понятный верующему. В Евангелии Иоанн видит и указывает именно на Христа как на Спасителя, стоящего и идущего впереди него: «...за мною идет Муж, который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня» (Ин. 1:30). Христос-всадник, Христос-воитель, Христос-победитель предстает верующим в Откровениях Иоанна Богослова (Апок., 19:1–21) и символизирует победу христианства над «адскими силами», лютыми врагами, коими в данном случае являлись турки. И белый конь, первый конь Апокалипсиса, и всадник — символы победы Христа, силы и могущества христианства. Обращает на себя внимание, что в этом месте в письме рассказчик вдруг обращается к всаднику во втором лице множественного числа. То есть этот переход может указывать не только на самого всадника, но и на его воинство: «...кто вы, которые так много сделали для нас...». Кроме того, чуть выше у Гуго всадник говорит, что именно Бог (*divina maiestas*) показался в небесах и незримо посылает верующим помощь. В таком случае Иоанн Креститель у кипрского короля может играть ту же самую роль, как и в Евангелии: его видят верующие, и он показывает на того, кто пришел встать впереди него и повести христиан за собой, т. е. на Христа. Следовательно, с верующими говорит сам Христос,

присутствующий у Гуго «незримо» (*invisible*). И именно он устами всадника призывает идти в бой и гарантирует воину обретение жизни вечной в случае его гибели. Подобные обещания крестоносец получал только от самого Христа и именно с ним заключал своеобразный личный воинский договор, согласно европейской крестоносной идее. Церковь, папа, священники были лишь посредниками между самим Христом и крестоносцами. Русский переводчик понял текст буквально и однозначно: всадник — это сам Христос, сын Божий. Следовательно, в данном случае разночтений между письмом и «Сказанием» нет.

И в том, и в другом тексте христиане зывают о помощи к Господу и Деве Марии. Ни один из авторов не говорит прямо (и не может сказать) о том чувстве отчаяния, страха, безысходности, которое охватило воинов, но дает это понять. «И если бы у нас не было надежды на победу, мы ожидали самой горькой смерти, плача и рыдая», — пишет Гуго IV. Именно чувство страха, являющееся одной из самых сильных и неконтролируемых эмоций человека, заставляет его искать спасения у высших сил, уповать на чудо. Этим объясняются многократные мольбы крестоносцев к Богу и Деве Марии. В обоих текстах они занимают едва ли не большую часть рассказа. При этом Гуго IV проводит идею спасения мира от неверных крестоносцами и идею обретения ими вечного спасения: «...чтобы небом нам была дарована победа, и мы бы смогли оградить мир от неверных»; если не удастся победить, крестоносцы просят Бога укрепить их душу и веру, чтобы принять «пальму мученичества»; «ведь те немногие из вас, которые будут убиты, — говорит явившийся христианам всадник, — обретут жизнь вечную» [BSB, fol. 300 r-v].

В «Сказании» мусульмане также являются не просто врагами, а неверными; христиане также ведут жестокий бой с «погаными»; точно также заступничество высших сил и божественное чудо позволяют христианам одержать победу: «и не было ночи, ибо луч солнечного света являлся нам всю ночь» [BSB, fol. 300 v] и освещал христианам поле боя, хотя «сеча была зла и ужасна» [Белоброва, с. 80]. Воины русского автора также ведут бой за веру и церковь, но за веру православную: «умрети за имя святое и за святые твоя божия церкви и за православную Христову веру» [Там же]. Однако намеки на крестоносные идеи от русского автора постоянно ускользают. Это не удивительно, поскольку сама крестоносная идея была бесконечно далека для русского человека. Он не понял и не принял ее, как не поняла и не поддержала ее Византия, непосредственно столкнувшаяся с крестоносцами в самом начале крестоносного движения в конце XI в. и вынужденная выстраивать с ними дипломатические отношения вплоть до завоевания ими Константинополя в 1204 г. Православная традиция отношения к войне и воину, основанная на учении Василия Великого, не принимала идею священной войны как таковую, не окружала воина ореолом святости, не допускала ношения оружия представителями клира [Близнюк, 2014, с. 24–25; 2010; Bliznyuk; Близнюк, 2020]. Поэтому русский автор «Сказания» заменяет идею мученичества крестоносца во имя Господа и божественного воздаяния за нее на традиционные для русской литературы красочные сцены героической

баталии со стопами земли от топота копыт боевых лошадей, со скрежетом оружия и реками крови врага: «И бе сеча зла и ужасна, яко земли постонати, и звук сабельный бряцаше, яко гром. И пролияшася кровь турская, аки река течаху» [Белоброва, с. 80]. Наградой для христиан у автора «Сказания» становится победа над врагом, триумф воина-победителя, а не гарантированное крестоносцу спасение. Однако и русский автор проводит мысль, что христиане были готовы сражаться и отдать жизнь за веру и Христа: «...яко же хотим умерети за имя святое и за святые твоя божия церкви и за православъную Христову веру» [Там же]. К слову сказать, батальные сцены весьма ярко представлены и в письме Гуго IV. При всей благодарности кипрского короля Господу за его помощь он не лишает крестоносцев их собственных воинских заслуг. Воинский героизм у обоих авторов, таким образом, сопряжен с испытанием, страданием, скорбью, смертью и наградой за нее от Бога.

В обоих текстах одинаков способ опознания тел погибших христиан с помощью знамений, полученных свыше. У Гуго IV они были обнаружены благодаря тому, что в изголовье каждого был белый цветок, на котором золотыми буквами было написано: «Я Христианин». В «Сказании» — изо рта каждого шел зеленый пар, и на лбу было «крестное знамение». Оба автора приводят полный символизма текст. В обоих текстах идет постоянный диалог символов, столь характерный для средневекового сознания. Человек Средневековья мыслил символами, чувствовал их, верил в них, искал их в реальной жизни, соизмерял свои действия с их подсказками. Не случаен в связи с этим выбор обоими авторами наших источников цветов для опознания тел погибших христиан: белый, золотой и зеленый. (Белый — символы чистоты и праведности; золотой — силы, мужества и героизма; зеленый — символ жизни.) Характерно, что праведников узнают по белому и зеленому цветам, которые одновременно символизируют жизнь и жизнь после смерти, воскресение, переход в лучший мир — мир праведников.

Оба автора убеждают читателя, что праведник не уходит бесследно, что рыцарь / воин не может умереть бесславно. Как рыцарь заслуживает вечной славы за свои подвиги, так и праведник заслуживает вознаграждения за свои подвиги вечным покоем. В обоих текстах рыцарь, воин и праведник совмещается в одном лице. Воинский подвиг сочетается с праведностью битвы. «Праведник, где бы его ни настигла смерть, обретет покой»², — писал в начале XII в. один из самых известных хронистов крестовых походов Фульхерий Шартрский [Fulcheri Carnotensis..., lib. I, cap. VIII (III), p. 170]. Эту же идею проводит в середине XIV в. кипрский король Гуго IV: «Тогда, отделив их тела от неверных, мы захотели отслужить для них службу по усопшим и услышали бесчисленное множество голосов с неба. Звучала чудеснейшая мелодия, так что каждому казалось, что жизнь вечна. И трижды они пропели до конца для

² *Iustus qua morte praeoccupatus fuerit, in refrigero erit* (досл.: «окажется в прохладе», т. е. в покое).

каждого: “Придите же, благословенные отца моего”³ [BSB, fol. 300 v]. Русский автор практически пересказывает все действия, которые были совершены кипрским королем после битвы по поиску и захоронению тел погибших христиан, включая повествование о чудесах, молитвы и общение в этот момент с Богом, как это написано в письме Гуго IV. «Православные», погибшие за веру, были удостоены почестей при погребении; их тела были отделены, «яко злато», от всех мертвых [Белоброва, с. 81], что символизирует их героизм и воинский подвиг, но, опять же, идея гарантированного крестоносцу спасения в русском тексте размывается и ускользает от читателя.

В обоих текстах названо место захоронения погибших христиан: *Фиваида* (*Thebaida*) у Гуго и некий город *Tuabom* у русского автора. При этом в самом начале в русском тексте называется некий город *Талавод*, у которого произошла битва и который ассоциируется с аббатством Беллапаис, как мы отмечали выше. Оба топонима, названные в текстах, ставят больше вопросов, чем дают ответов, где именно находилось это место. Фиваида Гуго IV не должна вводить в заблуждение и уводить читателя в области Верхнего Египта. Точно идентифицировать топоним вряд ли возможно и вряд ли нужно. Фиваида Гуго IV вводится в текст как образ, как символ, как отсылка читателя к античной поэме Публия Папиния Стация «Фиваида», однако, не напрямую. В европейской литературе XII в. были весьма популярными переложения античной латинской поэзии без ссылок на оригиналы и авторов. Подобным переложением-интерпретацией «Фивиады» Стация в середине XII в. стал куртуазный «Роман о Фивах», широко распространившийся во франкоязычной интеллектуальной среде [Самарин, Михайлов; Battles]. В «Романе» не называются прямо, но явно чувствуются отзвуки истории Второго крестового похода (1147–1149), закончившегося для крестоносцев поражением. Фивы ассоциируются в «Романе» с враждебным городом, населенным язычниками или неверными, которых ценою жизни должны были победить крестоносцы и захватить город. Гуго IV, вводя в свой текст топоним Фиваида, скорее прибегнул к аллегории и хотел подчеркнуть величие победы своего войска, а заодно продемонстрировать свою образованность и начитанность, так много значившие при его дворе [Близнюк, 2016, с. 649–663; Grivaud, p. 53, 220]. Русский переводчик, видимо, пытался понять и интерпретировать греческое название, ранее транскрибированное из латинского текста Гуго IV, что привело к еще большему его искажению. Однако и в тексте письма Гуго IV, и в русском «Сказании» речь явно идет о Кипре. Оба автора не уводят читателя с острова. Погибшие воины должны были обрести покой на кипрской земле.

В результате проведенного исследования и сопоставления текстов письма кипрского короля Гуго IV Лузиньяна и русского «Сказания о приходе турецкого и сорочинов на Кипрский остров» не остается сомнений как в текстологическом и смысловом совпадении двух рассказов, так и в том, что в литературе XVII в.

³ «Тогда Царь скажет тем, которые по правую сторону: “придите же, благословенные Отца моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»» (Мф. 25:34).

время и сюжеты кипрской истории разных времен переплетаются, перекликаются, переосмысливаются, интерпретируются, объединяются между собой, создавая единый контекст героической истории Кипра.

Приведем латинский текст письма кипрского короля Гуго IV Лузиньяна по рукописи, хранящейся в отделе рукописей Баварской государственной библиотеки [BSB, fol. 300 r-v], и его перевод.

fol. 300 r — Anno Domini MCCC quadragesimo quinto contigit quoddam ineorabile factum, quod scripsit rex Cipri, qui hoc eius oculum vidit, regine Scicilie in hoc versu.

Rex Cipri regine Scicilie salutem congaudete et congratulandum nobiscum et cum ceteris fidelibus cruce signatis ad proeliandum contra infideles Turchos ob reverentiam Iesu Christi, qui pro nobis voluit crucifigi, ululate et clamate, ut in excelso audiantur voces vestre, gracias et laudes, referamus deo et virgini gloriose de in menso beneficio nuper in me facto, sane XXIII die, mensis Iunii indicione una cum ceteris Christianis cruce signatis moti ad hunc proelium contra Turchos, congregati eramus in planitie inter montanam et altum locum, et Turci habebant duodecies centum milia pugnatorum. Et nos tantum ducenta milia et in temporibus pugnare exadverso potentes, multitudinem Thurcorum magnam prosternentes, et duravit proelium usque ad vesperam. Ita ut nos fideles fessi non poteramus amplius proeliari et prostrati expectavimus palmam martirii recipere ex eo, quod multi de Thurcis quietati venerunt contra nos sic fatigatos, sitientes sanguinem nostrum bibere nisi divina clementia prohibuisset. Et cum fideles vidissent se in tali puncto constitutos clamaverunt ad Dominum, dicentes: “Domine, illus, qui pro nobis voluisti crucifigi! Da nobis fidem sic mane et conforta cor nostrum in nobis ut in tuo nomine valeamus palmam martirii obtinere, quia eis resistere non valemus”. Et si desperati de victoria mortem amarissimam expectabamus congemantes et flentes. Et subito apparuit unus sedens super equum album habens vexillum album in quo crux erat colorum rubei, mira rubedine insignita excellens super omnem illam multitudinem. Et hic erat indutus pilis camelorum, faciem longam et macilentam cum proluxa barba habebat et cum sonora voce clamavit dicens: “O fideles, nolite timere, quia divina maiestas celos apperuit et mittet nobis adiutorium invisibile, surgite, confortaverit. Et viriliter ad pugnam mecum venite, quia pauci qui morientur ex vobis //

fol. 300 v — vitam eternam obtinebunt”. Et sic eius auxilio succeximus ac si nunquam preliati fuisset, et Thurcos iterato invasimus et tota nocte pugnavimus, et non erat nox sed ut solaris luminis nobis radius tota nocte apparebat. Die vero facta, qui remanserant de Thurcis enaverunt ab oculis nostris. Et sic divino auxilio in predicto proelio victoriam obtinuimus. Et macerati antequam de proelio pergeremus Missam de Sancta Trinitate et beatissime Virgine fecimus devote celebrari, ut victoria nobis concessa coelo possemus corpora Christianorum ab infidelibus discernere. Et tunc ille qui apparuit nobis respondit, quod petistis, impetrastis et maiora huiusmodi impetrabitis, si firmi in fide persteteritis. Nos nomen personaliter eum interrogavimus, quis estis vos qui tanta nobis fecistis, ut valeamus nomen vestrum coram Christianis divulgare. Et respondit ego sum qui dixi: “Ecce agnus dei ecce qui tollit peccata mundi”, — et hiis dictis disparuit dimisso odore suavissimo, quo mirabiliter eramus tota nocte et die recreati etiam sine cibo et potu martiriali. Post diem vero decrevimus corpora mortuorum Christianorum numerare, et cum venimus ad locum proelii invenimus ad capitam singulorum fustem longum sine frondibus et in capite florem album tamquam consecrandam et inscriptum aureis litteris “Christianus sum”. Tunc segregantes corpora eorum ab infidelibus voluimus facere pro ipsis officium defunctorum et audivimus voces sine numero de celo. Dulcissimum genus melodie in sonantes, ita quod

quilibus videbatur possidere vitam perhennem⁴. Et ter cantaverunt versum illum, “quod enite benedicti patris mei”⁵, usque infinem. Et nunc sepellivimus corpora Christianorum iuxta civitatem Thebaidam que teneri a Christianis. Corpora autem Thurcorum que invenire potuimus erant septuaginta milia. Et exspectavimus quod nunc est tempus, ut verificetur evvangelicum illud. Et fiat unum Oville et unus Pastor⁶, scilicet Christus Jesus, quod ipse prestare dignetur qui super omnia est deus benedictus in secula seculorum. Amen.

Перевод

В год Господа 1345 произошло одно удивительное событие, о котором написал король Кипра, который видел его собственными глазами, королеве Сицилии в этом письме, а именно следующее.

Король Кипра королеве Сицилии шлет привет и поздравления, чтобы Вы порадовались вместе с нами и с истинно верными делу креста в борьбе против неверных турок ради величия Иисуса Христа, который за нас пожелал быть распятым, рыдайте и взывайте, чтобы ваши голоса, благодарности и прославления были бы услышаны всевышним, мы взываем к Богу и славной Деве Марии о безграничной милости, сделанной недавно для меня, а именно 24 июня, первого индикта, когда вместе с другими христианами, преданными делу креста, мы вступили в битву против турок. Мы собрались на равнине, расположенной между горами и возвышенностью. Турки имели двенадцать сотен тысяч воинов. А у нас было только двести тысяч, и в таких условиях мы могли вести бой, порой уничтожая огромное число турок, и сражение длилось вплоть до вечера. Однако поскольку мы, верные, очень устали, мы не могли больше сражаться и были повержены, мы надеялись получить за это пальмовую ветвь мученичества, так как множество турок выступили против нас, столь измученных, страдающих от жажды настолько, что мы были готовы пить собственную кровь, если бы божественное милосердие не помешало этому. И когда верные увидели, что они оказались в такой ситуации, они молили Господа, взывая: «Господи, тот, кто пожелал за нас быть распятым! Дай нам веру, и да сохрани и укрепи в нас душу нашу, чтобы с именем твоим мы были в силах принять пальму мученичества, ибо мы не можем препятствовать им». И если у нас не было надежды на победу, мы ожидали самой горькой смерти, плача и рыдая. И сразу же появился всадник на белом коне с белым знаменем, на котором был красный крест, чудо, светящееся красным светом, четко видимое над всей этой массой людей. Он был одет в верблюжью власяницу, у него было длинное и худое лицо с широкой бородой, и звучным голосом он взывал, говоря: «О верные, не бойтесь! Ведь Бог показался в небесах и незримо посылает нам помощь, поднимайтесь, он придаст сил. Смело идите в бой вместе со мной! Ведь те немногие из вас, которые будут убиты, //

fol. 300 v — обретут вечную жизнь». И с его помощью мы достигли успеха, поскольку мы сражались как никогда. И мы снова напали на турок и сражались всю ночь; и не было ночи, ибо луч солнечного света являлся нам всю ночь. Днем же те из турок, которые остались, уплыли с наших глаз. И так с Божьей помощью в этом бою мы одержали победу. Истощенные, перед боем мы провели мессу, молясь св. Троице и славной Деве Марии, и благоговейно просили, чтобы небом нам была бы дарована

⁴ От *perennis* «вечный».

⁵ ...*enite benedicti patris mei* (Math. 25:34).

⁶ ...*fiat unum Oville et unus Pastor* (Iohann. 10:16).

победа и мы бы смогли оградить мир (досл.: «тело») христиан от неверных. И тогда тот, кто явился нам, ответил, что: «Вы попросили и добились, и вы достигнете таким образом еще больше, если будете тверды в вере». Мы же тогда спросили имя его; кто вы, которые так много сделали для нас, потому что мы хотим сообщить ваше имя всем христианам. И он ответил: «Я тот, кто сказал: “Вот агнец Божий, который берет на себя грехи мира”»⁷. И говоря эти слова, он исчез, источая приятнейший аромат, благодаря которому мы удивительным образом в течение ночи и дня восстановили силы, хотя и изнывали без пищи и питья. На следующий день мы действительно решили посчитать, сколько погибло христиан, и когда мы пришли на поле битвы, мы обнаружили у изголовья каждого длинную палку без листьев, а на конце белый цветок, соответственно обрезанный, и с надписью золотыми буквами «Я Христианин». Тогда, отделив их тела от неверных, мы захотели отслужить для них службу по усопшим и услышали бесчисленное множество голосов с неба. Звучала чудеснейшая мелодия, так что каждому казалось, что жизнь вечна. И трижды они пропели до конца для каждого: «Придите же, благословенные отца моего». И теперь мы похоронили тела христиан около города Фиваида, который удерживается христианами. Тел же турок, которые мы смогли найти, было 70 тысяч. И мы надеялись, что сейчас настало время, чтобы воистину сбылось следующее евангельское <изречение>. И пусть будет одно стадо и один пастырь, а именно Иисус Христос, ибо он достоин стоять впереди, он над всем есть Бог благословенный во веки веков. Аминь.

Источники

Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. М. : Наука, 1979.

Близнюк С. В. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр». М. : Academia, 2018.

Annali veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero / a cura di A. Sagredo. Firenze : Viesseux, 1843–1844. Vol. I–II. (Archivio Storico Italiano ; Vol. VII).

BSB — Bayerische Staatsbibliothek. Codex Latinus Monacensis 4149. Fol. 300 r-v.

Desaivre L. Le Mythe de la Mère Lusine (Meurlusine, Merlusine, Mellusigne, Mellusine, Melusine, Mélusine), étude critique et bibliographique. Sant-Maixent : Reversé, 1883.

Fulcheri Carnotensis Historia Heirosolymitana (1095–1127) / mit Erläuterungen und einem Anhang hrsg. von H. Hagenmeyer. Heidelberg : Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1913.

Machairas L. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle : in 2 vols. / ed. R. M. Dawkins. Oxford : Univ. Press, 1932.

Melusine. Basel : Bernhard Richel, 1476.

Melusine par Jehan d'Arras. Nouvelle éd., conforme à celle de 1478 revue et corrigée / ed. M. Ch. Brunet. Paris, 1854.

Mézières Ph. de. The Life of Saint Peter Thomae / ed. J. Smet. Rome : Institutum Carmelitanum, 1954.

Исследования

Близнюк С. В. Крестовые походы в древнерусской литературе: Кипр на пути от Константинополя к Иерусалиму // Родина. 2010. С. 74–80.

Близнюк С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. СПб. : Алетея, 2014.

⁷ «Вот агнец Божий, несущий грехи мира» (Ин. 1: 29).

Близнюк С. В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М. : Academia, 2016.

Близнюк С. В. Русские паломники XII–XVIII вв. о «сладкой земле Кипр» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 1 (196). С. 67–83. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.1.005>

Лебедева И. Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. (Палестинский сборник ; Вып. 18 (81)).

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. и их значение для истории польско-русской литературы // Славяноведение. 2002. № 2. С. 121–127.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. : библиогр. материалы. СПб. : Нестор-История, 2008.

Самарин Р. М., Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман // История всемирной литературы : в 9 т. Т. 2 / редкол.: Х. Г. Короглы, А. Д. Михайлов (отв. редакторы) и др. М. : Наука, 1984. С. 551–561.

Bliznyuk S. L'idea delle crociate e la conquista nel pensiero russo // Quatra Crociata. Venezia — Bizanzio — Impero Latino / a cura di G. Ortalli, G. Ravegnani, P. Schreiner. Venezia : Ist. Veneto di Scienze, 2006. P. 653–662.

Battles D. The Medieval Tradition of Thebes: History and Narrative in the Roman de Thèbes, Boccaccio, Chaucer, and Lydgate. New York : Routledge, 2004. <https://doi.org/10.4324/9780203502853>

Campagnolo M., Martiniani-Reber M. From Aphrodite to Melusine. Reflection on the Archaeology and the History of Cyprus. Geneva : La Pomme d'Or, 2007.

Coureas N. Cyprus and the Naval Leagues, 1333–1358 // Cyprus and the Crusades / ed. N. Coureas, J. Riley-Smith. Nicosia : Dietnēs Homilos gia tē Meletē tōn Staurophoriōn kai tēs Latinokratumenēs Anatolēs, 1995. P. 107–124.

Grivaud G. Entrelacs Chiprois. Essai sur les lettres et la vie intellectuelle dans le Royaume de Chypre 1191–1570. Nicosia : Moufflon Publ., 2009.

References

Battles, D. (2004). *The Medieval Tradition of Thebes: History and Narrative in the Roman de Thèbes, Boccaccio, Chaucer, and Lydgate*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203502853>

Bliznyuk, S. (2006). L'idea delle crociate e la conquista nel pensiero russo. In G. Ortalli, G. Ravegnani, & P. Schreiner (Eds.), *Quatra Crociata. Venezia — Bizanzio — Impero Latino* (pp. 653–662). Venezia: Ist. Veneto di Scienze.

Bliznyuk, S. V. (2010). Krestovye pokhody v drevnerusskoi literature: Kipr na puti ot Konstantinopolia k Ierusalimu [Crusades in Old Russian Literature: Cyprus on the Way from Constantinople to Jerusalem]. *Rodina*, 74–80.

Bliznyuk, S. V. (2014). *Koroli Kipra v epokhu krestovyykh pokhodov* [The Kings of Cyprus in the Epoch of the Crusades]. St Petersburg: Aletea.

Bliznyuk, S. V. (2016). *Korolevstvo Kipr i ital'ianskie morskije respubliki v XIII–XV vv.* [The Kingdom of Cyprus and the Italian Maritime Republics from the Thirteenth to the Fifteenth Century]. Moscow: Academia.

Bliznyuk, S. V. (2020). Russkije palomniki XII–XVIII vv. o “sladkoj zemle Kipr” [Russian Pilgrims of the 12th–18th Centuries about “The Sweet Land of Cyprus”]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 22, 1 (196), 67–83. <https://doi.org/10.15826/izv2.2020.22.1.005>

Campagnolo, M., & Martiniani-Reber, M. (2007). *From Aphrodite to Melusine. Reflection on the Archaeology and the History of Cyprus*. Geneva: La Pomme d'Or.

Coureas, N. (1995). Cyprus and the Naval Leagues, 1333–1358. In N. Coureas, & J. Riley-Smith (Eds.), *Cyprus and the Crusades* (pp. 107–124). Nicosia: Dietnēs Homilos gia tē Meletē tōn Staurophoriōn kai tēs Latinokratumenēs Anatolēs.

Grivaud, G. (2009). *Entrelacs Chiprois. Essai sur les lettres et la vie intellectuelle dans le Royaume de Chypre 1191–1570*. Nicosia: Moufflon Publ.

Lebedeva, I. N. (1968). Pozdnie grecheskie khroniki i ikh russkie i vostochnye perevody [The Later Greek Chronicles and their Russian and Oriental Translations]. *Palestinskij sbornik*, 18 (81). Leningrad: Nauka.

Nikolaev, S. I. (2002). Polsko-russkie literaturnye sviazi XVI–XVIII vv. i ikh znachenie dlia istorii polsko-russkoj literatury [Polish-Russian Literary Relations of the 16th–18th Centuries and their Significance for the History of Polish-Russian Literature]. *Slavianovedenie*, 2, 121–127.

Nikolaev, S. I. (2008). *Polsko-russkie literaturnye sviazi XVI–XVIII vv.: bibliograficheskie materialy* [Polish-Russian Literary Relations of the 16th–18th Centuries: Bibliographic Materials]. St Petersburg: Nestor-Istoria.

Samarin, R. M., & Mikhailov, A. D. (1984). Frantsuzskij rytsarskij roman [French Chivalric Romance]. In Kh. G. Korogly, & A. D. Mikhailov (Eds.), *Istoriia vsemirnoj literatury* [History of World Literature] (Vol. 2, pp. 551–561). Moscow: Nauka.

Близнюк Светлана Владимировна

доктор исторических наук, доцент
кафедры истории Средних веков
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
119992, Москва, Ломоносовский пр., 27,
корп. 4
E-mail: svbliznyuk@mail.ru

Bliznyuk, Svetlana Vladimirovna

Dr. Hab. (History), Associate Professor
Department of History of the Middle Ages
Lomonosov Moscow State University
27/4, Lomonosovsky Ave.,
119992 Moscow, Russia
Email: svbliznyuk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8533-0863>

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.029

УДК 655(470-25) + 002.2(076) +
+ 025.32 + 27-9 + 76**О. Р. Хромов**¹ *Московская Духовная академия*² *Российская государственная библиотека*
Москва, Россия

МОСКОВСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ДВОР ПРИ ПАТРИАРХЕ НИКОНЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕПЕРТУАРА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ИЗДАНИЙ

Статья посвящена изучению деятельности Московского печатного двора в период при патриархе Никоне в 1652–1658 гг. В этот период не только велась хозяйственная перестройка на Печатном дворе, но и происходили серьезные изменения в репертуаре изданий и оформлении книг. Всю эту работу контролировал и координировал сам патриарх Никон. В настоящей статье делается попытка проследить деятельность Печатного двора этого периода в целом, рассмотрев структуру репертуара издательской продукции и оформления книг, а также изменения во внешней форме московских изданий. В статье проанализирован новый тип изданий, появившийся при патриархе Никоне, — листовые издания, выявлены причины и мотивы их появления. Отмечается, что их появление обусловлено не экономической выгодой, а их оперативностью и тиражностью, а также возможностью с их помощью унифицировать церковно-административные вопросы. Рассмотрены вопросы иконографической «справы», связанные с изменениями изображений животных символов евангелистов во фронтисписных гравюрах Евангелия. Причины, побудившие патриарха Никона сделать эти исправления, основаны на общем подходе к исправлению церковных обрядов и книг. В исправлении порядка животных символов патриарх Никон опирался на древнюю русскую рукописную (до XV в.) традицию и греческие образцы, связанные, в первую очередь, с изображениями на антиминсах. В статье уделено внимание изданию антиминса как нового типа московского издания и обсуждается вопрос о его образцах. Рассмотрены особенности гравированных иллюстраций в никоновских изданиях, их оформление.

Ключевые слова: кирилловская книга; старопечатные издания; патриарх Никон; Московский печатный двор; художественное оформление книг; история гравюры

Цитирование: Хромов О. Р. Московский печатный двор при патриархе Никоне: особенности репертуара и художественного оформления изданий // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 110–127. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.029>

Поступила в редакцию: 10.08.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Oleg R. Khromov¹ *Moscow Theological Academy*² *Russian State Library*
Moscow, Russia**MOSCOW PRINT YARD UNDER PATRIARCH NIKON:
SPECIFIC FEATURES OF THE REPERTOIRE
AND ARTISTIC DESIGN OF PUBLICATIONS**

This article studies the activities of the Moscow Print Yard during the period under Patriarch Nikon between 1652 and 1658. The period was not only characterised by a serious economic activity intended to organise work at the Print Yard but also a number of considerable changes in the repertoire of publications of the printing house and book design. All these actions took place under the direct supervision of Patriarch Nikon and his participation. This article makes an attempt to trace the overall activity of the Print Yard in two directions: studying the structure of the repertoire of print products and book design and changes in the external form of Moscow editions. The article examines a new type of editions which appeared under Patriarch Nikon — loose-leaf editions, clarifying the reasons and motives for their appearance, which are not due to their economic benefit but their efficiency and circulation, and the opportunity to standardise church administrative issues through them. Additionally, the author considers issues connected with iconographic “preparation” related to changes in the images of the animal symbols of the Evangelists in the frontispiece engravings of the Gospel. Also, the article clarifies the reasons that prompted Patriarch Nikon to make these corrections, which are based on a general approach to correcting church rites and books. In correcting the order of animal symbols, Patriarch Nikon relied on the ancient Russian manuscript tradition (pre-15th century) and Greek samples associated primarily with the images on the Antimins. The article pays special attention to the publication of Antimins as a new type of Moscow edition considering the question of its samples. Finally, the author examines the features of engraved illustrations in Nikon’s editions and their design demonstrating the significance of Nikon’s reforms for the development of the artistic form and art of the Moscow book.

Key words: Cyril book; early print editions; Patriarch Nikon; Moscow Print Yard; design of books; history of engraving

For citation: Khromov, O. R. (2021). Moskovskii pechatnyi dvor pri patriarkhe Nikone: osobennosti repertuara i khudozhestvennogo oformleniia izdaniia [Moscow Print Yard under Patriarch Nikon: Specific Features of the Repertoire and Artistic Design of Publications]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 110–127. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.029>

*Submitted: 10.08.2020**Accepted: 25.03.2021*

Середина XVII в. ознаменовалась в истории Русской православной церкви реформами патриарха Никона, которые привели к церковному расколу. Эти события нашли яркое отражение и в истории русской книги, на несколько

столетий определив развитие кирилловской печати и религиозной графики по двум самостоятельным направлениям. Одно из них было всецело связано со старообрядчеством, в котором в XVIII–XIX вв. на основе древних образцов книжного и графического искусства (преимущественно XVII в.) был создан свой собственный оригинальный стиль оформления книги и графики. Другое направление получило развитие в лоне официального искусства. В настоящей статье мы обратимся к изучению искусства московской книги кирилловской печати эпохи реформ патриарха Никона и их влияния на художественную форму и репертуар московской книги, получившие развитие в XVIII–XIX вв.

Изучению книги и книгопечатания на Московском печатном дворе при патриархе Никоне посвящено значительное количество литературы. Главное внимание исследователей было сосредоточено на особенностях организации книжной «справы», изменениях в текстах богослужебных книг. Историки церковного искусства обращали внимание на документы, связанные с регламентацией иконописания, стилистическими особенностями орнаментики, оставляя практически в стороне изучение влияния никоновских реформ на изменения художественных особенностей, «внешности» московской книги.

Некоторые особенности книгоиздания, «справы», административно-хозяйственной деятельности на Московском печатном дворе при патриархе Никоне и их влияние на книгу рассматривались в классических трудах протоиерея Павла Николаевского и митрополита Макария (Булгакова) [Николаевский; Макарий (Булгаков)]. Не обошли вниманием деятельность патриарха Никона авторы коллективной монографии о Печатном дворе XVII в., которые опубликовали обширный комплекс документов из архива Приказа книгопечатного дела [Поздеева, Дадыкин, Пушкин, с. 236–360]. Книговеды, историки книги, рассматривая никоновские издания, отмечали их специфику: изменение в оформлении наборной полосы, появление титульного листа, их оригинальность в общем потоке московской печати XVII в. [Гусева, 2005; Починская, с. 307–308]. Однако изменения «внешности» московской книги и структуры репертуара Печатного двора в связи с реформами патриарха Никона не становились предметом специального изучения.

Сегодня можно считать общепринятым мнение о личном участии патриарха Никона в деятельности Московского печатного двора, его особом внимании к выпускаемым книгам не только с точки зрения их содержания. Хорошо известны некоторые частные различия в художественном оформлении в старообрядческой книге и изданиях Московского печатного двора — Синодальной типографии, восходящие к эпохе патриарха Никона, как, например, в изображениях символов евангелистов. Однако остаются открытыми вопросы об изменениях художественной формы книги в целом, особенностях системы книгоиздания патриарха Никона.

В декабре 1653 г. патриарх Никон по государеву указу получил в свое полное управление Московский печатный двор. Теперь он самостоятельно мог решать как все административно-хозяйственные, так и чисто издательские вопросы.

Печатный двор превратился в важнейший инструмент его реформаторской деятельности, главная задача которой заключалась в исправлении богослужебных книг и церковного обряда. Ярко характеризует роль Московского печатного двора в церковном исправлении история семи изданий Служебника в 1655–1658 гг. и организация работы Печатного двора в целом, а также изменения в репертуаре, направленные на утверждение реформ и исправление обрядов в Русской церкви.

Церковная реформа патриарха Никона была направлена не просто на исправление в соответствии с греческими и «харатейными» древними рукописями «в чинех и речах, и орфографии», но на приведение церковных обрядов в соответствие с действовавшими в древних православных Церквях. Церковные обряды в Москве были отличны от принятых во всем православном мире. Без их исправления московский патриарх не мог находиться в одном статусе с восточными патриархами, как и московский царь не мог именоваться Государем православного мира, а Московское царство восприниматься наследницей Рима и Византии. Истинное желание исправления церковной жизни и обрядов в соответствии с греческой традицией стало главным стимулом церковных преобразований патриарха Никона. Его деятельность коснулась и непосредственно московской книги, ее внешнего вида, ее репертуара, в чем патриарх ориентировался на опыт издания и оформления книг в православном мире.

При патриархе Никоне появляются новые виды изданий, которых ранее в Москве практически не знали, но которые были хорошо известны в православных странах. Это листовые издания, подобные распространенным на Украине, Балканах, в Греции и на христианском Востоке. Предполагают, что о листовых изданиях Никон узнал от сербского патриарха Гавриила, для которого на Печатном дворе были отпечатаны разрешительные грамоты 25–28 мая 1655 г. Однако сведения о таких изданиях в документах Приказа книгопечатного дела датируются февралем 1652 г. (указ от имени патриарха Никона) [Лукиянова, с. 216]. Очевидно, что здесь произошла какая-то путаница (возможно, более поздние записи), поскольку интронизация Никона на патриарший престол совершилась 25 июля 1652 г. Выяснение вопроса требует специального источниковедческого исследования, выходящего за рамки настоящей статьи. Важно, что листовые издания на Московском печатном дворе появляются одновременно или ранее издания грамот для сербского патриарха Гавриила.

При подготовке реформ Никон интересовался обрядами греков. Наличие в практике греческой церкви листовых изданий, например, разрешительных грамот, не могло не обратить на себя внимание патриарха, в то же время как человек быстрого и прагматичного ума он увидел возможность использования аналогичных изданий в деле исправления обрядов Русской церкви. Его могла привлекать оперативность и высокая тиражность этих изданий (их выпуск занимал от нескольких дней до нескольких недель).

Первые листовые издания, выпущенные в Москве по указу патриарха Никона, – это ставленные грамоты поповские и дьяконские. Издание было

осуществлено огромным по тем временам тиражом в 4 000 экземпляров. При Никоне было выпущено несколько таких изданий разными тиражами [Московские кирилловские издания..., с. 197–204, № 6–10, 26, 28]. Они оправдывали себя экономически, принося хороший доход печатному двору, поскольку их продавали в основном по две деньги, что было равно двойной себестоимости, составлявшей в среднем от одной до полутора денег. Издание ставленных грамот стало новшеством в деятельности Московского печатного двора.

Можно предположить, что причиной выпуска листовых изданий, в частности, ставленных грамот, была экономическая выгода. Однако если проанализировать данные, опубликованные Е. В. Лукьяновой, доход от продажи листовых изданий (себестоимость некоторых из них, например, антимины 1656–1657 гг. составляла чуть более 6 денег, а листа «О поклонах» — 4,5 деньги при продажной цене 10 денег), выпущенных при патриархе Никоне до оставления им Москвы 10 июля 1658 г., то сумма чистого дохода составит от 250 до 300 руб. при условии полной продажи тиражей. Эта сумма, конечно, значительная, но не столь великая, чтобы стать главной целью выпуска этих изданий. Для сравнения укажем, что расходы на издание, например, Четвероевангелия в 1657 г. составили более 1 000 руб. Очевидно, что экономическая сторона выпуска листовых изданий не была главной. Более важным было их значение для регламентации и исправления церковной жизни.

Ряд листовых изданий были непосредственно связаны с исправлениями церковной обрядности. Они появились вскоре после соборных определений и непосредственно касались вопросов церковного обряда: о поклонах при молитве св. Ефрема Сирина и изменениях в Символе веры. Первое издание готовилось достаточно долго — с 16 февраля (указ) по 3 апреля (выход) 1657 (7165) г. и было напечатано тиражом 2 400 экземпляров [Там же, с. 201, № 22]. Второе — «Исповедание Православной веры» было подготовлено за неделю тиражом 3 600 экземпляров и содержало новый перевод Символа веры [Там же, с. 202–203, № 25]. Оба листовых издания касались важнейших вопросов в исправлениях церковных обрядов, вокруг которых шла острая полемика. Патриарх использовал листовую форму изданий для быстрого распространения и ознакомления паствы с решениями Собора и нововведениями. Новые издания стали своеобразным пропагандистским средством в полемике с раскольниками. В этом и была главная причина их выпуска.

Необходимо отметить, что главный вопрос в церковной обрядности (о перстосложении) нашел отражение в виде особого текста, включенного в Служебник, — послания патриарха Иерусалимского Паисия («Главизны отвечательны от послания Паисия архиепископа Константинополя и Вселенскаго патриарха к Святейшему Российскому патриарху Никону, киими персты подабае всякому христианину на лице своем изображати образ Креста и како достоит архиерею Благословляти или священнику мирян»). Позднее по этому тексту Афанасием Трухменским была исполнена гравюра, ставшая листовым изданием («О перстосложении»), которая вывешивалась для всеобщего ознакомления (подобие

плаката) и которую, по свидетельству Кариона Истомина, срывали и портили раскольники [Хромов, с. 104].

Возможности гравюры как единственного способа тиражирования изображений начали использовать при Никоне в листовых изданиях. К числу таких изданий можно отнести антиминс (гравирован на дереве) 1656/57 г.¹, первый тираж которого составил 1 940 экземпляров [Московские кирилловские издания..., с. 201, № 21] (ил. 1). Он печатался на холстах и представлял собой композицию «Оплакивание» в декоративном обрамлении с изображениями символов евангелистов в медальонах по углам и чистыми картушами, в которые вставляли посредством типографского набора необходимый текст. Печатные антиминсы появились при непосредственном участии Никона [Макарий (Булгаков), с. 38, 66–67] и заменили рукописные, которые создавались по изображениям в Требнике 1623 г. (переиздания 1624, 1625, 1633 гг.) [Зёрнова, № 49, 52, 56, 97]. Последний раз изображение антиминса было помещено в Требнике 1651 г. В Требнике патриарха Никона 1658 г. этих изображений уже не было [Там же, № 234, 280].

Печатный антиминс был утвержден Собором 1654 г. и после был издан на Печатном дворе в форме гравированного листового издания, подобно греческим антиминсам [Макарий (Булгаков), с. 38]. Возможно, образцом для него послужила греческая антиминсная доска, которая зафиксирована в Описи Московского печатного двора 1667 г. среди гравированных досок («2 доски антиминсные, одна греческая»), вторая, — по всей видимости, доска первого издания Московского антиминса 1656/57 г., использовалась до 1676 г. [Румянцев, с. 363]. Позднее, в 1670-е гг. антиминсы на Московском печатном дворе выпускали меньшим тиражом уже по заказам архиереев. Их печатали так же в технике гравюры на олове и меди [Алексеева, с. 10–21; Московские кирилловские издания..., с. 210–225, № 55, 62, 93, 96, 99, 101, 106].

Листовые издания представляли собой значимую часть в репертуаре Московского печатного двора при патриархе Никоне, но они не всегда записывались как самостоятельные единицы при учете издательской продукции Печатного двора. В результате складывалась ситуация, при которой очевидная интенсивная деятельность патриарха Никона на Печатном дворе фактически приводила к замедлению темпов книгоиздания в сравнении с объемом выпуска книг при патриархе Иосифе. С. А. Зеньковский, например, писал: «...оно (книгоиздание. — О. Х.) резко сокращается во время патриаршества Никона и во время руководства церковью сторонниками его богослужебных и обрядовых новшеств» [Зеньковский, с. 97]. Протоиерей Павел Николаевский видел причину замедления выпуска книг в обширной хозяйственной деятельности патриарха Никона на Московском печатном дворе, связанной с его переоборудованием, ремонтом и т. п. [Николаевский]. В качестве причины называли и последствия чумы,

¹ В литературе известны указания на издания антиминса уже в 1652 г. [см.: Петров, с. 61; Николаева, с. 7]. Однако документально первые гравированные издания антиминса зафиксированы в 1657 г. [Лукьянова, с. 220]. По архиерейским подписям известны экземпляры 1656 г. [Алексеева, с. 11].

когда с августа 1654 г. по март 1655 г. печатный двор был закрыт. Всего за время патриарха Никона до оставления им патриаршего престола, т. е. с 25 июля 1652 г. по 10 июля 1658 г., было осуществлено 36 изданий книг, в которых упомянуто его имя (фактически же непосредственно никоновских изданий будет немного меньше). За такой же период при патриархе Иосифе, например, с 1645 по 1651 г., было выпущено 62 издания, а с 1646 по 1652 г. — 57 книг [Зёрнова, № 242–280, 174–236, 183–240]. Если учитывать все издания, включая листовые, осуществленные при патриархе Никоне, то статистика не будет сильно отличаться. По подсчетам А. А. Гусевой, за это время было осуществлено 54 издания, из них 15 известны только по документам [Гусева, 2005, с. 305]. Время Никона уступает предшествующему периоду по объему печатного листажа, но не по числу изданий. При этом надо отметить, что при патриархе Никоне изменение структуры репертуара Московского печатного двора, внедрение новых форм изданий нашло дальнейшее положительное развитие.

Деятельность патриарха Никона оказала влияние и на «внешность» московской книги, появление новых элементов и приемов ее оформления, организации текстов. «Начиная с 1655 г. произошла замена в книге счета листов с фолиации на пагинацию, был введен кустод, колонцифру перевели из правого нижнего угла наборной полосы в правый верхний угол», — отмечала А. А. Гусева, анализируя никоновские издания, которые, по ее справедливому мнению, легко определялись среди московских изданий по внешним признакам [Там же, с. 310]. К внешним новшествам изданий Московского печатного двора относится активное применение наборных украшений, появление рамок-заставок (гравированная заставка с наборной рамкой) и предисловий с выходными данными вместо послесловий.

Изменился и декор никоновских книг. Заставки получили не только четырехконечные кресты, но и сюжетные средники, в которых изображались соответствующие содержанию композиции. Первые заставки с сюжетными средниками были заимствованы из киево-печерских изданий. К числу таких заставок можно отнести, например, большие заставки, гравированные московским «резчиком» Захарием Лукиным для Требника 1658 г. [Румянцев, с. 368] (ил. 2). Это большие заставки, занимающие почти половину наборной полосы в виде цветка в линейной рамке с орнаментальными украшениями. В центре заставки было оставлено пустое место в форме овала, в которое вставлялась гравированная дощечка (клеймо) с изображением конкретной композиции — одного из таинств (крещения, миропомазания, исповеди, супружества, елеосвящения). Все эти гравированные заставки были подписаны «рещиком» Захарией и представляли собой копии гравюр киевского мастера монаха Илии [Гусева, 2005, с. 310]. По сути, эти элементы оформления и украшения наборной полосы повторяли элементы, приемы и структуру большинства книг православного мира (греческие издания, украинские, румынские и др.).

Необходимо отметить, что московская печатная книга не была абсолютно чужда некоторым из этих элементов, например, наборных украшений, которые

активно применял в своих изданиях до Никона В. Ф. Бурцев. С его именем связано и появление первого титульного листа в московской книге Каноник 1641 г. в виде гравированной рамки с текстом и выходными сведениями [Зёрнова, № 116; Гусева, 1997, с. 26]. Известен был и сюжетный средник, например, в издании Анонимной типографии [Большаков, с. 11]. Однако именно с никоновских изданий начинается широкое применение в московской книге сюжетных заставок, наборных украшений как в качестве самостоятельных элементов декора, так и в сочетании с гравированными элементами, например, для обрамления гравированных заставок, фронтисписных гравюр и т. п. В украинских, белорусских и других изданиях православного мира наборные украшения, гравированные рамки-заставки, рамки из наборных и гравированных элементов, заставки с сюжетными средниками встречаются достаточно регулярно и по сути представляют собой обычный элемент оформления книги [Гусева, 1997, с. 28–32].

Первым московским изданием с наборной рамкой при патриархе Никоне стала «Грамота о Крестном монастыре» (24.06.1656) (ил. 3). Рамка использована в качестве обрамления фронтисписной гравюры с изображением Креста [Зёрнова, № 267]. Следующая рамка с гравированной заставкой появляется в Служебнике (10.12.1657). Здесь она использована для обрамления начальных листов служб [Там же, № 274] (ил. 4). Эти элементы оформления книги хотя и были знакомы московским книгопечатникам, но только с эпохи патриарха Никона стали традиционными в книжном декоре изданий Московского печатного двора.

Рамки-заставки структурировали книгу, задавая ей особую ритмичность, изменяя ее внешнюю форму. Это было новаторством для московской книги, с одной стороны, с другой — сближало московскую книгу с кириллическими славянскими изданиями, восточнохристианской и в некоторой степени с западноевропейской книгой, в которой эти элементы были традиционны. Трудно упрекнуть патриарха Никона здесь в «западничестве», скорее это было стремление к своеобразной унификации московской и восточнохристианской книги. В то же время сказывался личный вкус патриарха, его понимание книги, ее художественной формы.

Особым событием в искусстве московской книги времени патриарха Никона стало издание Четвероевангелия (29.08.1657) [Зёрнова, № 273]. С этого издания в московской печатной книге появляется новая форма титульного листа, обрамленного наборными украшениями (рамкой) и содержащего выходные сведения, которые ранее помещались, как правило, в послесловиях на нумерованных листах. Именно с этого издания титульный лист стал регулярным элементом книги Московского печатного двора [Гусева, 1997, с. 26] (ил. 5). С этого издания изменяется структура подачи текста, применения киновари, появляются новые разделы предисловия. Четвероевангелие 1657 г. открывает предисловие, в котором подробно описаны и объяснены новшества в организации и оформлении книги, получившие продолжение в последующих изданиях.

Новшества в художественном оформлении этого издания коснулись и еще одной стороны — изменения иконографий символов евангелистов у Марка и Иоанна Богослова. Эти изменения навсегда разделили книги Четвероевангелия на старообрядческие и Русской православной церкви.

Заметим, что Евангелие 1657 г. было вторым изданием времени патриарха Никона. Первое вышло 25.10.1653, в нем обозначено имя Никона [Зёрнова, № 250] (ил. 6). Однако в нем не было никаких изменений, оно всецело находилось в старой традиции, поскольку фактически готовилось к изданию еще при патриархе Иосифе.

Если введение рамок-заставок, титульного листа в книги можно связать в некоторой мере с личными вкусами патриарха Никона, то изменения символов евангелистов — явный результат «справы», не текстовой, а изобразительной, связанной с богословским толкованием образов евангелистов. Вопрос касался изображений символов у евангелиста Марка и апостола и евангелиста Иоанна Богослова. До Никона в московских печатных Евангелиях Марка изображали с Орлом, Иоанна со Львом. В Евангелии 1657 г. Иоанн был изображен с Орлом, а Марк — со Львом (ил. 7, 8).

В московских изданиях изображения евангелистов помещались в Четвероевангелиях и Благовестном (Толковом) Евангелии свт. Феофилакта Болгарского. Впервые в московской книге гравюры четырех евангелистов были помещены в качестве фронтисписов в Четвероевангелии, изданном Анисимом Радишевским в 1606 г. Символы евангелистов были размещены в верхней части рамок, обрамлявших изображения евангелистов [Зёрнова, № 27; Сидоров, ил. 47–50; Платонов, Мальцева, Кудрявцев, с. 87–93]. Гравюры (доски) А. М. Радишевского, судя по всему, погибли в Смутное время, но оттиски с них служили в качестве иконографических источников для знаменщиков и граверов Московского печатного двора, особенно в плане декоративных элементов.

Первые гравюры евангелистов в Четвероевангелии Московского печатного двора после Смутного времени (19.03.1627) [Зёрнова, № 64] были исполнены Кондратием Ивановым — универсальным мастером Печатного двора, знаменщиком и гравером, шрифтовиком и руководителем печатных станов. Гравюры евангелистов Матфея, Марка, Луки были гравированы им по собственному знамени, образ апостола и евангелиста Иоанна Богослова знаменил известный иконописец Прокопий Чирин. По орнаментальному оформлению гравюры Кондратия Иванова ближе традиции первопечатников, работам А. Т. Невежи, хотя и отличаются оригинальностью. В верхней части рамки, как и у А. М. Радишевского, располагались символы евангелистов: Ангел (Матфей), Орел (Марк), Крылатая Корова (Лука), Крылатый Лев (Иоанн) [Сидоров, ил. 58–63]. Эти гравюры с небольшими правками и следами физического износа печатной формы (доски) использовались в изданиях до 1657 г. В 1657 г. в гравюры были внесены изменения, заменены символы евангелистов у евангелиста Марка и апостола и евангелиста Иоанна Богослова, что послужило основанием А. А. Сидорову определить их как второе состояние, которое использовалось в изданиях

до 1660-х г. (евангелист Марк последний раз в издании 1663 г., апостол и евангелист Иоанн Богослов — 1668 г.) [Зёрнова, № 301, 320; Сидоров, с. 184, 186].

Техническое исполнение замены фрагментов досок было осуществлено мастерски. Из гравюр (досок) Кондратия Иванова была вырезана верхняя часть с изображением символов евангелистов, при этом части доски по сторонам с орнаментальными деталями были сохранены. Новый гравированный фрагмент был вставлен в вырезанную часть так, что в первом издании 1657 г. следов вставки практически незаметно. Соединение в месте крепления вставки станет заметно только во втором издании 1663 г. в виде белых полосок [Зёрнова, № 301].

Изменения символов евангелистов противники патриарха Никона толковали как нарушение «древлеправославного» обычая. Действительно, в первопечатных изданиях мы видим Иоанна Богослова со Львом, а евангелиста Марка с Орлом. Как было сказано, первые московские гравюры евангелистов у А. М. Радишевского соответствовали этой традиции. В свою очередь, он опирался на традицию первопечатного Евангелия П. Т. Мстиславца, изданного в Вильне в 1575 г. [Сидоров, ил. 33–36; Платонов, Мальцева, Кудрявцев, с. 53–60]. Евангелие Мстиславца пользовалось авторитетом и его повторяли в Вильне в 1600 г. Мамоници и во Львове в 1644 г. Православное братство.

Нужно отметить, что животные символы далеко не всегда сопровождали образы евангелистов, например, в заставках московского анонимного Евангелия (ок. 1556 г.) их изображений нет [Большаков, с. 11]. Не всегда находим их в украинских и белорусских изданиях. Однако на западе Руси в первой половине XVII в. видим преимущественно аналогичные московским изображения: Матфей с Ангелом, евангелист Марк с Орлом, евангелист Лука с Тельцом, апостол и евангелист Иоанн Богослов со Львом. Например, в Евангелии учительном (Кринос : Тип. церкви Успения) 1606 г., те же символы в Минее Праздничной (Анфологионе) Киево-Печерской типографии 1619 г., в Евангелии, изданном Львовским братством 1636 г., и в Анфологионе 1632 г. [Украинские книги кирилловской печати..., вып. I, № 17, 28, 62, 65] Аналогичную иконографию, например, наблюдаем и в сербской миниатюре XVI — начала XVII в. [см., например: Ракић, ил. 53, с. 199–202, 212–213, 214]. В этом смысле можно говорить об устойчивой традиции изображения символов евангелистов в православной кирилловской книге.

Тем не менее, традиция была изменена и в украинской книге — с середины XVII в. символы евангелистов Иоанна Богослова и Марка изображаются аналогично московским нововведениям. В изданиях Киево-Печерской типографии с 1658 г. образ Иоанна Богослова сопровождает изображение Орла, а евангелиста Марка — Льва. Первые гравюры с новыми символами были исполнены известным украинским мастером монахом Илией [Украинские книги кирилловской печати..., вып. II, № 102, 103]. Очевидно, что ни славянские, ни украинские или белорусские издания не могли послужить основанием для изменений в московских Евангелиях, несмотря на то, что до Никоновских реформ в западнорусских

изданиях встречались редкие, единичные отступления от традиции, например, в издании «Новый Завет с Псалтирью» (Евье : Тип. братства Святаго Духа, 01.08.1611), в котором Иоанн Богослов был изображен с Орлом, а евангелист Марк — со Львом [Голенченко, № 71; Кириллические издания XVII века..., с. 180–189]. Это были очень редкие исключения.

Обращаясь к истории вопроса, необходимо напомнить, что в богословии существовало несколько толкований символов евангелистов, как и определения их в качестве атрибутов евангелистов. Хорошо известно, что образы четырех животных восходят к Видению Иезекииля и Откровению Иоанна Богослова. Во II в. они были истолкованы свт. Иринием Лионским как символы евангелистов. С этого времени их атрибуция евангелистам изменялась. По свт. Иринею Лионскому, Ангел (Человек) символизировал евангелиста Матфея, Орел — Марка, Бык (Телец) — Луку, Лев — Иоанна Богослова. Другой порядок был поддержан блж. Иеронимом и др., по которому Ангел (Человек) соответствовал Матфею, Лев — Марку, Телец — Луке, Орел — Иоанну Богослову. Третье толкование, по которому Матфей соединялся со Львом, Марк с Человеком, Лука с Тельцом, Иоанн Богослов с Орлом, принадлежит блж. Августину и поддержано св. Ипполитом, папой римским. Есть еще одно менее распространенное толкование, нашедшее отражение в византийской книге и принадлежащее свт. Афанасию Александрийскому [Покровский, с. 51–56; Уваров; Подосинов]. В церковном искусстве символы евангелистов стали изображать с V в. При этом допускались различные варианты изображений. Размышляя об этом предмете, Н. В. Покровский писал: «Древность допускала различные распределения символов, и в этом различии выражалось различие частных мнений; догматического значения этот предмет не имел, и строгий контроль церкви на него не простирался» [Покровский, с. 56].

Однако в XVII в. в Москве сложилось ясное и однозначное представление об изображениях животных символов евангелистов и их отношения к чуждой западной и православной традициям. Во время «прений» об «Евангелии учительном» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого, например, московские участники Иван Наседка и священник Илия утверждали: «Римляне бо пишут Иоанне лице орле, а не львово, а Марка лице львоуе, а не орле» [Опарина, с. 385]. Действительно, для традиции печатной кириллической книги это утверждение кажется абсолютно справедливым, и возникают вопросы, почему патриарх Никон нарушил правило, отступил от «древлеправославной» традиции? В чем причина его исправлений в Евангелии? Ответы на эти вопросы позволяют выяснить не только источники «справы» в иконографии евангелистов, но и в целом отношение и ориентацию в исправлениях священных изображений. В решении данных вопросов недостаточно ограничиваться исключительно старопечатной книгой. Опираясь на иконографическую традицию в живописи (иконописи, фреске) затруднительно, поскольку нередко книжная графика и миниатюра следовала иным направлениям в силу своей природы, предназначения, места в обиходе, поэтому рассмотрим более подробно книжную традицию.

В византийской миниатюре мы довольно часто видим изображения евангелистов вообще без символов животных; это же наблюдаем и в древнерусской миниатюре. В то же время в византийской миниатюре можно видеть изображения евангелистов с символическими животными, среди которых Иоанну Богослову соответствует Орел, а евангелисту Марку — Лев [см., например: Лазарев, табл. 258, 409, 555]. При этом известны и противоположные изображения.

По мнению одного из современных исследователей этого вопроса А. Чернова, древнерусские иконописные материалы XV–XVI вв. показывают иное последовательное изображение в качестве символов Льва у Иоанна Богослова и Орла у Марка. Среди этих икон — «Спас в Силах» (1410–1415), приписываемый кисти прп. Андрея Рублева. Автор статьи, обратившись к Евангелию Хитрово, так же приписываемого прп. Андрею Рублеву, увидел там иные атрибуты евангелистов: Льва, символизирующего евангелиста Марка, и Орла — Иоанна Богослова [Чернов]. Не только Евангелие Хитрово представляло традицию, утвержденную патриархом Никоном, но и другие рукописи его круга и более ранние.

Специальное исследование рукописных лицевых Евангелий, проведенное О. В. Чумичевой, показало, что символы евангелистов, соответствовавшие толкованию блж. Иеронима, преобладали в русской книжности до конца XIV в., а с середины XV в. были полностью вытеснены изображениями по изложению свт. Ириния Лионского. Объясняя этот факт, автор писала: «...иконографический вариант, основанный на толковании свт. Ириния Лионского и прп. Анастасия Синаита, попадает на Русь через Балканы, что можно связать со вторым южнославянским влиянием, и утверждается повсеместно, вытесняя прежнюю традицию, опиравшуюся на толкование блж. Иеронима» [Чумичева, с. 178].

Именно со второй половины XIV в. на Руси появляется «Толковое Евангелие» (Благовестное) свт. Феофилакта Болгарского, в котором в предисловии к Евангелию от Марка были изложены объяснения символов евангелистов по свт. Иринию Лионскому. Митрополит Киприан рекомендовал это Евангелие читать в храмах, что способствовало его распространению и авторитетности. В середине XV в. оно стало хорошо известно [Соболевский, с. 29, 22]. Тексты предисловий к евангелиям свт. Феофилакта Болгарского стали помещать в качестве предисловий и в четвероевангелиях. Эта традиция из рукописи перешла в печатную книгу, а вместе с ней получила распространение и иконография символов евангелистов по свт. Иринию Лионскому, которая вытеснила прежнюю традицию. Ко времени патриарха Никона созданная свт. Иринием Лионским и утвержденная текстом свт. Феофилакта Болгарского иконография символов евангелистов стала восприниматься как своя, исконная, «древлеправославная».

Для изменения этой традиции патриарху Никону требовались серьезные аргументы и основания. Возможно, первые сомнения возникли в связи с подготовкой московского издания антимины. Известно, что патриарх Никон лично занимался этим вопросом, обращался к восточным иерархам с вопросами об антимины, его внешней форме, изображений на нем. В православном мире печатные антимины были распространены, их печатали не только греки, но и на

Украине, в Румынии, Белоруссии и прочих местах. В отличие от Москвы, где пользовались рисованными антими́нсами на холстах с изображениями (Креста), соответствовавшими гравюрам, помещенным в Требниках с 1623 г. (последнее изображение в 1651 г.).

Изображения на антими́нсах греческих, западнорусских и др. отличались некоторым разнообразием: обычно это иконографии «Оплакивание», «Положение во гроб», «Не рыдай Мене Мати». При этом, независимо от центрального изображения, практически все антими́нсы имели по углам изображения евангелистов, или их символов, или евангелистов с животными символами. В греческой традиции по углам изображались символы евангелистов или евангелисты с символами по толкованию блж. Иеронима, и эта традиция была достаточно древней [Ошуркевич; Yurchyshyn-Smith; Karapli, Papastavrou]. Опираясь на греческую традицию, создатели московского печатного антими́нса и патриарх Никон не могли не увидеть разницы в изображениях на антими́нсе и на престольных Евангелиях, что, естественно, вызывало вопросы и требовало некоторой унификации.

Известно, что свои исправления патриарх Никон осуществлял в соответствии с вселенскими греческими обрядами и древними (исконными) традициями Руси. С этой целью он обращался к древним харатейным книгам, которые доставлялись в Москву по его указу из монастырей. Обратившись к ним, патриарх находил изображения, соответствовавшие греческим. Среди них патриарх видел авторитетный список — Евангелие Успенское собора Московского Кремля, входившее в одну группу с Евангелием Хитрово. Судя по описям Успенского собора, Евангелие в XVII в. находилось там [Вздорнов, № 59]. Таким образом, изменение символов евангелистов в московской книге было основано на традициях древней русской рукописной книги, московских святынях и существующей традиции символики евангелистов вселенского православия.

Естественным противоречием новым изображениям символов евангелистов в московской книге стало предисловие к Евангелию от Марка свт. Феофилакта Болгарского. Оно сохранилось в текстах Благовестного Евангелия, а в Четвероевангелии 1657 г. было изменено. Часть с повествованием о животных символах евангелистов была опущена, как и в последующих изданиях Евангелий. Надо отметить, что и здесь сторонники никоновской «справы» ориентировались на древнюю традицию. При подготовке Евангелия 1657 г. они обратились к авторитету Острожской Библии и заимствовали из нее краткий вариант предисловия к Евангелию от Марка без повествования о животных символах евангелистов. В этой форме предисловие к Евангелию от Марка помещалось во всех последующих изданиях.

«Справа» не завершилась введением новых элементов книжного декора, иконографическими правками. Исправления коснулись и характера (типа), назначения иллюстраций богослужебных книг. До патриарха Никона в московской печатной книге мы видим орнаментальные элементы и сюжетные иллюстрации, как правило, фронтисписные: царя Давида в Псалтирях, Евангелистов,

Ил. 1. Неизвестный гравер. Антиминс. Ксилография. Москва. Печатный двор. 1656/1657.
Музей Московской духовной академии «Церковно-археологический кабинет»

Fig. 1. Unknown engraver. Antimins. Block printing. Moscow. Print Yard. 1656/1657.
Church Archeological Cabinet Museum of the Moscow Theological Academy

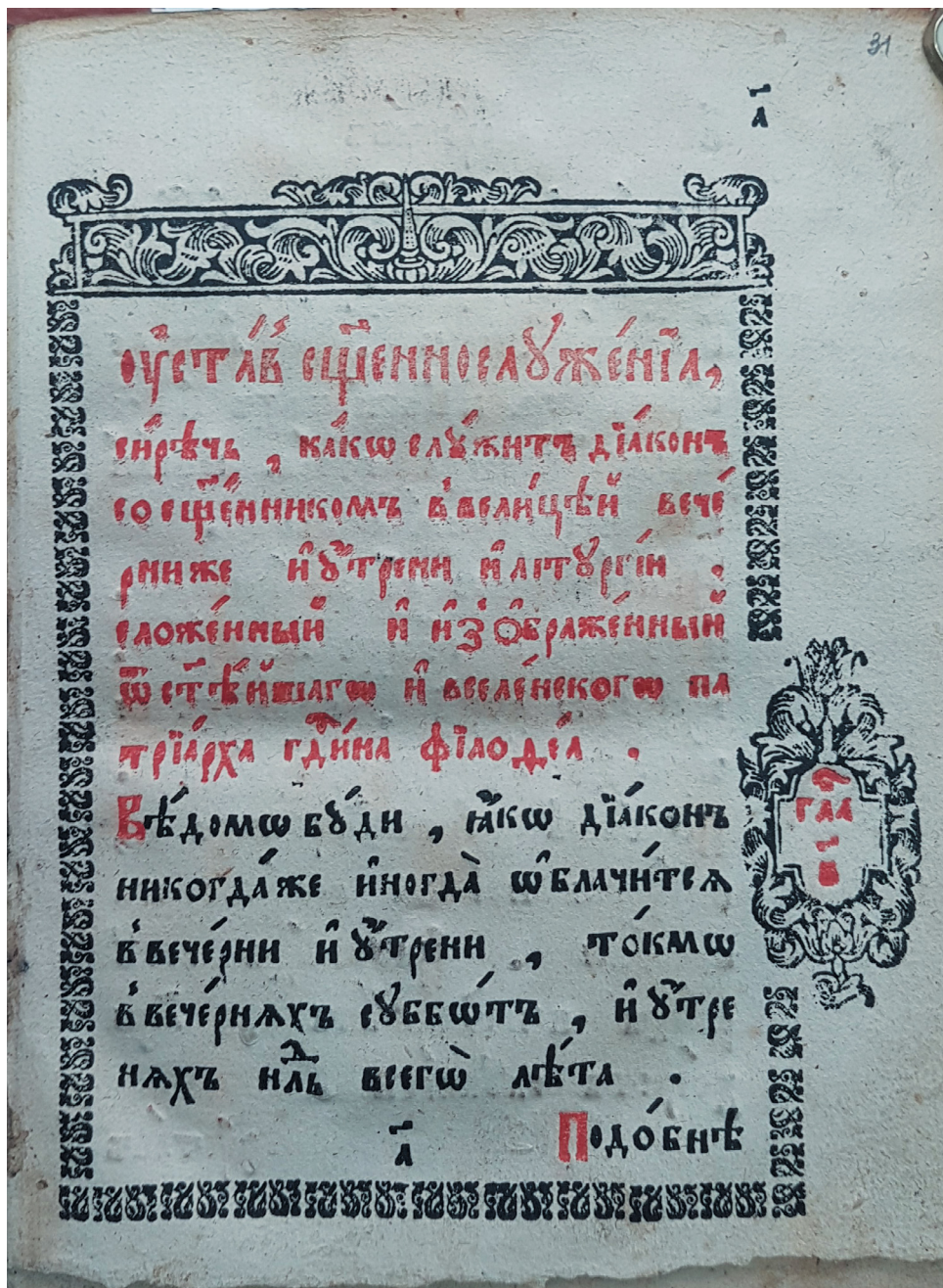
Ил. 2. Захарий Лукин. Рамка. Медальон «Таинство Крещения». Ксилография. Требник. Москва. Печатный двор. 10.XII.1658. РГБ

Fig. 2. Zakhary Lukin. Frame. *The Baptism of Christ*, a medallion. Block printing. Prayer book. Moscow. Print Yard. 10.XII.1658. RSL

Ил. 3. Никон, патриарх Московский. Грамота о Крестном монастыре. Разворот.
Ксилография (крест, заставка), наборные украшения (рамка).
Москва. Печатный двор. [После 24.VI.1656]. РГБ

Fig. 3. Nikon, Patriarch of Moscow. Certificate of the Monastery of the Cross.
Double page. Block printing (cross, headpiece), ornamentation (frame).
Moscow. Print Yard. [After 24.VI.1656]. RSL

Ил. 4. Служебник. Рамка-заставка. Ксилография (заставка, рамка на поле),
 наборные украшения (рамка). Москва. Печатный двор. 10.XII.1657. РГБ

Fig. 4. Service book. Headband frame. Block printing (headband, frame),
 ornamentation (frame). Moscow. Print Yard. 10.XII.1657. RSL

Ил. 6. Четвероевангелие. Разворот. Фронтиспис «Апостол и евангелист Иоанн и его ученик Прохор». Кондратий Иванов. Ксилография. Москва. Печатный двор. 25.X.1653. РГБ

Fig. 6. Tetraevangelion. Double page. *John the Apostle and Evangelist and his Disciple Prochorus*, frontispiece. Kondraty Ivanov. Block printing. Moscow. Print Yard. 25.X.1653. RSL

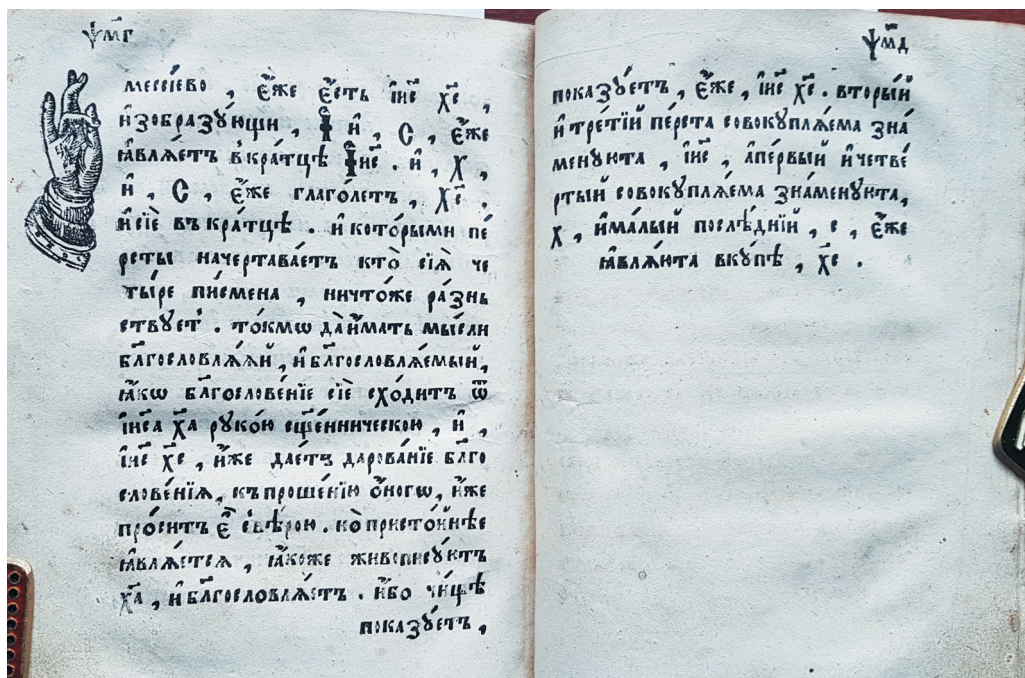
Ил. 7. Четвероевангелие. Евангелие от Иоанна. Разворот. Фронтиспис «Апостол и евангелист Иоанн и его ученик Прохор с врезкой символа евангелиста — Орел». Кондратий Иванов, неизвестный гравер. Ксилография. Москва. Печатный двор. 29.VIII.1657. РГБ

Fig. 7. Tetraevangelion. Gospel of John. Double page. *John the Apostle and Evangelist and his Disciple Prochorus, an Inset with the Eagle, the Evangelist's Symbol*, frontispiece. Kondraty Ivanov, unknown engraver. Block printing. Moscow. Print Yard. 29.VIII.1657. RSL

Ил. 8. Четвероевангелие. Евангелие от Иоанна. Разворот. Фронтиспис «Апостол и евангелист Иоанн и его ученик Прохор с врезкой символа евангелиста — Лев». Кондратий Иванов. Ксилография. Москва. Печатный двор. 29.VIII.1657. РГБ

Fig. 8. Tetraevangelion. Gospel of John. Double page. *John the Apostle and Evangelist and his Disciple Prochorus, an Inset with the Lion, the Evangelist's Symbol*, frontispiece. Kondraty Ivanov, unknown engraver. Block printing. Moscow. Print Yard. 29.VIII.1657. RSL

Ил. 9. Служебник. Москва. Печатный двор. 31.VII.1657. РГБ

Fig. 9. Service book. Moscow. Print Yard. 31.VII.1657. RSL

изображение «Лествиц» в книге прп. Иоанна Лествичника или «Училище» в «Азбуке» В. Ф. Бурцева, и т. п.

Новый тип иллюстраций появляется в книге, которая более других правилась и издавалась во время патриаршества Никона. Это Служебник, изданный 31.08.1655 после Собора 1654 г. [Зёрнова, № 257] Его текст иллюстрируют три гравюры с изображением дискаса, чаши и просфоры, отражающие исправления, утвержденные Собором (в последующих изданиях использованы эти же иллюстрации) (ил. 9). Подобных по назначению служебных иллюстраций в московских изданиях прошлого не было. Исключение может составить лишь изображение антимины, надписей на нем в издании Требника 1623 г. (переиздания 1624, 1625, 1633 гг.) [Там же, № 49, 52, 56, 97]. Это была большая листовая иллюстрация. Новый тип иллюстраций, служебных по своему характеру, отличался небольшим размером, полностью подчинялся тексту, наглядно представляя наиболее важные его изменения. Еще одним ярким примером служебных иллюстраций могут служить маленькие гравюры-иллюстрации к тексту «Главизны отвещателны от послания Паисия ахиепископа Константинополя и Вселенского патриарха... киими персты подабае всякому христианину на лице своем изображати образ Креста и како достоин архиерею благословляти или священнику мирян» с изображением руки с троеперстным знаменем и благословляющей руки (ил. 10). Впервые они были помещены в издание Служебника 1657 г. [Там же, № 271].

Рассматриваемые факты позволяют говорить о широкой программе патриарха Никона, касавшейся исправления книг и деятельности Московского печатного двора. Она была направлена не только на исправление богослужебных текстов, но и на изобразительную, «внешнюю» форму книги, ее декора и «содержательную» сторону изображений, связанную с иконографической правкой и введением функционально новой книжной гравюры, наглядно показывающей суть изменений в обряде. Книжная гравюра в эпоху патриарха Никона приобрела новые иконографии и новые функциональные черты. В это время произошло изменение структуры репертуара Московского печатного двора, появление нового типа изданий, в том числе гравированных. В плане технологии, техники гравировки сохранялись прежние черты, оставаясь в традиции предшествовавшего времени. В целом книжный декор, дополненный наборными украшениями, приобретал новые художественные и стилистические черты и детали, которые открыли новую эпоху в искусстве московской книги.

Источники

Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М.: Искусство, 1980.

Голенченко Г. Я. Старопечатные кириллические книги 16–18 вв. // Книги Белоруссии, 1517–1917: свод. кат. / [сост. Г. Я. Голенченко и др.]. Минск: Белорус. сов. энцикл., 1986. С. 9–189.

Зёрнова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: свод. кат. М.: [б. и.], 1958.

Кириллические издания XVII века из коллекции Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси : кат. / сост. Е. И. Титовец, О. А. Губанова, П. Д. Скурко, И. Л. Мурашова. Вып. 1 : 1602–1620-е гг. Минск : Беларуская навука, 2019.

Лазарев В. Н. История византийской живописи : в 2 т. Т. 2 : Таблицы. М. : Искусство, 1986.

Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА : кат. / сост. Л. Н. Горбунова, Е. В. Лукьянова. Вып. 3 : 1651–1675. М. : Индрик, 2003.

Петров Н. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев : Тип. Ун-та св. Владимира, 1897.

Платонов Е. В., Мальцева О. Н., Кудрявцев С. А. Старопечатная кирилловская книга XVI–XVII веков. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016.

Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. : кат. изд-й, хранящихся в Гос. библ. им. В. И. Ленина. Вып. I : 1574 г. — I половина XVII в. / сост. Т. Н. Каменева, А. А. Гусева. М. : Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1976 ; Вып. II, т. 1 : Киевские издания 2-й половины XVII в. / сост. А. А. Гусева, Т. А. Каменева, И. М. Полонская. М. : [б. и.], 1981.

Исследования

Алексеева М. А. Малоизвестные произведения русского искусства XVII — первой половины XVIII века — гравированные антиминсы // Алексеева М. А. Из истории русской гравюры XVII — начала XIX в. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2013. С. 9–34.

Большаков Н. С. Московская фигурная гравюра XVI века. М. : Гос. академия художественных наук, 1927.

Гусева А. А. Идентификация экземпляров украинских изданий кирилловского шрифта второй половины XVI — XVIII вв. : метод. рекомендации. М. : Рос. гос. б-ка, 1997.

Гусева А. А. Издания Московского печатного двора в период патриаршества Никона // Фёдоровские чтения. 2005 / отв. ред. В. И. Васильев. М. : Наука, 2005. С. 304–315.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров ; общ. ред. В. В. Нехотина. М. : Ин-т ДИ-ДИК, 2006.

Лукьянова Е. В. Листовые издания Московского печатного двора во второй половине XVII в. (По документам Приказа книгопечатного дела) // Фёдоровские чтения. 2003 / отв. ред. А. Ю. Самарин. М. : Наука, 2003. С. 214–224.

Макарий (Булгаков), митр. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М. : Тип. М. Н. Лаврова и К, 1881. С. 1–116 (отд. оттиск).

Николаева С. Г. Коллекция гравированных антиминсов в собрании Государственного музея истории религии. СПб. : Акционер и К°, 2003. (Труды Государственного музея истории религии ; Т. 3).

Николаевский П. Ф., протоиер. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. № 1–2. С. 114–141.

Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск : Наука, 1998.

Ошуркевич Л. А. Украинские антиминсные гравюры XVII — первой половины XVIII века // Народная картинка XVII–XIX веков : материалы и исследования / ред. М. А. Алексеева, Е. А. Мишина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 53–70.

Подосинов А. В. Символы четырех евангелистов. Их происхождение и значение. М. : Языки русской культуры, 2000.

Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры 1652–1700. М. : Наука, 2007. Кн. 1.

Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Починская И. В. Рукописные и старопечатные книги кирилловской традиции: изучение, описание, хранение : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.

- Ракић З. Српска минијатура XVI и XVII века. Београд : ПБФ, 2012.
- Румянцев В. Е. Сведения о гравировании и граверах при Московском Печатном дворе в XVI и XVII столетиях. М. : Тип. Акад. наук, 1870. С. 356–378 (отд. оттиск).
- Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков : библиогр. материалы. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1903.
- Уваров А. С. Евангелие 1577 года, изображение евангелистов и их символов // Древности. Труды Императорского археологического общества. 1907. Т. XXI, вып. 2. С. 7–37.
- Хромов О. Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. М. : Памятники ист. мысли, 1998.
- Чернов А. Иоанн Богослов — Орел или Лев? Евангельский тетраморф в начальной русской традиции. 2008. URL: <https://chernov-trezin.ru/tetramorf.htm> (дата обращения: 17.06.2020).
- Чумичева О. В. Символы евангелистов в русской рукописной традиции // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов : сб. науч. ст. / сост. Ж. Л. Левшина. СПб. : Рос. нац. б-ка, 2010. С. 172–180.
- Karapli K., Papastavrou H. Autels portatifs (Altaria portatilia) — Antimensia. Courte note // Zograf. 2014. Т. 38. С. 221–231.
- Yurchyshyn-Smith O. Development of Byzantine Iconographic Tradition in Ukrainian Antimensia of the XVIIth Century // Byzantinoslavica. Revue internationale des Etudes Byzantines. 1998. Vol. LIX, Fask. 2. P. 320–324.

References

- Alekseyeva, M. A. (2013). Maloizvestnye proizvedeniia russkogo iskusstva XVII — pervoi poloviny XVIII veka — gravirovannye antiminsy [Little-known Works of Russian Art of the 17th – First Half of the 18th Centuries — Engraved Antimens]. In M. A. Alekseyeva, *Iz istorii russkoi graviury XVII — nachala XIX v.* [From the History of the Russian Engraving of the 17th – Early 19th Centuries] (pp. 9–34). Moscow; St Petersburg: Alians-Arkheo.
- Bolshakov, N. S. (1927). *Moskovskaia figuraia graviura XVI veka* [Moscow Figure Engraving of the 16th Century]. Moscow: Gos. akademiia khudozhestvennykh nauk.
- Chernov, A. (2008). *Ioann Bogoslov — Orel ili Lev? Ievangel'skij tetramorf v nachal'noi russkoi traditsii* [John the Theologian — Eagle or Lion? Gospel Tetramorph in the Early Russian Tradition]. Retrieved from <https://chernov-trezin.ru/tetramorf.htm>
- Chumicheva, O. V. (2010). Simvoly ievangelistov v russkoi rukopisnoi traditsii [Symbols of the Evangelists in the Russian Handwritten Tradition]. In J. L. Levshin (Ed.), *Ostromirovo Ievangelie i sovremennye issledovaniia rukopisnoi traditsii novozavetnykh tekstov: sb. nauch. st.* [Ostromir Gospel and Modern Studies of the Handwritten Tradition of the New Testament Texts. Collection of Scholarly Articles] (pp. 172–180). St Petersburg: Russian National Library.
- Guseva, A. A. (1997). *Identifikatsiia ekzempliarov ukrainskikh izdaniy kirillovskogo shrifta vtoroi poloviny XVI — XVIII vv.: metod. rekomendatsii* [Identification of Copies of Ukrainian Editions of the Cyril Script of the Second Half of the 16th–18th Centuries: Methodical Recommendations]. Moscow: Russian State Library.
- Guseva, A. A. (2005). Izdaniia Moskovskogo pechatnogo dvora v period patriarshstva Nikona [Publications of the Moscow Print Yard during the Patriarchate of Nikon]. In V. I. Vasiliev (Ed.), *Fyodorovskie chteniia. 2005* [Fyodorov Readings. 2005] (pp. 304–315). Moscow: Nauka.
- Karapli, K., & Papastavrou, H. (2014). Autels portatifs (Altaria portatilia) — Antimensia. Courte note. *Zograf*, 38, 221–231.
- Khromov, O. R. (1998). *Russkaia lubochnaia kniga XVII–XIX vekov* [Russian Popular Print Book of the 17th–19th Centuries]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Lukyanova, Ye. V. (2003). Listovye izdaniia Moskovskogo pechatnogo dvora vo vtoroi polovine XVII v. (Po dokumentam Prikaza knigopechatnogo dela) [Loose-Leaf Editions of the Moscow Print

Yard in the Second Half of the 17th Century (According to the Documents of the Prikaz of Book Printing)]. In A. Yu. Samarin (Ed.), *Fyodorovskiye chteniia. 2003* [Fyodorov Readings. 2003] (pp. 214–224). Moscow: Nauka.

Makarius (Bulgakov), mitr. (1881). *Patriarkh Nikon v dele ispravleniia tserkovnykh knig i obriadov* [Patriarch Nikon's Role in Correcting Church Books and Rituals] (pp. 1–116). Moscow: Tip. M. N. Lavrova and K.

Nikolayeva, S. G. (2003). Kolleksiia gravirovannykh antiminov v sobranii Gosudarstvennogo muzeia istorii religii [Collection of Engraved Antimins in the Collection of the State Museum of the History of Religion]. *Trudy Gosudarstvennogo muzeia istorii religii*, 3. St. Petersburg: Aktsioner i K°.

Nikolayevsky, P. F., protoier. (1890). Moskovskij pechatnyj dvor pri patriarkhe Nikone [Moscow Print Yard under Patriarch Nikon]. *Khristianskoe chtenie*, 1–2, 114–141.

Oparina, T. A. (1998). *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie Kievskoi mitropolii* [Ivan Nasedka and the Polemical Theology of the Kiev Metropolis]. Novosibirsk: Nauka.

Oshurkevich, L. A. (1996). Ukrainskie antiminsnye graviury XVII – pervoi poloviny XVIII veka [Ukrainian Antimins Engravings of the 17th – First Half of the 18th Centuries]. In M. A. Alekseeva, & E. A. Mishina (Eds.), *Narodnaia kartinka XVII–XIX vekov: materialy i issledovaniia* [Folk Picture of the 17th–19th Centuries: Materials and Research] (pp. 53–70). St Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Pochinskaya, I. V. (2010). *Rukopisnye i staropechatnye knigi kirillovskoi traditsii: izuchenie, opisanie, khranenie: uchebnoe posobie* [Handwritten and Early Printed Books of the Cyril Tradition: Study, Description, Storage: Textbook]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Podosinov, A. V. (2000). *Simvolny chetyrekh evangelistov. Ikh proiskhozhdenie i znachenie* [Symbols of the Four Evangelists. Their Origin and Meaning]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Pokrovsky, N. V. (2001). *Evangelie v pamiatnikakh ikonografii preimushchestvenno vizantijskikh i russkikh* [The Gospel in the Monuments of Iconography, Mainly Byzantine and Russian]. Moscow: Progress-Traditsiia.

Pozdeyeva, I. V., Dadykin, A. V., & Pushkov, V. P. (2007). *Moskovskij pechatnyj dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury 1652–1700* [Moscow Print Yard – Fact and Factor of Russian Culture 1652–1700] (Book 1). Moscow: Nauka.

Rakić, Z. (2012). *Srpska minijatura XVI i XVII veka* [Serbian Miniature of the 16th and 17th Centuries]. Belgrade: PBF.

Rumyantsev, V. N. (1870). *Svedeniia o gravirovanii i graverakh pri Moskovskom Pечатном дворе v XVI i XVII stoletiiakh* [Information on Engraving and Engravers at the Moscow Print Yard in the 16th and 17th Centuries]. Moscow: Tip. Imp. Akad. nauk.

Sidorov, A. A. (1951). *Drevnerusskaia knizhnaia graviura* [Old Russian Book Engraving]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR.

Sobolevsky, A. I. (1903). *Perevodnaia literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov: bibliograficheskie materialy* [Translated Literature of Moscow Russia of the 14th–17th Centuries. Bibliographic Materials]. St Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.

Uvarov, A. S. (1907). Evangelie 1577 goda, izobrazhenie evangelistov i ikh simvolov [Gospel of 1577, the Portrayal of the Evangelists and Their Symbols]. *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*, XXI(2), 7–37.

Yurchyshyn-Smith, O. (1998). Development of Byzantine Iconographic Tradition in Ukrainian Antimensia of the XVII Century. *Byzantinoslavica. Revue internationale des Etudes Byzantines*, LIX(2), 320–324.

Zen'kovsky, S. A. (2006). *Russkoe staroobriadchestvo* [Russian Old Believers] (Vols. 1–2). Moscow: In-t DI-DIK.

Хромов Олег Ростиславович

доктор искусствоведения, академик

Российской академии художеств

¹ профессор кафедры теории и истории
церковного искусства

Московская Духовная академия

141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева
Лавра;

² главный научный сотрудник НИО
редких книг

Российская государственная библиотека

119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5

E-mail: olegghrom@gmail.com

Khromov, Oleg Rostislavovich

Dr. Hab. (Art Studies), Full Member
of the Russian Academy of Arts

¹ Professor of the Department
of Theory and History of Church Art

Moscow Theological Academy

Trinity Lavra of St Sergius, 141300 Sergiev
Posad, Russia;

² Chief Researcher

Research Institute of Rare Books

Russian State Library

3/5, Vozdvizhenka Str., 119019 Moscow, Russia

Email: olegghrom@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7417-1756>

ResearcherID: AAQ-4027-2020

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.030
УДК 747 + 821.133.1:347.783**Е. В. Борщ**¹ *Уральский государственный
архитектурно-художественный университет*² *Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ИЗОБРАЖЕНИЕ ИНТЕРЬЕРА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ИЗДАНИЙ МОЛЬЕРА XVIII в.

На материале французской литературной иллюстрации XVIII в. изучается проблема изображения интерьера как места действия. На примере интерьерных сцен из двух разных серий иллюстраций к одним литературным текстам рассматриваются следующие вопросы: роль текста в формировании визуального образа интерьера; методы изображения места действия разными художниками; визуальные прототипы образа интерьера. Основными источниками исследования являются иллюстрации двух французских изданий «Сочинений» Мольера — серия гравюр по рисункам Ф. Буше 1734 г. и серия гравюр по рисункам Ж.-М. Моро (Моро-младшего) 1773 г. Сравнение текстов нескольких пьес с иллюстрациями из этих изданий показывает, что место действия, схематично описанное драматургом, художники изобразили как апартаменты дворянского дома. Иллюстраторы выбрали типологию, декор и обстановку, актуальные для своего времени: Буше — интерьеры в стиле рококо (1730-е гг.), Моро — интерьеры в стиле «Транзисьон» (1760–1770-е гг.). Сопоставление гравюр из разных серий доказывает, что Буше и Моро пользовались композиционными находками и деталями иллюстраций П. Бриссара 1682 г. и, кроме того, Моро взял за основу иллюстрации Буше. Сравнение иллюстраций с архитектурными гравюрами подтверждает, что прототипами для художников также были проекты интерьеров. В итоге отмечены закономерности изображения интерьера как места действия: визуальный образ интерьера не зависел от текста буквально; модель интерьера определялась творческим кредо иллюстратора и следовала модному стилю оформления; образ места действия создавался на основе иллюстраций-аналогов и проектов архитекторов-декораторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: французская книжная иллюстрация; французская книжная гравюра; изображение интерьера; иллюстрации Ф. Буше; иллюстрации Ж.-М. Моро-мл.; Мольер в иллюстрациях; XVIII век

Ц и т и р о в а н и е: *Борщ Е. В.* Изображение интерьера в иллюстрациях французских изданий Мольера XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 128–142. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.030>

*Поступила в редакцию: 06.05.2020**Принята к печати: 25.03.2021*

Elena V. Borshch¹ *Ural State University of Architecture and Art*² *Ural Federal University*
Yekaterinburg, Russia

DEPICTION OF HOME INTERIORS IN ILLUSTRATIONS OF MOLIÈRE'S WORKS IN FRENCH 18TH-CENTURY EDITIONS

This article examines the problem of depicting a home interior as a setting with reference to the French literary illustration of the eighteenth century. Referring to the interior scenes from two different series of illustrations to the same literary texts, the author considers the role of the texts in the formation of visual images of a home interior; the methods of depicting a home interior by different artists; the visual prototypes of the image of the interior. The main sources of the research are illustrations of two French editions of Molière's *Works*: a series of engravings based on drawings by F. Boucher (1734) and ones by J.-M. Moreau (Moreau le Jeune) (1773). The texts of some comedies are compared with illustrations from two different editions. The comparison demonstrates that the interior, schematically described by Molière, was arbitrarily depicted by the artists as the apartments of a noble house. They used typology, décor, and furnishings that are relevant to their time. Boucher chose the Rococo style (1730s), while Moreau preferred the Transition style (1760–1770s). The comparison of the illustrations with each other proves that the artists copied the details of similar illustrations by P. Brissart (1682). Also, Moreau used Boucher's compositions as prototypes. The comparison of the illustrations with architectural engravings proves that the interior projects were also prototypes for the artists. As a result, the author notes the patterns of depicting a home interior as a setting: the image of visual interiors did not literally depend on the text; the interior model was determined by the illustrator's creative credo and followed the fashionable design style; the artists created the image of the interior using analogous illustrations and projects of architects and decorators.

Key words: French book illustration; French book engravings; interior depiction; F. Boucher's illustrations; J. M. Moreau le Jeune's illustrations; Molière's *Works* in illustrations; 18th century

For citation: Borshch, E. V. (2021). Izobrazhenie inter'era v illiustratsiakh frantsuzskikh izdanii Mol'era XVIII v. [Depiction of Home Interiors in Illustrations of Molière's *Works* in French 18th-Century Editions]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 128–142. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.030>

*Submitted: 06.05.2020**Accepted: 25.03.2021*

Введение

Французская иллюстрация XVIII в., давно оцененная по достоинству коллекционерами, ныне находится в сфере внимания самых различных исследований. Достаточно освоенное направление изучения литературной иллюстрации — взаимодействие текста и изображения. Структурному аспекту взаимодействия текста и иллюстрации уделял внимание Р. Барт: по его мнению, по отношению к тексту изображение может быть избыточным, дублирующим и дополняющим [Барт, с. 302]. Барт отмечал, что в XVIII в. текст и визуальный образ оказались необходимы друг другу, как никогда раньше [Там же, с. 303].

Литературную иллюстрацию XVIII в. как источник чаще предпочитают знатоки текстов, чем визуальных образов. Опираясь на теорию коммуникации, рассматривал иллюстрацию XVIII в. А.-М. Басси, который считал, что баланс текста и изображения сложился во французской книге во второй половине столетия [Bassy, p. 140, 141]. Влияние текста на иллюстрацию XVIII в. живо интересует современных авторов, о чем свидетельствуют коллективные монографии под редакцией К. Ионеску [Book Illustration in the Long Eighteenth Century, p. 329–462]. Следует отметить, что первые иллюстрации к пьесам Мольера изучают историки театра, специалисты по сценографии [Muller; Cornuaille].

Интерьер как пространство повседневности и художественного произведения все более привлекает внимание гуманитариев в рамках междисциплинарных исследований. Проблема взаимосвязи «интерьера» индивидуальности и художественного образа интерьера занимает авторов сборника, выпущенного под редакцией Э. Лаер-Бурхарт и Б. Зёнтген [Interiors and Interiority].

Пространство интерьера в контексте образности живописного произведения рассматривал Н. Н. Волков, который классифицировал трехмерные фигуры пространства как «пещера», «ящик», «двугранный угол», «чаша» [Волков, с. 103]. Иконографию и семантику образа интерьера на материалах западноевропейской живописи Нового и Новейшего времени изучала И. Е. Данилова [2004]. В произведениях французской живописи XVIII в., по мнению исследователя, интерьеры перестали быть пространством «внутри стен» из-за мотивов пейзажа и открытых дверей [Там же, с. 204]. Примем во внимание эти замечания, обращаясь к сравнительному изучению образов интерьера на материалах книжной иллюстрации.

Французская литературная иллюстрация XVIII в. была немыслима без изображения интерьера — «дома внутри», хорошо знакомого современникам. Вне времени и места действия, обусловленных текстом, персонажей часто изображали на фоне репрезентативного интерьера. Понять процесс визуализации места действия можно, сопоставив различные версии иллюстраций к одному тексту. Анализ методов и приемов работы художников позволит найти в образах интерьера следы литературного произведения и архитектурно-декоративной практики.

Источниками данной статьи стали две серии иллюстраций для двух разных изданий «Сочинений» Мольера: гравюры по рисункам Ф. Буше (1734) и гравюры по рисункам Ж.-М. Моро-мл. (1773).

Иллюстрации в изданиях Мольера

Напомним, что европейские драматурги стали проявлять интерес к изданию собственных произведений, начиная с XVII в. [Peters, p. 52]. Выпуск пьес был статьей дохода для литераторов. Так, Мольер получил за публикацию «Тартюфа» 2 тыс. ливров [Ibid., p. 55]. Собрания пьес сначала выпускали без гравюр, а затем дополнили фронтисписами — портретами или аллегорическими композициями. В конце XVII в. издания драматургии стали дополнять жанровыми гравюрами: по одной для каждой пьесы [Ibid., p. 62–63]. Именно так были проиллюстрированы «Сочинения» Мольера 1682 г. Гравюры по рисункам П. Бриссара, которые вошли в это издание, неоднократно повторяли в составе переизданий [Molière, 1697]. В XVIII в. сочинения драматургов иллюстрировали аналогичным образом, в том числе издания Мольера 1734 г. и 1773 г. [Cohen, p. 712–714, 716–719]. Рассмотрим их подробнее.

Франсуа Буше (Boucher, 1703–1770), королевский живописец и декоратор, работал в Париже в 1720–1760-е гг. Периодически он занимался рисованием иллюстраций. Предполагают, что Буше получил заказ на эскизы для «Сочинений» 1734 г. благодаря знанию театра и тесным связям с театральным миром [Ledbury, p. 140]. По оценке историков книги, издание Мольера 1734 г. входит в число лучших иллюстрированных книг XVIII в. [Martin]. Издание включает 32 листа, гравированные на меди Л. Каром (L. Cars) [Cohen, p. 712], среди них — 18 интерьерных сцен [Molière, 1734].

Жан-Мишель Моро-младший (Moreau, 1741–1814) (далее — Моро), рисовальщик-хроникер и иллюстратор, работал в Париже во второй половине XVIII в. Одним из эпизодов творческой биографии Моро было преподавание в Академии художеств в Санкт-Петербурге в 1758–1759 гг. По заказу парижских издателей Моро подготовил более пятидесяти серий иллюстраций для произведений разных писателей, в том числе, иллюстрации для издания «Сочинений» Мольера 1773 г. [Molière, 1773]. Серия гравюр включает 33 листа, которые, помимо Моро, исполнили другие гравёры [Cohen, p. 716–719; Bocher, p. 377–384]. Около половины гравюр, 16 листов, представляют сцены в интерьере.

Отметим, что иллюстрации 1734 г. и 1773 г. принадлежат к аналогичным по составу и объёму изданиям (6 томов) и почти равны по количеству листов (32 и 33). Более того, они практически совпадают по числу интерьерных сцен (18 и 16). Сравнению подлежат не более десяти пар иллюстраций, так как не все эпизоды, выбранные для иллюстрирования, идентичны.

Сопоставление иллюстраций

Проведем сопоставление пар иллюстраций Буше и Моро. Нас будут интересовать, во-первых, возможное влияние текста на «декорацию» места действия; во-вторых, сходство и различие визуальных образов интерьера с точки зрения его назначения, декора, обстановки, пространства и взаимодействия с фигурами

персонажей; в-третьих, влияние иллюстраций-аналогов и актуальных проектов интерьера на модели интерьерного фона.

Для распознавания места действия примем во внимание типологию французского дворянского интерьера XVIII в., в котором различали три типа апартаментов по назначению: официальные, общественные и личные. Точнее, апартаменты, выполняющие представительскую функцию; апартаменты для семейных и дружеских встреч, в которых хозяин ежедневно общался со своей семьей и со своими знакомыми; апартаменты для повседневной жизни [Hautesoeur, t. III, p. 197].

Обратимся к иллюстрациям в определенном порядке: по хронологии создания пьес или, точнее, по принципу их расположения во французских изданиях XVIII в.

«Критика “Школы жен”» (1663)

Действие комедии происходит в Париже, в доме Урании [Molière, 1734, t. 2, p. 352]. Узкий круг гостей обсуждает пьесу. Судя по упоминанию лестницы, приемное помещение находится на «первом» этаже. Прибывающих визитеров усаживают: в тексте названы кресло и стул (явления 4, 6). Иллюстраторы предпочли изобразить гостей в креслах.

По версии Буше, помещение напоминает салон для светского общения или комнату парадных апартаментов хозяйки. Гости расположились вблизи окна [Molière, 1734, t. 2, p. 349]. Фоном является фрагмент стены с гобеленовой обивкой, придающей оттенок торжественности, и угловым выступом с парой ароматников на стенных консолях в стиле рококо. Похожие сферические предметы и консоли можно найти в сюите «Новые рисунки мебели и произведения бронзы и маркетри» А.-Ш. Булля (Bouille, 1642–1732) [Bouille, № 1, 15]. Сюита неоднократно повторялась в составе сборников образцов [L'Architecture à la mode..., t. 1, № 1, 15].

Пространство интерьера Буше имеет форму четырехгранного угла с вертикальным выступом внутрь. Помещение обладает глубиной за счет линий напольной плитки, свободного первого плана и светового потока из окна. Занавес слева, возможно, принадлежащий кровати, и штора справа образуют своего рода обрамление сцены. Фигуры, расположенные на среднем плане, гармонируют с текстильным декором комнаты, частью которого они невольно становятся.

Моро, похоже, представляет героев в салоне для светских приемов [Molière, 1773, t. 2, p. 437]. Помещение разгорожено ширмой, центральная створка которой копирует угловой выступ стены с иллюстрации Буше. Вместе с тем ширма напоминает двери с иллюстрации Бриссара [Molière, 1697, t. 2, p. 249]. То же верно по отношению к правому углу помещения. Вслед за Буше Моро повторяет кресло, переместив его вправо. Декор интерьера Моро отличается сдержанностью, характерной для неоклассицизма: полосатая обивка стен, широкий карниз с мелкой ритмичной орнаментацией, гладкий потолок и правильная геометрия паркетного пола. Однообразие стены оживляют овальный портрет и часы на консоли

со скульптурными мотивами. Подобное смешение стилей, характерное для французских интерьеров 1760–1770-х гг., получило название стиль «Транзисьон». Особенно эти мотивы заметны в мебели, где встречаются изогнутые и прямые линии, завитки и овальные медальоны [Kalnein, Levey, p. 324].

Модель пространства на иллюстрации Моро четко обозначена: это четырехгранный угол, смещенный вправо от центра. Основательные фигуры персонажей на первом и втором планах являются единым целым с креслами, практически скрытыми. Фигуры контрастно выделены на фоне ширмы и стен.

«Версальский экспромт» (1663)

События происходят в Версале, в передней апартаментов короля (*l'antichambre du Roi*), как сообщает вступление к пьесе [Molière, 1734, t. 2, p. 404]. Следовательно, речь идет о парадных апартаментах Людовика XIV. Предполагает ли это уточнение достоверный подход к изображению места действия?

Обе иллюстрации дают один и тот же эпизод: момент репетиции, когда два актера встречаются в дверях королевской передней, где толпятся визитеры. По тексту, в ожидании приема все усаживаются на кофры вместо кресел (явление 3) [Ibid., p. 430]. Обе иллюстрации показывают группу персонажей в высоком помещении, на фоне открытых дверей. На той и другой иллюстрации есть кофр — низкий дорожный сундук, который трудно представить в роли сидения.

Буше избегает детализации места, за исключением фрагментарного вида через двери на грандиозное смежное помещение, напоминающее парадный салон или галерею [Ibid., p. 402]. Фоном для фигур, кроме двери, является условный занавес, не имеющий отношения к декору комнаты. Глубокое и полуоткрытое пространство интерьера трудно свести к трехмерной фигуре: оно аморфно, хотя подразумевается форма трехгранного угла со сквозной гранью слева. Фигуры персонажей гармонируют с занавесом, но контрастно выделены на фоне двери.

Моро подробно выстраивает декор интерьера. Перед нами — передняя, помещение парадных апартаментов с панельной отделкой стен, ширмой, дверью с десюдепортом и паркетным полом [Molière, 1773, p. 2, 523]. Несмотря на конкретизацию, этот интерьер вряд ли имеет прямое отношение к королевским апартаментам Версаля. Композицию и главный предмет антуража, кофр, Моро повторяет вслед за Буше в зеркальной инверсии. В отличие от Буше, он делает смежное помещение недоступным для обзора. Кроме того, Моро берет схему расположения панелей у Бриссара [Molière, 1697, t. 7, p. 91]. Панели, гирлянды и десюдепорт, — все свидетельствует о том, что иллюстратор имел в виду интерьеры «большого стиля», актуальные в период формирования неоклассицизма. Сравнение дает основание для утверждения, что десюдепорт-медальон и фриз, декорированный триглифами и гирляндами, зависят от проектов Ж. Маро (Marot, 1619–1679), известных по сборнику Ш.-А. Жомбера [Jombert, t. I, № 12, 31].

Пространство интерьера Моро имеет форму трехгранного угла, смещенного вправо от центра. Обладая иллюзорной глубиной за счет линий паркетной отделки, оно кажется замкнутым, если не заметить боковой поток света. Живописные фигуры, расположенные на разных планах, контрастно выделены на фоне ширмы, панелей, двери.

«Сицилиец, или Любовь-живописец» (1667)

События комедии происходят в Мессине [Molière, 1734, t. 4, p. 132]. Иллюстрации, вслед за косвенными указаниями текста, представляют сцену в доме, где скрывают героиню: мнимый художник пишет ее портрет. Описания сеанса портретирования переданы дословно: мольберт, сидения, яркое освещение (явление 11).

Оба иллюстратора выбрали «итальянский салон», парадное помещение с колоннами, пилястрами, мраморным полом и драпировками [Ibid., p. 131; Molière, 1773, t. 4, p. 169] (ил. 1, 2). Прежде чем вернуться в моду в 1770-х гг., подобного рода залы были привычны в домах аристократии эпохи Людовика XIV [Hautesoeur, t. III, p. 276]. Назначение, состав предметов, расположение и организация интерьеров Буше и Моро совпадают, что указывает на связь иллюстраций. Сравнение гравюры Бриссара и сохранившегося рисунка Буше свидетельствует, что идея парадного салона принадлежит первому [Molière, 1697, t. 7, p. 91; Boucher, p. 128] (ил. 3, 4). В свою очередь, Моро повторил композицию Буше с основными деталями, но в зеркальной версии.

Подходы иллюстраторов к изображению интерьера, безусловно, различаются. Буше придает большее значение занавесу-балдахину, как бы осеняющему фигуры героя и героини. В формах и декоре мебели акцентированы элементы рококо: двери и кресло украшают рельефные рокайли. Документальное происхождение мотивов очевидно. Интерьер Буше, похоже, создан на основе гравюры из сюиты «Новые ламбри для галерей, комнат и кабинетов» Ж.-Б. Леру (1677–1746) [Leroux, pl. 1]. Полукруглую арку с ионическими пилястрами и маскаронном иллюстратор трансформировал в двустворчатые двери (ил. 5).

На иллюстрации Моро занавес выделяет фигуру героини. Архитектурные детали, декор и предметы принадлежат разным стилям. Художник акцентирует мотивы неоклассицизма: прямоугольные формы и прямые линии, колонны и пилястры, гирлянды и рельефы в античном духе. Занавес драпирован прямыми складками, отвечающими декору стен. Кресло героини имеет черты «турецкого вкуса», модного при дворе Людовика XVI [Hautesoeur, t. IV, p. 460]. Вместе с тем, есть более архаичные предметы: подставка для ног наделена чертами рококо, а кресло художника — стиля «Транзисьон».

Подробная передача декора фронтальной стены дает повод искать проектные источники. Действительно, Моро воспользовался образцами из сборника Ж.-Ф. де Неффоржа (1717–1791). Похожие мотивы рельефных панно, гирлянд и ионических пилястров замечены на гравюрах «План и декор, подходящий для

Ил. 1. Ф. Буше. Сицилиец, или Любовь-живописец.
Гравюра из книги: [Molière, 1734, vol. 4, p. 131].
Национальная библиотека Франции, Париж

Fig. 1. F. Boucher. The Sicilian, or Love the Painter.
Engraving from: [Molière, 1734, vol. 4, p. 131].
National Library of France, Paris

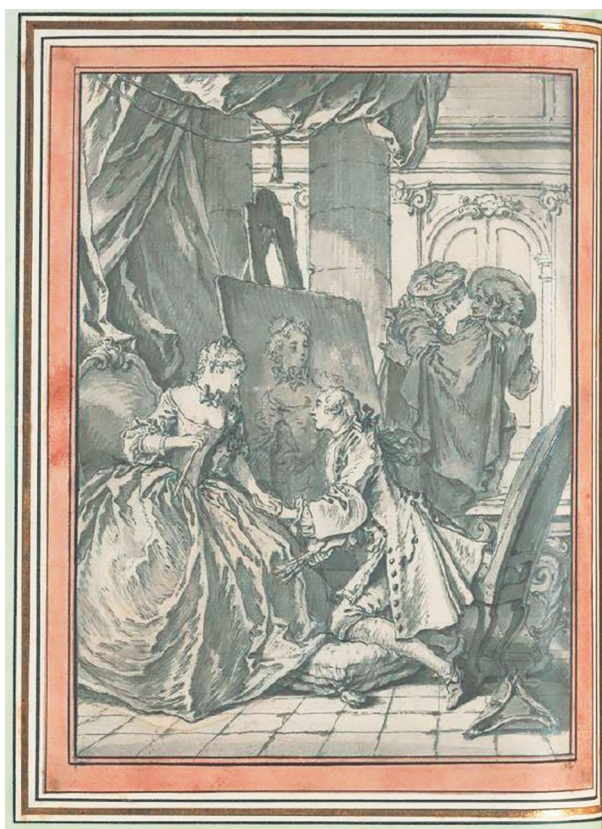
Ил. 2. Ж.-М. Моро-мл. Сицилиец, или Любовь-живописец.
Гравюра из книги: [Molière, 1773, vol. 4, p. 169].
Национальная библиотека Франции, Париж

Fig. 2. J.-M. Moreau le Jeune. The Sicilian, or Love the Painter.
Engraving from: [Molière, 1773, vol. 4, p. 169].
National Library of France, Paris

Ил. 3. П. Бриссар. Сицилиец, или Любовь-живописец.
Гравюра из книги: [Molière, 1697, vol. 3, p. 179].
Национальная библиотека Неаполя

Fig. 3. P. Brissart. The Sicilian, or Love the Painter.
Engraving from: [Molière, 1697, vol. 3, p. 179].
National Library of Naples

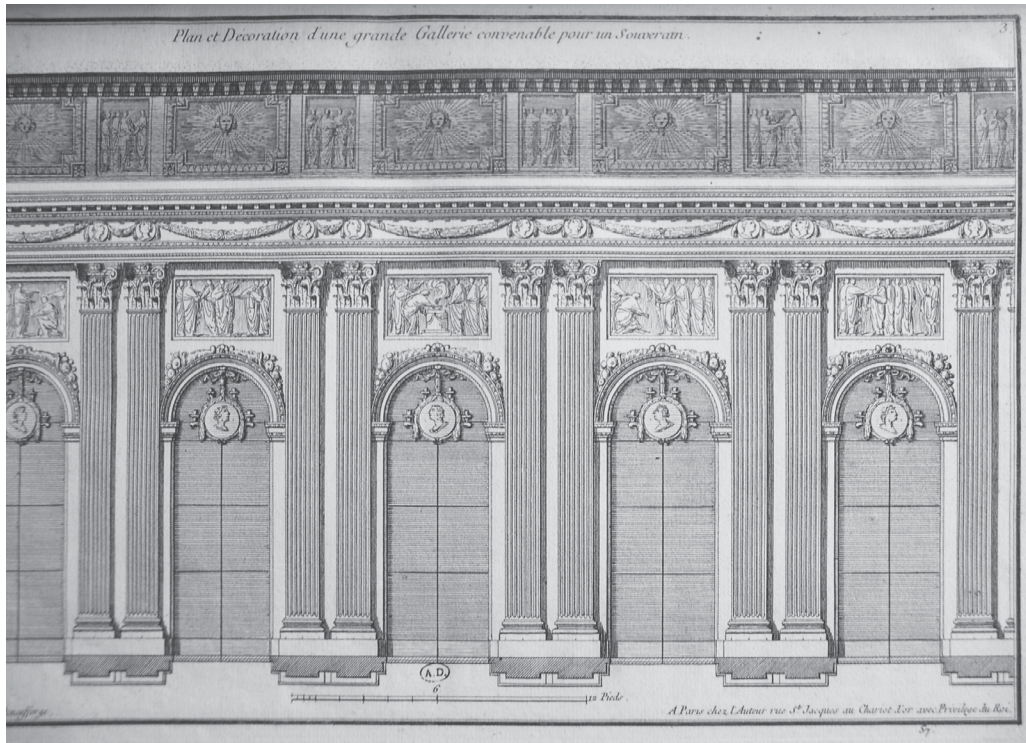
Ил. 4. Ф. Буше. Сицилиец, или Любовь-живописец.
Рисунок из книги: [Boucher, № 128].
Национальная библиотека Франции, Париж

Fig. 4. F. Boucher. The Sicilian, or Love the Painter.
Drawing from: [Boucher, No. 128].
National Library of France, Paris

Ил. 5. Ж.-Б. Леру. Новые ламбри для галерей, комнат и кабинетов.
Гравюра из книги: [Leroux, pl. 1]. Библиотека национального института
истории искусства, коллекция Ж. Дусе, Париж

Fig. 5. J.-B. Leroux. New panels for galleries, rooms, and studies.
Engraving from: [Leroux, pl. 1]. Library of the National Institute of History of Art,
J. Doucet's collection, Paris

Ил. 6. Ж.-Ф. де Неффорж. План и декор большой галереи, подходящей для суверена. Гравюра из книги: [Neufforge, t. 1, pl. 3]. Библиотека Музея декоративных искусств, Париж

Fig. 6. J.-F. de Neufforge. Plan and décor of a big gallery suitable for the sovereign. Engraving from: [Neufforge, t. 1, pl. 3]. Library of the Museum of Decorative Arts, Paris

большой галереи» и «План и декор большой галереи, подходящей для суверена» [Neufforge, t. I, pl. 3, 4] (ил. 6).

Влияние иллюстрации Буше на Моро подтверждает, в частности, пространство интерьера: протяженность, глубина и формальная замкнутость. Пространство в том и другом случае сводится к форме двугранного угла, развернутого по горизонтали, разделенного надвое сквозными элементами — колоннами. Иллюстраторы пользуются едиными приемами включения фигур в интерьер: они являются одним целым с предметами среднего плана и противопоставлены дальнему плану, стене.

«Господин де Пурсоньяк» (1669)

Действие комедии-балета, по тексту, происходит в Париже [Molière, 1734, t. 5, p. 276]. Проиллюстрирована сцена приема главного героя в доме лекаря. Согласно ремаркам, атрибутами сцены должны быть три кресла (действие 1, явление 10). На иллюстрации Буше — лишь одно, отделяющее главного героя от аптекаря (действие 1, явление 14). У Моро — точно три. Центральное занимает гость, а боковые, незанятые, почти скрыты фигурами «маскарадных» лекарей (действие 1, явление 12).

Иллюстраторы выбирают для обрамления сцены салон для светских приемов. В чем их различие трактовки места действия?

Буше представляет высокое зальное помещение с падурами под потолком, характерными для интерьеров XVII — начала XVIII в. Эта внушительных размеров комната отделана стенными панелями и мраморными напольными плитами [Ibid., p. 273]. Двустворчатая арочная дверь включена в панельную обшивку, как было принято в интерьерах рококо [Hautecoeur, t. III, p. 278–289].

Иллюстрация Буше, однако, имеет черты сходства с гравюрой Бриссара: форма двери и правый угол комнаты (выступ стены) совпадают. Ансамбль декора стен дополняют часы-картуш на асимметричной консоли. Очертания кресла отвечают отделке дверей, камина и часов. Камин украшен зеркалом в раме с картушем, фланкированной бра в стиле рококо. Зеркало, безусловно, зависит от образца: его очертания близки к проекту Ж. Мансара де Жуи (1705–1783) [Mansart de Jouy, pl. 2].

Форму пространства интерьера Буше можно описать как четырехгранный угол, соединенный с двухгранным, развернутым по горизонтали. Оно кажется глубоким и открытым благодаря изображению дверей, углового выступа стены, перспективы линий напольных плит и бокового потока солнечного света. Фигуры персонажей, неотделимые от кресла, контрастно выделены на фоне стены.

Моро обрамляет сцену иначе: действие происходит в репрезентативном, но более простом по архитектурной артикуляции помещении, где акцентированы скульптурные и орнаментальные мотивы [Molière, 1773, t. 5, p. 361]. Интерьер Моро почти не зависит от модели Буше, если не считать двери справа, похожие

на камин Буше. Складывается впечатление, что на Моро большее влияние оказала иллюстрация Бриссара: ракурс изображения и детали оформления левого угла помещения идентичны [Molière, 1697, t. 2, p. 249].

В интерьере Моро акцентированы мотивы неоклассицизма: прямолинейная геометрия обивки стен и паркетного пола, ритмичная орнаментика фриза, лишенный декора потолок. Аналогичные примеры обивки, орнаментированной вертикальными полосами с растительными завитками, можно найти в проектах Ж.-Ф. Буше-сына (1736–1782) и Ж.-Ф. де Неффоржа [Livre de meubles, t. I, pl. 39; Neufforge, t. II (3), pl. 6]. Главным интерьерным акцентом Моро являются двустворчатые двери с громоздким скульптурным десюдепортом в виде вазона-курильницы. Возможно, образцом для него была гравюра из сюиты «Орнаменты или плакетки для украшения комнат и альковов» Ж. Маро (1619–1679), опубликованная Ш.-А. Жомбером [Jombert, t. I, pl. 18]. Подобные скульптурные десюдепорты вновь вошли в моду в 1750–1770-е гг., в период утверждения неоклассицизма [Hautesoeur, t. IV, p. 476]. Едва заметные рокайльные детали кресел и доминирующий стеной декор неоклассицизма на иллюстрации Моро свидетельствуют в пользу выбора стиля «Транзисьон».

В отличие от Буше, пространство интерьера Моро кажется замкнутым, если не заметить яркое освещение, предполагающее наличие окна. Форма пространства напоминает четырехгранный угол, смещенный влево от центра. Не считая кресел, объединенных с фигурами персонажей, интерьерный фон контрастен. Элементы интерьера не всегда удачно взаимодействует с фигурами героев: прямоугольник двери выделяет фигуру второстепенного персонажа.

«Графиня д'Эскарбанья» (1671)

События комедии, как сообщает вступление, происходят в Ангулеме [Molière, 1734, t. 6, p. 334]. По косвенным указаниям в тексте пьесы, место действия — дом главной героини, точнее, помещение для приема гостей с двумя входами (явление 1). Следуя тексту, иллюстраторы выбирают приемное помещение — салон, но с одними дверями.

Отметим, что художники иллюстрируют разные временные отрезки одной сцены с участием графини и ее гости. Буше изображает героиню в тот момент, когда они предлагают друг другу кресла, хотя в тексте названы стулья (явление 6, 7). По Буше, это два кресла «а-ля-королева» в стиле Регентства: с прямыми высокими спинками, волнистыми локотниками, гнутыми ножками и проножками. Моро тоже отказывается от стульев в пользу кресел: их занимают графиня и ее гости (явление 7), тогда как служанка снимает чепец с хозяйки (явление 3). В дополнение к двум креслам Моро ставит третье, не предусмотренное текстом: оно выдвинуто на первый план. Судя по чуть заметным деталям кресел, они выполнены в стиле «Транзисьон».

Салон в версии Буше отличают черты парадности: высота, пилястры, двери с десюдепортом, отделка пола плиткой и занавес [Ibid., p. 333]. Буше

явно воспользовался как образцом иллюстрацией Бриссара: центральное расположение двери и гладкие пилястры по ее сторонам — те же [Molière, 1697, t. 8, p. 89]. Детальная передача декора двустворчатых, увенчанных скульптурным десюдепортом дверей заставляет задуматься о возможном проектном источнике. Похоже, это гравюра «Плакированные двери с десюдепортами, подходящие для различных комнат апартаментов» архитектора П. Коттара [Jombert, t. I, pl. 144]. По сравнению с прототипом, десюдепорт Буше имеет больше плавных линий и объемных элементов, свойственных рококо. Следует отметить, что у этого десюдепорта много общего с гравюрой «Украшение десюдепорта в виде резного панно» из увража Ж.-Ф. Блонделя, опубликованного чуть позже [Blondel, t. II, pl. 77]. Складывается впечатление, что модель десюдепорта-картуша с волнистым контуром, опирающегося на маскарон сатира, пользовалась успехом.

Пространство интерьера Буше, формально замкнутое, обладает глубиной за счет линий пола, моделировки предметов и фигур. По форме оно напоминает двугранный угол, развернутый по горизонтали. Ощущение открытости, связи с внешним миром, создает широкий поток света справа из невидимого зрителю окна. Декоративно моделированные фигуры персонажей гармонично вписаны в интерьер. Кажется, они являются единым целым с интерьером: креслами, занавесом и декором дверей.

Салон для светских приемов на иллюстрации Моро кажется камерным, строгим и сравнительно невысоким за счет изображения фрагмента потолка [Molière, 1773, t. 6, p. 29]. Моро передает интерьер в деталях, включая мраморный пол и предметы на каминной полке. Рококо выдают формы витиеватого бра и углового рельефа плафона в виде раковины. Неоклассицизм — овальный портрет, прямоугольники и гладкие плоскости двери, десюдепорта и панелей.

Моро, очевидно, берет композиции и детали у предшественников — Бриссара и Буше. Так, по образцу Бриссара повторен правый верхний угол помещения, моделированный широкими гладкими бордюрами панелей. По образцу Буше — расположение кресел и двери с десюдепортом.

Пространство помещения у Моро имеет форму четырехгранного угла, смещенного вправо от центра. Оно замкнуто благодаря плотно закрытым дверям, однако световое пятно подразумевает невидимое зрителю окно. Декоративные фигуры согласованы с предметами среднего плана, креслами, но противопоставлены дальнему плану — однообразным плоскостям стен.

«Мнимый больной» (1673)

События комедии «с музыкой и танцами» происходят в Париже [Molière, 1734, t. 6, p. 380]. Обе иллюстрации представляют сцену в комнате главного героя в разных эпизодах. На иллюстрации Буше изображен момент, когда супруга и служанка укладывают подушки на кресло (действие 1, явление 7). На иллюстрации Моро герой, сидя в кресле, бранит служанку (действие 1, явление 2).

Согласно ремарке, он должен сидеть за столом, где лежат счета от аптекаря и жетоны (действие 1, явление 1). Дословно передавая указанные предметы, Моро предпочитает столешницу. На его иллюстрации есть еще одна точная деталь из текста: открытая дверь, через которую вошла служанка (действие 1, явление 2). Иллюстрации похожи по композиции и основному составу интерьера, но различны по назначению и стилю оформления.

Буше выбрал помещение парадных апартаментов, декорированное в стиле рококо [Molière, 1734, t. 6, p. 377]. Внимание привлекают двери с десюдепортом, каминное зеркало с парой витиеватых бра и украшенная плюмажами так называемая «кровать с колоннами» [Recueil, t. 9, Tapisier, pl. VI]. Галантно-мифологическая сцена на панно десюдепорта придает интерьеру игривый тон, но противоречит унылому образу главного героя и, похоже, пародирует его диалог с героиней. Интерьерная декорация Буше явно зависит от проектных источников. Не исключено, что бра были нарисованы на основе гравюры из сюиты «Новые рисунки мебели и произведения бронзы и маркетри» А.-Ш. Булля, хорошо известной художникам [L'Architecture à la mode..., № 8]. Следует отметить, что интерьер Буше имеет еще один аналог: узкая панель слева от двери, плотно заполненная растительными завитками, повторяет фрагмент бордюра гобелена с иллюстрации Бриссара [Molière, 1697, t. 8, p. 125].

Тесное и загроможденное пространство помещения Буше имеет форму двугранного угла и формально замкнуто, не считая потоков света. Фигуры персонажей, декоративно трактованные, гармонично сочетаются с предметами среднего плана, но контрастируют с плоскостью дверей на дальнем плане.

Моро, судя по лаконичной отделке стен, потолка и дощатому полу, переносит сцену в комнату личных апартаментов [Molière, 1773, t. 6, p. 509]. Художник явно воспользовался иллюстрацией Бриссара для моделирования интерьера: совпадают форма пространства, ракурс изображения и конструктивные детали помещения, точнее, угол, открытые двери, фрагмент потолка и плоскость фронтальной стены, окаймленная широким бордюром [Molière, 1697, t. 8, p. 125].

Моро больше интересуют предметы, нежели оформление стен. Представительная мебель противоречит общему минимализму интерьера. Как можно заметить, Моро повторил некоторые предметы интерьера по Буше, прежде всего, французскую кровать «на колоннах», которая утратила плюмажи. Взамен изящного кресла героя на высоких гнутых ножках Моро выбирает массивное и архаичное, на низких закругленных ножках. Согласно сведениям трактата А.-Ж. Рубо, эта модель была в ходу в 1700 г. [Roubo, pl. 223]. Помимо того, Моро изображает модную мебель в стиле «Транзисьон»: в частности, комод и кресло для визитеров с овальной спинкой, волнистыми ножками и локотниками. Иллюстратор, похоже, имел под рукой сборники образцов мебели. Идентичную модель так называемого кресла-«кабриолет» можно найти в гравюрах Ж.-Ш. Делафосса [Delafosse, t. III, cah. A].

Пространство интерьера в версии Моро просторно и наполнено светом, падающим сбоку. Форма пространства напоминает четырехгранный угол

со сквозной гранью слева, изображенный в ракурсе. Персонажи иллюстрации сгруппированы с предметами среднего плана и противопоставлены стене, которая как будто отступает.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что роль текста пьес Мольера в формировании образа интерьера не имела решающего значения для сложения образа места действия в иллюстрациях 1730-х и 1770-х гг. Пьесы редко дают точные указания места, кроме «географии». Сведения о назначении помещения, архитектурных деталях и функциональных предметах имеют косвенный характер. Иллюстрации представляют место не буквально, но с изменениями и дополнениями. Новые интерьерные детали помогают раскрыть образы персонажей. Действия пьес происходят в условных приемных помещениях, которые иллюстраторы интерпретируют как парадный салон, салон для светского общения, комната личных апартаментов, передняя. Художники создают собственные версии места: моделируют архитектуру, декор, антураж и стиль. Рассматривая иллюстрации, можно проследить перемены в оформлении интерьера от рококо к стилю «Транзисьон» и неоклассицизму.

Сравнение иллюстраций и проектов доказывает, что достоверного изображения интерьеров иллюстраторы добивались с помощью альбомов образцов. Изображая декор дверей, каминных зеркал и стен Буше пользовался проектами «большого стиля» и стиля Регентства (А.-Ш. Буль, П. Коттар, Ж.-Б. Леру, Ж. Мансар де Жуи), Моро — проектами «большого стиля» (Ж. Маро) и неоклассицизма, представляя двери, декор стен и мебель (Ж.-Ф. Буше-сын, Ж.-Ш. Делафосс, А.-Ж. Рубо).

Важным визуальным источником интерьерных образов литературной иллюстрации, безусловно, были иллюстрации-аналоги. Сопоставление подтверждает композиционную и предметную преемственность иллюстраций к пьесам Мольера, созданных в последней четверти XVII в. и на протяжении XVIII в. Иллюстраторы перенимали друг у друга удачные художественные решения: функцию, пространственную организацию, конструктивные и декоративные детали, основной антураж, приемы изображения интерьера и расположения фигур. Даже повторенные фрагментарно в прямой или зеркальной версии, интерьеры пьес Мольера значительно меняли образ, стиль, пространство.

Сопоставление дает повод высказать замечания по поводу эволюции пространства интерьера. В отличие от модели «сценической коробки» в иллюстрациях конца XVII в., в XVIII в. преобладает модель двугранного и четырехгранного угла в ракурсном изображении. Пространство меняется от сложного, аморфного и открытого к простому, четко ограниченному и формально закрытому. Иллюстраций Буше более касается замечание о том, что «художник XVIII века, как бы играя, снимает различие между внутренним и внешним пространством» [Данилова, с. 205].

Вписывая фигуры героев в пространство интерьера, иллюстраторы XVIII в. пользуются едиными приемами: расположение фигур на среднем плане, гармонизация или контраст с предметами. Тем не менее, есть различия в трактовке: фигуры героев сбалансированы с пластическим антуражем и как будто принадлежат интерьеру (Буше); либо они более настойчиво противопоставлены однообразным плоскостям фона (Моро). В том случае, если помещение заполнено наполовину, оно производит впечатление полупустого. Соответственно, герои, погруженные в пространство «внутри стен», отчуждены от самого «дома» (Моро).

Итак, образы интерьера как места действия в литературных иллюстрациях XVIII в. многим были обязаны преемственности изобразительной традиции, профессионализму и креативности художников.

Источники

L'Architecture à la mode où sont les nouveaux dessins pour la décoration des bâtimens et jardins. T. 1 : Recueil d'estampes. [Paris] : [Chez Mariette] ; [Chez N. Langlois], [1738].

Blondel J.-F. De la distribution des maisons de plaisance et de la décoration des édifices en general. 2 vol. Paris : C. A. Jombert, 1737–1738.

Bocher E. Les gravures françaises du XVIIIe siècle, ou Catalogue raisonné des estampes, pièces en couleur, au bistre et au lavis, de 1700 à 1800. Fasc. 6 : J.-M. Moreau le jeune. Paris : D. Morgand, C. Fatout, 1882.

Boucher F. Dessins de François Boucher pour les Œuvres de Molière. On y a joint la suite des eaux-fortes et des gravures faites sur les dessins pour l'édition de Paris, 1734. Paris : J. Pichon, 1847.

Boulle A.-Ch. [Recueil. Oeuvre]. [Lieux divers] : [éditeurs divers], [s. d.].

Cohen H. Guide de l'amateur de livres à gravures du XVIIIe siècle. Paris : A. Rouquette, 1912.

Delafosse J.-Ch. Oeuvre. T. 3. [S. l., n. d.].

Jombert Ch.-A. Répertoire des artistes ou Recueil de compositions d'Architecture. et d'Ornemens. 2 vol. Paris : Ch.-A. Jombert, 1765.

Leroux J. B. Nouveaux lambris de galeries, chambres et cabinets. Paris : N. Langlois, [1700].

[Livre de meubles]. Recueil d'estampes. 2 t. Paris : Fr. Chereau, [1742–1777].

Mansart de Jouy J. [Recueil factice de décorations, meubles et détails d'architecture par J. Mansart de Jouy, J.-F. Blondel, F. Cornille, et N. Pineau]. [S. l., n. d.].

Molière. Les oeuvres de monsieur de Moliere. 8 vols. Paris : D. Thierry, C. Barbin, P. Trabouillet, 1697.

Molière. Oeuvres de Molière, avec des remarques grammaticales. 6 vols. Paris : Compagnie des libraires associés, 1773.

Molière. Oeuvres de Moliere. Nouvelle edition. 6 vols. Paris : [David], 1734.

Neufforge J.-F. de. Recueil élémentaire d'architecture. 8 t. en 4 vols et 3 t. de supplement. Paris : J.-F. Neufforge, 1757. T. 1; 1763. T. 2 (3).

Recueil de Planches, sur les Sciences, les Arts Liberaux et les Arts Mechaniques. 11 vols. Paris : Briasson, David, Le Breton, Durand, 1771. T. 9.

Roubo A.-J. L'art du menuisier. 4 vols. [Paris : Acad. Royale des Sciences], 1769–1775.

Исследования

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989.

- Волков Н. Н. Композиция в живописи. М. : Искусство, 1977.
- Данилова И. Е. «Исполнилась полнота времен...»: размышления об искусстве: статьи, этюды, заметки. М. : [РГГУ], 2004.
- Bassy A.-M. Le texte et l'image // Histoire de l'édition française / sous la dir. de H.-J. Martin et R. Chartier. Paris : Promodis, 1984. T. 2. P. 140–171.
- Book Illustration in the Long Eighteenth Century: Reconfiguring the Visual Periphery of the Text / ed. by Chr. Ionescu. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publ., 2015.
- Cornuaille Ph. Les Décors de Molière, 1658–1674. Paris : Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2015.
- Hautecoeur L. Histoire de l'architecture classique en France. T. III : Première moitié du XVIIIe siècle, le style Louis XV. Paris : A. et J. Picard, 1950.
- Hautecoeur L. Histoire de l'architecture classique en France. T. IV : Seconde moitié du XVIIIe siècle, le style Louis XVI. Paris : A. et J. Picard, 1952.
- Interiors and Interiority / ed. E. Lajer-Burcharth, B. Söntgen. Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016.
- Kalnein W. comte de, Levey M. Art and architecture of the eighteenth century in France. London : Penguin Books, 1972.
- Ledbury M. Boucher and Theater // Rethinking Boucher / ed. M. L. Hyde, M. Ledbury. Los Angeles : Getty Publ., 2006. P. 133–143.
- Martin H.-J. L'histoire de trois grands livres illustrés // Histoire de l'édition française / sous la dir. de H.-J. Martin et R. Chartier. Paris : Promodis, 1984. T. 2. P. 146–147.
- Muller D. G. "Pourquoi sous cette table?": More Candlelight on Molière's Tartuffe // Comparative Drama. 2013 (June). № 47 (2). P. 167–200.
- Peters J. S. Theatre of the Book, 1480–1880: Print, Text, and Performance in Europe. Oxford : Oxford Univ. Press, 2003.

References

- Barthes, R. (1989). *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress.
- Bassy, A.-M. (1984). Le texte et l'image. In H.-J. Martin, & R. Chartier (Eds.), *Histoire de l'édition française* (Vol. 2, pp. 140–171). Paris: Promodis.
- Cornuaille, Ph. (2015). *Les Décors de Molière, 1658–1674*. Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne.
- Danilova, I. E. (2004). "Ispolnilas' polnota vremen...": razmyshleniia ob iskusstve: stat'i, etiudy, zametki ["The completeness of times has arrived...": Reflexions about Art: Articles, Essays, Notes]. Moscow: RGGU.
- Hautecoeur, L. (1950). *Histoire de l'architecture classique en France* (Vol. 3: Première moitié du XVIIIe siècle, le style Louis XV). Paris: A. et J. Picard.
- Hautecoeur, L. (1952). *Histoire de l'architecture classique en France* (Vol. 4. Seconde moitié du XVIIIe siècle, le style Louis XVI). Paris: A. et J. Picard.
- Ionescu, Chr. (Ed.). (2015). *Book Illustration in the Long Eighteenth Century: Reconfiguring the Visual Periphery of the Text*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Kalnein, W. comte de, & Levey, M. (1972). *Art and Architecture of the Eighteenth Century in France*. London: Penguin Books.
- Lajer-Burcharth, E., & Söntgen, B. (Eds.). (2016). *Interiors and Interiority*. Boston: Walter de Gruyter.
- Ledbury, M. (2006). Boucher and Theater. In M. L. Hyde, & M. Ledbury (Eds.), *Rethinking Boucher* (pp.133–143). Los Angeles: Getty Publications.
- Martin, H.-J. (1984). L'histoire de trois grands livres illustrés. In H.-J. Martin, & R. Chartier (Eds.), *Histoire de l'édition française* (Vol. 2, pp. 146–147). Paris: Promodis.

Muller, D. G. (2013). "Pourquoi sous cette table?": More Candlelight on Molière's Tartuffe. *Comparative Drama*, 47 (2), 167–200.

Peters, J. S. (2003). *Theatre of the Book, 1480–1880: Print, Text, and Performance in Europe*. Oxford: Oxford University Press.

Volkov, N. N. (1977). *Kompozitsiia v zhivopisi* [Composition in Painting]. Moscow: Iskusstvo.

Борщ Елена Викторовна

кандидат искусствоведения, доцент

¹ профессор кафедры декоративно-прикладного искусства

Уральский государственный архитектурно-художественный университет

620075, Екатеринбург,

ул. Карла Либкнехта, 23;

² доцент кафедры истории искусств

и музееведения

Уральский федеральный университет

620002, Екатеринбург, ул. Ленина, 51

E-mail: ev_borshch@lenta.ru

Borshch, Elena Viktorovna

PhD (Art History), Associate Professor

¹ Professor

Department of Arts and Crafts

Ural State University of Architecture and Art
23, Karl Liebknecht Str.,

620075 Yekaterinburg, Russia;

² Associate Professor

Department of Art History and Museum
Studies

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620002 Yekaterinburg, Russia

Email: ev_borshch@lenta.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9114-5835>

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ FROM THE HISTORY OF RUSSIAN PERIODICALS

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.031

УДК 070.1:050 + 070.421 + 821.161.1 + 323

М. А. Фролов

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

ЛИТЕРАТУРНАЯ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВАЯ ЖИЗНЬ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» В 1896–1900 гг.

В публикации вводятся в научный оборот документы, сохранившиеся в фондах Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ и Российского государственного архива литературы и искусства и касающиеся литературной, общественно-политической и материально-бытовой жизни редакции журнала «Русское богатство». Эти документы, наравне с документальными свидетельствами литературной деятельности, служат уяснению личных предпочтений, оценок, отношений, вскрытию внутренних механизмов редакционно-журнальной жизни.

Хронологический период, к которому относятся архивные материалы (1896–1900), — это рубежная в истории журнала пора, когда он, во-первых, становится легальным печатным органом народников, во-вторых, восстанавливается артельный принцип его издания, и, наконец, взаимоотношения членов редакции начинают последовательно регламентироваться, равно как и все финансовые потоки, проходившие через редакцию, в большей мере, чем раньше, привнося в работу редакции юридически организованный порядок, позволявший журналу продолжать существовать, несмотря на многие затруднения — цензурные, политические, репрессивные — выпавшие на его долю в течение долгого и тяжелого его пути к читателю.

Представленные материалы рассказывают о некоторых эпизодах судьбы знаменитого журнала в изменяющихся исторических условиях, уточняют факты личных, литературных и финансовых взаимоотношений внутри редакции, а краткий реальный комментарий восстанавливает историко-литературный контекст описываемых в этих документах фактов. Предметом публикуемых документов являются конкретные, в том числе экономические, обстоятельства

работы редакции «Русского богатства», которые до настоящего времени нечасто становились предметом историко-литературных публикаций и статей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Русское богатство»; В. Г. Короленко; Н. К. Михайловский; С. Я. Елпатьевский; А. И. Иванчин-Писарев; Е. А. Ганейзер; Н. Ф. Анненский; П. П. Перцов

Благодарности

Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003 «Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа»).

Публикатор с благодарностью вспоминает М. Г. Петрову, в свое время познакомившую его с архивными материалами, спустя годы позволившими в работе над настоящей публикацией полнее и основательнее прокомментировать затронутые им темы и эпизоды, а также выражает свою признательность М. В. Строганову, консультировавшему его по некоторым вопросам истории деятельности редакции «Русского богатства» и сотрудникам Справочной службы Отдела газет РГБ за сообщенные библиографические сведения.

Ц и т и р о в а н и е: Фролов М. А. Литературная, общественно-политическая и материально-бытовая жизнь редакции журнала «Русское богатство» в 1896–1900 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 143–157. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.031>

Поступила в редакцию: 05.06.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Maxim A. Frolov

*Gorky Institute of World Literature of the RAS
Moscow, Russia*

LITERARY, SOCIO-POLITICAL, AND MATERIAL EVERYDAY LIFE OF THE EDITORIAL BOARD OF THE *RUSKOYE BOGATSTVO* MAGAZINE, ITS AUTHORS, AND STAFF BETWEEN 1896 AND 1900

This article introduces into scholarly circulation documents kept in the funds of the Scientific Research Department of Manuscripts of the RSL and the Russian State Archive of Literature and Art relating to literary, socio-political, and material life of the *Russkoye Bogatstvo* magazine. Along with documentary evidence of literary activity, these documents serve to clarify human preferences, assessments, relationships, and reveal the internal mechanisms of the editorial life of the magazine.

The chronological period which the archival materials date back to (1896–1900) is a landmark in the history of the magazine when it first became a legal print medium of the Narodniks and, second, recovered the cooperative principle of its publication. Finally, during the period in question, the relations between the members of the editorial

board began to be regulated progressively. Also, to a greater extent than before, all financial flows that passed through the editorial board started to be regulated legally organising the work of the editorial board which allowed the magazine to continue to exist despite the many difficulties — censorious, political, repressive — it had to face on its long and difficult way to the reader.

The materials presented in the article tell about some episodes of the fate of the famous magazine under the changing historical conditions and clarify facts of human, literary, and financial relations in the editorial board, while a brief real commentary restores the historical and literary context of the facts described in these documents. The subject of the published documents is specific circumstances including economic ones of the editorial office of *Russkoye Bogatstvo*, which until now have rarely been the subject of historical and literary publications and articles.

Key words: *Russkoye Bogatstvo*; V. G. Korolenko; N. K. Mikhailovsky; S. Ya. Elpatyevsky; A. I. Ivanchin-Pisarev; E. A. Ganeizer; N. F. Annensky; P. P. Pertsov

Acknowledgements

The work was performed at the Gorky Institute of World Literature of the RAS and funded through a grant from the *Russian Science Foundation* (RSF, project 20-18-00003 “Russian Literature and Journalism in the Pre-Revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis”).

The author gratefully recalls M. G. Petrova who once introduced him to archival materials, which later allowed him to comment more fully and thoroughly on the topics and episodes he touched upon in the work on this publication, and also expresses his gratitude to M. V. Stroganov, who advised him on some issues of the history of the editorial office of *Russkoye Bogatstvo* and to the staff of the Reference Service of the Department of Newspapers of the RSL for the bibliographic information provided.

For citation: Frolov, M. A. (2021). Literaturnaia, obshchestvenno-politicheskaia i material'no-bytovaia zhizn' redaktsii zhurnala “Russkoe bogatstvo” v 1896–1900 gg. [Literary, Socio-Political, and Material Everyday Life of the Editorial Board of the *Russkoye Bogatstvo* Magazine, Its Authors, and Staff between 1896 and 1900]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 143–157. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.031>

Submitted: 05.06.2020

Accepted: 25.03.2021

В последнее десятилетие в публикациях по истории отечественной литературы все чаще в поле исследовательского интереса литературоведов и историков оказываются деятельность редакции журнала «Русское богатство» и, в особенности, — судьбы и творческое наследие ведущих ее сотрудников, писателей и общественных деятелей — Владимира Галактионовича Короленко (1853–1921) и Николая Константиновича Михайловского (1842–1904) [см., напр.: Гноевых; Данюк, Гноевых; Петрова; Востриков; Михайловский; Н. К. Михайловский: Человек. Мыслитель...]. Предлагаемая вниманию читателей подборка архивных материалов позволяет познакомиться не только с литературной, но также (в значительной своей мере) — с материально-бытовой, финансовой стороной

деятельности редакции и ее, выражаясь современным языком, «первых лиц». Значение публикуемых материалов это обстоятельство несколько не умаляет, поскольку они, наравне с документальными свидетельствами литературной деятельности, способствуют вскрытию внутренних механизмов редакционно-журнальной жизни.

Хронологический период, к которому относятся публикуемые архивные материалы (1896–1900), — это рубежная в истории журнала пора, когда он, во-первых, становится легальным печатным органом народников, во-вторых, восстанавливается артельный принцип его издания, и, наконец, в-третьих, в апреле 1893 г. было заключено соглашение, по которому в число совладельцев журнала вошли основные сотрудники «Русского богатства»: Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, А. И. Иванчин-Писарев. Позже к ним присоединились В. Г. Короленко, С. Н. Южаков, Н. Ф. Анненский и нек. др. Были учреждены денежные пай, которые приобрели близкие журналу лица, «принявшие на себя издательский риск». В это время В. Г. Короленко близко сходитя с Н. К. Михайловским и Г. И. Успенским. Еще в 1892 г. он принимал участие в переходе «Русского богатства» в новые руки, в 1894 г. стал пайщиком журнала и членом его литературно-редакционного комитета; в мае 1895 г. — официальным издателем, в январе 1896 г. переехал в Петербург и вошел в редакторский триумвират вместе с Н. К. Михайловским и Н. Ф. Анненским. В 1899 г. выпуск журнала был приостановлен на три месяца (май-июль). Н. К. Михайловский умер в самом начале 1904 г., и с его смертью закончился первый период новой жизни журнала. Центральной фигурой в последующий период вплоть до 1910 г. оставался В. Г. Короленко, ставший главным редактором журнала [Данюк, Гноевых, с. 320–322].

Первый из печатаемых нами документов относится к 1896 г. и требует краткого сопроводительного пояснения. Общеизвестно, что в течение трех десятилетий существования журнала цензура не оставляла без вмешательства практически ни один из его номеров. В самом начале 1896 г. писатель, врач по профессии, Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933), проживавший в то время в Саратове, предложил редакции журнала «Русское богатство» свой беллетризованный очерк «Миша», рисующий нравы и быт провинциальных земских деятелей и начальников. В письме от 10 февраля 1896 г. В. Г. Короленко сообщал своей жене, Евдокии Семеновне Короленко (урожд. Ивановской; 1855–1940):

Бедного «Мишу» Сергея Яковлевича — цензор съел. Мы хотели задержать его, т. е. на время взять обратно, не представляя в ценз<урный> комитет, — чтобы выждать немного лучшего времени. Почему-то теперь петерб<ургская> цензура не пропускает ничего насч<ет> земских начальников. Наш цензор объясняет, что министерство само предпринимает реформу реформы 12 июля¹, — так, дескать, нечего и осуждать, «бить лежащего» [РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 3, д. 47, л. 5–5 об.].

¹ Речь идет о законе Александра III, утвержденном 12 июля 1889 г., в соответствии с которым было введено «Положение о земских участковых начальниках».

Публикуемое письмо Михайловского было обнаружено нами в фонде писателя, адвоката, общественного деятеля Константина Константиновича Арсеньева (1837–1919) с его пометой, адресованной, по всей видимости, самому Елпатьевскому: «Это письмо объяснит Вам присылку корректуры из редакции Р<усского> Богатства. К<онстантин> А<рсеньев>». Вот полный текст письма:

24 мая 1896 г.

Многоуважаемый Константин Константинович,

Предварительная цензура нашла неудобным прилагаемый очерк Елпатьевского «Миша». Автор просит передать его в «Вестник Европы». Я не знаю, к кому следует обращаться в такого рода случаях. Будьте добры направить рукопись и простите за беспокойство.

Искренно уважающий Вас

Ник. Михайловский

[РГАЛИ, ф. 40, оп. 1, д. 60, л. 1]²

Присутствие письма в фонде К. К. Арсеньева предположительно связано с тем, что оно так и не было передано по адресу, а С. Я. Елпатьевский узнал о судьбе своего рассказа от В. Г. Короленко или от другого сотрудника редакции. Очерк С. Я. Елпатьевского был опубликован в 1897 г., но не в «Вестнике Европы», как желал того сам автор, а в журнале «Русская мысль» [Елпатьевский]. Вынужденно отказавшись от публикации очерка, редакция «Русского богатства», тем не менее, не оставляла надежды продолжить сотрудничество со своим автором. Спустя полтора года после описываемых событий, 4 октября 1897 г., Н. К. Михайловский в письме А. И. Иванчину-Писареву замечал: «Хорошо бы получить с Елпатьевского что-нибудь к январю или даже к декабрю. Может быть, ему за “Мишу” дорого заплатили, так ведь и мы можем прибавить» [ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, д. 290, л. 47; сообщено М. Г. Петровой].

Включая в публикуемую подборку нижеследующий документ — доверенность, данную в апреле 1897 г. В. Г. Короленко и Н. К. Михайловским многолетнему члену редакции «Русского богатства» (с 1892 г.) журналисту Александру Ивановичу Иванчину-Писареву (1849–1916), мы сочли его важным для истории «Русского богатства» по нескольким причинам. Во-первых, она относится к очередному периоду перемен в жизни редакции: Н. Г. Гарин-Михайловский покинул число постоянных авторов журнала, а его супруга Н. В. Михайловская — пост издательницы, а Н. К. Михайловский, в свою очередь, сразу же занял этот оказавшийся вакантным пост. В. Г. Короленко по разным причинам не мог уже в полной мере выполнять административные и хозяйственные обязанности, поэтому заведование и управление конторой журнала в Петербурге было возложено на плечи А. И. Иванчина-Писарева, который и до этого момента принимал ближайшее участие как в литературных, так и в хозяйственных делах,

² Автограф, на именном бланке Н. К. Михайловского.

связанных с журналом. Ему передавались, как может понять читатель из текста доверенности, исключительные полномочия. Во-вторых, устанавливается имя заведующей Московским отделением редакции «Русского богатства» Валентины Григорьевны Ворониной, которое в печати до сей поры не упоминалось.

Милостивый Государь,
Александр Иванович!

Не имея возможности лично заниматься хозяйственной частью по изданию принадлежащего нам ежемесячного журнала «Русское Богатство», мы настоящей доверенностью уполномочиваем Вас управлять и заведовать всеми делами Главной Конторы журнала в С<анкт>-Петербурге³, открывать отделения ее в других городах, завести в Петербурге типографию для нужд журнала и для приема сторонних заказов, а также, если представится надобность, открыть в Петербурге книжный склад под фирмой журнала «Русское Богатство» с отделениями его в других городах, для чего Вы имеете право приглашать нужных лиц, выдавать им доверенности на ведение того или другого дела; получать деньги из банков, почтовых и железно-дорожных контор, какие будут адресованы на наше⁴ имя, редакции, конторы, типографии и книжного склада журнала «Русское Богатство», кредитоваться в банках и у частных лиц, выдавать векселя и другие долговые обязательства. По всем делам, ныне производящимся и впредь возникнуть могущим, в порядке административных ходатайств и судопроизводства гражданского, уголовного, охранительного и исполнительного, уполномочиваем Вас подавать во все судебные, административные и иные учреждения, а также и должностным лицам, всякого рода прошения, объявления, заявления и жалобы; получать копии, справки, документы, исполнительные листы и деньги; предъявлять иски, отводы и споры о подлоге и отвечать против таковых; являться на судоговорение, вступать в дела в качестве третьего лица и привлекать к делу третьих лиц; просить об обеспечении исков, о наложении и снятии запрещений, о проверке доказательств, о личном задержании должников и объявлении их несостоятельными; участвовать в выборе представителей и кураторов конкурса и быть самому избираем<ом>у в эти должности; приносить частные; апелляционные и кассационные жалобы; ходатайствовать об отмене решений, вступивших в законную силу; избирать посредников для третейского разбора, присутствовать при исполнительном производстве, отыскивать убытки и доходы, производить взыскания и все взысканное получать под Вашу расписку, находиться при аресте, описи и оценке, а также продаже имущества, оканчивать дела миром и совершать по ним сделки. Права, даваемые Вам этой доверенностью, Вы можете вполне или частью передоверять по своему усмотрению другим лицам, выдавая отдельные доверенности, с предоставлением им дальнейшего права передоверия или без оногo. Во всем же, что Вы по сему законно сделаете, мы Вам верим, спорить и прекословить не будем. Апреля 17 дня 1897 года. Доверенность эта принадлежит дворянину Александру Ивановичу Иванчин-Писареву. — Сын Надворного Советника Владимир Галактионович Короленко. Дворянин Николай Константинович Михайловский.

³ Позднее вписано В. Г. Короленко: и Московск<ого> Отдел<ения>.

⁴ Позднее вписано В. Г. Короленко: мое.

Тысяча восемьсот девяносто седьмого года, Апреля семнадцатого акт этот явлен у меня, Александра Александровича Закревского, С<анкт>-петербургского нотариуса, в конторе моей — по Литейному пр., № 51 — известными мне лично и к совершению актов законную правоспособность имеющими сыном Надворного Советника Владимиром Галактионовичем Короленко и дворянином Николаем Константиновичем Михайловским, живущими: 1-й Рождественской части по 5 улице № 4, а 2-ой Литейной части по Спасской улице № 24. При чем удостоверяю, что доверенность эта подписана собственноручно ими Короленко и Михайловским. По реестру № 690. Нотариус А. Закревский

По этой доверенности сделано передоверие вдове Надворного Советника Валентине Григорьевне Ворониной на заведование Московским отделением конторы журнала «Русское Богатство». 1897 года Апреля 18 дня. По реестру № 699. Нотариус А. Закревский.

[РГБ, ф. 135, разд. III, карт. 1, д. 5, л. 1–2]⁵

Следующий документ, относящийся к 1897 г., обязан своим появлением Евгению Адольфовичу Ганейзеру (1861–1938), писателю, публицисту, переводчику, общественному деятелю, близкому к народническим кругам и немало сделавшему для их отдельных представителей. Добрый знакомый Н. К. Михайловского, он был членом редакций газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Южный край», регулярно печатался в «Русском богатстве». Нижеследующий текст завещания наилучшим образом может дать представление об отношениях Е. А. Ганейзера с редакцией, финансовая сторона которых свидетельствует в пользу их безусловной доверительности:

Тысяча восемьсот девяносто седьмого года, октября четырнадцатого, будучи в ясном уме и твердой памяти, завещаю, в случае моей смерти, капитал в двадцать пять тысяч рублей, следуемый мне от дочери дворянина Марии Александровны Полянской⁶, по векселю от тридцатого сентября сего года, следующим лицам в равных долях: дворянину Владимиру Галактионовичу Короленко, доктору истории Василию Ивановичу Семевскому⁷, дворянину Николаю Константиновичу Михайловскому и жене кандидата права Юлии Ивановне Виленкиной⁸, с тем, что, в случае смерти кого-либо из них, доля его переходит к остальным поименованным здесь лицам.

⁵ Подписи нотариуса Александра Александровича Закревского 17 и 18 апреля 1897 г. скреплены именными печатями. Даты и имена в тексте от нотариуса вписаны в его личную печатную форму, отпечатанную на листе. Кроме того, текст от слов «открывать отделения» до слов «того или другого дела», а также от слова «кредитоваться» до слова «обязательства» зачеркнуты карандашом рукой Короленко. Слова «получать деньги из банков» и «выдавать векселя и другие долговые обязательства» подчеркнуты карандашом. Все эти подчеркивания и вычеркивания значительно более поздние, чем текст, заверенный нотариусом. Очевидно, они были сделаны после смерти Михайловского, когда возникла необходимость изменить доверенность (ср. замену местоимения «наше» на «мое» и т. д.) и когда отношения В. Г. Короленко и А. И. Иванчина-Писарева приобрели иной характер.

⁶ Мария Александровна Полянская (1853–?) — дочь Александра Максимовича Полянского (1824–?).

⁷ Василий Иванович Семевский (1848–1916) — историк, представитель либерально-народнического направления.

⁸ Юлия Ивановна Яковлева (в браке Виленкина; псевд. Юлия Безродная; 1859–1910) — писательница, драматург, публицист; первая жена Н. М. Минского, впоследствии — гражданская жена Е. А. Ганейзера.

Завещание это написано мною собственноручно. Дворянин Евгений Адольфович Ганейзер. Настоящее завещание предъявлено мне самим завещателем, дворянином Евгением Адольфовичем Ганейзером, которого я лично видел и нашёл в здравом уме и твердой памяти, в чем и свидетельствую. Дворянин Владимир Розенберг⁹.

И я в том свидетельствую. Кандидат университета Венедикт Мякотин¹⁰.

[РГБ, ф. 135, разд. III, карт. 54, д. 12, л. 5]¹¹

Договор между Петром Петровичем Перцовым (1868–1947) и А. И. Иванчиным-Писаревым, датированный 9 октября 1898 г., но дополнявшийся и продлевавшийся вплоть до 1905 г., знакомит нас с эпизодом сотрудничества редакции с еще одним ее постоянным автором. Перцов с молодых лет был в дружеских отношениях с Иванчиным-Писаревым. Приехав вместе с ним из Казани в сентябре 1892 г., он стал активно сотрудничать с «Русским богатством», главным образом как рецензент. Но к 1893 г. из-за идейных разногласий он разошелся с редакцией и вернулся в Казань, где, обретя относительную независимость от какой бы то ни было редакционной идеологической программы, очень вскоре проявил себя как незаурядный литературный критик, а позднее — как публицист, историк культуры, философ, литературный и художественный критик. Ко второй половине 1890-х гг., к которой и относится публикуемый нами документ, Перцов стал обретать практический опыт и постепенно завоевывал себе определенный авторитет и положение в другой области своей деятельности, а именно — как издатель [см.: Лавров, с. 561–562]. Это обстоятельство, наряду с окончательно установившимися в эти годы, но не затронутыми независимой и непредвзятой общественной позиции, славянофильскими убеждениями Перцова, в какой-то мере сыграло свою роль в том, что он выступил в качестве финансового покровителя журнала, с которым еще недавно пережил идейный разрыв, не утратив добрых человеческих отношений с членами его редакции.

Тысяча восемьсот девяносто восьмого года октября девятого дня, мы, нижеподписавшиеся, дворянин Петр Петрович Перцов и заведующий делами журнала «Русское богатство» дворянин Александр Иванович Иванчин-Писарев заключили сие условие в следующем: Я, Перцов, даю Иванчину-Писареву пятнадцать тысяч рублей сроком от девятого октября тысяча восемьсот девяносто восьмого года по пятнадцатое января тысяча девятьсот второго года из восьми процентов годовых; я же, Иванчин-Писарев, пуская эти деньги в оборот на нужды редакции журнала «Русское богатство», обеспечиваю возврат этих денег и уплату %% Перцову всеми отдельными изданиями редакции журнала «Русское богатство», как наличными, так и имеющими появиться в свет, причем обязуюсь: 1) не представлять этих изданий в обеспечение других долгов

⁹ Владимир Александрович Розенберг (1860–1932) — публицист, экономист, в 1896–1902 гг. сотрудник редакции газеты «Русские ведомости».

¹⁰ Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937) — историк, публицист, общественный и политический деятель; сотрудник редакции «Русского богатства», в 1891–1904 гг. вел в журнале раздел «Хроника русской жизни».

¹¹ Автограф. На л. 2 об. карандашная помета В. Г. Короленко: «NB Вексель Полянской Ганейзеру и его завещание».

редакции, 2) уплачивать 8 % годовых единовременно каждый день не позже 15 января и 3) в случае надобности, заявленной Перцовым в течение этого или другого года, возратить ему ближайшего 15 января или всю капитальную сумму 15 000 рублей, или часть ее, какая будет определена Перцовым. — Подлинник этого условия с расписками на нем Иванчин-Писарева в уплате %% и частей капитала должен находиться у Перцова, а копия с него с расписками Перцова в получении %% и денег — у Иванчин-Писарева. — По истечении срока этого условия 15 января 1902 года действие его мы можем возобновить соответствующей надписью на сем же. — Условие это хранить нам свято и ненаруσιμο, в чем и подписуемся. Заведующий редакцией журнала «Русское богатство» по доверенности издателей, засвидетельствованной у петербургского нотариуса А. А. Закревского 17 апреля 1897 г. за № 690, дворянин Александр Иванович Иванчин-Писарев. Дворянин Петр Петрович Перцов.

На тех же условиях с 9 октября 1898 года получено от Петра Петровича Перцова пять тысяч (5 000) рублей. Дворянин Александр Иванович Иванчин-Писарев. Дворянин Петр Петрович Перцов.

Восемь процентов годовых с суммы в двадцать тысяч рублей с 9 октября 1898 года по 9 января 1900 года две тысячи (2 000) рублей уплатил дворянин Александр Иванович Иванчин-Писарев.

С 9-го января 1900 г. по 9 января 1901 г. тысячу шестьсот рублей уплатил дворянин Александр Иванович Иванчин-Писарев.

С 9 января 1901 г. по 9 января 1902 г. тысячу шестьсот рублей уплатил дворянин Александр Иванович Иванчин-Писарев.

Согласно последнему пункту настоящего договора действие его возобновляется на тех же условиях еще на три года с 9 января 1902 г. по 9 января 1905 г.

Дворянин Петр Петрович Перцов. Дворянин Александр Иванович Иванчин-Писарев.

На тех же условиях с 1-го мая 1902 г. получено с Петра Петровича Перцова пять тысяч (5 000) рублей. Дворянин Александр Иванович Иванчин-Писарев.

Восемь процентов годовых с суммы в пять тысяч рублей по 9 января 1903 г. двести семьдесят шесть рублей 60 к. уплатил. Александр Иванчин-Писарев. Дворянин Петр Петрович Перцов.

В дополнение к одной тысяче рублей, полученных по особой расписке, еще двадцать четыре тысячи (24 000 р.) рублей получил для погашения этого договора 8 января 1905 года. Петербург. Дворянин Петр Петрович Перцов.

[РГАЛИ, ф. 1071, оп. 2, д. 1, л. 1–1 об.]¹²

Публикуемое далее письмо, завершающее настоящую публикацию, имеет отношение к одному из эпизодов, выявляющему личные качества членов редакции и одного из авторов, оказавшихся в конфликтной ситуации, каких в жизни редакции «Русского богатство» было предостаточно. Автор письма,

¹² Автограф, на актовой бумаге.

Сигизмунд Фердинандович Годлевский (1855–?), литератор, юрист, философ, в 1880-е — первой половине 1890-х гг. товарищ прокурора и податный инспектор в Сибири, с 1897 г. сотрудник Судебной палаты (пристав, поверенный). В 1896 г., в январской книжке «Русского богатства» (раздел «Новые книги») была анонимно опубликована рецензия литературоведа, критика, переводчика, журналиста (сотрудника журнала с 1895 г., пайщика и члена редакции с 1905 г.) Аркадия Георгиевича Горнфельда (1867–1941) на издание очерка Годлевского «Ренан как человек и писатель. Критико-биографический этюд» (СПб., 1895), в которой рецензент, в частности, писал:

Критико-биографический этюд г. Годлевского производит несколько двойственное впечатление. Автор ознакомился со многим из литературы о Ренане, добросовестно вчитывался в его сочинения, и в суждении о его личности имел благое намерение дать ему объективную реабилитацию. <...> Но отсутствие определенной точки зрения, некоторая наивность в воззрениях и слабость теоретических построений помешали автору выполнить его обещание [Горнфельд, с. 89–90].

Вскоре С. Ф. Годлевский обратился в редакцию с просьбой опубликовать текст его возражения на рецензию, в чем ему было редакцией отказано.

Вновь на страницах «Русского богатства» имя Годлевского появилось спустя четыре года — в 1900 г. На книгу С. Ф. Годлевского «Смерть Неволлина и его скитания по Сибири» (СПб., 1900) откликнулся анонимной рецензией В. Г. Короленко в майской книжке журнала:

Читатель, приготовленный трагической прелюдией, предварительной рекомендацией предполагаемого автора «Скитаний», принадлежащего к великолепной породе и т. д., — ждет от этих очерков Бог весть какой глубины и захвата. И очень разочаровывается, найдя беглые, довольно поверхностные и отрывочные наброски — частью путевые очерки, частью воспоминания. Изложенные более просто и без претензий, — они, пожалуй, могли бы представлять некоторый бытовой интерес. К сожалению, автор излагает именно не просто [Короленко, с. 31].

7 июня в газете «Биржевые ведомости» появилось «Письмо в редакцию» С. Ф. Годлевского, в котором автор утверждал, что рецензия в «Русском богатстве» путем «весьма искусных инсинуаций и подтасовок» стремится «забросать грязью автора и его деятельность в Сибири» [Годлевский, с. 2]. Ближе к концу месяца им было написано и публикуемое нами письмо, полученное, как становится ясно из сопутствующих этому эпизоду документальных свидетельств, А. И. Иванчиным-Писаревым:

С<анкт>-Петербург Июня 25-го дня 1900 г.

Милостивый Государь,
Господин Редактор!

Препровождая при этом печатный текст моего письма по поводу напечатанной в № 5 «Русского Богатства» за 1900 г. рецензии на мою книжку «Смерть Неволлина»,

имею честь покорнейше просить Вас перепечатать это письмо в Вашем журнале и сообщить мне имя автора вышеупомянутой рецензии. Марки на ответ заказным письмом по городской почте прилагаются. В случае неполучения ответа до 10 Июля с.г. оставляю за собой право сослаться на отказ Редакции сообщить мне имя автора упомянутой рецензии.

С совершенным почтением

Ваш покорнейший слуга С. Годлевский

[РГАЛИ, ф. 323, оп. 1, д. 576, л. 1]¹³

В. Г. Короленко вскоре получил это письмо С. Ф. Годлевского — в письме к нему от 27 июня 1900 г. А. И. Иванчин-Писарев сообщал: «Посылаю Вам еще несколько писем, требующих Вашего непосредственного участия, и из них особенно одно — г. Годлевского, которое Вы можете оценить как автор возмущившей его рецензии и указать путь для отпора назойливости этой толстой скотины. Очевидно, бывший прокурор желает затеять с нами судебный процесс. Я ничего не отвечу ему. А Вы как найдете лучшим, так и поступите» [РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 24, д. 26, л. 21–22; сообщено М. Г. Петровой]. 3 июля В. Г. Короленко отвечал А. И. Иванчину-Писареву в еще более резких и прямых выражениях: «Что касается этого дурака Годлевского, — то, кажется, и я отвечать не стану. Всё это просто забавно: визжит, точно ему наступили на хвост, и невольно дает повод думать, что с его симбирским прокурорством что-то неладно. Вообще — эпизод, внимания не стоящий» [Архив СПб. ИИ РАН, ф. 263, оп. 1, д. 11; сообщено М. Г. Петровой]. Но этот эпизод, тем не менее, имел свое продолжение и, более того, был предан общественной огласке: 31 октября С. Ф. Годлевский обратился в Суд чести при Союзе взаимопомощи русских писателей с жалобой на редакцию журнала «Русское богатство», а в следующем месяце подал новое заявление с просьбой оставить прежнюю свою жалобу без рассмотрения, «если только суд чести не сочтет нужным в интересах литературной этики, независимо от его жалобы обсудить всесторонне это дело, или гг. редакторы “Русского богатства” не потребуют суда, найдя его (г. Годлевского) претензии неосновательными».

2 декабря В. Г. Короленко и Н. К. Михайловский в своем обращении к Суду чести заявили:

...мы не можем... принять акт великодушия г-на Годлевского, повторяющего и в последнем заявлении, что он, будто бы, сделался жертвой каких-то «грязных намеков со стороны “Русского богатства”», и как бы прощающего нам свою незаслуженную обиду ввиду того, что «цензура запретила всякие проявления сочувствия к Н. К. Михайловскому» в день его юбилея. Эту мотивировку мы не считаем достаточным основанием для «оставления нас в подозрении», просим г-на Годлевского считать себя совершенно свободным и с своей стороны заявляем, что как печатное

¹³ Автограф, на именном бланке: «Присяжный поверенный Округа СПб. Судебной палаты Сигизмунд Фердинандович Годлевский».

его письмо (в «Биржевых ведомостях» и «Судебной газете»), так и его жалобу в Суд чести мы, со своей стороны, признаем вполне неосновательными и несправедливыми [РГАЛИ, ф. 234, оп. 1, д. 173, л. 1–1 об.].

Копия этого письма, как следует из карандашной пометы на первом листе автографа, была отправлена Годлевскому. В тот же день В. Г. Короленко присоединил к этому обращению и свое личное письмо:

Основной мотив рецензии — указание на неудобство приема, к которому прибег автор, приписывающий собственные наблюдения лицу вымышленному, которое предварительно превозносится как личность необыкновенная, принадлежавшая «к великолепной и редкой, как беловежский зубр, и ныне повсеместно вымирающей породе идеалистов», «неспособных на компромиссы» и т. д. Это заставляет относиться с повышенными требованиями к содержанию книги и ведет к разочарованию. По моему мнению, высказанному в рецензии, некоторые наблюдения г. Годлевского имели бы цену, но отнюдь не как художественные произведения, а как сообщения о тех или других фактах сибирской жизни <...> Нечего и говорить, что никаких личных счетов ни у меня, ни у журнала с г. Годлевским не было и мне ничего не было известно об его служебной деятельности. Поэтому я был крайне изумлен и, позволю себе употребить это выражение, — возмущен, прочитав письмо г-на Годлевского в «Биржевых ведомостях», наполненное выражениями: «инсинуации», «донос», «систематическое преследование», «клеветническая рецензия» и т. д. [РГБ, ф. 135, разд. II, папка 13, л. 359–362; сообщено М. Г. Петровой].

4 декабря в письме Н. Ф. Анненскому В. Г. Короленко попытался подвести некоторый итог затянувшемуся инциденту:

Единственно возможный для нас исход — это или взятие самим Годлевским своей жалобы без всяких оговорок (тогда в деле останется мое объяснение рядом с аннулированной жалобой), или признание со стороны суда, что обвинение не имеет никаких оснований. От поведения Годлевского и от Вашего впечатления при этом будет зависеть — как отнестись к нему: если больной — Бог с ним. Если только прокурор, извративший свои мозги на обвинительных кляузах, тогда в заключение — подайте мой постскриптум и потребуйте оценки его собственных действий, дабы другим неповадно было разводить кляузы [Там же, л. 363, 364; сообщено М. Г. Петровой].

В прилагавшемся к письму «Постскриптуме к моему объяснению Суду чести» В. Г. Короленко с горечью замечал:

Невольно приходит в голову вопрос: не слишком ли затруднится ведение библиографии в журналах, если хотя бы часть авторов последует примеру г. Годлевского и, предварительно обрував всячески злополучных рецензентов, — станут их же потом привлекать к суду в качестве обвиняемых? [Там же; сообщено М. Г. Петровой].

В. Г. Короленко советовался в выборе пути дальнейших действий со своим близким коллегой по журналу, соавтором, а также членом Суда чести — уже упомянутым нами журналистом, экономистом и статистиком Николаем Федоровичем Анненским (1843–1912), впоследствии — председателем

редакционной коллегии «Русского богатства». В письме от 19 декабря, вскоре после того, как комментируемый инцидент разбирался на Суде, он сообщал В. Г. Короленко:

Обвинитель Ваш, на мой взгляд, несомненно, человек ненормальный, но из породы довольно-таки несносной и крючкотворной. <...> Годл<евский> порядочно-таки испортил крови у нас с Ник<олаем> К<онстантиновичем> и суд удручал жестоко. Мучил он нас целых два заседания и хотел было затянуть иудушкины пустяки еще и на третье, но мы энергически запротестовали. В конце концов дело окончилось «соглашением сторон», которое предложил суд и против которого мы не протестовали, так как Г<одлевский> взял свое обвинение назад, — а мы заявили: 1) что возвращая вспять Годлевскому его письмо, ред<акция> «Р<усского> б<огатства>» не имела в виду наносить ему какого-либо оскорбления и 2) что в рецензии, Вами написанной, личность Неволлина не отождествлялась с личностью Годлевского [РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 17, д. 46, л. 33–34; сообщено М. Г. Петровой].

Судя по тому, что никаких других публикаций или каких-либо решительных шагов от Годлевского не последовало, все произошло именно так, как и описал в своем письме Н. Ф. Анненский. Хотя нельзя не отметить, что В. Г. Короленко остался недоволен и несколько даже оскорблен таким решением Суда, с которым он формально вынужден был смириться, но которое по моральным соображениям решительно внутренне не принимал. Вот фрагмент из его ответного письма Н. Ф. Анненскому, написанного 23 декабря:

Я представлял себе наше положение так: Годлевский зря, скверно и бестолково набросился с печатными ругательствами. Мы не звали его в суд, но все-таки признали его выходку скверной и ничем с нашей стороны не вызванной. Она дала мне основание презрительно не ответить на его дурацкое обращение. Если теперь я вступаю в объяснение, то даю его лишь суду, а не ему. Суд предлагает какое-то «соглашение», т. е. мы удовлетворяем требование Годлевского <...> Может быть, я и ошибочно понимаю Ваше письмо, но кажется мне, что мы «вступили в <o> взаимное (?) соглашение» с человеком, печатно обозвавшим нас инсинуаторами, клеветниками и доносчиками [РГБ, ф. 135, разд. II, папка 13, л. 381, 382; сообщено М. Г. Петровой].

Печатаемые нами материалы, в меру своей информативности, на конкретном примере истории журнала «Русское богатство» позволяют представить положение отечественной периодической печати рубежа веков, сложности, с которыми сталкивались журнальные и газетные редакции, не исключая и человеческий фактор. Характер, личные и деловые качества, моральный и литературный авторитет проявляли себя на всех уровнях существования такого сложного общественного и литературного явления, как журнал «Русское богатство». Со всей очевидностью становится ясно, что и эпизоды финансовой истории имели место благодаря всем перечисленным предпосылкам. Литературная и общественная сферы жизни, стратегия, редакционная политика и, наконец, финансовая сторона общего большого дела, в конечном счете, развивались на основе, на почве личных взаимоотношений.

Источники

- Архив СПб. ИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 263. Оп. 1. Ед. хр. 11.
- Годлевский С. Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1900. 7 июня. № 153. С. 2.
- Годлевский С. Письмо в редакцию // Судебная газета. 1900. 23 июля. № 30. С. 7.
- <Горифельд А. Г.> Новые книги // Русское богатство. 1896. № 1. Отд. 2. С. 88–91.
- Елпатьевский С. Миша // Русская мысль. 1897. Кн. 8. Отд. 1. С. 146–165.
- ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы РАН. Ф. 114. Оп. 2. Д. 290.
- <Короленко В. Г.> Новые книги // Русское богатство. 1900. № 5. Отд. 2. С. 30–32.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 40. Оп. 1. Д. 60; Ф. 234. Оп. 1. Д. 173; Ф. 323. Оп. 1. Д. 576; Ф. 1071. Оп. 2. Д. 1.
- РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 135. Разд. II. Карт. 3. Д. 47; Карт. 17. Д. 46; Карт. 24. Д. 26; Разд. II. Папка 13; Разд. III. Карт. 1. Д. 5; Карт. 54. Д. 12.

Исследования

- Востриков А. В. Инскрипты из библиотеки Н. К. Михайловского // Культура и текст. 2015. № 4 (22). С. 133–153.
- Гноевых А. В. «Насколько это явление прочно и устойчиво, покажет будущее». В. Короленко о новом поколении российских консерваторов // Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 419–443.
- Данюк А. Н., Гноевых А. В. Редакторские тетради Короленко как зеркало литературного процесса в России начала XX века // Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 320–375.
- Лавров А. В. Перцов Петр Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4 : М — П / гл. ред. П. А. Николаев. М. : Большая российская энциклопедия — Фианит, 1999. С. 561–565.
- Михайловский Н. К. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. В. Блохин. М. : РОССПЭН, 2010.
- Н. К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения) : сб. науч. тр. / редкол.: Г. Н. Мокшин (отв. ред.) [и др.]. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2017.
- Петрова М. Г. «Белые руки, убежденно ушедшие в черную работу...»: В. Г. Короленко и журнал «Русское богатство» / вступ. заметка, публ. и коммент. М. Петровой // Вопросы литературы. 2010. № 5. С. 274–449.

References

- Danyuk, A. N., & Gnoevykh, A. V. (2014). Redaktorskie tetradi Korolenko kak zerkalo literaturnogo protsessa v Rossii nachala XX veka [Korolenko's Editorial Notebooks as a Mirror of the Literary Process in Russia in the Early 20th Century]. *Voprosy literatury*, 5, 320–375.
- Gnoevykh, A. V. (2013). "Naskol'ko eto iavlenie prochno i ustojchivo, pokazhet budushchee". V. Korolenko o novom pokolenii rossijskikh konservatorov ["The future will show how strong and stable this phenomenon is". V. Korolenko about the New Generation of Russian Conservatives]. *Voprosy literatury*, 6, 419–443.
- Lavrov, A. V. (1999). Pertsov Petr Petrovich. In P. A. Nikolaev (Ed.), *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary] (Vol. 4: M–P, pp. 561–565). Moscow: Big Russian Encyclopedia — Fianit.
- Mikhailovsky, N. K. (2010). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN.
- Mokshin, G. N. et al. (Ed.). (2017). *N. K. Mikhailovskiy: Chelovek. Myslitel'. Obshchestvennyj deiatel' (k 175-letiiu so dnia rozhdeniia): sb. nauch. tr.* [N. K. Mikhailovsky: Man. Thinker. Public Figure (For his 175th Birthday): Collection of Scholarly Works]. Voronezh: Voronezh University Publishing House.

Petrova, M. G. (2010). "Belye ruki, ubezhdenno ushedshie v chernuiu rabotu...": V. G. Korolenko i zhurnal "Russkoe bogatstvo" ["White hands doing black work with conviction...": V. G. Korolenko and the *Russkoye Bogatstvo* Magazine]. *Voprosy literatury*, 5, 274–449.

Vostrikov, A. V. (2015). Inskripty iz biblioteki N. K. Mikhailovskogo [Inscripts from the Library of N. K. Mikhailovsky]. *Kultura i tekst*, 4 (22), 133–153.

Фролов Максим Андреевич

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
«Литературное наследство»
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
121069, Москва, ул. Поварская, 25а
E-mail: maximfam@mail.ru

Frolov, Maxim Andreevich

PhD (Philology), Senior Researcher
"Literary Heritage" Department
Gorky Institute of World Literature of the RAS
25a, Povarskaya Str., 121069 Moscow, Russia
Email: maximfam@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9694-6583>
ResearcherID: AAE-1270-2019

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.032

УДК 070.15 + 342.5 + 316.61 +
+ 94(470) + 94(470.342)**К. Г. АНИСИМОВ***Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ В ПИСЬМАХ НАСЕЛЕНИЯ В ГАЗЕТУ «КИРОВСКАЯ ПРАВДА» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

Статья посвящена изучению региональной специфики репрезентации советской власти в «письмах в газету», которые рассматриваются как способ коммуникации общества с властью и пример политической активности жителей Кировской области. В качестве источников привлечены неопубликованные письма читателей, поступившие в газету «Кировская правда» в 1964–1970 гг. Информационный потенциал писем населения дает возможность выделить и интерпретировать типичные и специфические формы репрезентации советской власти в трансформировавшихся социально-политических условиях в СССР во второй половине 1960-х гг. В историографии письма граждан рассматриваются исследователями как неотъемлемая часть советской политической культуры. Анализ писем населения в областную газету предлагает характеристику системы и структуры представлений жителей Кировской области о власти столичного, областного и местного уровней в широком социально-политическом контексте. Интерпретируя представленные в письмах оценки местных руководителей, автор обращает внимание на социально-политические условия в СССР во второй половине 1960-х гг. Особое внимание уделено откликам жителей Кировской области на отставку Н. С. Хрущева, определявшую, по мнению автора, оценки местной власти. На конкретных примерах показывается, что в письмах при характеристике власти население апеллировало к официальному дискурсу. Дается сравнительная характеристика форм репрезентации власти разных уровней — от воспроизводства ее символических («революционных», идейных) образов до определения ее утилитарных значений. Жители Кировской области, обращаясь к власти для решения личных бытовых вопросов и общих социальных проблем, определяли «полезность» ее действий. Автор делает вывод, что в письмах население воспроизводило патерналистскую модель взаимоотношений с советской властью, указывая на то, что характеристика власти определялась региональной социально-политической ситуацией.

К л ю ч е в ы е с л о в а: письма в газету; общественные представления; советская власть; советское общество; история СССР; Кировская область

Благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Автор выражает благодарность проф. *И. И. Филатовой*, главному редактору проф. *Т. В. Куш* и анонимным рецензентам за ценные замечания при обсуждении статьи.

Ц и т и р о в а н и е: *Анисимов К. Г.* Репрезентация власти в письмах населения в газету «Кировская правда» во второй половине 1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 158–174. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.032>

Поступила в редакцию: 13.02.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Kirill G. Anisimov

*HSE University
Moscow, Russia*

REPRESENTATION OF THE AUTHORITIES IN LETTERS TO THE *KIROVSKAYA PRAVDA* NEWSPAPER IN THE LATE 1960s

This article examines the regional peculiarities underlying the representation of Soviet power in letters to a newspaper which are viewed as a means of communication between the public and the authorities and as an example of the political activity of the population of Kirov Region. The author refers to previously unpublished letters sent to the *Kirovskaya Pravda* newspaper by its readers between 1964 and 1970. The information potential of the population's letters makes it possible to single out and interpret typical and specific forms of representation of Soviet power in the transforming socio-political conditions of the USSR in the second half of the 1960s. Historiographers consider citizens' letters an integral part of Soviet political culture. An analysis of the population's letters to a local newspaper suggests a characteristic of the system and structure of Kirov Region's inhabitants' idea of the capital, regional, and local authorities in a wide socio-political context. While interpreting the assessments of the local authorities present in the letters, the author pays attention to the socio-political conditions in the USSR in the second half of the 1960s. In the article, special attention is paid to the Kirov Region's population's response to Khrushchev's resignation, which, according to the author, determined the evaluation of the local authorities. Referring to particular examples, the author proves that when characterising the authorities in their letters, the population appealed to official discourse. The article provides a comparative characteristic of forms in which the authorities of different levels were represented — from their reproduction in symbolic images (revolutionary and ideological) to the definition of their utilitarian meanings. Turning to the authorities in order to resolve their personal everyday problems and common social problems, the inhabitants of Kirov Region determined the usefulness of the authorities. The author concludes that in their letters, the citizens reproduced the paternalistic model of relationships with the Soviet authorities pointing to the fact that the characteristic of the authorities depended on the regional socio-political situation.

Key words: letters to newspapers; public perception; Soviet authorities; Soviet society; history of the USSR; Kirov Region

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

The author is grateful to prof. *Irina I. Filatova*, editor-in-chief prof. *Tatiana V. Kushch*, and anonymous reviewers for their useful comments.

Citation: Anisimov, K. G. (2021). *Reprezentatsiia vlasti v pis'makh naseleniia v gazetu "Kirovskaiia Pravda" vo vtoroi polovine 1960-kh gg.* [Representation of the Authorities in Letters to the *Kirovskaya Pravda* Newspaper in the Late 1960s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 158–174. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.032>

Submitted: 13.02.2020

Accepted: 25.03.2021

Влияние политической власти на повседневную жизнь советского человека, кажется, было безграничным. Официальная идеология влияла на трудовую деятельность, досуговые и бытовые практики, личную жизнь. Весьма часто население сталкивалось с ситуациями, в которых обращения во властные инстанции рассматривались как единственный способ решения многих повседневных вопросов. Но такое положение дел не воспринималось населением исключительно негативно: общество, несмотря на пассивное сопротивление давлению сверху, «в силу многовековой традиции не мыслило себя вне сфер государственного влияния» [Чернышева, с. 119]. Общественное мнение о власти (и о государстве в целом) зачастую формировалось под влиянием опыта общения с ее представителями и зависело от успешности обращений к конкретным государственно-партийным чиновникам.

В российской и зарубежной историографии взаимоотношения населения и власти в СССР уделяется большое внимание. Несмотря на неугасающий интерес к феноменам «сталинизма», в последние годы исследователи стали более интенсивно изучать социально-политические аспекты жизни в позднем СССР (1960–1980-е гг.). Накоплена солидная база работ, написанных на основе эго-документов — писем во власть и в газету, личной переписки, — которые, по определению А. И. Савина, дают возможность почувствовать «вкус и запах» эпохи [Савин, с. 133]. Использование писем населения в качестве исторических источников открывает новые возможности для изучения феномена «советского».

Историки, изучающих советский период, прежде всего привлекает сам феномен письменных обращений граждан во властные структуры (так называемые «письма во власть»). В российском обществе, по замечанию исследователей, исторически сложилась особая челобитная и петиционная культура [Лившин, Орлов, Хлевнюк, с. 6]. Письма советских граждан рассматриваются ими не только как предпочтительная форма коммуникации с властью, но и как эффективный способ адаптации человека к меняющимся социально-политическим условиям [Савин; Морозова]. Одобряемая государством практика письма,

как показывает А. А. Тихомиров, представляла собой «социальную инженерию» и способствовала укреплению «советской идентичности», определению «своих» [Тихомиров, с. 140]. По замечанию А. В. Чернышевой, для государства, которое во время проведения политических кампаний само инициировало большие потоки писем, они служили «барометром общественного настроения» и «клапаном для выпуска социальной энергии и недовольства» [Чернышева, с. 118]. «Письма во власть», по мнению И. Б. Орлова и А. Я. Лившина, следует рассматривать как «реализацию социального контракта», согласно которому и власть, и население действовали в рамках взаимообусловленной модели поведения [Лившин, Орлов, с. 489]. Исследователи, изучающие данный феномен, затрагивают также и проблему кризиса доверия к власти и ее политике на фоне ускорившегося социального расслоения в годы позднего социализма [Попова, 2016; 2017; 2018; Клинова].

«Письма в газету» имели аналогичное значение и представляют интерес для изучения форм диалога власти и общества. По замечанию М. Лено, читательские письма в советские газеты являются «прекрасным и по большей мере не использованным источником информации о повседневных практиках государственного контроля в СССР» [Lenoe, p. 169]. Таким образом, современная историография рассматривает письма населения во власть и в газету как часть советской политической культуры, способ взаимодействия граждан с властью и адаптации к социально-политическим условиям.

Цель данной статьи — проанализировать формы и способы репрезентации советской власти в трансформировавшихся социально-политических условиях во второй половине 1960-х гг. на примере писем населения в региональную газету.

Источниками исследования послужили неопубликованные письма, поступившие в редакцию газеты «Кировская правда» в 1964–1970 гг. Работа с такого рода историческими источниками имеет несколько методологических сложностей. Во-первых, колоссальные объемы корреспонденции не поддаются строгой систематизации и типологизации по единым критериям. Во-вторых, существует проблема выборки источников и доказательства их репрезентативности.

В ходе сбора материала для данного исследования были изучены дела «Неопубликованные письма. Отдел писем» и «Неопубликованные письма. Отдел культуры» за 1964–1970 гг. из фонда «Редакция газеты “Кировская правда”» (П-6777) Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО). Письма, рассортированные по отделам редакции, хранятся россыпью в папках, количество листов в которых варьируется от полутора до трех тысяч¹. Поэтому сложно назвать точное количество изученных писем, но их число достигает нескольких тысяч, если учесть, что в общей сложности просмотрено порядка 15 000 архивных листов, часть из которых — карточки учета и бланки

¹ К примеру, в деле № 122 насчитывается 1 616 листов, в деле № 126 — 1 747 листов, а в деле № 170 — 2 863 листа.

с ответами редакции. И хотя не в каждом письме речь идет о непосредственной характеристике власти, в большинстве случаев о ней говорится опосредованно.

В силу объективных обстоятельств не представляется возможным упомянуть обо всех изученных письмах, совершенно уникальных по содержанию. Но их анализ и интерпретация показали, что взгляды жителей Кировской области отличались определенным единообразием. Понимая риск осуществления необоснованных генерализаций, подчеркну, что, работая с такого рода источниками, важно находить общее в частном [Козлова, с. 123]. Приводимые положения и наблюдения подкрепляются выдержками из 25 писем, объем которых — от двух до четырех тетрадных листов. Цитируемые письма иллюстрируют как типичные, так и специфические формы репрезентации власти.

Будучи печатным органом кировского обкома КПСС, газета «Кировская правда» играла важную роль в организации социальной жизни и поддержании массовой коммуникации: газета (в лице сотрудников редакции) выполняла функции «справочного бюро», «книги жалоб», «психологической службы» и «юридической консультации». Об особенностях обращений в советские газеты, в частности, писала в 1978 г. В. В. Учёнова: «Иногда лишь за ним, добрым словом, советом, и обращаются в газету. И нередко, высказав все, что наболело, заверяют редакцию: “Ответ мне не нужен”» [Учёнова, с. 121]. Так, например, жители Кировской области обращались к газете за моральной поддержкой: «Своим заявлением мы просим оказать моральную помощь перед исполкомом Ленинского Райсовета депутатов трудящихся...»² [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 207, л. 738]. Кто-то же требовал особого внимания к себе: «Писал два письма, но ваши товарищи формально отписались. Я не удовлетворен их вниманием к моему существованию» [Там же, д. 170, л. 295].

Неопубликованные письма, в отличие от выверенных формулировок подготовленных к публикации текстов, передают богатую палитру чувств и эмоций писавших их людей. Письменное обращение в газету было продиктовано чрезвычайными жизненными обстоятельствами, поэтому для многих граждан эта практика не была привычной. Иногда автор сообщал об этом в первых строчках: «Мне не приходилось писать Вам ранее, но сейчас в этом появилась необходимость» [Там же, д. 773, л. 44]. Человек, решивший написать в газету, испытывал волнение: «Пишу в редакцию первый раз и прошу прощения, если напишу что-то не так» [Там же, д. 1268, л. 141]. В некоторых же случаях позиция автора письма была более уверенной: «Дак вот дорогая редакция мою маленькую статейку прошу опубликовать в областную газету. Что не правельно прошу переправить» [Там же, д. 126, л. 337 об.].

Несмотря на поддерживаемую государством практику коммуникации через письма, назойливая писательская активность, однако, воспринималась негативно и властью, и обществом. В массовом сознании эта активность нередко ассоциировалась с доносом. Приведу фрагмент неопубликованного фельетона

² Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала.

«Почесался и еще хочется», в котором систематическое «генерирование» писем характеризуется как человеческая болезнь:

Вспыхнула и разгорелась в его душе болезнь, о которой уже упоминалось. Пропал сон, приступы чесотки обострились и началось чистописание. Вопли обиженной души ложились округлыми буквами на листы бумаги, кстати, украденной на фабрике. Запечатывались в пухлые пакеты и летели во все инстанции, начиная с районных и кончая столичными. О чем стенала потревоженная душа? Да обо всем... [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 1268, л. 2].

Таким образом, широкое функциональное назначение газеты обуславливало видовое и жанровое многообразие присылаемых в редакцию «читательских писем». Исходя из анализа коммуникативных намерений авторов, назову несколько литературных форм писем, использованных в исследовании: письма-сигналы, письма-отклики, письма-обращения / просьбы, автобиографические нарративы («факты из жизни»), литературные произведения (юморески, фельетоны, басни, стихотворения, имевшие явный и скрытый политический подтекст), — особенности которых изучены Е. А. Никишиной [Никишина].

Представления о центральной власти в провинциальном обществе, отделенном от политического центра, формировались опосредованно через прессу, выступления высших чиновников по радио или телевидению и политинформацию местных коммунистов. Пропаганда формировала и корректировала представления о власти, используя сюжеты о достижениях социализма, о внешних угрозах и помощи «братским народам». Все это находило отражение и в письмах: «Я читаю газеты и вижу как заботи[т]ся Советское правительство о народе Советских граждан и можно сказать обовсем народе земнова шара» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 170, л. 897].

Конструирование образов власти определялось как политическим климатом в стране, так и локальными социальными условиями (области, города или деревни). В позднем СССР корректировка политической программы государственными лидерами и смена этих лидеров определяли социальную повестку на местах. Возможность публичного и легального обсуждения власти в критическом ключе в советском обществе появилась во многом благодаря кампании Н. С. Хрущева по «разоблачению культа личности». Критика «старого режима» была направлена на легитимацию нового руководства и его политического курса, устанавливая для него широкие социальные основания.

В обществе, в котором утвердилась установка на критику предыдущего руководителя, ушедший на пенсию некогда «горячо любимый» Н. С. Хрущев стал объектом публичных обсуждений, принявших форму сатирических замечаний, анекдотов, басен, фельетонов и юморесок. Тем не менее, отправляя свое обличительное произведение в редакцию газеты, автор предпочитал сохранять анонимность: несмотря на дозволения «сверху», люди опасались последствий за свои откровенные высказывания.

В 1965 г. в редакцию газеты «Кировская правда» поступило анонимное письмо, в котором житель г. Слободской характеризовал «правление» первого секретаря ЦК КПСС, акцентируя внимание на всех его «злодеяниях». Называя Хрущева сначала царем («Царь Никита жил когда-то / праздно, весело, богато»), затем королем («Был у нас такой король...») — словами, имевшими негативную коннотацию в советском политическом дискурсе, автор письма представил его в образе «угнетателя» советского народа. Особенность произведения состоит в том, что в столь неожиданном и одновременно в столь ожидаемом (судя по реакции населения) смещении Хрущева автор отводит народу решающую роль:

Что ж народ это терпел,
Хоть и досыта не ел.
<...>
Наконец решил народ:
Дальше дело не пойдет.
Пленум быстро мы созвали,
Все вопросы разобрали.
Говорим, пиши Никита
Откровенно и открыто,
Может мы тебя простим
А с поста тебя сместим.

[ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 170, л. 1079 об.]

Обсуждения «перегибов» и ошибок Н. С. Хрущева, на первый взгляд, не ставили под сомнение «непогрешимость» компартии: один человек способен ошибаться, но «Партия всегда права. Она исправляет все ошибки других, она наказывает и милует» [Геллер, Некрич, с. 673]. Однако прежнее руководство, переставшее восприниматься как кормилец (в стихотворении неоднократно говорится о «недоедании» («Белый хлеб совсем забыли...», «Хоть и досыта не ел») и «кормлении» («Чем народ-то ты кормил?»)), подорвало доверие граждан к власти как таковой:

Тут вдруг Брежнев говорит
А народ-то не простит,
Чем народ-то ты кормил
Только речи говорил.
Вот и все сдавай нам дело
Поведем его умело
*Может лет через пятьсот
И оценит нас народ.*

[Там же, л. 1080]

Сам факт появления такого текста, ориентированного, прежде всего, на читающую «Кировскую правду» публику (весьма внушительную по размеру), косвенно свидетельствует о том, что подобные суждения имели широкую социальную поддержку.

Тем не менее, реакция на отставку Хрущева не была единой. В редакцию газеты поступали единичные письма, авторы которых пытались реабилитировать бывшего лидера и его «глубокие народно-демократические преобразования», которые «позволили восстановить в правах славы и уважения <...> добрые имена многих и многих Советских граждан, незаслуженно оклеветанных честолюбием или фанатизмом приверженцев культа личности» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 126, л. 611].

Представления о политической власти формировались не только в контексте официальных обсуждений, инициированных руководством страны, но также и при обращениях населения в государственные и партийные органы для решения личных проблем. По сути, население требовало то, что было обещано государством. Но чаще всего притязания граждан на «достойную жизнь» оставались без удовлетворения. В таких случаях бездействие и неактивность партийных и государственных служащих всегда воспринимались населением крайне негативно.

В 1966 г. в редакцию газеты «Кировская правда» обратился мужчина, который в своем письме выразил крайнее недовольство бездействием депутата Верховного Совета СССР. Проблема заключалась в том, что автор письма не смог получить в личное пользование автомобиль «Запорожец», «гарантированный» ему государством как инвалиду: «Но и от вас не черта не чего нет хорошего только отписка и есть! Вам не кому не черта не нужно некто и ухом не пошевелит. Пока могож да работаешь так всем хорош а как не замог так некому не нужен не черта. Никто внимания не обращает в частности и вы лично! Но я все равно найду еще нашу власть Советов» [Там же, д. 207, л. 1039]. Пообещав «найти власть Советов», автор письма пригрозил сообщить о ситуации в ЦК КПСС: «...иначе больше делать нечего безобразие стало товарищи прямо. Скоро будут выбора так посоветуйте мне голосовать или нет а я не буду потому что обратиться к депутату о помощи так не то что мне помочь так до не него и письмо не дойдет» [Там же, л. 1039 об.].

Люди старшего поколения рассказывали в письмах свою личную историю, которая была неразрывно связана с историей советской власти. Вспоминая о жизни в первые послевоенные годы, автор одного письма, пенсионер, обратил внимание на улучшение состояния больницы, в которой он лечился, отметив при этом заслуги власти: «Теперь другое время. Кормят хорошо, как на убой, смертность резко изменилась. На пятой сессии Верховного Совета тов. А. Н. Косыгин сказал и о больницах что лекарства будут отпускаться бесплатно и цены будут снижены ну и само собой питание еще лучше улучшится» [Там же, д. 126, л. 90 об.].

Выступления высокопоставленных лиц переориентировали социальную жизнь из настоящего в будущее и давали населению установку на уверенность в том будущем, которое, однако, было определено идеологически и политически, но в меньшей мере экономически. Поэтому в мировосприятии советских людей особое место занимали надежды на власть (почти во всем), трансформировавшиеся со временем в перманентные ожидания и требования.

В качестве примера приведу письмо, в котором сообщалось о жизни в дореволюционные годы, когда «крестьянину-бедняку жилось уже известно как... Но пришла на радость Советская власть ожил бедняк и середняк вместе с рабочим классом взял власть в свои руки» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 126, л. 14]. Охарактеризовав роль советской власти в жизни «простого человека», автор закончил свое четырехстраничное письмо следующими словами: «Вот сейчас мы на грани нового 1965 года нас стариков еще встречает большая радость. *Государство* внесло решение дать нам пенсию кто трудился честно и добросовестно. Спасибо ленинской партии советскому государству» (выделено мной. — К. А.) [Там же, л. 15 об.].

Советское государство и коммунистическая партия в сознании людей старших поколений представлялись понятиями тождественными: они помнили, что «Ленинская партия» в 1917 г. основала новую государственность. Особенным образом эта память актуализировалась накануне столетия со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г.:

Она была
Как яблоня-дичок,
Россия до семнадцатого года
И ранее — до встречи с Ильичом.
Да, такова была ее природа,
Что вяжущей своею кислотой
Оскомину незрело набивала.
Но и тогда
она не унывала,
и вновь плодоносящею порой
о лучшей доле думала, бывало,
и своего Мичурина ждала.
И дождалась! И мир услышал: Ленин!!
И наконец-то к ней она пришла —
Пора ее весенних обновлений...

(фрагмент стихотворения «Россия», 1970 г.
Автор не указан) [Там же, д. 772, л. 47]

Местная же власть — от первого секретаря обкома до руководителя предприятия — населением Кировской области воспринималась весьма критично. Нередко в письмах населения в «Кировскую правду» районные и областные руководители изображались как бездельники, пустословы и бюрократы. В декабре 1964 г. на имя редактора газеты Л. Д. Мокерова поступило анонимное письмо с заголовком «Снова доверили бездельнику». Его автор сообщал:

Прочитал я в «Кировской Правде» материалы областной партконференции, особенно интересны были критические выступления в адрес Петухова Б. Ф.³, который

³ По воспоминаниям Л. Д. Мокерова, Б. Ф. Петухов, руководивший областью в 1961–1971 гг., в народной среде прослыл «Царем Борисом» [Мокеров, с. 57–62].

не сделал ничего доброго в области сельскохозяйственного производства, будучи I секретарем обкома по сельскому хозяйству. Петухов Борис не заслуживает уважения и доверия быть на посту I секретаря обкома КПСС. Вы еще раз прочтите серьезнее и вдумайтесь в выступления ряда делегатов конференции можете поймете, ему нельзя доверять такой пост. Что же делать, сельское хозяйство из года в год по области падает, а горе-руководители остаются у власти. И так все будет постарому

положение нормально

чувствуем себя хорошо

идем ко дну [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 126, л. 145–145 об.].

Отставка Хрущева в октябре 1964 г., надо полагать, укрепила надежду населения Кировской области и многих местных функционеров на смену руководителя региона. После обсуждений результатов «правления» Петухова на областной партийной конференции и освещения ее итогов в «Кировской правде», в конце 1964 — начале 1965 г. в областную газету поступали отклики на происходившие в регионе политические процессы. Например, в редакцию газеты поступило замечательное по содержанию письмо. В нем было несколько басен, одна из которых — «Кот на суде». Ее автор обличительно охарактеризовал социально-политическую обстановку в регионе в середине 1960-х гг.:

В хозяйстве собрался товарищеский суд,
Зверей и птиц во двор битком набилось:
Хотелось всем узнать в чем дело суть
И что опять с котом случилось.
Барбос — надежный сторож дома, —
Крутнув хвостом, собранию сказал:
«Глухою ночью я, не испугавшись грома,
Кота в кладовке задержал.
Что делать с ним, решайте сами,
Живет и трудится Кот с вами».
Задумались... и тут услышали Козла:
«Кот причинил уже нам много зла,
За драки, кражи и гулянье
Ему не раз давали наказание.
По-моему, так в клетку посадить его —
Иначе нет управы на него».
«Не прав козел, — прохрюкала Свинья, —
Кота взять на поруки предлагаю я,
а что ворует он, домашних избивает,
Так он хозяйских правил всех не знает».
«Кота мы воспитаем, — пробасил Баран, —
За этот труд он будет благодарен нам.
Теперь кто “за”? Повыше “руки”...»
По большинству — Кот взят был на поруки.
Оставшись на свободе, Кот почувствовал раздолье
И, видя, что все «сходит с рук» опять залез в подполье.

[Там же, д. 170, л. 966]

В 1971 г. первый секретарь обкома Б. Ф. Петухов был переведен в Москву на должность заместителя министра сельскохозяйственного и тракторного машиностроения СССР по вопросам внешней торговли [Политические лидеры Вятского края, с. 38]. Справедливо полагать, что повышение руководителя, сыскавшего недобрую славу среди населения региона, серьезным образом дискредитировало центральные государственные органы власти.

Во многих случаях апелляция населения области к столичной власти обуславливалась злоупотреблениями и произволом в системе областного управления. В 1966 г. в редакцию газеты поступило письмо от жительницы г. Киров, которая неоднократно обращалась в местные органы власти и газету для решения «квартирного вопроса». Настойчивое желание женщины решить жилищную проблему руководители городских и областных ведомств сочли психическим расстройством, а заведующий отделом писем доложил о ситуации в Облздравотдел: «Направляем Вам письма т. Косолаповой, поступившие в редакцию. Просим выслушать Косолапову и принять меры» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 207, л. 2 об.]. На действия местных чиновников женщина отреагировала переформулированным высказыванием В. И. Ленина: «Из моей биографии вытекает другая формулировка: “если мы не будем бояться говорить горькую и тяжелую правду напрямик, то безусловно и непременно Вы будете биты и по случаю возможности постоянным местожительством Вашим явится сумасшедший дом, Вас настигает участь изгнанника”» [Там же, л. 2]. Не без иронии женщина отозвалась о руководителях городских управлений: «В день своего рождения, 30-летия... Кировские бюрократы, отписчики, черствые и эгоистичные, прислали мне ряд “систематических” отписок. Спасибо Вам за радостные и чуткие вести в день рождения» [Там же, л. 2–2 об.]. О сложившейся ситуации женщина обещала сообщить председателю Президиума Верховного совета СССР товарищу Микояну [Там же, л. 2 об.].

В письмах жители области выражали веру в добрые намерения центральной власти или, по крайней мере, робкую надежду на нее и демонстрировали убежденность в том, что местные руководители действовали «антинародно». К примеру, о такой ситуации сообщалось в письме с заголовком «Нечеловеческое отношение к людям»: «Сейчас в нашей стране создается все для народа, чтобы народ не тратил время, которое предназначено для отдыха, для полезного труда, а получается так, что у тов. Гольда, что он работает не на народ, а имеет какие-то свои выгоды» [Там же, л. 62 об.].

В редких случаях редакция областной газеты получала письма, в которых областное правительство оценивалось исключительно позитивно, как, например, в письме с ярким заголовком «Я восхищаюсь» (1966). Его автор — женщина, которая в течение 7 лет не посещала г. Киров, поделилась своими впечатлениями: «Какие разительные перемены я наблюдаю. Это благодаря заботам Обкома КПСС и Горкома, а также Горисполкома, которые выполняют решения нашего XXII Съезда КПСС. Да, с такими руководителями можно горы перенести на другое место, а реки заставить течь в другом направлении» [Там же, л. 235].

Субъективное восприятие социальной реальности определяло характер репрезентации советской власти, которая прилагала усилия для ее организации.

Репрезентация власти низшего уровня — районных управлений, сельских советов, руководителей предприятий — имела свою специфику. Особенностью характеристики местных руководителей была попытка «простых» людей высказаться языком, которым говорила советская власть.

Критика культа личности Сталина и волюнтаризма Хрущева предлагала своеобразную модель для характеристики местных партийных функционеров и хозяйственных руководителей. К примеру, в письмах сообщалось, что борьба с «культличностью» требовалась не только в «правлящих верхах», но и среди местных руководителей, партийцев. В качестве примера приведу письмо, поступившее в редакцию в конце 1964 г., с заголовком «Пора закончить с культличностью». Его автор сообщал, что председатель колхоза «морально разложился, вместо того чтобы чаще летом бывать в бригадах в сезон работы, он вместо контроля хода выполнения работ в бригадах возил <...> свою красавицу жену в гости к матери или к поезду для отправки в Киров в драмтеатр, то едет в Зуевку за тещей, то своих сыновей везет в Зуевку к теще. Разве это не культличность?» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 126, л. 50 об.]

Руководство колхозов в буквальном смысле обладало возможностью и правом распоряжаться судьбами людей, разрешая и запрещая им переезд. Показателен следующий случай. В конце 1964 г. в редакцию газеты обратилась жительница Нижнего Тагила, муж которой был уроженцем Кировской области, с просьбой разобраться в ситуации. Оказалось, что супруги планировали переехать в город, но «председатель колхоза не отпускает, настаивает, чтобы [жена] ехала жить к мужу», так как «колхозу нужны люди и колхоз не имеет право отпускать» [Там же, л. 778–778 об.]. Редакция газеты всецело поддержала решение председателя колхоза: «Дело ваше, где вы будете жить, в колхозе или в Нижнем Тагиле. Решение сельхозартели считаем правильным» [Там же, л. 780].

Не последнюю роль в конструировании негативных образов хозяйственных руководителей играла местная пресса. Проанализировав подписную кампанию 1966 г., областное руководство обрушилось с жесткой критикой на районную газету «Лесная правда»: «Если положительная заметка — расхваливание взхлеб, критическая — критика без чувства меры, что ни руководитель, специалист, то консерватор, который тем и занимается, что вставляет палки в колеса» [ЦГАКО, ф. П-1290, оп. 53, д. 74, л. 54]. Критические заметки в газете привлекали внимание людей и оставляли более глубокие впечатления в их сознании. Но часто патетика газетных публикаций вызывала несогласие читателей (о чем, собственно, свидетельствуют письма-отклики на публикуемые в газетах материалы).

В СССР государственная риторика отводила коммунистам «авангардную роль на производстве» [Там же, оп. 61, д. 13, л. 36]. В представлениях рядовых граждан коммунист, в силу возлагавшихся на него партийных заданий и связанных с ними социальных статусов и ролей, ассоциировался с управленческой системой. Партийные собрания трудящихся оказывали социальное давление

не только на членов КПСС, но и на беспартийных, что формировало конфликтную обстановку в коллективе. С подобным случаем в газету обратилась женщина, которая просила помочь ей «восстановить справедливость»: «Я просила разобрать дело на расширенном партийном собрании. Мне отвечают, что я не коммунистка, так если я не коммунистка, так эти руководители, которые создают волокиту и издевательства они же коммунисты. Я прошу только правды и правды. <...> Мне хочется спросить у этих руководителей, какой должен быть коммунист. Им не дано право издеваться. <...> Тунеядкой я не была и не буду» [ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 122, л. 1055–1055 об., 1057]. В письмах жители области сообщали о жизненных ситуациях, в которых местные руководители не только не решали насущные вопросы, но и создавали другие сложности.

Население чутко воспринимало противоречия во взаимоотношениях с властью, что обуславливало экспрессивную образность при характеристике местных функционеров. Среди множества литературных форм писем в газету были популярны басни, юморески, фельетоны, сопровождавшиеся карикатурами. Акцентируя внимание на социальных противоречиях, авторы юморесок конструировали собирательные образы:

Бюрократ

Своих ошибок он не видел сроду,
Когда укажут — был не рад.
Считал себя примером для народа,
А был на деле — бюрократ.

Человек «слова»

На приемах он казался деловым,
Но плохо было тем,
Кто верил обещаниям пустым

[Там же, д. 170, л. 965].

В абстрактных образах власти проявлялись черты местных руководителей и всецело отражалась социально-политическая ситуация в регионе. Население реагировало на острые социальные и политические проблемы не только расхожими анекдотами и частушками, но также откликалось на них вполне безобидными стихотворениями и баснями:

Оса в конторе «Сбор семян»
Твердила: «Мы одна семья,
Смелее критикуйте недостатки,
Пьянчуг и тех, кто любит взятки,
Меня, коль управляю плохо,
Чтоб дело, как болото,
не заглохло».
Но тот, кто искренне поверил ей
Не рад был и, забыв призвание,

Спешил уволиться скорей
У «добренькой» Осы
по личному желанию.

Не потому ль на предприятии ином
Все непорядки критикуют... за углом.

(*В. Рупосов* «На словах и на деле». Басня)
[ЦГАКО, ф. П-6777, оп. 9, д. 170, л. 967]

Подводя итог, подчеркну, что репрезентация власти в письмах, поступавших в редакцию газеты «Кировская правда» от населения Кировской области во второй половине 1960-х гг., определялась, главным образом, региональной социально-политической повесткой. Имея обыденные представления о «вертикали власти», население региона «нерефлексивно» (интуитивно) воспроизводило патерналистскую модель взаимоотношений с центральной властью. В рамках этих отношений «сакральный символизм» власти формировал передний план репрезентаций. Партийные кампании по преодолению последствий культа личности и волюнтаризма определяли характер общественных дискуссий, хотя публичные разговоры о «советской власти», компартии, «ленинском правительстве» и т. д. не могли иметь негативного политического подтекста.

В оценке советской власти важную роль играл и поколенческий аспект. В письмах присутствуют различные характеристики социально-политической реальности и функциональных обязанностей власти. Как правило, люди старших поколений характеризовали власть, используя «сакральный / революционный символизм» и разделяя жизнь на «до и после». Для послевоенных поколений советская власть практически утратила революционные коннотации и приобрела функциональное назначение, измерявшееся населением степенью успешности организации ею повседневной жизни людей.

Интерпретация содержания писем позволяет выделить как особую форму репрезентации власти «стиль руководства», подразумевавший характер практической реализации власти. По мнению населения, он мог быть «царским», демократичным, антинародным, несправедливым, бюрократическим. Такая репрезентация была абсолютно персонифицирована: личность первого секретаря или руководителя колхоза определяла «лицо» власти.

В неопубликованных письмах населения отразилось устойчивое суждение о том, что местные руководители действовали антинародно. Их характеристика часто приобретала аллегорическую и символическую образность, а критика имела двойной эффект. С одной стороны, бюрократические проволочки на местах побуждали население Кировской области чаще обращаться в центральные органы власти, представления о которых формировались под влиянием прессы, радио и телевидения и контрастировали с повседневными наблюдениями за работой областных и районных управлений. Иными словами, в письмах «слабое» региональное руководство противопоставлялось

(все-)сильной центральной власти. С другой стороны, результаты деятельности государственных, партийных, хозяйственных органов областного, районного, сельского уровней не только «искажали» государственную политику, но и дискредитировали советскую систему в целом.

Различные формы репрезентации власти в письмах населения переплетались между собой, экспонируя ее «полезность» не только для всех советских людей, но в большей мере «для себя». Тем не менее, специфика восприятия власти определялась тем, что население, в первую очередь в силу своих ожиданий, обращало внимание на «ненормальности», с которыми сталкивалось в повседневной жизни, в то время как советский идеологический дискурс акцентировал внимание на нормах социальной жизни, обещав ее «неизбежное» улучшение.

Источники

Мокиров Л. Д. Следы памяти: современные мемуары. Киров : Киров. обл. тип., 1992.

Политические лидеры Вятского края : биогр. справочник / сост. В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских. Киров : Лобань, 2009.

ЦГАКО — Центральный государственный архив Кировской области. Ф. П-6777. Оп. 9. Д. 122, 126, 170, 207, 772, 773, 1268; Ф. П-1290. Оп. 53. Д. 74; Оп. 61. Д. 13.

Исследования

Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон : ОРІ, 1982.

Клинова М. А. «При советской власти не должно быть буржуев!»: суждения уральского населения о злоупотреблениях руководства (по материалам писем и жалоб 1964–1982 гг.) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2016. № 4 (35). С. 115–123. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2016-4-115-123>

Козлова Н. Н. Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 3. С. 120–133.

Лившин А. Я., Орлов И. Б. Революция и социальная справедливость: ожидания и реальность («Письма во власть» 1917–1927 годов) // Cahiers du Monde Russe. 1998. Vol. 39, № 4. Р. 487–513.

Лившин А. Я., Орлов И. Б., Хлевнюк О. В. Письма во власть, 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М. : РОССПЭН, 2002.

Морозова Т. И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 89–97. <https://doi.org/10.17223/15617793/412/15>

Никишина Е. А. Жанровое своеобразие писем читателей в газеты (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.). М. : Языки славянской культуры, 2017.

Попова О. Д. «В ЦК те же помещики и капиталисты...»: восприятие советскими людьми социального неравенства в СССР в 1960-е гг. // Новый исторический вестник. 2016. № 2. С. 72–81.

Попова О. Д. «Правительство живет при коммунизме, а мы в нищенстве...»: Мысли и думы советского народа накануне 50-летия Октября // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 127–135.

Попова О. Д. «Кто не работает, тот не ест»? Советская пропаганда и формирование отношения к собственности у граждан в 1960-е годы: (по материалам «писем во власть») // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2018. № 3 (60). С. 69–78.

Савин А. И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145.

Тихомиров А. А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 138–158. <https://doi.org/10.21638/Z1170Vspbu24.2016.309>

Учёнова В. В. Беседы о журналистике. М. : Молодая гвардия, 1978.

Чернышева А. В. «Письма во власть» как отражение результатов государственной политики (исторический аспект) // Социология власти. 2005. № 4. С. 114–121.

Lenoe M. E. Letter-writing and the State: Reader Correspondence with Newspapers as a Source for Early Soviet History // *Cahiers du Monde Russe*. 1999. № 40 (1–2). P. 139–169.

References

Chernysheva, A. V. (2005). “Pis'ma vo vlast'” kak otrazhenie rezul'tatov gosudarstvennoi politiki (istoricheskii aspekt) [“Letters to the Authorities” as a Reflection of the Results of State Policy (Historical Aspect)]. *Sotsiologiia vlasti*, 4, 114–121.

Heller, M., & Nekrich, A. (1986). *Utopiia u vlasti. Istoriia Sovetskogo Soiuzs s 1917 goda do nashikh dnei* [Utopia in Power: The History of the Soviet Union from 1917 to the Present]. London: OPI.

Klinova, M. A. (2016). “Pri sovetskoi vlasti ne dolzhno byt' burzhuev!": suzhdeniia ural'skogo naseleniia o zloupotrebleniakh rukovodstva (po materialam pisem i zhalob 1964–1982 gg.) [“Under the Soviet rule, there should be no bourgeois!": Judgments of the Ural Population on Abuses of the Authorities (Based on the Letters and Complaints (1964–1982)]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 4 (35), 115–123. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2016-4-115-123>

Kozlova, N. N. (1999). Stseny iz chastnoi zhizni perioda “zastoia”: semeinaia perepiska [Scenes from the Private Life of “the Stagnation Period”: Family Correspondence]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2(3), 120–133.

Lenoe, M. E. (1999). Letter-writing and the State. Reader Correspondence with Newspapers as a Source for Early Soviet History. *Cahiers du Monde Russe*, 40 (1–2), 139–169.

Livshin, A. Ya., & Orlov, I. B. (1998). Revoliutsiia i sotsial'naia spravedlivost': ozhidaniia i real'nost' (“Pis'ma vo vlast'” 1917–1927 godov) [Revolution and Social Justice: Expectations and Reality (“Letters to the Authorities” 1917–1927)]. *Cahiers du Monde Russe*, 39(4), 487–513.

Livshin, A. Ya., Orlov, I. B., & Khlevniuk, O. V. (2002). *Pis'ma vo vlast' . 1928–1939. Zaiavleniia, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i sovetskim vozhdiam* [Letters to the Authorities. 1928–1939: Applications, Complaints, Denunciations, Letters to Government Agencies and the Soviet Leaders]. Moscow: ROSSPEN.

Morozova, T. I. (2016). Pis'ma sibiriakov vo vlast' v usloviiakh novoi ekonomicheskoi politiki [Letters of Siberians to the Authorities in the Conditions of the New Economic Policy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 412, 89–97. <https://doi.org/10.17223/15617793/412/15>

Nikishina, E. A. (2017). *Zhanrovoe svoeobrazie pisem chitatelei v gazety (na materiale emigrantskikh i sovetskikh gazet 20-kh gg. XX v.)* [Genre Specificity of Letters from Readers to Newspapers (Based on Material from Émigré and Soviet Newspapers of the 1920s)]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Popova, O. D. (2016). “V TsK te zhe pomeshchiki i kapitalisty...”: vospriiatie sovetskimi liud'mi sotsial'nogo neravenstva v SSSR v 1960-e gg. [“There are the same landowners and capitalists in the central committee...”: The Soviet People's Perception of Social Inequality in the USSR in the 1960s]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2, 72–81.

Popova, O. D. (2017). “Pravitel'stvo zhivet pri kommunizme, a my v nishchenstve...”: Mysli i dumy sovetskogo naroda nakanune 50-letii Oktiabria [“The government is living under communism, and we in the begging...”: Thoughts and Desires of the Soviet People on the Eve of the 50th Anniversary of October]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 3 (56), 127–135.

Popova, O. D. (2018). “Kto ne rabotaet, tot ne est”? Sovetskaia propaganda i formirovanie otnosheniia k sobstvennosti u grazhdan v 1960-e gody (po materialam “pisem vo vlast”) [“He who works not, eats not?” Soviet Propaganda and the Development of Property Perception in Soviet Citizens in the 1960s (with Reference to “The Letters to the Authorities”)]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, 3 (60), 69–78.

Savin, A. I. (2016). Pis'ma vo vlast' kak spetsificheskaiia forma politicheskoi adaptatsii sovetskikh grazhdan v 1930-e gody [Letters to the Authorities as a Specific Form of Soviet Citizens' Political Adaptation in the 1930s]. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 15(8), 133–145.

Tikhomirov, A. A. (2016). Zasluzhit', opravdat' i vernut' doverie partii: sovetskoe “ia” v pis'makh vo vlast' v rannei sovetskoi Rossii [Earning, Vindicating and Returning the Party's Trust: The Soviet “I” in Public Letter-Writing to the Party-State Authorities in Early Soviet Russia]. *Noveishaia istoriia Rossii*, 3, 138–158. <https://doi.org/10.21638/Z1170Vspbu24.2016.309>

Uchenova, V. V. (1978). *Besedy o zhurnalistike* [Conversations about Journalism]. Moscow: Molodaia gvardiia.

Анисимов Кирилл Геннадьевич

аспирант Школы исторических наук,
стажер-исследователь Международной
лаборатории региональной истории России
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: kanisimov@hse.ru

Anisimov, Kirill Gennadievich

Postgraduate Student, School of History,
Trainee Researcher, International Laboratory
“Russia's Regions in Historical Perspective”
HSE University
20, Myasnitskaya Str., 101000 Moscow,
Russia
Email: kanisimov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1289-6038>
ResearcherID: X-6129-2018

КОНСТРУИРОВАНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ TERRITORY'S IMAGE: CONSTRUCTION AND REPRESENTATION

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.033
УДК 115.4 + 908(470.5)(036)

Е. Г. Власова
*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*
Пермь, Россия

НАРРАТИВИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ПЕРВЫХ ПУТЕВОДИТЕЛЯХ ПО УРАЛУ

Статья посвящена роли первых уральских путеводителей в общем процессе формирования геокультурного образа Урала. Материалом исследования послужили путеводители 1899 и 1904 гг., подготовленные известным уральским журналистом В. А. Весновским и ставшие первой попыткой целостного описания региона, адресованного широкому читателю. В фокусе внимания находятся приемы нарративизации пространства, которые, в отличие от справочных изданий, активно используются путеводителями. Нарративизация рассматривается в ее функциональном аспекте: как способ вовлечения аудитории за счет эмоционально рассказанной истории. В качестве основного методологического подхода используется идея Дж. Брунера о двойном ландшафте нарратива: ландшафте действия и ландшафте сознания. В ходе анализа выявляются основные предметные сферы нарративизации в путеводителях, а также психологические эффекты представленных историй. В результате обнаруживается, что нарративизация пространства происходит на разных уровнях путеводителя: на уровне макроструктуры она реализуется в маршруте путешествия, на уровне содержания — в описании достопримечательностей, которые являются основой любого путеводителя. Дискурсивными приемами нарративизации служат приемы эмоционального вовлечения читателя: приглашающее к совместному наблюдению репортажное описание и динамическое панорамное видение, заимствованные из путевой очеркистики; обращение к личному опыту читателя, а также драматизация повествования, связанная с установкой на действующих и чувствующих героев. Делается вывод о том, что первые уральские путеводители активно включились в процессы объединения геокультурных значений уральского пространства, предложив сюжеты для его

целостного прочтения и множество вовлекающих нарративов, посвященных отдельным локасам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нарратив; нарративизация пространства; путеводитель; репортажное описание; драматизация повествования; ландшафты нарратива

Ц и т и р о в а н и е: Власова Е. Г. Нарративизация пространства в первых путеводителях по Уралу // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 175–188. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.033>

Поступила в редакцию: 28.08.2020

Принята к печати: 15.04.2021

Elena G. Vlasova

*Perm State University
Perm, Russia*

SPACE NARRATIVISATION IN THE FIRST TRAVEL GUIDES AROUND THE URALS

This article is devoted to the role of the first Ural travel guides in the general process of the formation of geo-cultural image of the Urals. The author refers to guidebooks from between 1899 and 1904 prepared by the famous Ural journalist V. A. Vesnovsky, which became the first attempt at a holistic description of the region addressed to the general reader. The article focuses on the techniques of space narrativisation, which are actively used by guidebooks, unlike reference books. Narrativisation is seen in its functional aspect: as a way to engage the audience through an emotionally told story. J. Bruner's idea of the dual landscape of narrative: the landscape of action and the landscape of consciousness is used as the main methodological approach. The analysis reveals the main subject areas of narrativisation in guidebooks, as well as the psychological effects of the stories presented. It is revealed that the narrativisation of space occurs at different levels of the guide: at the level of macrostructure, it is implemented in the travel route, while at the level of content — in the description of attractions, which are the basis of any guide. The discursive narrative methods are methods of the emotional engagement of the reader: reportage description inviting to joint observation and dynamic panoramic vision borrowed from travel essays; an appeal to the reader's personal experience, as well as dramatisation of the narrative associated with a focus on the characters who act and feel. In the long run, it is concluded that the first Ural travel guides were actively involved in the processes of combining the geo-cultural values of Ural space, proposing subjects for its holistic reading and a variety of involving narratives dedicated to individual locations.

Key words: narrative; space narrativisation; guidebook; reportage description; narrative dramatisation; narrative landscapes

For citation: Vlasova, E. G. (2020). Narrativizatsiia prostranstva v pervykh putevoditeliakh po Uralu [Space Narrativisation in the First Travel Guides around

the Urals]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 175–188. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.033>

Submitted: 28.08.2020

Accepted: 15.04.2021

Рубеж XIX–XX вв. считается временем активного развития массового туризма и, как следствие, выхода большого количества путеводителей, в том числе региональных. На Урале первые путеводители были подготовлены к изданию известным журналистом, краеведом, настоящим знатоком Урала Виктором Александровичем Весновским.

Биография В. А. Весновского примечательна как история жизни яркого представителя передовой части провинциальной журналистики. В. А. Весновский (1873–1933) родился в Костромской губернии, учился в Костромской духовной семинарии, в 1893 г. окончил земскую школу лекарских помощников в Казани. В этом же году приехал на Урал, служил земским фельдшером в Талицком, Полевском, Верхне-Сергинском заводах Пермской губернии. С 1894 г. началось его сотрудничество с поволжскими и уральскими периодическими изданиями: он писал о тяжелых условиях труда и быта уральских мастеровых. Работая над корреспонденциями, много читал об Урале: знакомился с историей региона и горнозаводской промышленности [Алеврас]. С 1897 по 1906 г. он живет в Екатеринбурге, работая сначала секретарем редакции «Урала», а затем соредактором прогрессивной газеты «Уральская жизнь». В 1906 г. Весновский переехал в Челябинск, где организовал первую общественно-политическую газету «Голос Приуралья». Газету не раз штрафовали и приостанавливали, а в 1910 г. Весновский был осужден на год лишения свободы за призывы к свержению власти. После освобождения он переезжает в Пермь и работает секретарем редакции «Пермских губернских ведомостей». В советские годы занимается краеведением: состоит членом Пермского общества краеведения, краеведческого музея, кружка по изучению Северного края при Пермском университете, работает на Пермской экскурсионной станции, — и продолжает сотрудничать с газетами и журналами.

В 1899 г. по инициативе Весновского и в основном по его материалам издается первый путеводитель по Уралу [Путеводитель по Уралу, 1899]. Он открывает целую серию путеводителей, которые В. А. Весновский издавал в течение всей своей жизни. Всего им было написано и выпущено не менее десяти авторских путеводителей и справочников, посвященных как всему Уралу, так и отдельным его регионам [Весновский 1902а; 1902б; 1903; 1904; 1909; 1912; 1913; 1915; 1916; 1926а; 1926б; 1926в].

Появление жанра путеводителя в творческой биографии Весновского выглядит как органичное воплощение его личностных качеств и сложившихся жизненных обстоятельств: работая земским фельдшером, он много путешествует; как заядлый путешественник, много наблюдает и подмечает; благодаря активному общественному темпераменту старается сделать увиденное полезным для местного сообщества и приходит в журналистику; обладая практической

хваткой, умеет находить инвестиции для реализации своих издательских проектов. Путеводители, в отличие от краеведческих справочных изданий, которые регулярно публиковались во второй половине XIX века благодаря деятельности губернских статистических комитетов, ориентировались на прикладные задачи по информационному сопровождению путешественника-туриста. Возникает принципиально иная коммуникативная ситуация, в которой акцент ставится на взаимодействие с читателем. В этом отношении как нельзя кстати оказываются журналистские приемы создания текста, которыми В. А. Весновский по роду своей второй профессии владел в совершенстве.

Подобное стечение обстоятельств отнюдь не было исключением на фоне общих процессов, происходивших в сфере литературного творчества рубежа веков. Интенсивное развитие массовой печати сопровождалось формированием нового литературного поля: складывался новый тип автора — «журналиста-практика» [Летенков, с. 103] и новые прагматические функции литературного творчества, связанные с прикладным характером взаимодействия с читателем. Путеводители явились одним из прикладных жанров массовой литературы и призваны были обеспечить потребности развивающегося массового туризма.

В пространстве провинциальной культуры такие прикладные литературные жанры сыграли исключительно важную роль. Так, большие художественные формы пришли в уральскую литературу только с именем Д. Н. Мамина-Сибиряка, до этого она развивалась на основе малых жанров печатной периодики. Впрочем, периодическая печать и малая литература продолжали оставаться ведущей формой уральской и в целом провинциальной литературы еще долгое время. В очерченном контексте путеводитель может рассматриваться как один из жанров словесного творчества, который органично влился в число распространенных форматов местной литературы и стал важной частью литературной самоидентификации региона. По мнению исследователя И. И. Ручинской, туристические достопримечательности, представленные в путеводителях, фиксируют, структурируют и визуализируют ключевые значения пространства, сложившиеся в данную культурно-историческую эпоху [Ручинская, 2011б].

На наш взгляд, роль путеводителя не ограничивается констатацией значений, но простирается в сферу воображения. Для того чтобы некий потенциальный туристический объект стал достопримечательностью, он должен обладать качествами аттрактивности, и в этом отношении на помощь приходит динамично рассказанная история. История предполагает наличие героя и события, которое должно вовлечь в переживание и вызвать желание побывать на месте действия. Следовательно, путеводители закономерно начинают осваивать нарративные модели повествования, позволяющие превратить туристическую информацию в увлекательный рассказ. Подчеркнем, что в данном отношении мы исходим из понимания нарратива как «последовательности изложенных, рассказанных, явленных в определенном коммуникативном акте событий» [Силантьев, Созина, с. 60].

Учитывая документальный характер путеводного жанра, при анализе мы будем опираться на общее понимание коммуникативной миссии нарратива, связанной с «двойным ландшафтом»: «ландшафтом действия», который включает хронотоп, действующих лиц, цель и средства их достижения, лежащие в основе события, а также «ландшафта сознания», состоящего из мыслей, чувств и переживаний персонажей [Bruner, p. 698]. Благодаря наложению этих ландшафтов нарратив обладает особой воздействующей способностью, которая направлена на вовлечение в переживание. Воздействующие функции нарратива стали предметом специального рассмотрения в связи с обоснованием понятия «сторителлинг», сложившегося, как известно, в сфере маркетинга и управления персоналом [Armstrong]. Исследователи отмечают, что использование нарратива, особенно нарратива от первого лица, оказалось эффективным средством формирования эмотивно-ориентированной модели поведения аудитории: «Воспроизводимый рассказчиком эмоциональный фон формировал у слушателей соответствующие мотивационные установки на осуществление тех или иных действий» [Мозжегоров, с. 109].

Приемы сторителлинга быстро проникают в разные сферы публичной деятельности, в том числе в сферу туризма. Авторы статьи «Сторителлинг дестинаций как современная технология туризма» специально останавливаются на персуазивном характере туристического нарратива: «История должна апеллировать к эмоциям и вызывать их. Это увлекает, создает эффект вовлеченности и приобщенности» [Афанасьев, Афанасьева, с. 16]. Отметим при этом, что приемы нарративизации как эффективного средства для структурирования и передачи туристической информации начали использоваться задолго до появления термина «сторителлинг», а их развитие было опосредовано социокультурными обстоятельствами функционирования путевых жанров на этапе становления массового туризма.

Так или иначе, нарративные исследования современной науки дают необходимый инструмент для анализа повествовательных стратегий первых путеводителей. В опоре на характеристику ландшафта действия можно достаточно четко выделить те предметно-тематические области путеводителя, которые чаще всего подвергаются нарративизации, а затем определить устойчивые психологические приемы воздействия на читателя, использованные в данных нарративах.

В принципе, любой мемориал, сопровождающий идентификацию достопримечательности, тяготеет к нарративизации. Говоря о механизмах формирования достопримечательностей, И. И. Рудинская заметила, что они «представляют собой смесь научных и обыденных, достоверных и вымышленных фактов, своеобразную компиляцию письменных и устных источников, которая со временем превращается в каноничную схему максимально сжатого рассказа, бытующего в территориальном (локальном) социуме, и фиксирующую внимание на самых значимых сторонах того или иного артефакта» [Рудинская, 2011а, с. 22]. Однако, отметим, что нарративизация пространства в путеводителе имеет более сложную природу, затрагивая разные уровни текста, в том числе его композиционную основу.

Направляя читателя по определенному маршруту, путеводитель не просто собирает основные значения пространства, но предлагает хронологическую и содержательную последовательность знакомства с ним. Маршрут, лежащий в основе композиционного построения путеводителя, связывает отдельные локусы и значения, придавая сюжетную целостность пространству. При этом путеводители демонстрируют высокую степень объективизации этого повествования, что заставляет воспринимать их как сложившуюся данность, обладающую некой законченностью.

В предисловии к первому путеводителю, изданному в 1899 г., В. А. Весновский так комментирует рекомендуемый маршрут знакомства с Уралом:

Маршрут объезда и осмотра Урала принят в «Путеводителе» следующий. Начальным пунктом взято устье Камы. Описывая все города, заводы и села, лежащие по обеим берегам этой реки, «Путеводитель» доводит туриста до г. Перми. Отсюда «Путеводитель» направляет путешественника по реке Сылве на г. Кунгур, а затем вверх по реке Каме на гг. Соликамск и Чердынь. Из Соликамска «Путеводитель» пересаживает туриста в вагон Луньевской ветви Пермь-Тюменской железной дороги и доводит его до станции «Чусовая» — конечного пункта этой ветви. Далее «Путеводитель» дает описание всех заводов, расположенных близ линии Пермь-Тюменской железной дороги, от г. Перми до станции Кушва. Здесь «Путеводитель» оставляет железную дорогу и делает поворот на север по так называемому Богословскому тракту и описывает г. Верхотурье, рудники и прииски, расположенные здесь, и, дойдя до крайнего северного селения Никито-Ивдельского, возвращает путешественника обратно на станцию Кушва. Отсюда идет описание всех заводов, лежащих по линии железной дороги до Екатеринбурга, а также следует описание и самого города. Из Екатеринбурга «Путеводитель» направляет туриста по Большому Сибирскому тракту на Красноуфимск и дает описание всех заводов, расположенных по тракту и близ его. Далее «Путеводитель» вновь садит путешественника в вагон железной дороги и дает описание городов, заводов и сел, расположенных по линии Екатеринбург — Тюмень, причем попутно дает описание и города Ирбита, известного своею ярмаркой. Наконец, «Путеводитель» дает описание заводов, сел и деревень, расположенных по линии Екатеринбург — Челябинск Пермь-Тюменской железной дороги, а затем дает также описание всего того, что заслуживает внимания путешественника и расположено по линии Челябинск — Златоуст — Уфа [Путеводитель по Уралу, 1899, с. III–IV].

На этом маршруте Каме отведена особая роль. Она не только служит воротами Урала, но и средоточием основных значений уральского пространства. Образ Камы осенял уральский ландшафт и направлял впечатление путешественника:

Река Кама — естественный и самый старинный путь на Урал. Кроме того, Кама играла и продолжает играть весьма важную роль в жизни горнозаводского Урала. Поэтому, приступая к указанию пути по Уралу, прежде всего, мы дадим подробное описание Камы, ее главных притоков, лежащих на ней городов, сел, заводов и деревень [Там же, с. 1].

Иной подход к развертыванию пространства предлагается в путеводителе 1904 г. В этом бедекере Урал был представлен как регион, который сложился вокруг доминирующего центра — Екатеринбурга:

Центром тяжести всех путешествий по Уралу является «столица Урала» — Екатеринбург. Поэтому город этот и принят в «Путеводителе» за средоточие, к которому как бы направляются все течения; остальные города и местности Урала описаны в порядке расположения их по линиям железных дорог, по судоходным рекам и почтовым трактам [Весновский, 1904, Предисловие].

Назначая Екатеринбург центром уральской географии, Весновский не только предлагает новую центростремительную конфигурацию пространства, но и подчеркивает его горную и горнозаводскую семантику. В связи с этим изменяется лидерство среди природно-географических доминант уральского ландшафта. В противовес предыдущему путеводителю на первый план выходят не реки, а горы. Так, первой иллюстрацией в путеводителе 1904 г. оказывается фотография Таганая [Там же, с. 6] — одной из самых эффектных вершин Южного Урала. Эта фотография иллюстрирует географический очерк Уральских гор, который открывает издание. Живописность скалистого гребня Большого Таганая сделали его излюбленным объектом первых уральских фотографий и видовых почтовых открыток¹, ставших популярными в начале XX в. и превративших Таганай в настоящий визуальный символ горного Урала.

Сопоставление подходов к развертыванию уральского пространства, предложенных в бедекерах 1899 и 1904 гг., наглядно проявляет процесс воображения пространства, который лежит в основе любого путеводителя, а также демонстрирует нарративные функции маршрута, определяющего макроструктурный уровень текста.

Не менее важным для характеристики пространственных описаний, представленных в путеводителе, является разговор о приемах описания достопримечательностей, которые составляют основу туристического пространства. Здесь нужно остановиться на двух положениях.

Во-первых, туристическая достопримечательность имеет особый характер. Главное ее отличие от внутренней достопримечательности, т. е. локально значимого места, заключается в особом вовлекающем характере коммуникации, заложенной в туристическом способе знакомства с территорией. Туристическая достопримечательность должна вызвать желание увидеть и почувствовать. В связи с намеченными коммуникативными особенностями путеводителя становится очевидной особая роль нарративизации в изложении туристической

¹ Главным популяризатором уральских видов, в том числе Таганая, был В. Л. Метенков — знаменитый екатеринбургский фотограф, выпустивший в конце 1890-х — начале 1900-х гг. в разных столичных и европейских издательствах несколько серий почтовых открыток, посвященных Уралу. Одна из самых больших серий уральских видовых открыток была выпущена в 1900-е и 1910-е гг. московским издательством П. Н. Ефимова.

информации и соответственно тех нарративных приемов, которые помогают эту установку реализовать.

Во-вторых, основные приемы вовлечения, как нам представляется, были заимствованы из родственной путеводителям сферы путевой очеркистики. В истории уральской литературы травелоги занимают особое место. Первые литературные описания Урала в силу колониального характера его освоения были сделаны в путевых отчетах, сначала деловых и научных, потом литературных. Травелоги сформировали первый литературный образ Урала и многие ключевые значения уральского пространства [Власова]. Собственно, те достопримечательности, которые были представлены в путеводителях В. А. Весновского, сложились прежде всего благодаря многочисленным уральским путешествиям. Конечно, общая конфигурация выстраиваемых в путеводителе маршрутов задается основными транспортными артериями региона. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что состав и разнообразие маршрутов зависят не только от транспортных магистралей, но и от наличия сформированных и связанных друг с другом достопримечательностей. В этом отношении путеводители опираются на уже существующие локальные тексты. Сопоставление основных маршрутов путеводителя и карты уральских травелогов позволяет убедиться в том, что путевые очерки и заметки стали одним из основных источников первых путеводителей по Уралу [Власова, Ведерников].

Структурная и стилистическая близость путевых отчетов и путеводителя как жанров путевой литературы делает путевую очеркистику не только одним из источников для выявления локаций и объектов, претендующих на статус достопримечательности, но и главным литературным ориентиром, который подсказывает способы и приемы изображения пространства.

В этой связи отметим особую роль репортажного описания, которое нередко включается в текст путеводителя для воссоздания эффекта присутствия. Так, описание работы плавильного цеха построено в стилистике эмоционального наблюдения за действием, в эпицентре которого находится рассказчик:

В высшей степени эффектное зрелище представляет процесс отливки пушечных болванок из тигельной стали. Это положительно феерия. Действие происходит в верхнем этаже литейной башни. В переднем конце фабрики открывается круглое отверстие в полу <...> Форма в вертикальном положении находится под полом. Она нагрета. Далее идут ряды печей. Видны только раскаленные заслонки. Но вот все готово. К отверстию формы становится инженер, заведующий фабрикой, и мастер. Далее около сотни рабочих парами одна за другой, держат наготове железные носилки для тиглей. Одна за другой открываются заслонки печей, вынимаются добела раскаленные тигли. Носильщики <...> пара за парой бегут с ними к отверстию формы, в которую и выливают огненно-жидкий металл. Из формы взвивается пламя: от печей, ослепительно блестящей расплавленной стали и от раскаленных тиглей вся фабрика кажется в пламени. Кипучая огненная работа продолжается до тех пор, пока форма не будет налита доверху [Весновский, 1904, с. 82–83].

Подобного рода репортажные подходы к описанию пространства были неотъемлемой частью путевой очеркистики XIX в. Их появление в туристических путеводителях кажется закономерным жанровым взаимодействием, связанным с общностью коммуникативных задач, — в частности, с необходимостью привлечения и удержания внимания массовой аудитории. Репортажное описание представляет собой документальный нарратив, построенный на локализованном во времени и пространстве действии и развивающийся в перспективе наблюдаемого события, будь то выплавка металла или перемещение по маршруту от одной локации к другой.

Важно отметить, что репортажное описание вполне соответствует вовлекающим установкам туризма. Как показывают исследования, одним из востребованных направлений городского туризма начала XX в. становится вовлечение туриста в разнообразные практики городской жизни. Е. А. Захарова, изучавшая столичные путеводители начала XX в., писала, что для их авторов «было важно не только знакомство туристов с достопримечательностями города, но и приобщение их к практикам столичного жителя, происходившее через знакомство с различными аспектами городской повседневности» [Захарова, с. 15]. В региональных путеводителях происходит нечто подобное: туристу предлагается погрузиться в повседневные практики жизни той или иной территории. Для Урала главной повседневной практикой оставалась жизнь горных заводов, она и позиционировалась как одна из главных достопримечательностей туристического пространства Урала. Погружение в актуальные практики предполагало вовлечение, действие и его эмоциональное переживание, что заставляло обращаться к динамическим речевым жанрам, в данном случае — к репортажу.

Погружающее репортажное наблюдение активно работало с технологиями видения. Путеводитель зафиксировал особую динамическую оптику описания горного рельефа Урала, который сам по себе объявлялся главной природной достопримечательностью:

С трех сторон — юга, востока и севера, гора круто сползает вниз, образуя на глубине 80–1000 футов громадное плато перспективы, состоящее из разных гор, холмов и долин, замыкающихся вдали туманною синевою горизонта. Разные формы и очертания долин и возвышенностей, шахматы буро-красных полей, засеянных яровыми, нескончаемая вереница всяких оттенков зелени создают в общем такую чудную и необъятную картину перспективы, описать которую нет никакой возможности. Глядя на это чудо западного Урала, долго стоишь в безмолвном удивлении и только мало-помалу начинаешь приходить в себя и ориентироваться в подробностях. Вон, между холмов синее пруд и белеет церковь Юговского завода, а расстояние равно 12-ти верстам; вон, подалее еще видна церковь села Степановки, а расстояние уже 32 версты, а вон, вдали, поближе к горизонту, еще различается церковь и серые утесы, — это берег р. Сылвы и церковь пригородного села Кунгура, на расстоянии уже 60 верст! В ясную погоду с монастырской колокольни видны церкви Перми и Осы, а это уже расстояние около 100 верст [Путеводитель по Уралу, 1899, с. 146–147].

Примечательно, что это описание было взято из очерка тюменского писателя Н. М. Чукмалдина, посвященного поездке на Белую гору². Очерк был опубликован в 1896 г. сразу в трех изданиях: в газетах «Екатеринбургская неделя» и «Пермские епархиальные ведомости», а также отдельной книгой [Чукмалдин]. Этот травелог можно по праву считать литературным открытием новой достопримечательности, связанной с православной историей Урала. Его использование в путеводителе В. А. Весновского лишь подтверждает этот факт. Тем самым, очерковые публикации активно цитировались первыми путеводителями, оказывая влияние на содержательные и стилистические особенности нового жанра.

Несложно заметить, что пейзажные описания Чукмалдина выстраиваются по принципу панорамы, который нередко используется для описания уральского пространства в путевой очеркистике XIX в. Природу этого изобразительного приема показал В. В. Абашев на материале уральских очерков В. И. Немировича-Данченко:

Панорамность у Немировича — принцип повествования, действующий и на уровне структуры повествования, и на уровне отдельных его компонентов. Он проявляется, например, в ландшафтно-пейзажных описаниях. В. И. Немирович-Данченко любит именно панорамные описания окрестностей с вершин гор и холмов. Развертывая описание, Немирович всегда располагает детали видимого ландшафта относительно наблюдателя, фиксирует их ориентацию по сторонам света, меняет планы от общего до крупного: от мерещащихся далей до внезапно укрупненной, словно рассмотренной в бинокль, детали [Абашев, с. 71].

Появление панорамных описаний в путеводителе может свидетельствовать об их утверждении в качестве устойчивого приема уральской геопоэтики. Отметим, что дискурсивная реализация панорамы, в частности, ее последовательная покадровая динамика, наличие направляющего взгляда наблюдателя, который является не только нарратором, но и чувствующим героем, опирается на структуру репортажного нарратива, являясь одним из вариантов нарративного повествования в целом.

Еще одним устойчивым предметом нарративизации пространства в путеводителе становятся факты и события, призванные подтвердить статус достопримечательности. Учитывая вовлекающие установки туристической коммуникации, рассказ о достопримечательностях обязан поразить воображение. Одним из самых эффективных приемов привлечения внимания оказывается эмоциональное воздействие на читателя. Путеводители В. А. Весновского этот прием

² Белая гора — самая высокая вершина Тулвинской возвышенности (450). Она находится в Кунгурском районе около села Калинино — примерно в 100 км от Перми. В 1890 г. здесь был основан Белогорский монастырь, который называют Уральским Афоном. Это одна из самых посещаемых православных святынь Пермского края. Основание монастыря во многом было связано с противодействием старообрядчеству, распространенному в этих местах. Сохранились предания о староверческих скитах на Белой горе. Впрочем, местная память хранит и рассказы о древних капищах, следы которых находили на ее вершине.

активно осваивают. Так, представляя сварочный аппарат Славянова в качестве туристической достопримечательности, авторы путеводителя опираются на рассказ о спасении разбитых колоколов:

Электрический цех — здесь производится электрическая сплавка металлов по способу Н. Г. Славянова. Спаиваются сломанные части, заливаются трещины, приливаются утолщения и проч. Исправлению подвергаются самые разнообразные предметы: паровые машины, маховики, зубчатые колеса, типографские станки, фортепианные рамы, церковные колокола и проч. Особенную популярность изобретение Славянова произвело в отношении открывшейся возможности исправлять разбитые колокола. Первый колокол был исправлен 18 марта 1893 г. Благодаря способу Славянова почти все церкви Пермской епархии восстановили свои разбитые колокола [Весновский, 1904, с. 84].

Таким образом описание технического изобретения приобретает необходимый эмоциональный заряд, который связан с апелляцией к личным, в данном случае религиозным, переживаниям читателя.

Похожее эмоциональное расцвечивание документального повествования происходит при нарративизации исторических фактов. Помимо многочисленных легенд и преданий, которые сопутствовали историческим героям и событиям, авторы путеводителя охотно пересказывают драматические фрагменты летописных повествований. Так, например, информация о закамском серебре, которое считается одной из самых важных археологических достопримечательностей Урала, оживает в коротком, но выразительном рассказе о кровавой борьбе за пермские богатства:

Все это жалкие остатки того «закамского серебра», до которого так падки были новгородцы и из-за которого пролито было много новгородской крови. Подбирался к нему и великий московский кн. Иван Калита, о котором новгородский летописец под 1332 г. говорит: «Великий князь Иван приде из Орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамского» [Там же, с. 115].

В этом небольшом фрагменте проявились основные элементы ландшафта действия: появляются герои (новгородцы, Иван Калита), мотив («до которого падки были новгородцы, прося у них серебра закамского»), конфликт, связанный с борьбой за богатство и власть (гнев на Новгород), анонсированная кровавая развязка («пролито было много новгородской крови»). Ландшафт сознания при этом надстраивается за счет экспрессивных речевых форм: «жалкие остатки», «падки», «возверже гнев», «пролито много крови», — которые должны зацепить эмоции читателя. Происходит своего рода драматизация пространства: оно обретает образное воплощение с ярко выраженным драматургическим сюжетом.

Путеводители В. А. Весновского — это опыт первой целостной самопрезентации уральского пространства. Как и положено травелогу, путеводители связывали пространство маршрутами, задавая тем самым логику его прочтения. Основным способом пространственного структурирования при этом оказывались достопримечательности, которые фиксировали ключевые значения

сложившейся на тот момент территориальной идентичности. Важно отметить, что путеводители, в отличие от справочных изданий, начали активно использовать приемы вовлекающего нарратива. Верификация достопримечательности фиксирует в уральском пространстве не только разрозненные значения, но и нарративы — истории, связанные с эмоциональным переживанием исторических и современных событий. Именно эти жанрово-стилистические характеристики определяют дальнейшее развитие путеводителя как особого рода травелога. Сочетание справочно-краеведческой информации и вовлекающего сторителлинга, активно использующего приемы репортажного включения и драматизации, лежит в основе современного путеводителя.

Источники

- Весновский В. А.* Спутник туриста по Уралу. Путеводитель по курортам Урала. Екатеринбург : Тип. «Уральской жизни», 1902а.
- Весновский В. А.* Спутник туриста по Уралу. Екатеринбург : Тип. «Уральской жизни», 1902б.
- Весновский В. А.* Весь Екатеринбург : справочник-ежегодник: с планом города Екатеринбурга. Екатеринбург : Тип. «Уральской жизни», 1903.
- Весновский В. А.* Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург : Тип. «Уральской жизни», 1904.
- Весновский В. А.* Весь Челябинск и его окрестности: карманный справочник. Челябинск : Тип. Л. Б. Бреслиной, 1909.
- Весновский В. А.* Путеводитель по Западно-Уральской железной дороге. Екатеринбург : Тип. «Уральской жизни», 1912.
- Весновский В. А.* Минеральные источники в Пермской губернии. Пермь : Тип.-лит. Губ. правл., 1913.
- Весновский В. А.* Исторические памятники в Пермской губернии: извлечено из Адрес-календаря Перм. губ. за 1915 г. Пермь : Тип.-лит. Губ. правл., 1915.
- Весновский В. А.* Целебные силы Урала. Пермь : Электро-тип. Губ. земства, 1916.
- Весновский В. А.* Кунгурская ледяная пещера. Пермь : [б. и.], 1926а. (Перм. о-во краеведения. Серия А ; Вып. 1).
- Весновский В. А.* Экскурсии по окрестностям Перми. На пароходе вниз по реке Каме. Пермь : 1-я тип. «Пермполиграф», 1926б. (Перм. о-во краеведения. Серия В ; Вып. 1).
- Весновский В. А.* Экскурсии по окрестностям Перми. На пароходе вверх по Каме: Пермь — Добрянка. Пермь : [б. и.], 1926в. (Перм. о-во краеведения. Серия В ; Вып. 2).
- Путеводитель по Уралу. Издание первое. Екатеринбург : Газ. «Урал», 1899.
- Чукмалдин Н. М.* Поездка на Белую гору. Екатеринбург : Тип. «Екатеринбург. недели», 1896.

Исследования

- Абашев В. В.* «Дикая красота и сумрачное величие...». Панорама Урала в путевых очерках Вас. И. Немировича-Данченко // Российская и зарубежная филология. 2015. № 4. С. 67–78.
- Алеврас Н. Н.* Карьера русского публициста (В. А. Весновский в газете «Урал») // Вестник ЧелГУ. 1993. № 2. С. 79–86.
- Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В.* Сторителлинг дестинаций как современная технология туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11, № 3. С. 7–24. <https://doi.org/10.22412/1995-0411-2017-11-3-7-24>.
- Власова Е. Г.* У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 2. С. 159–171.

Власова Е. Г., Ведерников А. П. Травелог в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 143–149. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2017.3.22993>

Захарова Е. А. Повседневные практики провинциальных туристов в Санкт-Петербурге и Москве на рубеже XIX–XX веков // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 3. С. 14–23. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2017.3.22993>

Летенков Э. В. «Литературная промышленность» России конца XIX — начала XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.

Мозжегоров С. В. Методологические основания сторителлинга в контексте исследования личностных нарративов // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2016. № 37. С. 104–125.

Рущинская И. И. Историко-культурные достопримечательности как «места памяти» в России второй половины XIX — начала XX вв.: региональный масштаб // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура. Кн. 4 / отв. ред. Я. А. Максимов. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011а. С. 16–42.

Рущинская И. И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011б. Вып. 1. С. 74–93.

Силантьев И. В., Созина Е. К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58–68.

Armstrong D. *Managing by Storying Around: A New Method of Leadership*. New York: Currency/Doubleday, 1992.

Bruner J. *Life as Narrative* // *Social Research: An International Quarterly*. 2004. № 71 (3). P. 691–710.

References

Abashev, V. V. (2015). “Dikaja krasota i sumrachnoje velichije...”. *Panorama Urala v putevykh ocherkakh V. I. Nemirovicha-Danchenko* [“Wild beauty and gloomy greatness...”. A Panorama of the Urals in Travel Essays of V. I. Nemirovich-Danchenko]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*, 4 (32), 67–78.

Afanasiev, O. E., & Afanasieva, A. V. (2017). *Storitelling destinatsii kak sovremennaja tekhnologija turizma* [Destination Storytelling as a Modern Tourism Technology]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*, 11(3), 7–24. <https://doi.org/10.22412/1995-0411-2017-11-3-7-24>

Alevras, N. N. (1993). *Kar'era russkogo publitsista (V. A. Vesnovskii v gazete “Ural”)* [The Career of a Russian Publicist (V. A. Vesnovsky in the *Ural* Newspaper)]. *Vestnik ChelGU, Philology Sciences*, 2, 79–86.

Armstrong, D. (1992). *Managing by Storying Around: A New Method of Leadership*. New York: Currency/Doubleday.

Bruner, J. (2004). *Life as Narrative*. *Social Research: An International Quarterly*, 71 (3), 691–710.

Letenkov, E. V. (1988). “*Literaturnaja promyshlennost’*” *Rossii kontsa XIX — nachala XX veka* [“Literary Industry” of Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries]. Leningrad: LSU Press.

Mozzhegorov, S. V. (2013). *Metodologicheskie osnovaniia storitellinga v kontekste issledovaniia lichnostnykh narrativov* [Methodological Foundations of Storytelling in the Context of Personal Narratives Research]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 37, 104–125.

Rutsinskaya, I. I. (2011a). *Istoriko-kul’turnye dostoprimechatel’nosti kak “mesta pamiati” v Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv.: regional’nyj masshtab* [Historical and Cultural Attractions as “Places of Memory” in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Regional Scale]. In Ya. A. Maksimov (Ed.), *Sotsial’no-gumanitarnye problemy sovremennosti: chelovek, obshchestvo i kul’tura* [Social and Humanitarian Problems of Modernity: Man, Society, and Culture] (Book 4, pp. 16–42). Krasnoyarsk: NIC.

Rutsinskaya, I. I. (2011b). Putevoditel' kak instrument konstruirovaniia regional'nykh dostoprimechatel'nostej (vtoraja polovina XIX – XX vv.) [The Guidebook as a Tool for Designing Regional Sights (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Series 19, Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 74–93.

Silant'ev, I. V., & Sozina, E. K. (2013). Narrativ v literature i istorii. Na materiale dnevnikovoi prozy A. Gertsena 1840-kh gg. [A Narrative in Literature and History. With Reference to A. Herzen's Diary Prose of the 1840s]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 3, 58–68.

Vlasova, E. G. (2013). U istokov obraza Urala: otchety ob uchjonykh puteshestvijakh kontsa XVIII v. [At the Roots of the Image of the Urals: Reports on Learned Travels of the Late 18th Century]. *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija*, 2(2), 159–171.

Vlasova E. G., & Vedernikov A. P. (2019). Travelogi v istorii literaturnogo otkrytiia Urala: k voprosu o roli zhanra v strukture lokal'nogo teksta [Travelogues in the History of the Urals' Literary Discovery: On the Role of Genre in the Local Text Structure]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2 (63), 143–149. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2017.3.22993>

Zakharova, E. A. (2017). Povsednevnye praktiki provintsial'nykh turistov v Sankt-Peterburge i Moskve na rubezhe XIX–XX vekov [Everyday Practices of Provincial Tourists in St Petersburg and Moscow at the Turn of the 20th Century]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 3, 14–23. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2017.3.22993>

Власова Елена Георгиевна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и массовых
коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15, корп. 5
E-mail: elena_vlasova@list.ru

Vlasova, Elena Georgievna

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Journalism and Mass
Communications
Perm State University
15, Bldg. 5, Bukirev Str., 614990 Perm, Russia
Email: elena_vlasova@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9309-0417>
ResearcherID: Q-2048-2016
Scopus AuthorID: 57191607899

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.034
УДК 572:304.44(571.642) + 77.03 + 316.7

И. А. Головнев

*Музей антропологии и этнографии
«Кунсткамера» РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Е. В. Головнева

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

«РУССКИЙ САХАЛИН» ПЕТРА ПОЛЕВОГО: ВИЗУАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

Статья посвящена актуальной, но практически неисследованной в отечественной науке теме — визуальной антропологии как средству научного познания, конструирования и репрезентации образа территории. Определяющую роль в формировании образов фронтирных регионов страны в имперский и советский период играли профессиональные исследователи и путешественники. Предлагаемая работа открывает малоизвестную страницу в истории изучения Сахалина — творчество Петра Игнатьевича Полевого (1873–1938), одного из первопроходцев научного освоения острова. Основанная на архивных данных, многие из которых публикуются впервые, статья фокусируется на анализе визуально-антропологического наследия ученого, структурированного по основным направлениям его работ — антропология, геология и краеведение. Отражение в трудах исследователя посткаторжного периода в истории Сахалина, связанного с трансформацией колонизационной политики, дает особые сюжеты в плане изучения и позиционирования образа острова — форпоста страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Путем сопоставления печатных и фотографических материалов выделяются и анализируются ключевые образы Сахалина в работах П. И. Полевого — «остров нефти», «остров инородцев» и «остров колонистов». Связанные между собой сквозной темой колонизации, они наглядно иллюстрируют положения исследователя о бесперспективности Сахалина как сельскохозяйственной колонии и рациональности его промышленного освоения. В теоретическом плане данная работа на конкретном примере развивает понятия из области визуальной антропологии («визуальная репрезентация региона», «этнографическая фотография») и культурной географии («образ региона», «культурный ландшафт»). Делается вывод о том, что наследие П. И. Полевого, включающее материалы междисциплинарного научного изучения Сахалина, в том числе его фотографические репрезентации, представляет собой информативный исторический источник для изучения динамичного образа дальневосточного фронтира в антропологии и смежных гуманитарных науках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: визуальная антропология; образ региона; фотодокумент; колонизация; Петр Полевой; Сахалин; Дальний Восток

Благодарности

Статья подготовлена за счет гранта РНФ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино» (рук. А. В. Головнёв).

Ц и т и р о в а н и е: Головнев И. А., Головнева Е. В. «Русский Сахалин» Петра Полевого: визуально-антропологические образы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 189–204. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.034>

Поступила в редакцию: 25.05.2020

Принята к печати: 20.04.2021

Ivan A. Golovnev

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the RAS
St Petersburg, Russia*

Elena V. Golovneva

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

**“RUSSIAN SAKHALIN” OF PYOTR POLEVVOY:
VISUAL AND ANTHROPOLOGICAL IMAGES**

This paper considers a relevant but practically unexplored topic, i.e. visual anthropology as a tool of scientific cognition as well as constructing and representing the image of a territory. Professional researchers and travellers contributed considerably to the formation of images of the frontier regions of Russia in the imperial and Soviet periods. This work opens a little-known page in the history of the study of Sakhalin — the work of Pyotr Ignatievich Polevoy (1873–1938), one of the pioneers in the scientific development of the island. Based on archival data, many of which are published for the first time, the article focuses on the analysis of the scientist’s visual and anthropological legacy and follows the main directions of his work — anthropology, geology, and local history. The reflection of the post-penal period in the history of Sakhalin related to the transformation of the colonisation policy, gives special ideas in terms of studying and representing the island’s image in the Asia-Pacific. The authors compare text and photographic materials and specify the key images of Sakhalin in the works of Polevoy, an “island of oil”, “island of foreigners” and “island of colonists”. Interconnected by the cross-cutting theme of colonisation, these images clearly illustrate the researcher’s position on the futility of Sakhalin as an agricultural colony and the rationality of its industrial development. The paper also develops concepts from visual anthropology (“visual representation of a region”, “ethnographic photography”) and cultural geography (“image of a region”, “cultural landscape”). The authors come to the conclusion that the legacy of Pyotr Polevoy (his scientific works and photographic representations) can be considered an informative historical source for studying the dynamic image of the Far Eastern frontier in anthropology and related humanities.

Key words: visual anthropology; image of region; photographic document; colonisation; Pyotr Polevoy; Sakhalin; Far East

Acknowledgements

This article was supported by the *Russian Science Foundation* (RSF) as a part of project 19-18-00116 "Visualisation of Ethnicity: Russian Projections of Science, Museum, and Cinema" (supervised by A. V. Golovnev).

For citation: Golovnev, I. A., & Golovneva, E. V. (2021). "Russkii Sakhalin" Petra Polevogo: vizual'no-antropologicheskie obrazy ["Russian Sakhalin" of Pyotr Polevoy: Visual and Anthropological Images]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 189–204. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.034>

Submitted: 25.05.2020

Accepted: 20.04.2021

Введение

Рождение и развитие визуальной антропологии в России существенным образом связано с научными экспедициями по освоению Дальневосточного региона. В конце XIX — начале XX в. активную роль в создании визуально-антропологических материалов — карт, рисунков, фотографий, кинофильмов — выполняли профессиональные исследователи: В. К. Арсеньев, В. Г. Богораз, Б. И. Дыбовский, Б. О. Пилсудский, П. Т. Новограбленов, Л. Я. Штернберг и др. [Головнев, 2018; 2020]. Их деятельность способствовала не только исследовательскому освоению фронтирных территорий России с применением визуальных методов описания, но и последующей трансляции полученных визуально-антропологических образов на внутреннюю и зарубежную аудитории. За десятилетия деятельности этих исследователей был создан существенный корпус визуальных материалов, являющихся уникальными историческими свидетельствами колонизации Дальнего Востока и эволюции культур коренных народностей края. В частности, в фондах дальневосточных научно-исследовательских, музейных и архивных организаций хранится значительное количество фотографических документов по истории Камчатки, Сахалина, Приморья, Чукотки и смежных территорий, многие из которых никогда не публиковались.

В современных гуманитарных исследованиях обоснованно возрастает интерес к изучению музейных и архивных фотоколлекций в качестве исторических источников [Главацкая; Соловьева] и этнографических документов [Степанова; Tolmacheva]. Но в целом многочисленные визуальные архивы, рассредоточенные по фондам региональных архивных и музейных институций, до сих пор остаются малоизученным сегментом в историографии, что актуализирует необходимость изучения, анализа и обобщения данных материалов с использованием методов истории, антропологии и культурологии.

Настоящая статья продолжает тематическую программу авторов, посвященную междисциплинарному изучению и введению в научный оборот

не публиковавшихся ранее визуальных материалов исследователей дальневосточного фронта [Головнева, Головнев]. К таковым относятся, в данном случае, фотографические и текстовые архивы П. И. Полевого — одного из первопроходцев разностороннего научного изучения острова Сахалин, в биографии которого отразилась контрастная история страны на рубеже веков — научные открытия и политические репрессии, смена правительственных режимов и колонизация географических пределов. Петр Игнатьевич Полевой (1873–1938) родился в Забайкальском крае, учился в Иркутской гимназии. В 1903 г. окончил Петербургский горный институт, после чего работал инженером на рудных месторождениях Нерчинского края и Кавказа. В 1908 г. в должности руководителя поисковой группы П. И. Полевой впервые отправился на Сахалин для разведки полезных ископаемых, его отряд провел изыскания на севере острова в бассейне реки Тымь и на восточном берегу Набильского залива Охотского моря. В 1909–1910 гг. П. И. Полевой изучал углеводородные и угольные месторождения западного побережья Сахалина, а в 1912–1913 гг. экспедиционная группа П. И. Полевого работала на Чукотке, где впервые осуществила съемку Анадыря. Во время революции и гражданской войны семья Полевых вынуждена была покинуть Петроград и искать временного убежища в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — сначала в Чите, где в мае 1918 г. родился их сын Борис [Красникова], затем — в г. Александровск-Сахалинский, и наконец, — во Владивостоке. Поскольку советская власть нуждалась в опытных специалистах, уже в 1923 г. П. И. Полевой был привлечен для проведения исследовательской экспедиции на Камчатку, а в следующем 1924 г. получил должность директора Дальневосточного отделения Геологического комитета во Владивостоке. В 1926–1928 гг. он продолжил свои геологические исследования Сахалина (именно в этот период им и были сделаны фотографии, рассматриваемые в данной статье). В 1928 г. П. И. Полевой получил приглашение занять должность старшего геолога Геологоразведочного нефтяного института «Союзнефти», и семья Полевых переехала в Ленинград. Но в этот период в науку все активнее вмешивалась политика — 5 мая 1930 г. П. И. Полевой был арестован по «делу Академии наук», приговорен к десяти годам заключения и в 1931 г. отправлен в Ухтпечлаг. Там ссыльный П. И. Полевой был назначен руководителем геологических работ на реке Воркуте, стал первооткрывателем известного Нижнесырьягинского угольного месторождения. В конце 1936 г. он был снят с работ на Воркуте и переправлен на разведку полезных ископаемых в бассейне реки Чибью, где проработал до конца срока, который ему сократили до семи лет заключения. В 1937 г. П. И. Полевой был повторно осужден по обвинению в приуменьшении запасов угля на реке Воркуте и 20 марта 1938 г. в тюремной одиночной камере скончался от паралича сердца. Был посмертно реабилитирован в октябре 1957 г.

Архивы П. И. Полевого также подверглись репрессиям, что привело к уничтожению, утере или фрагментации документов исследователя. В этой связи большую информативную ценность представляют уцелевшие фрагменты его

научно-творческого наследия, включая фотографии, сделанные исследователем в ходе его сахалинских экспедиций начала XX в. При отсутствии научных публикаций, посвященных непосредственно визуально-антропологическим опытам П. И. Полевого, основными источниками для данной работы послужили материалы персонального архива исследователя, хранящиеся в фондах Сахалинского областного краеведческого музея (г. Южно-Сахалинск), собранные авторами статьи в ходе экспедиции в июне-августе 2019 г.

Согласно музейной «легенде», архив был передан в Сахалинский областной краеведческий музей (СОКМ) в 1995 г. сыном исследователя — Б. П. Полевым, известным специалистом по истории Дальнего Востока. Фонд насчитывает 14 единиц хранения (КП 6422/1–6422/14): 5 — в разделе «Редкая книга», 9 — в разделе «Фотографии». Текстовую часть архива составляют следующие наименования: «Брошюра. Полевой П. И. Месторождение каменного угля у мыса Рогатого на Сахалине. 1918» [КП 6422/1], «Отдельный оттиск статьи. Тихонович Н., Полевой П. Описание угленосных отложений Русского Сахалина. 1913» [КП 6422/2], «Отдельный оттиск. Полевой П. И. Русский Сахалин. Краткий географический очерк. 1914» [КП 6422/3], «Отдельный оттиск. Доклад горного инженера П. И. Полевого. Дальний Восток в горнопромышленном отношении. 1919» [КП 6422/4], «Отдельный оттиск. Полевой П. И. Нефтеносный район Северо-восточного Сахалина (предварительный отчет). 1909» [КП 6422/5]. Визуальные документы П. И. Полевого представлены следующими позициями: «Буровые вышки на Охе» [КП 6422/6], «Радио в Охе» [КП 6422/7], «Летнее свайное жилище нивхов на р. Мынгине» [КП 6422/8], «Нивхская лодка-долбленка остроконечного типа (амурский вариант)» [КП 6422/9], «Группа нивхов у лодок на берегу моря» [КП 6422/10], «Контора радио в Чайво» [КП 6422/11], «Поселок Нутово, о. Сахалин» [КП 6422/12], «Остров Сахалин» [КП 6422/13], «Ул. Николаевская в г. Александровск» [КП 6422/14].

На оборотах большинства фотографий рукой П. И. Полевого проставлены номера, не совпадающие с нумерацией современного архива и превосходящие его численно. К примеру, на одной из карточек проставлен номер «53» — таким образом, изначально фотоколлекция П. И. Полевого насчитывала более пятидесяти снимков. Кроме того, на оборотах снимков имеются пояснительные карандашные надписи, с указанием номеров страниц текста, к которому фотографии должны были относиться. В силу специфики работ труды П. И. Полевого публиковались лишь в виде кратких отчетов в специализированных бюллетенях Русского географического общества в начале XX в. и с тех пор не переиздавались. Очевидно, П. И. Полевой готовил данную фотографическую подборку в качестве иллюстрации к изданию (переизданию) своего научного исследования по Сахалину, но в силу известных обстоятельств, связанных с арестом ученого, данная публикация так и не вышла в свет. Этим дополнительно актуализируется задача обращения к архивным материалам исследователя.

Среди текстовых документов упомянутого архива СОКМ особый интерес для настоящей статьи представляет исследовательский очерк П. И. Полевого

«Русский Сахалин» [СОКМ, КП 6422/3], написанный им на основании доклада, сделанного на заседании Отделения физической географии Императорского Русского географического общества весной 1911 г. В предисловии П. И. Полевой сообщал, что причиной публикации доклада в виде очерка в 1914 г. явились «дополнения, сделанные на основании новейших исследований, и наконец, случай посетить еще раз Русский Сахалин» [Полевой, 1914, с. 565]. Логично предположить, что послереволюционные сахалинские экспедиции, накопление новых материалов (включая фотографии 1920-х гг.) и необходимость обобщения исследований предшествующего периода послужили основанием для подготовки очередного переиздания очерка о Сахалине. Параллельное рассмотрение фотоколлекции и статей П. И. Полевого открывает условную «переключку» его визуальных и текстовых материалов. В этой связи эффективным исследовательским методом является сопоставление данных видов источников.

Не имея замысла реферировать тексты работ П. И. Полевого полностью, мы считаем значимым сфокусироваться на формулируемых автором ключевых образах Сахалина. С этой целью ниже в статье будут приведены выдержки из архивных текстов П. И. Полевого и тематические комментарии, включая описание фотоизображений, — для формирования последующих аналитических выводов.

Образы Сахалина П. И. Полевого

«*Остров нефти*» — первый ключевой образ Сахалина в научном и фотографическом наследии П. И. Полевого. В своих исследовательских работах по геологии Сахалина он делал принципиальное ударение на том, что нефтеносные районы страны заслуживают первоочередного научного изучения и промышленной колонизации. Свои тематические доклады и статьи он, как правило, предварял изложением краткой истории нефтяного освоения края, а после — подробно останавливался на описаниях собственных экспедиционных изысканий 1908–1910 гг.

Сахалинская геологическая экспедиция работала на Сахалине три лета. Моя партия исследовала нефтеносный район восточного побережья, от залива Одорту на севере до среднего течения реки Набиля на юге. Для более детального выяснения условий залегания нефти было выбрано подробно заснятое Нутовское месторождение, где были произведены разведочные работы [Полевой, 1914, с. 565].

На одной из архивных фотографий П. И. Полевого запечатлен тот самый поселок Нутово (ныне несуществующий). Фотография сделана с одной из возвышенных сопкок в окрестностях селения. На переднем плане виднеется столб с телеграфной линией связи. В центральной части фотокомпозиции за хвойно-лиственным лесом видны нефтяные вышки. На заднем плане чернеют невысокие, сглаженные в рельефе сопки, покрытые снегом. На обороте фотокарточки простым карандашом сделана надпись «Вид на Нутово с Юга», а в правом верхнем углу проставлено число «47» [СОКМ, КП 6422/12].

Выстраивая алгоритм исследовательских работ, П. И. Полевой подчеркивал необходимость тщательной разведки мест выходов нефти и лабораторного анализа ее качества перед непосредственной организацией затратных мероприятий по бурению и добыче углеводородов в условиях неразвитой инфраструктуры острова [Полевой, 1909]. В частности, в геологической экспедиции 1908–1910 гг. таким образом было открыто и обследовано 14 нефтяных месторождений.

По окончании работ на Нутово я предпринял поездку на горную группу Перимопал, откуда берет начало р. Томай. Все выходы нефти, в виде капель, лужиц, озер, главным образом, приурочены к восточному берегу, где полоса их тянется около 280 верст от Охи на Севере до Чакре на юге... Был трижды пересечен западный хребет, исследованы верховья главных водных артерий Сахалина — рек Тыми и Пороная [СОКМ, КП 6422/4, л. 3].

На одной из фотографий [СОКМ, КП 6422/12] П. И. Полевого заснят как раз такой характерный для Сахалина пейзаж — один из склонов Восточно-Сахалинских гор в северной части острова, где пролегали маршруты его геологоразведочных экспедиций. На заднем плане видна возвышающаяся сопка с покрытыми лиственницей склонами и заостренной вершиной. На переднем плане, вдоль нижней границы леса — стволы высохших деревьев, а в нижней части — заросли кедрового стланика.

В результате работы Сахалинской партии П. И. Полевого были собраны сведения и материалы, продвинувшие на новый уровень изучение геологии и географии Сахалина, замершее со времен Восточно-Сибирской экспедиции П. П. Глена и Ф. Б. Шмидта середины 1860-х гг. [Труды Сибирской экспедиции]. Были существенно скорректированы картографические контуры северной и восточной части острова, открыты новые заливы и озера, исследованы истоки рек, прослежено направление хребтов, разведаны залежи полезных ископаемых, включая месторождения нефти. Последовавшие лабораторные опыты показали, что сахалинская нефть не уступает по своим качествам бакинской. Тогда же П. И. Полевым были озвучены впоследствии оправдавшиеся прогнозы относительно сортовых и товарных качеств сырья:

На Сахалине, несомненно, будет найдено несколько сортов нефти; качество нефти будет изменяться и с глубиной, и по простиранию слоев, как это имеет место в Японии. О рынках для нефти нечего распространяться — она желанный продукт на всем азиатском побережье, где господствует американский керосин [Полевой, 1914, с. 605].

На тематическом архивном фото П. И. Полевого [СОКМ, КП 6422/6] (рис. 1) три нефтяные вышки для промышленной добычи нефти, установленные в низине, вдоль заболоченной речки. К нижней части основания вышки пристроены два вспомогательных деревянных здания для размещения рабочего оборудования. Из стены одного из зданий выведена металлическая труба с вырывающимися наружу клубами белого пара. На территории, прилегающей к вышкам, видны пни от спиленных деревьев. Очевидно, что снимок был сделан

в летнее время, так как все вокруг покрыто густыми зарослями травянистой растительности.

Рис. 1. Буровые вышки на Охе. Фото П. И. Полевого

Fig. 1. Oil rigs at Okha. Photograph by P. I. Polevoy

Следующим ключевым образом Сахалина в визуально-антропологическом творчестве П. И. Полевого оказывается «остров инородцев». Как открытие сахалинской нефти в 1880 г. явилось заслугой тунгусов-оленьеводов, так и дальнейшая нефтеразведка на острове, согласно докладу П. И. Полевого, происходила при активной помощи старожильческих сообществ острова — в частности, орочонов-оленьеводов [СОКМ, КП 6422/4, л. 3]. Исследователь неоднократно описывал впечатления, основанные на экспедиционных опытах взаимодействия с проводниками из среды сахалинских народностей: «Из племенного состава инородцев, населяющих Сахалин, видно, что этот остров был местом встречи народностей, переселившихся из разных стран» [Полевой, 1914, с. 598].

П. И. Полевой, ориентируясь на теорию Л. Я. Штернберга, считал айнов южанами — потомками выходцев с островов Полинезии, пришедших на Сахалин с территории Японии; гиляков-нивхов — северянами, имевшими общее происхождение с этническими сообществами Северной Америки; тунгусов и орочонов — азиатскими племенами, проникнувшими на остров с Запада [Материалы по изучению гиляцкого языка...]:

Главная масса инородцев Русского Сахалина представлена гиляками¹. Гиляки имеют черные, жесткие, длинные волосы, заплетенные в косы, овальное лицо с крупными черными глазами, толстым носом и губами. Носят обычно синий кафтан на застежках и нерпичьи сапоги «торбаза». Селятся летом по заливам, побережьям рек, имеют зимники в тайге [Полевой, 1914, с. 598].

В архиве П. И. Полевого в СОКМ сохранилась, в частности, и фотография нивхов на берегу моря [СОКМ, КП 6422/10]. На фото — группа из восьми человек: пятеро сидят на песке, еще трое расположились на бортах лодок. Все одеты в хлопчатобумажные рубашки и короткие халаты. Вдоль левого борта первой лодки вбиты кол и длинный тонкий шест. На заднем плане видна узкая кромка побережья с выброшенными на берег водорослями морской капусты, а также линия горизонта. На море — полный штиль.

Главный промысел рыболовство, реже звероловство. Постройки представляют устроенные на сваях срубы, покрытые двускатной крышей с прорубом посередине для выхода дыма. Близ построек протянуты на кольях жерди для сушки рыбы, так готовится главный продукт их питания — юкола. Привязаны лохматые с торчащими ушами и отрубленными хвостами ездовые собаки, и обычно в стороне стоят срубы для пойманных и вскармливаемых к празднику медведей [Полевой, 1914, с. 599].

Фотография, соответствующая вышеприведенному описанию быта нивхов, также находится в архивном фонде П. И. Полевого [СОКМ, КП 6422/8] (рис. 2). На данном снимке — типичное нивхское жилище на резных сваях. У входа в летник приставлен столб с зарубками, служивший в качестве лестницы. С левой стороны от входа прислонены длинные шесты, с правой — на жердях сушится одежда. Рядом с летником находится небольшое деревянное строение для содержания собак. Рядом с ними стоит мужчина — на нем надеты штаны и простая хлопчатобумажная рубаха навывпуск. На переднем плане — виден очаг, с двух сторон от него вбиты кольца с развилками на конце, между которыми положена палка. Место вокруг очага сильно вытоптано. У очага стоят два металлических колья: одно большое, другое — меньшего размера. У тропинки, ведущей от костра к жилищу, видна кадка с поставленным на нее корытом. С правой стороны от тропинки, на привязи, — молодые собаки черно-белой масти. На заднем плане виднеется хвойный лес, а далее за ним — вершины сопок.

Отмечал П. И. Полевой и специфические черты в культурах сахалинских народностей:

Гиляк любит воду, умеет делать лодки, хорошо владеет веслом и шестом. Он теряется в тайге; исключением являются только тымовские гиляки. Здесь первенство принадлежит ороочонам и тунгусам, проложившим свои тропы в самых глухих местах Сахалина. Ороочоны мало отличимы от тунгусов, которые к ним относятся несколько свысока, называя их «вчера крещеными». Узкие монгольские глаза, плоское лицо, короткие волосы отличают сразу тунгуса и ороочона от гиляка. Гиляки — язычники,

¹ Гиляки — устаревшее наименование современных нивхов.

тунгусы и ороконы — христиане, с значительной примесью сохранившихся языческих воззрений и обрядов [Полевой, 1914, с. 599].

В инородческом вопросе позиция П. И. Полевого оказывается созвучной выводам исследователя Б. О. Пилсудского [Пилсудский], указывавшего на необходимость введения протекционистской политики властей по отношению к старожильческим сообществам колонизированного острова.

Забота администрации об инородцах ничтожна. Они страдают от отсутствия медицинской помощи и представлены всецело для эксплуатации скупщикам, спаивающим их до иступления. Священники появляются изредка и тогда совершают массовые свадьбы и крещения. Образование не проникает к инородцам совершенно [Полевой, 1914, с. 599].

Рис. 2. Летнее свайное жилище нивхов на р. Мынгине. Фото П. И. Полевого
Fig. 2. Nivkh summer pile dwelling on the River Myngin. Photograph by P. I. Polevoy

«Остров колонистов» — третий ключевой образ в творчестве П. И. Полевого, данный в ретроспективной и перспективной проекциях.

Отлив населения сказывается, когда проезжаешь по сахалинским селениям и деревням. Есть совершенно брошенные, словно вымершие. В большинстве других

заколоченные дома, зияющие своими темными пустыми окнами, производят грустное впечатление. Поля, расчищенные тяжелым трудом, постепенно зарастают бурьяном, и потребуются новая затрата энергии, чтобы привести их в надлежащий вид. Русское население ютится в окрестностях поста Александровского [Полевой, 1914, с. 596].

Характерным в этой связи является и содержание фотографии из архива П. И. Полевого с названием «Остров Сахалин. Ул. Николаевская в г. Александровск» [СОКМ, КП 6422/14]. На фотографии заснята ровная, довольно широкая улица. По краям ее — пешеходные дорожки, а на возвышенных местах — деревянные тротуары. Вдоль дороги установлены фонарные столбы и столбы с телефонной линией связи. Перед одним из одноэтажных домов возведен деревянный резной забор. С левой стороны от дороги возвышается частично закрытая кронами деревьев Покровская церковь и рядом — часовня, к которой и ведет дорога. Кроны деревьев отбрасывают длинные тени с левой стороны, что свидетельствует о том, что снимок сделан во второй половине дня в ясную солнечную погоду. Дорога пустынна, видны лишь две человеческие фигуры и запряженная в телегу лошадь.

В своих работах П. И. Полевой давал резко негативную оценку каторжной колонизации острова как системы:

Каторга никого не исправила, не оградила общества от новых преступлений сосланных преступников, но подготовила кадры новых в лице воспитанных в ее среде «малолеток», детей каторжан. Идея колонизации острова ссыльным элементом потерпела крушение, как и во многих других местах [Полевой, 1914, с. 610].

Отмечая бесперспективность развития сельскохозяйственной колонизации острова, исследователь настаивал на рациональности промышленного освоения острова:

При оценке Сахалина, очевидно, центр тяжести лежит не в его земледелии, а в его горных, еще неиспользованных богатствах, затем в рыбных и в лесных. Угольные богатства Сахалина могут поставить его в ряды первоклассных угольных станций Тихого океана, в особенности, когда спрос на минеральное топливо возрастет. Будущее металлургической промышленности на Дальнем Востоке тесно связано с солидными запасами коксующегося угля Сахалина. При оценке Сахалина не следует забывать его политического значения [Там же, с. 611].

Непременным условием развития промышленной колонизации Сахалина П. И. Полевой называл разрешение главных нужд острова — проведение протекционистской политики по отношению к местным инородцам и привлечение квалифицированной рабочей силы из районов материковой России, строительство внутренней сети дорог и сооружение коммерческого морского порта, без которого Сахалин не сможет играть крупной российской и международной роли [Тихонович, Полевой; Сеич]. Так, линия колонизации острова оказывается связующей между всеми вышеупомянутыми образами Сахалина в исследовательском творчестве П. И. Полевого.

На фотографии П. И. Полевого «Радио в Охе» [СОКМ, КП 6422/7] (рис. 3) изображен бревенчатый дом с радиомачтой на крыше. Крыша дома двускатная, покрыта фанерой; конек крыши выступает с двух сторон (на концах), как это характерно для японской архитектуры конца XIX — начала XX в. С западной стороны дома сделана привходовая пристройка с надписью на японском языке. Перед входом к стене дома прислонена деревянная лестница. Видны четыре больших окна, плотно зашторенных. Маленькое окно в пристройке выполнено в японском стиле. С торца конторы пристроен несколько меньший по размерам сруб, помещения соединены между собой проходом. На заднем плане высится радиомачта. С левой стороны от конторы видна лесополоса.

Рис. 3. Радио в Охе. Фото П. И. Полевого

Fig. 3. Radio in Okha. Photograph by P. I. Polevoy

Заключение

По справедливому замечанию этнографа В. Н. Баилова, «фотография способна точно охарактеризовать того, кто ее сделал» [Баилов, с. 161]. П. И. Полевой видел, фиксировал на фотографиях и описывал в тексте увиденное им в сахалинских экспедициях прежде всего как геолог. Как видно из вышеприведенных примеров, ключевые образы Сахалина в его творчестве можно условно

обозначить формулировками «*остров нефти*», «*остров инородцев*» и «*остров колонистов*». К образу «*остров нефти*» — Сахалина как месторождения полезных ископаемых — примыкают и смежные материалы, связанные с разработками исследователя по добыче угля, вылову рыбы и использованию леса; к «*острову инородцев*» — историческому образу Сахалина — вопросы эффективности методов традиционного природопользования; к «*острову колонистов*» — обострившиеся в тот период проблемы посткаторжной трансформации экономики Сахалина, проектирования логистических и коммуникационных перспектив (включая электрификацию и радиофикацию острова, отраженные в фотоколлекции исследователя).

Во многих описанных им проектах П. И. Полевой был либо первопроходцем, либо непосредственным участником. Так, помимо вышеупомянутых разработок нефтяных и угольных месторождений Северного Сахалина, он принимал активное участие в планировке будущего промышленного форпоста Сахалина — города Охи: неслучайно строители называли первые прорубленные лесные просеки в Охе «проспектами Полевого» [Тарасов, с. 62]. Потому и его метод съемки можно охарактеризовать как феномен «участвующей камеры» — он фотографировал события не «со стороны», но проживал их на собственном, совместном с актерами запечатленного действия, опыте. В этой связи особенность и ценность фотоматериалов П. И. Полевого как источника информации заключается в отсутствии метрического ракурса, проявляющего распространенный в этот период подход визуального антрополога к изучаемой / снимаемой культурной среде исключительно как к предмету научного анализа.

Специфика трудов П. И. Полевого заключена также в пересмотре прежних подходов, посвященных колонизации острова в период существования каторги [Панов]. При учете локальных особенностей острова, экономические перспективы Сахалина П. И. Полевой рассматривал не как внутренние, но в контексте развития российского Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

В ходе разноплановых исследований Сахалина П. И. Полевому удалось совершить ряд геологических и географических открытий: была разведана серия из двух десятков нефтяных месторождений, впервые нанесен на карту ряд рек, впадающих в Охотское море, окончательно установлено существование Восточно-Сахалинского и Западно-Сахалинского хребтов в средней части острова и т. д. Неслучайно имя приезжего исследователя со временем стало на острове своим и по праву вошло в число местных топонимов — мыс Полевого возвышается в Углегорском районе современного Сахалина.

В свои экспедиции, несмотря на необходимость оптимизации объема снаряжения, П. И. Полевой всегда брал фотоаппарат и запас стеклянных фотопластин. Прозорливо оценив исследовательскую и популяризаторскую значимость фотографии, он стремился максимально полно зафиксировать эти явления «изнутри» и разделить свои экспедиционные впечатления с заинтересованными

читателями и зрителями путем публикации текстово-визуальных материалов. В связи с арестом и ранним уходом из жизни П. И. Полевой не сумел воплотить в жизнь все свои замыслы, связанные с научным освоением Сахалина и Дальнего Востока в целом, однако дело его жизни получило продолжение в исследовательском творчестве его сына, Б. П. Полевого — известного историка Дальнего Востока [Комиссаров, Массов].

Как видно, изучение фотодокументов имеет особую значимость в рамках осмысления наследия П. И. Полевого, поскольку в совокупности с тематическими текстами исследователя они представляют собой репрезентативный источник для изучения в антропологии и широком спектре смежных гуманитарных наук. В плане популяризации науки, благодаря введению в общественный оборот архивных фотообразов, созданных П. И. Полевым, современные посетители экспозиций музеев смогут составить свое представление об истории колонизации Сахалина в начале XX в.

Источники

Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергом. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1908.

Панов А. А. Сахалин, как колония: очерки колонизации и современного положения Сахалина. М. : Тип. И. Д. Сытина, 1905.

Пилсудский Б. О. Нужды и потребности сахалинских гилияков // Записки Приамурского отдела ИРГО. 1898. Т. 4. Вып. 3. С. 1–38.

Полевой П. И. Нефтеносный район Северо-восточного Сахалина // Известия Геологического комитета. 1909. Т. XXVIII, № 160. С. 415–462.

Полевой П. И. Русский Сахалин. Краткий географический очерк // Известия Императорского Русского географического общества. 1914. Т. 49, вып. 7. С. 565–616.

Сеич А. Сахалин, как колония // Русская мысль. 1904. № 6. С. 1–25.

СОКМ — Сахалинский областной краеведческий музей. КП 6422/1–6422/14.

Тихонович Н., Полевой П. Описание угленосных отложений Русского Сахалина // Очерк месторождений ископаемых углей России. СПб. : Геол. ком., 1913. С. 523–551.

Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества 1864–1886 гг. Т. 1 : Исторические отчеты о физико-географических исследованиях начальника Физического отдела Сибирской экспедиции магистра Ф. Б. Шмидта и его помощника П. П. Глена. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1866.

Исследования

Басилов В. Н. Наука о народах и фотография // Советская этнография. 1981. № 2. С. 161–164.

Главацкая Е. М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 217–225.

Головнев И. А. Архивное этнографическое кино как исторический источник // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 693–703. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-692-703>

Головнев И. А. Ученый камчадал из страны вулканов: Прокопий Новограбленов и его образы Камчатки // Диалог со временем. 2020. № 3 (72). С. 181–194. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.72.72.011>

Головнева Е. В., Головнев И. А. Фотофиксация Дальнего Востока в деятельности Владимира Арсеньева: «репертуар» образов // *Quaestio Rossica*. 2020. № 3. С. 1023–1036. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.3.510>

Комиссаров Б. Н., Массов А. Я. Историк Российского Дальнего Востока (К 80-летию Б. П. Полевого) // *Этнографическое обозрение*. 1999. № 4. С. 131–137.

Красникова О. А. Борис Петрович Полевой (к 80-летию со дня рождения) // *Вестник Сахалинского музея*. 1998. № 5. С. 113–142.

Соловьева К. Ю. «В поисках Беловодья»: Опыт фоторепрезентации двух эпох // *Музей. Традиции. Этничность*. 2012. № 2. С. 144–149.

Степанова Л. Б. Экспедиционный фотоархив И. С. Гурвича: гуманитарный проект советской визуальной антропологии // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2019. Т. 27. С. 96–105.

Тарасов А. В. Нефть и люди Сахалина. Хабаровск : Приамурские ведомости, 2003.

Tolmacheva E. B. Early field photography and visual documentation of Northern indigenous cultures: Ivan Poliakov's collection // *Sibirica*. 2017. Т. 16. № 1. С. 6–30.

References

Basilov, V. N. (1981). *Nauka o narodakh i fotografiia* [Science on Peoples and Photography]. *Sovetskaja etnografija*, 2, 161–164.

Glavatskaya, E. M. (2011). Fotodokumenty kak istoricheskij istochnik: opyt atributsii, kriticheskogo analiza i nauchnogo tsitirovaniia [Photodocuments as a Historical Source: An Attempt at Attribution, Critical Analysis, and Scientific Citation]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 4, 217–225.

Golovnev, I. A. (2018). Arkhivnoe etnograficheskoe kino kak istoricheskij istochnik [Archival Ethnographic Films as a Historical Source]. *Herald of an Archivist*, 3, 693–703. <http://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-692-703>

Golovnev, I. A. (2020). Uchenyi kamchadal iz strany vulkanov: Prokopij Novograblenov i ego obrazy Kamchatki [A Learned Kamchadal from the Land of Volcanoes: Prokopy Novograblenov and His Images of Kamchatka]. *Dialog so vremenem*, 3, 181–194. <http://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.72.72.011>

Golovneva, E. V., & Golovnev, I. A. (2020). Fotofiksatsiia Dal'nego Vostoka v deiatel'nosti Vladimira Arsenyeva: "repertuar" obrazov [The Far East in Vladimir Arsenyev's Photographic Works: A "Repertoire" of Images]. *Quaestio Rossica*, 8(3), 1023–1036. <http://doi.org/10.15826/qr.2020.3.510>

Komissarov, B. N., & Massov, A. Ya. (1999). Istorik rossiiskogo Dal'nego Vostoka (k 80-letiiu B. P. Polevogo) [The Historian of the Russian Far East (For Boris Polevoy's 80th Birthday)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4, 131–137.

Krasnikova, O. A. (1998). Boris Petrovich Polevoi (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) [Boris Polevoy (For His 80th Birthday)]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeja*, 5, 113–142.

Solovyova, K. Yu. (2012). "V poiskakh Belovod'ja": Opyt fotoreprezentatsii dvukh epokh ["In Search of Belovodye": An Attempt at a Photographic Representation of Two Epochs]. *Museum. Traditions. Ethnicity*, 2, 144–144.

Stepanova, L. B. (2019). Ekspeditsionnyi fotoarkhiv I. S. Gurvicha: gumanitarnyi proekt sovetskoi vizual'noi antropologii [Expedition Photographic Archive of Ilia S. Gurvich: Humanitarian Project of Soviet Visual Anthropology]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Geoarkheologiya, Etnologiya, Antropologiya*, 27, 96–105.

Tarasov, A. V. (2003). *Neft' i liudi Sakhalina* [Oil and People of Sakhalin]. Khabarovsk: Priamurskie vedomosti.

Tolmacheva, E. B. (2017). Early Field Photography and Visual Documentation of Northern Indigenous Cultures: Ivan Poliakov's Collection. *Sibirica*, 16(1), 6–30.

Головнев Иван Андреевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Музей антропологии и этнологии
«Кунсткамера» РАН
199034, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 3
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Головнева Елена Валентиновна

доктор философских наук, профессор
кафедры культурологии и дизайна
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Golovnev, Ivan Andreevich

PhD (History), Senior Researcher
Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
3, Universitetskaya Emb.,
199034 St Petersburg, Russia
Email: golovnev.ivan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4866-7122>
Scopus AuthorID: 57192830550

Golovneva, Elena Valentinovna

Dr. Hab. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia
Email: golovneva.elena@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0709-4615>
Scopus AuthorID: 57190867645

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.035

УДК 314.15:94(4) + 94(569.4) + 821.162.1-1 +
+ 130.2 + 82'42**Валентина Круповес***Естественно-гуманитарный
университет в г. Седльце
Седльце, Польша*

ЧУЖОЙ ГОРОД: ВИЛЬНЮССКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ КВАРТАЛ В ПОЛЬСКИХ ТЕКСТАХ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

В статье анализируются культурные представления о Вильнюсском гетто и методы их категоризации в польскоязычных текстах межвоенного периода: в туристических справочниках, фельетонах и стихах. В текстах вильнюсских авторов — Юлиуша Клоса, профессора Вильнюсского университета, поэтов Витольда Гулевича и Константина Галчинского — гетто определяется через призму разных категорий культуры. В ракурсе модернистских процессов оно охарактеризовано как средневековое и хаотичное городское пространство, требующее современного переустройства; в ракурсе пикториальной эстетики — как живописная часть города; в ракурсе гетерогенности — как городская гетеротопия и в ракурсе повседневности — как пространство, насыщенное мелкой торговлей, оживленными житейскими отношениями, выделяющееся на фоне остальной части города. В статье подчеркивается, что образ Вильнюса как городской гетеротопии в определенной степени формировался извне, в том числе авторами немецких путеводителей, изданных во время оккупации города в Первую мировую войну, а также иностранцами, посещавшими Вильнюс в межвоенный период. Они являлись «иным» наблюдателем, в их текстах гетто представлено как часть городского пространства, интригующая своеобразием. Замеченная «иным» специфика и особенность гетто повлияли на восприятие города отдельными представителями польской интеллигенции. Изображения вильнюсского гетто выявляют мировоззрение, идеи, идеологию и, в некоторой степени, эстетические предпочтения авторов, для которых гетто было чужим городом. Особую позицию занимал Ежи Вышомирски — писатель и журналист, познающий пространство гетто, изучающий идиш и иврит и относящийся к еврейскому миру с соседской доброжелательностью. Тем самым он устранял формы отчуждения, что позволило включить гетто в общее представление о городе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вильнюсское гетто; городская гетеротопия; модернизация; культурные представления; чуждость; инаковость; польская поэзия

Ц и т и р о в а н и е: *Круповес В.* Чужой город: вильнюсский еврейский квартал в польских текстах межвоенного периода // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 205–216. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.035>

Поступила в редакцию: 02.01.2021

Принята к печати: 15.04.2021

Walentyna Krupowies

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities
Siedlce, Poland

ALIEN CITY: THE VILNIUS JEWISH GHETTO IN POLISH TEXTS OF THE INTERWAR PERIOD

This article analyses the cultural images of the Vilnius ghetto and the methods of its categorisation in Polish-language texts of the interwar period in tourist guides, feuilletons, and poetry. In the texts of the Vilnius authors, Julisz Kłos, professor of Vilnius University, poets Witold Hulewicz and Konstanty Gałczyński, the ghetto is defined in terms of modernity as a medieval and chaotic urban space that requires modernisation; in terms of pictorialism as a picturesque part of the city; in terms of heterogeneity as an alien space creating an urban heterotopia, and as a space of everyday life, specific for the whole of Vilnius. The article emphasises the fact that the image of Vilnius as an urban heterotopia was shaped by foreigners, including authors of German guides of the World War I years and subsequently by foreign guests visiting Vilnius in the interwar period. In their texts, the ghetto appears as an intriguing part of the city space. Noticed by a foreigner who played the role of the “other”, the specificity and originality of the ghetto influenced the perceptions of the city by some representatives of the Polish intelligentsia. The textual image of the Vilnius ghetto reveals the beliefs, worldviews, images, ideology, and to some extent the aesthetic inclinations of the authors for whom the ghetto was an alien city. A different attitude was represented by Jerzy Wyszomirski, a writer and journalist who comprehended the space of the ghetto, its languages, Yiddish and Hebrew, and treated the Jewish world with kindness as neighbourly and familiar, thus eliminating the structures of otherness that allowed the ghetto to be incorporated into the general idea of the city.

Key words: Vilnius ghetto; urban heterotopia; modernisation; cultural images; foreignness; otherness; Polish poetry

For citation: Krupowies, W. (2021). Chuzhoi gorod: vil'niusskii evreiskii kvartal v pol'skikh tekstakh mezhvoennogo perioda [Alien City: The Vilnius Jewish Ghetto in Polish Texts of the Interwar Period]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 205–216. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.035>

Submitted: 02.01.2021

Accepted: 15.04.2021

Введение

Классик польской литературы, лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош в предисловии к книге, посвященной известному еврейскому поэту Аврому Суцкеверу, утверждал, что довоенный Вильнюс нужно считать польско-еврейским городом [Miłosz, 2004, s. 7]. В этот период Вильнюс не был единым городом и следует говорить о существовании двух разных городских пространств и отдельных,

чуждых миров: религиозных, языковых, социокультурных. Ч. Милош прокомментировал чуждость между поляками и евреями того времени и незнание поляками еврейской литературы с некоей иронией: поэт с изумлением вспоминал, что он так же, как и весь нееврейский Вильнюс, отличался «незнанием книг, создаваемых на идиш в нескольких переулках от места» [Miłosz, 2004, s. 7], в котором он жил в довоенное время. Нет оснований не доверять воспоминаниям Милоша и его убеждениям в том, что представления поляков о еврейском Вильнюсе в значительной степени являлись не более чем набором стереотипов и клише.

В период между Первой и Второй мировыми войнами в Вильнюсе были районы, в которых проживали исключительно евреи. Такой территорией являлся еврейский квартал (гетто), который находился в центре старого Вильнюса, в пределах улиц Великой, Немецкой и Доминиканской. В польском культурном дискурсе того времени формировались разные образы еврейского гетто, и они не всегда были стереотипны. Эти образы можно реконструировать на основе отдельных текстов разных авторов довоенного времени — писателей, поэтов, публицистов, деятелей культуры.

Представления о Вильнюсе в этих текстах, усиленные религиозными, культурными и языковыми различиями их авторов, создавали образ города своеобразного, особого и даже экзотичного. Благодаря Э. Саиду и другим исследователям «воображаемой географии» [Said; Todorova; Škrabec], мы знаем, что текстовые репрезентации иных культур и территорий скрывают убеждения, взгляды, мировоззрения авторов текстов. Несомненно, образ еврейского квартала в польской литературе строился из представлений, мнений, а также идей, доминирующих в польском культурном дискурсе. Этот образ мы находим в довоенных путеводителях, стихах, а также в очерках и фельетонах, в которых представлена фигура городского жителя, интеллигента и одновременно чуткого наблюдателя жизни города. Его внимание привлекает еврейский квартал, и он старается понять инаковость этого рядом расположенного, но чужого города.

Гетто в воображении польской интеллигенции

В самом известном и читаемом путеводителе межвоенного периода, автором которого был Юлиуш Клос [Kłos, s. 195–198], профессор Вильнюсского университета, описание гетто получилось кратким и поверхностным. Духовным центром еврейского мира и одновременно самым величественным сооружением была Большая синагога. Но Большая синагога привлекла внимание польского профессора только из-за своей классической галереи, расположенной наверху главного фасада, и из-за интерьера, стилизованного под вильнюсское рококо. Точно так же интерьер синагоги был представлен несколькими годами ранее в путеводителе Вацлава Студницкого [Studnicki, s. 46], который заметил, что синагога напоминает интерьеры вильнюсских костелов. Если соотнести описание польских авторов с немецким путеводителем времен Первой мировой войны, то становится очевидно, что кое-что они пропустили. Немецкий автор Пауль

Вебер описал интерьер синагоги более детально и обратил особое внимание на восточный орнамент, не изображенный польскими авторами [Weber]. И Клос, и Студницки отметили и кратко описали исключительно те художественные элементы, которые позволили включить Большую синагогу в культурно-художественную парадигму европейской архитектуры и таким образом признать ее архитектурным памятником Вильнюса.

Доминирование культурных представлений тогдашней польской интеллигенции о Вильнюсе как о «продукте» латинского духа иногда приводило к полному исключению пространства гетто из их трудов. Описание гетто не вошло также и в памятную брошюру Чеслава Янковского, посвященную архитектуре Вильнюса. Автор восхищался архитектурным пространством города и эфатически восклицал: «Какое это все... римско-романское!» [Jankowski, s. 12]. Известный фотограф-художник того времени, Ян Булгак, в своем путеводителе «Странствия фотографа» только в сноске к основному тексту упомянул о существовании еврейского Вильнюса [Bułhak, 1936, s. 9].

Нужно подчеркнуть, что иногда в прессе появлялись мнения, призывающие к изменению такого положения вещей. К примеру, главный редактор польской ежедневной газеты «Słowo» писал: «...мы живем бок о бок, евреи знают о нас всё, а мы ничего о них не знаем. Время от времени нужно пробивать эту стену» [Cat-Mackiewicz, s. 1]. Стратегию замалчивания четко иллюстрируют радиопередачи «День Вильнюса» [Hulewicz, 1929]. Трансляция по вильнюсскому радио была организована 12 декабря 1929 г. и длилась целый день. Концерты и передачи, посвященные городу, транслировались по всей стране, но программ, посвященных еврейскому Вильнюсу, не было. Этот день с горькой иронией был прокомментирован в еврейской прессе:

Как Вильнюс выглядит на радио в «эксклюзивной вильнюсской программе»? Понятно, что Вильнюс — это не только Базилика и Замковая гора. В Вильнюсе находятся также синагоги, еврейское гетто с его улицей Стеклойной и еврейский «Дом культуры» <...>. Но в «День вильнюсского радио» произошло частичное солнечное затмение, и эта часть Вильнюса не была замечена. <...>. В «Вильнюсский день» солнце светило и согревало только хозяев [Przegląd prasy żydowskiej, s. 10–11].

Это замалчивание во многом напоминает антропоэтическую стратегию преодоления чуждости, описанную Леви-Строссом [Lévi-Strauss], заключающуюся в отторжении чужого. В данном случае стратегия заключалась в том, чтобы исключить всякую инаковость из культурного и символического пространства города: не только гетто или синагоги, но и церкви.

С другой стороны, известно, что Булгак фотографировал не только памятники архитектуры, но и городское пространство в целом. Его творчество включает в себя многочисленные фотографии гетто, особенно того периода, когда он задокументировал Вильнюс для городского фотоархива, которым руководил [Bułhak, 1939, s. 71–72]. Эти фотографии во многом сформировали образ Вильнюса и восприятие городского пространства довоенной вильнюсской

интеллигенцией. Фотографии гетто, сделанные Булгаком, демонстрируют экстрамальный взгляд, прошедший через фильтр пикториальной эстетики, основанной на категории живописности. Фотограф, будучи внешним наблюдателем, не принадлежащим к еврейской общине, воспринимает гетто как запутанный лабиринт (одно из наиболее часто используемых сравнений) извилистых переулков, соединенных аркадами, визуально привлекательных и чрезвычайно живописных. Он находит необходимые точки обзора, позволяющие рассмотреть улицы гетто в наиболее подходящем ракурсе и в итоге получить визуально привлекательные изображения. Одно из таких мест упоминается и Клосом, это площадь на пересечении Стеклойной, Клочки, Еврейской и Доминиканской улиц [Kłos, s. 195]. С южной стороны площадь ограничена характерным, слегка «волнистым» фасадом здания. Можно предположить, что место, которое Клос считал достойным внимания из-за открывающегося вида на несколько самых живописных переулков гетто, нашел в свое время и Булгак, о чем косвенно свидетельствует фотография, датируемая 1912–1915 гг. [Bułhak, 2013, s. 50].

Позиция внешнего наблюдателя, обрамляющая пространство гетто, исключала эмпатическое и антропологически-познавательное участие. Выбранные фотографом точки наблюдения, которые можно отметить на довоенной карте Вильнюса, определили символические рубежи. Позади них уже было пространство инаковости, и точная ориентировка в нем была доступна только тому обществу, которое его населяло. Такое положение дел хорошо иллюстрирует пример переулка Рамайлес, который находился между Мясницкой и Еврейской улицами и был важным внутренним коммуникационным трактом жителей гетто [Аграновский, Гузенберг, с. 69–70]. Однако он не был отмечен на официальном плане города, а топоним Рамайлес функционировал исключительно в еврейском сообществе и знаменовал важную фигуру в религиозной жизни общины. Итак, гетто — это мир ворот, проходов, дворов, внешних винтовых лестниц, железных лестниц, ведущих на чердаки, ступеней, ведущих в подвалы, многочисленных хозяйственных построек [Граде]. Этот мир — тесный, бедный, лишенный зелени, обширных видов, открытого пространства, — оставался во многом чуждым, неузнаваемым, более того, знакомство польской интеллигенции того времени с этим миром казалось излишним.

Новые методы категоризации пространства гетто сложились под влиянием модернизационных концепций. Гетто, населенное беднейшей частью еврейской общины Вильнюса, представляло собою все то, что, согласно идее модернизации, должно было коренным образом измениться. Такие концепции, как всеобщий прогресс, развитие «городской гигиены», основанной на сооружении канализации, строительстве светлых, просторных и дешевых квартир, популяризации физической культуры и т. д., должны были привести к созданию условий жизни, подходящих для современного человека, который должен жить в обществе «здоровом и рациональном» [Rottenberg, s. 10–11].

Убеждения, которые занимали важное место в модернизационной парадигме в 1920-е и 1930-е гг., такие как гигиена, здоровое и крепкое тело,

функционировали в языке на уровне выражений, фраз, формулировок. Появлялись они и в культурном дискурсе, присутствовали в поэзии. К примеру, высказывание Клоса о гетто раскрывает его модернистские идиосинкразии по отношению к старому миру. Он не рекомендует туристам ходить в эту часть города, поскольку «типично восточная неряшливость жителей этого антигигиенического района и его невыносимая духота не позволяет... культурному европейцу посещать эти переулки» [Kłos, s. 196]. В стихотворении Витольда Гулевича «Гетто» модернистские убеждения формируют метафоры, образы, композицию. Стихотворение было напечатано в сборнике «Город под облаками» [Hulewicz, 1996, s. 35], где еврейское городское пространство и жители представлены в ракурсе модернизации. Композиция произведения основана на противопоставлении: на одном полюсе находится пространство гетто и его жители, изображенные как представители старого мира, на другом полюсе расположены признаки современности, заметные и в провинциальном тогда Вильнюсе, среди которых стремящаяся к эмансипации молодежь. В стихотворении Гулевича нет и следа колоритности: гетто — это не очаровательные извилистые улочки, а деформированные «артритные переулки» с кривыми многоквартирными домами, которые «рушатся друг на друга» [Ibid.]. С помощью таких приемов, как анимация, перечисление, гипаллаж поэт изображает жителей, страдающих болезнями, типичными для бедных и многолюдных кварталов. Прохожего «атакует» сенсориум гетто: он чувствует зловоние, видит нищету, мутные сточные воды и крыс — переносчиков и возбудителей болезней в грязных городах. Стесненное пространство, лишённое солнца и радости, определяет жизнь, застывшую в мертвой точке времени: «Время грязно в сточных водах застывает» [Ibid.]. Жители сливаются с болезнетворной средой и превращаются в хрипы в гортани. Этот мир бедных людей, скованных многовековой традицией, несовместимой с новыми временами и, следовательно, прозябающих вне основного русла жизни, вызывает сострадание. Лекарственным средством от болезней старого мира являются новые времена, которые в последней строфе олицетворяет молодая девушка — образованная, энергичная, ориентированная на будущее и представляющая первое поколение, желающее разорвать узы традиционного образа жизни: она любит стихи, интересуется современным искусством «и знает, что такое новая музыка» [Ibid.].

Парадоксальным образом, взгляд на гетто, опосредованный модернистскими идеями, в определенном смысле поставил его за пределы еврейства. Оно выглядит как традиционный квартал со средневековой планировкой улиц, тесной застройкой, перенаселенностью, явственным недостатком жизненного пространства и поэтому отвечает основным условиям модернистского художественного воображения: гетто — это пространство, предназначенное для изменений согласно идее социального прогресса, независимо от того, населяют ли его последователи иудаизма или любой другой религии.

В рамках польского дискурса о Вильнюсе существовал образ города, в создание которого внесли свою лепту и иностранцы. Важным периодом в этом

отношении была немецкая оккупация Вильнюса во время Первой мировой войны. В те годы были опубликованы упомянутые выше путеводители немецких авторов [Michaelis; Weber], открывших для своего читателя «забытый город искусства». Вильнюс в немецких текстах является городом своеобразным и самобытным, где сосуществуют Восток и Запад, а его таинственная как Сфинкс уникальность является результатом гибридности городского пространства.

В межвоенный период Вильнюс воспринимался польской интеллигенцией в ракурсе неоднородности во время визитов иностранцев, в том числе А. Дёблина, Б. Линде, Э. Керн [Wrażenia cudzoziemca z Wilna]. Произведения этих авторов, их статьи, публичные высказывания, а также комментарии, сделанные в частной беседе и цитируемые в польской прессе, независимые от внутренних споров и раздела на польский, еврейский, литовский Вильнюс, так или иначе проникали в польское восприятие города. Писатель Юзеф Мацкевич в своей рецензии на путеводитель Мариана Хепке отмечал: «Иностранцы смотрят со стороны и могут высказывать объективные мнения. Поэтому, повторяю, их комментарии ценны» [Mackiewicz, s. 363].

Восприятие Вильнюса как образцовой гетеротопии [Foucault; Kvietkauskas] изменяло статус гетто: оно становилось одним из ключевых кварталов города, определявших самобытную, уникальную гетерогенность Вильнюса в целом. В довоенных фельетонах и очерках вильнюсских писателей и журналистов Юзефа Мацкевича и Ежи Вышомирского появляется не названная по имени и фамилии фигура иностранца, который восхищается гетто. Е. Вышомирски писал: «Я как-то беседовал со швейцарцем. По-настоящему культурный... человек: стопроцентный западноевропейский журналист, как не задать ему банальный вопрос: — Что вам больше всего понравилось в Вильнюсе? — Что? Все уже знают. Да, гетто, гетто... » [Wyszomirski, 1932a]. Иностранец с особым взглядом на город играет роль Другого. Ссылаясь на его высказывания, автор фельетона показывает, что польские представления о Вильнюсе как о городе исключительно латинской культуры сложились вследствие игнорирования инаковости или ее вытеснения. Вышомирски занимал прагматичную позицию и положительно оценивал гетерогенность городского пространства. Он считал, что поскольку гетто формирует самобытность и своеобразие Вильнюса, то оно не должно относиться к сфере чуждости: «И когда я слышу, что иностранец ощущает что-то еврейское или русское в Вильнюсе, это меня не раздражает и не возмущает. Эти элементы в Вильнюсе существуют. Нет необходимости искоренять их. Напротив, их можно идеально использовать для популяризации города» [Ibid.].

Е. Вышомирского следует считать одним из немногих интеллигентов довоенного Вильнюса, который усиленно старался понять своеобразие еврейской культуры и был открыт для не поверхностных отношений: «Более глубоким пониманием евреев я обязан дружбе с Любецким» — признавался журналист [Śmigielski, s. 82]. Несомненно, он преодолел границу чуждости в символическом и культурном смысле, когда изучал идиш и иврит. Он, житель Вильнюса и журналист «Słowo», часто бродил по городу, изучал его гетеротопию

и начинал воспринимать гетто как место, глубоко укоренившееся в городской структуре. В статье, которая была опубликована в варшавском еженедельнике «Wiadomości Literackie», Вышомирски назвал Вильнюс «городом противоречий» [Wyszomirski, 1934], имея в виду не только социальное расслоение, но и национальное разнообразие, запечатленное в исторически сложившейся ткани города. Извилистые переулки, дворы и дворики, соединенные многочисленными переходами типа анфиладных интерьеров, связанные аркадами дома — это один из образов Вильнюса того времени, и нужно подчеркнуть, что гетто являлось квинтэссенцией старого города, особенно тех кварталов, где проживала неимущая часть населения. Вышомирски, описывая Вильнюс в целом и гетто в частности, отказался от публицистического стиля. В его статье появляются метафорические эпитеты, поэтические сравнения, некоторые образы становятся символическими. Гетто характеризуется «старостью, плесенью, сыростью, мшистостью» [Ibid.], которые «очаровательны и загадочны». Эпитеты относятся одновременно и к настоящему гетто, и к гетто, изображенному на картинах художника Бронислава Ямонта. Культурно опосредованное описание, в котором интерпретация художественных изображений города пронизана фактографичностью, способствовало неординарности взгляда на гетто. «Мрачные тени контрастируют с яркими пятнами света, как в наших переулках, где солнце из всех сил пытается проникнуть в зигзагообразные овраги. Если на этих картинах появляется человеческая фигура, то это обычно старый еврей или бедная торговка: потому что такие люди живут в этих темных и старых переулках...» [Ibid.]. Приведенное описание сохраняет колорит и в то же время соответствует эмпирическому опыту этой части города.

Стоит упомянуть и факт физического преодоления грани чуждости Вышомирским, когда он посетил Большую синагогу и оставил текстовое свидетельство о входе в чужой мир. Очерк под названием «Посещение синагоги» [Wyszomirski, 1932b] был опубликован в октябре 1932 г. в вильнюсской прессе и открывал для польского читателя неизведанный мир, который находился рядом. Время визита выбрано не случайно: Вышомирски пришел в Вильнюсскую синагогу в еврейский праздник Йом Кипур, хотя в своем тексте он применяет термин Судный день. Автор был доброжелательным и несомненно заинтересованным, но все-таки посторонним наблюдателем, который пытался передать в публицистическом тексте религиозно-мистический характер происходящего. Его метод объяснения религиозного таинства во многом напоминает прием Альфреда Дёблина, который в книге о путешествии по Польше в 1924 г. воссоздал христианское богослужение в Вильнюсе [Döblin]. Дёблин детально описывал священнодействие, но не пытался раскрыть религиозное значение жестов, знаков. Вышомирский тоже не раскрывает значения Дня искупления в иудаизме, а свое описание представляет в виде поэтической прозы. Покаянный характер праздника передан изображением мрачного, дождливого октябрьского вечера: «Дождь и туман — это прекраснейшая декорация для трагических молитв» [Wyszomirski, 1932b]. Литературная традиция, в которой пейзаж или природа и природные явления

представляют внутренний мир человеческих переживаний, духовных или эмоциональных состояний, замещает экзегезу и журналистскую пытливость. Большую синагогу пронизывает «звонкий и теплый голос кантора», ему отвечает гулкий хор собравшихся людей, и эта общая молитва создает мистическое единство многовековых стен и толпы, погруженной в молитвенное чтение псалмов.

Вильнюсское гетто как повседневное жизненное пространство

Мариан Хепке, немецкоязычный автор, до войны живший в Польше, совершив поездку в Вильнюс, издал книгу, в которой определил геокультурные координаты города как его места между Востоком и Западом [Нерке, s. 74–77]. Образ гетто в его книге путешествий — это прежде всего «своеобразный торговый район» с множеством магазинов, лавок, ларьков, где с раннего утра до позднего вечера кипела жизнь, динамичная и суетливая. Сфера торговли, обмена и покупок была частью повседневного быта, и несомненно в повседневной жизни поддерживались отношения между еврейской и нееврейской общинами Вильнюса. Такой вид общения подтверждают и воспоминания писателей, в довоенное время живших в Вильнюсе: в автобиографическом тексте Чеслава Милоша, его поэме «Безыманный город», а также в рассказах Авраама Карпиновича, появляется персонаж Соры Клок — хозяйки галантерейного магазина, где они оба делали покупки [Miłosz, 1990, s. 25; Karpinovičius, s. 143]. В этом контексте становится понятным несколько провокационное желание Карпиновича, выраженное с явной меланхолией, увековечить в современном Вильнюсе еврейских владельцев магазинов, пекарен, аптек, кафе и т. д., поскольку именно в этих местах повседневная жизнь гетто бурлила наиболее интенсивно [Karpinovičius, s. 143].

Пространство вильнюсского гетто в контексте повседневной жизни было показано и в произведениях известного польского поэта Константина Галчинского, созданных им в Вильнюсе, прежде всего в стихотворении «Вильно, улица Немецкая» [Gałczyński]. Название произведения состоит из двух топонимов и, таким образом, указывает на конкретное место в городе. Но это название имеет одновременно и обобщающий метонимический характер и относится как бы ко всем улицам еврейского Вильнюса. Улица Немецкая отличалась интенсивностью городской жизни, непрекращающейся торговлей, избытком вывесок и рекламы, городской суетой, громким зазыванием уличных торговцев, а также перенаселенностью этой части города. Галчински описывает улицу, населенную мелкими торговцами и ремесленниками, борющимися со своим трудным экономическим положением. Стихотворение было написано в 1935 г., когда город еще полностью ощущал последствия мирового кризиса в виде бедности, безработицы и нарастающих националистических и антисемитских настроений. Произведение вписывается в период преобразования литературной тематики, характеризующийся смещением в сторону социальных проблем. Используя такие средства, как коллаж, цитаты из прессы, услышанные высказывания и отрывки разговоров горожан, автор создает образ низших социальных слоев,

состоящий из мелких торговцев и ремесленников, изо всех сил пытающихся обеспечить выживание своей семьи во время «кризиса, ступающего словно смерть с косой» [Gałczyński, s. 316].

В творчестве Галчинского Вильнюс представлен мелкобуржуазным и даже плебейским городом, в котором «доминируют» извозчики со своими повозками, дешевые трактиры, уличные торговцы. Образ гетто дополняет общий образ Вильнюса, болезненно пострадавшего от кризиса, и гармонирует с ним. Среди бедных жителей значительную часть составляли «евреи с улицы Гаона, Стекланной, Мыльной, Двойной улиц, живущие за счет ремонта кукол и изготовления галош» [Ibid.]. Социальный и классовый контекст 1930-х гг. был подчеркнут персонажем Зыскиндом, фамилия которого, вероятнее всего, является каламбуром подлинной фамилии предпринимателя Залкинда — владельца торгового дома вблизи Немецкой улицы.

Образ Немецкой улицы, на которой происходит мелкая уличная торговля, дополняется высказываниями о ней нееврейского населения и соответствующими аллюзиями. Ярким примером являются эпитеты из первых строк стихотворения: 1) «коварная» — отголосок расхожего мнения о том, что можно легко стать жертвой мошенничества при совершении покупок в еврейских лавках; 2) «разбойническая» — характеристика, отражающая представление об опасности еврейской части города для других жителей. Дальше в стихотворении появляется строгое предостережение: «В Вильнюсе, по улице Немецкой / не гуляй, малыш-христианин» [Ibid.], которое, по сути, является уличной присказкой и ассоциируется с традиционным обвинением евреев в том, что они используют кровь христианских детей для своих обрядов. В связи с этим возникает вопрос о позиции автора, и следующие строфы косвенно дают на него ответ. Ребенка могут напугать исключительно «вывески с изображением тигра, скалящего зубы», а единственным пострадавшим является бедный продавец чая, жертва недобросовестного конкурента, который «распространяет слух, что чай сделан из клопов». Автор внимательно воспроизводит уличную речь, идентифицируя нееврейские изречения, пропитанные недоверием, а также еврейские, отмеченные чувством тщетности и горечи: «Что я пойду продавать? Облака с луной?» [Ibid.].

Образ пространства вильнюсского гетто в польских текстах межвоенного периода формировался из сочетания убеждений, мировоззрений, индивидуальных культурных представлений, господствовавшей идеологии и, в некоторой степени, из эстетических пристрастий авторов. В рассмотренных текстах гетто существует как «город внутри города», город иной, своеобразный, во многом чуждый. Своеобразие гетто проявлялось прежде всего в контексте повседневной жизни, определяющей характером деятельности его жителей, ведущих активную уличную торговлю. Торговая активность и городской гул отличали гетто от несколько сонной, тихой атмосферы города, о чем свидетельствуют упоминаемая в статье книга М. Хепке и автобиографические тексты писателей Ч. Милоша и А. Карпиновича. Чуждость гетто проявлялась на нескольких уровнях: цивилизационном, культурном, религиозном, языковом. Отчуждение

было структурой прочной и устойчивой, уходящей корнями глубоко в прошлое и с трудом поддающейся преобразованию. Значимость рассмотренных литературных произведений и других текстов состоит прежде всего в том, что они свидетельствовали о необходимости изменений, трансформации идеологических структур чуждости в среде польской интеллигенции того времени. Авторы этих текстов, особенно Ежи Вышомирски, изображали гетто как неотъемлемую часть гетеротопии города, включали его в общие культурные и символические представления о городе и таким образом противостояли восприятию гетто как чуждого мира.

Источники

- Граде Х.* Мамины субботы / пер. с идиша В. Чернина. М. : Книжники, 2012.
- Bulhak J.* Wędrówki fotografa w słowie i obrazie. Pejzaż Wilna. Wilno : Przegląd Fotograficzny, 1936. T. VIII–IX.
- Bulhak J.* Dwadzieścia sześć lat z Ruszczycem. Wilno : S. Turski, 1939.
- Bulhak J.* Vilnius, II knyga, sud. Jūratė Gudaitė. Vilnius : Lietuvos Nacionalinis Muziejus, 2013.
- Cat-Mackiewicz S.* Żydzi wileńscy // Słowo. 1932. Nr 167. S. 1–2.
- Döblin A.* Podróż po Polsce / przeł. A. Wołkowicz, posł. H. Grynberg. Kraków : Wydaw. Literackie, 2000.
- Galczyński K. I.* Dzieła : w 5 t. T. 2 : Poezje / red. K. Gałczyńska, B. Kowalska. Warszawa : Czytelnik, 1979.
- Hepke M.* Wilno. Stadt zwischen Ost und West : Reisebilder. Bromberg ; Bydgoszcz : W. John, 1935.
- Hulewicz W.* Dzień Wilna w radio wileńskim // Słowo. 1929. Nr 287. S. 3.
- Hulewicz W.* Miasto pod chmurami. Warszawa : Oficyna Literatów i Dziennikarzy Pod Wiatr, 1996.
- Jankowski C.* Gościom Wilna ku pamięci. Wilno : Nakładem i drukiem Ludwika Chomińskiego, 1927.
- Karpinovičius A.* Paskutinis Vilniaus pranašas / vertė C. Smoliakovas. Vilnius : Tyto alba, 1998.
- Kłos J.* Wilno : przewodnik krajoznawczy. Wilno : Wydaw. Wileńskiego Oddziału Polskiego Towarzystwa Turystyczno-Krajoznawczego, 1937.
- Michaelis P.* Kurland und Litauen in deutscher Hand. Berlin ; Steglitz : Fritz Würtz, 1917.
- Miłosz C.* Dykcyonarz wileńskich ulic // Miłosz C. Zaczynając od moich ulic. Wrocław : Wydaw. Dolnośląskie, 1990. S. 9–30.
- Miłosz C.* Przedmowa // Katz D. Wilno Jerozolimą było. Rzecz o Abrahamie Sutzkeverze. Sejny : Pogranicze, 2004. S. 5–12.
- Przegląd prasy żydowskiej // Przegląd Wileński. 1930. Nr. 1. S. 10–11.
- Studnicki W.* Wilno : przewodnik. Wilno : Nakładem i drukiem Ludwika Chomińskiego, 1921.
- Weber P.* Wilna. Eine vergessene Kunststätte. Wilno : Verl. der Zeitung der 10. Armee, 1917.
- Wrażenia cudzoziemca z Wilna // Przegląd Wileński. 1931. Nr 1–2. S. 2–5.
- Wyszomirski J.* Nigdzie poza Wilnem // Słowo. 1932a. Nr 285. S. 4.
- Wyszomirski J.* Odwiedziny Synagogi // Słowo. 1932b. Nr 257. S. 5.
- Wyszomirski J.* Miasto kontrastów // Wiadomości Literackie. 1934. Nr 33. S. 8.

Исследования

- Аграновский Г., Гузенберг И.* Вильнюс: по следам Литовского Иерусалима. Памятные места еврейской истории и культуры. Vilnius : Гос. еврейский музей им. Виленского Гаона, 2011.
- Foucault M.* Inne przestrzenie / przekł. A. Rejniak-Majewska // Teksty Drugie. 2005. Nr 6. S. 117–125.

Kvietkauskas M. Heterotopia międzywojennego Wilna: dyskursy krajoznawcze i literackie // *Żagary. Środowisko kulturowe grupy literackiej* / pod red. T. Bujnickiego, K. Biedrzyckiego, J. Fazana. Kraków : UNIVERSITAS, 2009. S. 209–227.

Lévi-Strauss C. Smutek tropików / przeł. A. Steinsberg. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960.

Mackiewicz J. Czy wielka zagadka Wilna? // Mackiewicz J. *Bulbin z jednosielca*. Londyn : Kontra, 2001. S. 360–363.

Rottenberg A. Postęp i higiena // Postęp i higiena. Progress and Hygiene : katalog / pod red. A. Rottenberg. Warszawa : Zachęta — Narodowa Galeria Sztuki, 2014. S. 10–21.

Said E. Orientalizm / przekł. M. Wyrwas-Wiśniewska. Poznań : Zysk i S-ka, 2003.

Škrabec S. Geografia wyobrażona. Koncepcja Europy Środkowej w XX wieku / przekł. R. Sasor. Kraków : Międzynarodowe Centrum Kultury, 2013.

Śmigielski T. Między Wilnem a Łodzią. Życie i twórczość Jerzego Wyszomirskiego (1897–1955). Wysokie Mazowieckie : Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im. Wagów, 2006.

Todorova M. Bałkany wyobrażone / tłum. P. Szymor, M. Budzińska. Wołowiec : Wydaw. Czarne, 2008.

References

Agranovski, G., & Guzenberg, I. (2011). *Vilnius: Po sledam Litovskogo Ierusalima. Pamiatnye mesta evreiskoj istorii i kultury* [Vilnius: In the Footsteps of Lithuanian Jerusalem. Memorable Places of Jewish History and Culture]. Vilnius: The Vilna Gaon Lithuanian State Jewish Museum.

Foucault, M. (2005). Inne przestrzenie (A. Reynak-Mayewska, Trans.). *Teksty Drugie*, 6, 117–125.

Kvietkauskas, M. (2009). Heterotopia międzywojennego Wilna: dyskursy krajoznawcze i literackie. In T. Bujnicki, K. Biedrzycki, & J. Fazan (Eds.), *Żagary. Środowisko kulturowe grupy literackiej* (pp. 209–227). Kraków: UNIVERSITAS.

Lévi-Strauss, C. (1960). *Smutek tropików* (A. Steinsberg, Trans.). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Mackiewicz, J. (2001). Czy wielka zagadka Wilna? In J. Mackiewicz, *Bulbin z jednosielca* (pp. 360–363). London: Kontra.

Rottenberg, A. (2014). Postęp i higiena. In A. Rottenberg (Ed.), *Postęp i higiena. Progress and Hygiene: katalog* (pp. 10–21). Warszawa: Zachęta — Narodowa Galeria Sztuki.

Said, E. (2003). *Orientalizm* (M. Wyrwas-Wiśniewska, Trans.). Poznań: Zysk i S-ka.

Škrabec, S. (2013). *Geografia wyobrażona. Koncepcja Europy Środkowej w XX wieku* (R. Sasor, Trans.). Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury.

Śmigielski, T. (2006). *Między Wilnem a Łodzią. Życie i twórczość Jerzego Wyszomirskiego (1897–1955)*. Wysokie Mazowieckie: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe im. Wagów.

Todorova, M. (2008). *Bałkany wyobrażone* (P. Szymor, & M. Budzińska, Trans.). Wołowiec: Wydawnictwo Czarne.

Круповес Валентина

кандидат филологических наук, адъюнкт
Институт языкознания
и литературоведения
Естественно-гуманитарный университет
в г. Седльце
ul. Konarskiego, 2,
08-110 Siedlce, Polska
E-mail: vakru@onet.eu

Krupowies, Walentyna

PhD (Philology), Assistant Professor
Institute of Linguistics and Literary Studies
Siedlce University of Natural Sciences
and Humanities
2, Konarskiego Str., 08-110 Siedlce, Poland
Email: vakru@onet.eu
<https://orcid.org/0000-0003-1013-7708>

ОБРАЗ ДРУГОГО В ЛИТЕРАТУРЕ

IMAGE OF THE OTHER IN LITERATURE

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.036
УДК 82(091) + 821.162.4-3 Ракус + 808.1

Оксана Блашків
*Естественно-гуманитарный
университет в г. Седльце*
Седльце, Польша

ОБРАЗЫ РУССКИХ ПРОФЕССОРОВ В РОМАНЕ СТАНИСЛАВА РАКУСА «ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Статья посвящена образу русского профессора в романе «Эксцентричный университет» (2008) словацкого писателя Станислава Ракуса. На основании существующих исследований в этой области предлагается краткий обзор эволюции образа русского в словацкой литературе с конца XIX — до начала XXI в., которая была обусловлена историей взаимоотношений обоих народов. Так, в начале XX в. источником образа русских в словацкой литературе была классическая русская литература, в результате чего сформировался достаточно идеалистический образ русского человека. Опыт взаимодействия с русскими в 1917–1920 гг. позволил словацким legionерам, среди которых были и писатели, выработать более реалистичный образ русских. После Второй мировой войны литературный образ русских характеризовался дихотомией «брат – угнетатель», в то время как более объемные, динамичные образы русских начали появляться в словацкой литературе в последние десятилетия. Роман «Эксцентричный университет», являющийся частью академической трилогии Станислава Ракуса, рассматривается в статье как университетский роман, который привносит новые черты в образы русских персонажей, существующие в словацкой литературе. Проанализированы образы двух русских преподавателей-эмигрантов в одном из словацких университетов середины XX в.: Марии Петровны Головчиковой (литературоведа) и Александра Кирилловича Жупрея (языковеда). Автор утверждает, что с помощью этих образов Станислав Ракус обращается к проблеме стереотипного словацкого русофильства, сформировавшегося под влиянием русской литературы XIX в., а также и к стереотипам, связанным с эмиграционным и гендерным дискурсом в современной словацкой культуре. Ироничный образ русских, созданный

Станиславом Ракусом, по мнению автора, направлен на активацию культурной памяти, что, в свою очередь, вместе с соединением в одном романе типичных черт *университетского* (ориентированного на жизнь студентов) и *академического* (ориентированного на жизнь профессоров) романа предлагает новый инвариант университетской прозы.

Ключевые слова: имагология; словацкая литература; университетский роман; Станислав Ракус; «Эксцентричный университет»

Цитирование: Блашкив О. Образы русских профессоров в романе Станислава Ракуса «Эксцентричный университет» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 217–232. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.036>

Поступила в редакцию: 21.11.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Oksana Blashkiv

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities
Siedlce, Poland

IMAGE OF A RUSSIAN PROFESSOR IN STANISLAV RAKÚS'S *THE ECCENTRIC UNIVERSITY*

This article focuses on the image of the Russian professors in *The Eccentric University* (2008), a novel by Stanislav Rakús. Based on previous research, the author presents a short survey of Russian images in Slovak Literature in the late nineteenth – early twentieth-first centuries, whose peculiarities are rooted in the history of interaction between the two Slavic nations. Thus, the early twentieth century idealistic image of the Russian was built on the basis of Russian literature. The first images of Russians based on personal experience were created by Czechoslovak legionnaires as a result of interaction with Russians between 1917 and 1920, while after World War II, they were presented through a dichotomy “brother – suppressor”, to be changed into more dynamic ones by the early twenty-first century. *The Eccentric University*, which the author approaches from the perspective of the academic novel and part of Rakús's academic trilogy, enlarges the list of literary images of the Russians in Slovak literature. The author analyses images of Maria Petrovna Golovčikova, a female professor of Russian nineteenth-century literature, and Alexandr Kirillovič Župrej, a professor of Russian literature, both immigrant scholars at a Slovak university in the 1950s. The author maintains that through these images, Rakús addresses not only Slovak Russophilic stereotypes historically embedded in nineteenth-century literary images of Russians, but also gender and immigrant stereotypes that circulate in contemporary Slovak culture. The author concludes that an ironic portrayal of Russian professors is directed at the cultural memory activation, which together with other features typical for both campus and academic novel adds to the new (Rakús's) invariant of the “university novel”.

Key words: imagology; Slovak literature; academic novel; Stanislav Rakús; *The Eccentric University*

For citation: Blashkiv, O. (2021). Obrazy russkikh professorov v romane Stanislava Rakusa "Ekstsentrichnyj universitet" [Image of a Russian Professor in Stanislav Rakús's *The Eccentric University*]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 217–232. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.036>

Submitted: 21.11.2020

Accepted: 25.03.2021

Введение

В современном словацком литературоведении до сих пор не уделялось должного внимания художественным текстам национальной литературы XXI в., в которых представлены образы России и русских, хотя ранее «проблематика словацко-русских культурных связей разрабатывалась и анализировалась многими исследователями» [Kuzmíková, 2013, с. 42]. Недостаточное изучение диалога двух культур отмечают и российские ученые, указывая при этом на возрастающий интерес к данному вопросу в последнее время [Шведова, 2012]. Подтверждение этому находим, например, в сборнике «Россия и русский человек в восприятии славянских народов», который в значительной мере расширил понимание функционирования названных образов в словацкой культуре на протяжении двух предшествующих веков с учетом особенностей формирования и развития славистики как отдельной гуманитарной дисциплины в конце XIX в. [Зеленкова]. Исследования последних лет указывают на то, что особый интерес у литературоведов вызывает имагологический аспект интерпретации произведений словацкой литературы, посвященных инонациональным образам [Широкова, 2017]. Постепенно в этот дискурс входит творчество современных словацких писателей, в произведениях которых образ русского человека функционирует уже не по принципу «угнетателя или брата», а получает более объемное освещение [Kuzmíková, 2013; Широкова, 2012]. Одним из словацких писателей, создавших качественно новый образ русских в современной словацкой литературе, является Станислав Ракус.

В историческом плане важно отметить, что в начале XX в. главным источником знания словаков о восточных братьях-славянах была художественная литература. Яна Кузьмикова отмечает, что на интерес словаков к русской культуре значительно повлияли события Первой мировой войны. В ней принимали участие словацкие писатели Янко Ясенский (1874–1945), Йозеф Грегор Тайовский (1874–1940), Микулаш Гацек (1895–1971), которые впервые получили возможность общения с русскими напрямую, а не посредством литературных произведений [Kuzmíková, 2013, с. 44]. В этот период в словацкой прозе под влиянием внелитературных, социополитических фактов и факторов появились как позитивные образы русских — «новых людей, братьев всех людей», так и негативные образы большевиков-преступников. Интересно отметить, что в начале XX в. образы русских женщин нередко осмысливались словацкими писателями в несколько ориенталистском плане. Например, Янко Ясенский описывал

русских женщин как «добродушных селянок»: «сердечные, чувствительные, души которых как открытые чаши со сказочным напитком, дорогим нектаром, который они сами, наклоняясь, наливают без предостережений» [Kuzmíková, 2013, с. 50]. Эти чуткие, нежные героини противопоставлялись в ментальном плане холодным, сдержанным, расчетливым чешкам / европейкам. Однако, «литературные прозведения Тайовского и Ясенского о Первой мировой войне были скорее стилизованным свидетельством, чем художественно убедительным изображением военного времени» [Там же].

После Второй мировой войны в словацкой литературе закрепились антагонистические образы русских — брата или угнетателя [Широкова, 2012; Kuzmíková, 2013]. На формирование указанных стереотипов повлияли исторические и политические обстоятельства, сложившиеся в Словакии после войны. С одной стороны, позитивный образ русского (сильного и справедливого) был средством официальной пропаганды, провозглашавшей дружбу словацкого и советских народов во «время насильственного установления в 1948 г. коммунистического режима» [Kuzmíková, 2013, с. 58]. С другой стороны, негативные оценки, появившиеся в последующие десятилетия, особенно популярные в 1970-е гг., опирались на существующие стереотипы о склонности русских к анархии, тирании и алкоголю (насильники и пьяницы). В то же время стоит отметить, что в конце 1940-х гг. идея словацкого русофильства, навеянная увлечением русской культурой, все еще четко присутствовала в словацкой литературе (Франтишек Швантнер «Письмо», 1948) [Там же]. В начале XXI в. словацкие писатели, обращаясь к русской тематике, отходят от шаблонов *homo sovieticus* или *homo antisovieticus*, исследуют индивидуальные мотивы поведения разных типов людей в конкретных исторических обстоятельствах [Там же, с. 64]. Эту динамику подчеркивали и российские литературоведы [Шведова, 2014; Широкова, 2014].

Жанровые особенности романа Станислава Ракуса «Эксцентричный университет»

В контексте нашего исследования важно отметить тот факт, что большинство произведений, ставших основой изучения образов русских в словацкой литературе, относятся к военной прозе [Kuzmíková, 2013; 2014], в то время как другие жанры попадали в поле исследований гораздо реже. К таким жанрам можно отнести словацкий университетский роман, который до сих пор, как, впрочем, и другие славянские университетские романы¹, не часто становился

¹ Многие ученые отмечают, что такой вид романа характерен исключительно для англо-американской литературной традиции [см.: SRGL, s. 102–104; Анцыферова]. В английском языке функционируют несколько терминов, используемых литературоведами для обозначения этого жанрового вида: *the campus novel*, *the college novel*, *academic novel*, *the varsity novel*. Также иногда употребляются термины, предложенные исследователем Р. Г. Карамом: *Professorroman*, *Studentenroman*. В немногочисленных научных статьях, анализирующих произведения данного жанра в других национальных литературах [Sidowska; Mitka], за образец жанра берутся английские и американские романы об университетской жизни, а термины «академический роман» и «университетский роман» часто используются как синонимы. Мы будем следовать

предметом изучения литературоведов [Blashkiv; Блашкив; Блашків; Sidowska; Mitka]. Причиной этого могла стать относительно низкая репрезентативность и, соответственно, низкая популярность этой жанровой разновидности в современных славянских литературах [Mitka]. В то же время в современной словацкой литературе имя Станислава Ракуса (род. 1940) ассоциируется напрямую с университетской прозой². Его трилогия, в которую вошли романы «Темпоральные записки» (1993), «Ненаписанный роман» (2004) и «Эксцентричный университет» (2008) — яркий пример метапрозы. Повествование в трилогии сосредоточено на образах преподавателей литературы, работающих в вузах Словакии. Фабульное время романов охватывает 1950–1970-е гг. Такое достаточно продолжительное художественное время позволяет многоаспектно рассмотреть образ профессора в контексте политических и социокультурных проблем этого периода в истории Словакии. Интересно, что образы этнических русских появляются в последнем романе трилогии, повествующем о 1950-х гг., в отличие от предыдущих романов, действие которых происходит в начале 1970-х гг.

Академический роман (*academic novel*) как жанр романа о жизни преподавателей высшей школы сформировался в 1950-е гг. в англоязычной литературе. В произведениях этого жанра образ университета предстает как замкнутое пространство, отделенное от общества в буквальном и переносном смысле стеной, где нередко господствуют раздоры, интриги, а также борьба за власть и влияние. Образ профессора-протагониста при этом — глубоко сатирический, подчеркивающий его наивность. В погоне за научными результатами и выполнении повседневных рутинных преподавательских обязанностей профессор переживают глубокий личностный и профессиональный кризис и зачастую стоят перед выбором: уйти или остаться в университете [Dalton-Brown, p. 592]. В таком контексте произведения Станислава Ракуса «Темпоральные записки» (1993), «Ненаписанный роман» (2004) отвечают требованиям жанра университетского романа, хотя их персонажи и работают в вечерней школе (Дюшан Сакмара из «Темпоральных записок») и в театре (Адам Захариаш из «Ненаписанного романа»), а не в университете. Названные герои изображены автором как неудобные, невостребованные, неспособные адаптироваться к обстоятельствам неудачники, живущие в период «нормализации» (1968–1989). Это люди, по верному определению Аллы Машковой, «с изломанными судьбами», те, «кого прежде называли “лишними”» [Машкова, с. 53].

англо-американской традиции, понимающей под *campus novel* романы о жизни студентов, а под *academic novel* романы о жизни профессоров [Williams], соответственно переводя их на русский как «университетский роман» и «академический роман». В случае слияния двух жанров мы будем использовать термин «университетский роман», который ближе по значению к *college novel* или *varsity novel*.

² В творческом наследии этого писателя, литературоведа и университетского профессора, кроме вышеупомянутых сочинений, есть также сборник рассказов «Pieseň o studničnej vode» («Песнь о воде из колодца», 1979), детская проза «Mačacia krajina» («Кошкина страна», 1986), несколько литературоведческих работ, среди которых монография «Поэтика прозаического текста» (1995) и книга под названием «Телеграмма» (2010), получившая высшую словацкую литературную награду «Anasoft litera».

Важная составляющая личности Дюшана Сакмары и Адама Захариаша — тяга к словесному творчеству, с помощью которого герои пытаются осмыслить происходящее с ними, т. е. рассказать / написать свою историю. Дюшана Сакмару увольняют с должности учителя вечерней школы, где он преподавал литературу в стиле импровизации (не соотносящемся с правилами периода «нормализации»), на основании анонимного письма, уличающего молодого учителя в издевательстве над студентами и несоответствии образу примерного гражданина и учителя. Личный дневник, в котором Сакмара регулярно делал записи обо всех событиях, происходивших с ним и вокруг него, оказывается потерянным. Если бы дневник попал в чужие руки, особенно нежелательного читателя, содержание записей стало бы очень опасным для родственников, знакомых и коллег Сакмары. Герой «Ненаписанного романа» — преподаватель литературы Адам Захариаш — был изгнан из университета, потому что «со временем выяснилось, что в критические годы он выступал по радио, что член оценочной комиссии доцент Бартош определил как подрывную и вражескую деятельность» [Rakús, 2004, s. 28]. Выход в свет его новеллы «Профессор Амбел» останавливает цензура, и, невзирая на попытки найти человека, который бы согласился отослать в печать новеллу под своим именем, Захариашу не удается опубликовать свое произведение. В обоих случаях рассказчики остаются неуслышанными ни своими близкими и знакомыми, ни читателями. Жизненные перипетии Адама Захариаша и Дюшана Сакмары, на наш взгляд, соотносят их судьбы с образом «гонимой правды» [Чижевський]³. Именно мотив незаслуженного изгнания из университета — места, которое по своей сути должно гарантировать свободу самовыражения и обеспечивать условия для неустанного поиска правды / истины, позволяет интерпретировать этих персонажей Станислава Ракуса в контексте «нормализации» не только как «лишних», но и «изгнанных».

Академические романы нередко являются своеобразными литературными хрониками, повествующими о жизни университетов и чутко реагирующими на любые ее изменения [Showalter]. Уже первые академические романы обращались, среди прочих, к теме Другого, регистрируя тем самым изменения в культурной среде высших учебных заведений. Американские университеты долго были элитарными и замкнутыми сообществами, но после Второй мировой войны стали принимать чужаков — ученых-эмигрантов из Европы, в которых нуждались

³ В статье «Гонимая правда» („Die vertriebene Wahrheit“, 1956) Дмитрий Чижевский анализирует барочную чешскую поэзию и украинскую проповедническую прозу, прослеживая в них образ «гонимой правды». Его корни Чижевский видит в некоторых высказываниях из Библии («Блаженны гонимые за правду...») и в античном мифе о Деве Астрее, которая, не выдержав человеческой подлости, улетела на небо. В христианской литературе Средневековья, отмечает он, образ гонимой правды был общим местом, характерной чертой которого было то, что истина (или другая гонимая добродетель) возвращается на Землю и не может найти себе пристанища. В более поздние времена, согласно автору, образ появляется в многочисленных произведениях, которые используют символику паломничества с поучительной или сатирической целью. В этом ключе можно рассматривать также «Лабиринт мира и рай сердца» Яна Амоса Коменского — вершину чешской литературы XVII в.

в США. В литературе в большинстве случаев этот образ воплотился в качестве отчужденного и глубоко привязанного к своей родине профессора-чудака [Gruszevska-Blaim, p. 51–52]. Наиболее известным персонажем подобного типа является профессор Тимофей Пнин из одноименного романа Владимира Набокова, но стоит упомянуть также Домну Рейнев — героиню романа “The Groves of Academe” Мери МакКарти, поскольку это произведение заложило в начале 1950-х гг. основы жанра академического романа в американской литературе.

Роман Станислава Ракуса «Эксцентричный университет» — инвариант жанра университетского романа, редко встречающегося в англо-американской традиции. Произведение Станислава Ракуса представляет синтез академического романа (*academic novel*) и университетского романа (*campus novel*). В центре повествования в университетском романе оказывается студент, а действие романа разворачивается вокруг студенческой жизни в кампусе [Williams, c. 562]. В романе «Эксцентричный университет» преподаватели-иностранцы представлены через восприятие студентов, т. е. в определенной мере глазами «других» по отношению к среде преподавателей. Перед читателем разворачивается история жизни первокурсника Петера Ледера, студента отделения русской филологии одного из университетов Чехословакии. Действие происходит в 1950-е гг. Во время учебы далеко от родного города, которым для Петера была Прага, он участвует в жизни «эксцентричного» университета и его не менее эксцентричных студентов, один из которых — Виктор Бохня, студент второго курса той же русской филологии. Из повествования этих двух персонажей читатель узнает о жизни университетских профессоров и студентов. При этом второкурсник Виктор Бохня, считающий себя практически сформировавшимся писателем, рассказывает о своем университетском опыте, а первокурсник Петер Ледер ему внимает. Таким образом, в начале романа перед читателем предстают «слушающий» и «говорящий» рассказчики. К концу учебного года второкурсника Бохню исключают из университета за «безответственность, злоупотребление отцовским именем, неуважение к русской литературе и эксцентричное поведение» [Rakús, 2008, s. 225]. Вот почему содержание его ненаписанной, но озвученной книги становится известно читателю из уст Петера. В этой книге и история сватовства Бохни к преподавательнице русской литературы Марии Петровне Головчиковой, и история языковеда Александра Кирилловича Жупрея и самого Бохни-писателя, и мн. др. Ненаписанная книга Виктора предстает перед читателем как «история в истории», поскольку в романе Станислава Ракуса она вошла в повествование Петера. Тот, в свою очередь, пытается осмыслить свою жизнь в Праге до поступления в «эксцентричный» университет и во время учебы в нем, чтобы потом рассказать об этом своему отцу, который обязательно скажет: «Так начинай же рассказывать все по порядку с конца» [Ibid.]. При этом сатирическое изображение учебного заведения хоть и имеет место, но не является самоцелью, как это часто бывает в англо-американских академических романах.

Луция Чандикова-Параличова верно отметила, что «кроме параллельной композиции в романе присутствует содержательная внутренняя параллельность,

которая метафорично представляет параллельное существование не только рассказчиков, но и всех остальных персонажей. Эта раздвоенность имплицитно указывает на поиски героями жизненного равновесия, устойчивости, стабильности во времена, когда нельзя оставаться самим собой. Параллельное существование, таким образом, создает переход между существованием аутентичным и неаутентичным, искусственным» [Čandíková Paraličová, s. 825]. На наш взгляд, эта композиционная двойственность в романе Станислава Ракуса «Эксцентричный университет» усиливается иронией, которая по своей сути также «двойственна», где истинной является не прямо высказанный, а подразумеваемый смысл. Ирония Станислава Ракуса, по мнению Петера Заяца, аналогична иронии Томаса Манна, которая зиждется, в частности, на инверсии, изменении оптики, а вместе с ними — и на изменении повествовательных перспектив и смене нескольких рассказчиков, и реализуется словацким писателем посредством современных приемов — пародии, травестии и пастиша [Zajac]. В этом смысле образы русских профессоров в романе особенно ярки.

Русская женщина или советский эмигрант?

Образ Марии Петровны Головчиковой, русской женщины и «советской» эмигрантки, преподавательницы русской литературы XIX в., насквозь ироничен. Красота Марии Петровны изображена метонимично: у нее — «красиво обрисованные губы» [Rakús, 2008, s. 7] и связанные с ними «легкость в произношении» и звучание голоса (она «мягко, кокетливо и в то же время стыдливо открывает рот, заливая как родовитая русская всю комнату точными звуками, аканьем и отлично артикулируя гласные и согласные» [Ibid., s. 8]). Марии Петровне двадцать семь лет, но она все еще не замужем. По мнению нарратора, причиной тому мог послужить ее исконно «русский сибирский рост в 190 см» [Ibid., s. 9], а также то, что она «посвятила свою жизнь литературе XIX века» [Ibid.]. Нарратор воспринимает ее как поэта, которым она поневоле стала, находясь на «огромном расстоянии от широких просторов страны, которая в своей литературной душе посредством Гоголя... хранит и тайную красоту Малой Руси?» [Ibid., s. 29].

Студент Виктор Бохня воспринимал Марию Петровну как «личность, которая в этом эксцентричном университете стала [его] преследовать» [Ibid., s. 7]. Поэтому герой пришел к выводу, что правильным выходом из данной ситуации станет сватовство, а «с момента, как Виктор Павлович Бохня попросил руки красавицы Марии Петровны Головчиковой, двадцати семи лет от роду, он совершенно русифицировался — в обращении с избранными собеседниками начал использовать имя и отчество» [Ibid.].

Увлечение Марией Петровной стали для Виктора Бохни импульсом для поисков своего мужского и писательского «я». При этом оба компонента его идентичности были тесно связаны между собой. Маскулинность персонажа проявилась в физических качествах: возраст (29 лет, поскольку в университет он поступает после армии) и высокий рост (он может со своим ростом 187 см

физически стать почти ровней Марии Петровне), а также в желании завоевать благосклонность дамы:

Какой парадокс, господа! Заикание и испуг, а вместе с тем мужская энергия, то, что используя принятую идиоматику, называют «сильная рука». Мужская способность быть защитой. А еще вдобавок к этому — быстрота и аналитичность мысли. Кто же из всех слушателей филологии может предложить что-то подобное, кто, кроме меня, в таких условиях откажется просить руки Марии Петровны Головчиковой с кафедры русского языка и литературы? [Rakús, 2008, s. 11]

Стратегия завоевания Марии Петровны мыслилась Бохней как умение «притягивающе, туманно и элегантно формулировать свои мысли» [Ibid., s. 10], быть в состоянии «произвести многочисленные звуковые оттенки и особенности голоса» [Ibid., s. 11], правильно подобрать время (в декабре, когда все вокруг бело и красиво) и одежду (театральный реквизит или черный костюм) для торжественного дня. Готовясь к судьбоносному поступку, Виктор Бохня прокручивал в голове бесчисленные варианты разговора о русской литературе XIX в., который должен был состояться во время консультации и подвести к сватовству. В то же время, в глубине души герой надеялся, что когда они будут стоять с Марией Петровной лицом к лицу, поскольку их рост это позволяет, то хватит лишь «намекнуть, и не будет нужды добиваться благосклонности ни интеллектом, ни словами», она сама «прильнет к его груди, ведь русские так эмоциональны, а в этой молчаливой, чувствительной коммуникации проявится все, что он хотел ей сказать» [Ibid., s. 31]. В этих размышлениях Бохня пытается не просто представить себя слушателю Петеру и будущему читателю как писателя, но и осмыслить свои ощущения с помощью литературных понятий:

Что я, собственно, за человек? Раз во мне проявляется драматический характер конструктивного, иногда неотступного, настойчивого типа, которой ставит избранным особам вопросы, превышающие их духовный уровень и интеллектуальные возможности, а иногда я сам совершенно беспомощен из-за самого простого вопроса, с которым нужно обратиться к нежной даме. Эту моментальную нерешительность и возврат к кризису я быстро придушил. На самом деле, я эпик, подумал я, поскольку... всякие мелочи и низкие недостойные детали провоцируют мое желание рассказывать и постоянно уходить в лирические отступления. Эта эпичная ненасытность, этот тип кутежа меня когда-то всего поглотит и вместе со мной зальет тех, кто меня слушает [Ibid., s. 27–28].

Очень важным компонентом в понимании особенностей творческого, писательского «я» Виктора Бохни являются реминисценции, связанные с русской литературой XIX в. Среди авторов, наследие которых представляется хорошо знакомым герою, — Александр Пушкин, Николай Гоголь, Иван Тургенев, Лев Толстой, Федор Достоевский, Антон Чехов. Таким образом, у читателя может сложиться впечатление, что Виктор Бохня — глубокая и образованная натура. Однако Станислав Ракус и в этом случае играет с ожиданиями читателя, иронизирует над интертекстуальностью восприятия, литературоведческими и историко-литературными горизонтами Виктора Бохни. Оказалось, что познания

героя в творчестве русских писателей заключались в коллекции фактов из частной жизни классиков: количестве шагов на дуэли между Пушкиным и Дантесом; высказывании Гоголя о том, что «мужчинам нравятся красивые и глупые женщины» [Rakús, 2008, s. 39]. Вполне возможно, учитывая время написания романа, что автор иронизирует по поводу уровня преподавания русской литературы в 1950-е гг. и одновременно пародирует культурологические исследования в современном литературоведении.

Историю сватовства читатель узнает из рассказа Бохни-писателя, воссоздающего событие в трех аспектах: 1) планирование и подготовка; 2) реальная картина сватовства; 3) осмысление двух вышеупомянутых моментов, поданных в форме раздела будущей книги, рассказанного друзьям-студентам. Тон повествования трагикомичен. Сватовству предшествовали распивание вина и поедание картофеля в огромных количествах для храбрости. Затем преодоление трудностей на пути в аудиторию (запахи селедки, трески, шпрот, кислой капусты), преодоление состояния алкогольного опьянения, при котором один глаз Бохни становился меньше другого и тем самым не позволял прямо взглянуть на собеседницу. Все перечисленное — лишь малая часть неприятной истории, произошедшей в знаменательный день.

Кульминацией сватовства становится фраза «Вы неисправимы, Бохня!», весело брошенная Марией Петровной в ответ на предложение руки и сердца, вдобавок еще и с искаженным произношением фамилии студента. Злоключение студента-второкурсника Бохни — не в самом отказе, а в его негалантной манере, не соответствующей духу XIX в. Ему отказали «без какого-либо уважения, которое в русской культуре проявляется благородной возможностью использовать перед фамилией не только имя, но и отчество» [Ibid., s. 35]. В отместку за неучтивый отказ Виктор Павлович Бохня детально вообразает взрыв злости, в пылу которого он остро критикует гениев русской культуры XIX в., сводя на нет их литературные заслуги. Венцом демифологизации образа Марии Петровны для уязвленного Бохни становится новость о том, что она уже три года как «формально замужем за земляком, получившим образование в Москве и занимающимся торговлей» [Ibid., s. 42]. Следовательно, Мария Петровна отнюдь не возвышенная личность, поскольку, оказалось, она «не была ни поэтом, ни одинокой душой, ни глубоким ценителем русской литературы XIX века», ей просто «захотелось здесь жить» [Ibid.]. Вместе с Виктором Павловичем Бохней автор иронизирует и над наивностью молодого мужчины, и над творческой амбициозностью студента-филолога, благодаря которому перед читателем предстает образ русской женщины-профессора, сотканный из литературных деталей, которые уже стали стереотипными в словацкой культуре.

Русский лингвист или неблагонадежный эмигрант?

Образ Александра Кирилловича Жупрея, языковеда-русиста, представлен в романе «Эксцентричный университет» более доброжелательно,

в сочувственном тоне, но тоже с немалой долей иронии. Профессор Жупрей много лет самоотверженно работает над историей русского языка, хотя для постороннего такое занятие может выглядеть странным, совершенно непонятным и бесполезным:

Никому бы в голову не пришло, что кто-то может прийти на работу и заниматься каким-то словечком, которому уделял пристальное внимание вчера, и неделю, и месяц назад. [Он] оборачивает его со всех сторон, делает о нем заметки и рисует графы, а когда около пяти вечера вернется домой, должен хотя бы два часа поспать, потому что работа над этим словечком его измучила. Реальность, однако, была совсем другой. Александр Кириллович Жупрей готовился к докладу на научной конференции в Ужгороде, а в нем он затронет исторические изменения, международные обстоятельства, вариативность и содержательный спектр этого словечка, которое в своем докладе он назовет лексемой. Благодаря этому словечку он поселится в Ужгороде в гостинице «Киев», погуляет по набережной реки Уж и привезет в Словакию пять банок острой горчицы [Rakús, 2008, s. 196–197].

Пародируя лингвистические методологии исследования языка, Станислав Ракус иронизирует и над феноменом научных конференций. Мотивация профессора Жупрея в них поучаствовать скорее напоминает «академический туризм» более поздних времен (вспомним хотя бы роман Дэвида Лоджа «Мир тесен», 1984). География международных конференций персонажа, однако, ограничена «историческими землями» Словакии — Прикарпатской Русью, которая после Второй мировой войны отошла в состав Украинской Советской Социалистической Республики, на что автор и намекает названием гостиницы «Киев» в г. Ужгород. Иронию вызывает то, что этой культурной памятью по-своему владеет словак русского происхождения, эмигрант во втором поколении, как и то, что память о русской культуре он сохраняет в своей жизни благодаря вкусовым привязанностям.

В университете Александр Кириллович занимает каморку, всю заставленную книгами и напоминающую «склад исторических и современных лексикографических и лексических записей и документов» [Ibid., s. 199]. Иногда эту каморку использует для личных встреч со студентками вышестоящий коллега, и тогда Александр Кириллович может наслаждаться пространством его кабинета. Довольно часто Александр Кириллович размышлял о проблемах языкознания во время прогулок в парке. Во время одной из них его задержала служба безопасности, обвинив в тунеядстве. Выпустили Александра Кирилловича только после «звонка заведующего кафедрой русского языка и литературы, который подтвердил его личность и научную ориентацию» [Ibid.], но во время допроса выяснилось, что он — сын русского эмигранта, выпускника Академии искусств в Петрограде, музыканта и популяризатора русской культуры, прибывшего в Словакию в 1921 г. Это происшествие отразилось на университетской жизни преподавателя практически сразу: ему было отказано в переезде в более просторную комнату.

Студента Виктора Бохню с профессором Жупреем свела совместная общественная деятельность: им была поручена политическая агитация. Бохня

и Жупрей должны были убедить жителей города принять участие в майских праздниках. Поскольку профессор «оставил всю агитацию [Бохне], помогая при этом только своим молчаливым присутствием» [Rakús, 2008, s. 201], то вечером он пригласил Виктора на ужин. С этого вечера начались их регулярные, посвященные «культуре приема пищи» встречи, на которых Бохня не только узнавал много интересного, но и учился молчать или ставить вопросы, а не «предаваться обжорству рассказывания». Общение с профессором Жупреем вдохновляло Бохню на размышления о французской гастрономической культуре, о теме «языка и еды» в литературе и в жизни, о потреблении пищи как части общечеловеческой коммуникативной культуры. Анализируя домашние привычки, интересы Жупрея, Виктор приходит к заключению, что такое уважительное отношение к еде профессор вынес из отцовского дома. Бохня сожалеет, что профессор Жупрей в университете недооценен, был и остается чудаковатым маргиналом. Используя новые знания по истории и культуре питания, полученные в ходе общения с Александром Кирилловичем, Бохня видит личность профессора как «тринадцатого гостя» — лишнего человека за столом среди двенадцати приглашенных к ужину. Студент понимает, что в университете с Александром Кирилловичем «в будущем уже не будут считаться» [Ibid., s. 210], и одна из причин такого отношения к профессору Жупрею — потомственная / эмигрантская неблагонадежность. И хотя он пострадал не из-за своего политически опасного творчества как персонажи предыдущих книг Станислава Ракуса Сакмара («Темпоральные записки») или Захариаш («Ненаписанный роман»), профессор Жупрей тоже в некотором смысле изгнан из университетского общества, но из-за «правды» о своем происхождении.

Представленные образы русских профессоров-эмигрантов для обоих рассказчиков — Виктора Бохни и Петера Ледера — в канве романа имеют разное значение. Для второкурсника Бохни Мария Петровна — ключевая личность для его личностной и писательской идентичности. Для первокурсника Петера история сватовства Бохни — не только некая инициация в студенческую жизнь, полную романтических увлечений и разочарований, но и «наследство» Бохни-писателя, который считал, что начинать романы нужно историями отношений мужчины и женщины, чтобы с самого начала захватить внимание читателя. Переложив на студентов-филологов все муки словесного творчества, Станислав Ракус не только обогатил образ «студенческой жизни» (по законам жанра университетского романа сосредоточенной на спорте и любовных историях, а не на писании художественных произведений), но и благодаря их студенческому взгляду по-новому показал сотрудников университета. Поскольку не со всеми преподавателями (а их в романе довольно много) у Виктора Бохни сложились доверительные отношения, профессор Жупрей, возможно, оказывается настоящим его учителем, поскольку во время разговоров косвенно учит его (а через него и Петера) внимательно слушать, наблюдать и анализировать увиденное, а это — неоценимое качество хорошего рассказчика. Вместе с другими персонажами романа они дают возможность молодому поколению студентов рассказать историю, будь то история взросления, безответной любви или написания романа.

Выводы

В романе Станислава Ракуса «Эксцентричный университет» образы русских профессоров играют, на наш взгляд, особенно важную роль. С их помощью автор апеллирует к культурной памяти словаков и провоцирует ее ревизию, что несомненно предполагает пересмотр устоявшихся национальных стереотипов. Авторская ирония при этом создает достаточную дистанцию по отношению к фабульному историческому времени и его героям. Она формирует осознание относительности национальных клише и стереотипов, необходимости критического мышления в их (стереотипов) оценке и таким образом активизирует культурную память словаков.

Так, Мария Петровна Головчикова — «советская» эмигрантка, что, однако, было достаточно редким явлением и может намекать также и на ее сотрудничество с органами службы безопасности СССР. Готовность Марии Петровны выйти замуж «за паспорт» перекликается с подобными случаями экономической эмиграции после распада Советского Союза. В образе Марии Петровны Головчиковой Станислав Ракус развенчивает русофильский стереотип, закрепившийся в словацкой культуре по отношению к русской женщине, а также корректирует распространенное мнение, связанное с пиететом словаков по отношению к русской литературе. С одной стороны, этот стереотип был порожден традицией словацкого русофильства XIX в., с другой — влиянием преподавательских кадров, обучавших словаков русскому языку и литературе в 1950-е гг. и формировавших положительный образ России.

В случае с Александром Кирилловичем Жупреем, преподавателем той же кафедры, активируются представления о судьбах людей межвоенной эмиграции. Гетероимидж представителей разных волн русской эмиграции в Словакии различный: у них несходные типы ценностей и мышления. Осознанное сочувствие к судьбе эмигранта из царской России — в противовес безучастному отношению к эмигранту советского времени — может указывать на то, что для Станислава Ракуса советский (коммунистический) режим не отождествляется с Россией и русской культурой вообще. В аспекте жанра университетского романа, ориентация на культурную память (а не только на создание сатирического образа учебного заведения), а также объединение в одном романе черт *academic* и *campus novel* (обращение в равной мере к жизни и профессоров, и студентов) предлагает уникальный инвариант словацкого университетского романа. Это, в свою очередь, открывает новые возможности для дальнейших исследований жанра равно как и трансформаций образа России и русских в словацкой литературе.

Источники

- Rakús S. Nenapísaný román. Levice : Koloman Kertész Bagala L.C.A. Publishers Goup, 2004.
 Rakús S. Excentrická univerzita. Levice : Koloman Kertész Bagala, 2008.

Исследования

Анциферова О. Ю. Университетский роман: жизнь и законы жанра // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 264–295.

Блашків О. Исторические перипетии сквозь призму украинского университетского романа // *Conversatoria Litteraria*. 2018. XII. С. 135–149. URL: <https://czasopisma.uph.edu.pl/index.php/testowe2/article/view/638> (дата обращения: 22.08.2019).

Блашків О. Радянський джентльмен: український професор супроти викликів історії // *Kultury Wschodniosłowiańskie — Oblicza i Dialog*. 2019. Nr 9. С. 11–22. <https://doi.org/10.14746/kw.2019.9.1>

Зеленкова А. К проблемам славянской имагологии (рецепция русской среды и культуры в воспоминаниях и переписке М. Мурко и И. Поливки на рубеже XIX–XX вв.) // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М. : Центр книги Рудомино, 2014. С. 142–152.

Машкова А. Поэтика метатрилогии Станислава Ракуса // *Slavica Litteraria*. 2014. Vol. 17, Iss. 2. Р. 51–58. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132888/1_SlavicaLitteraria_17-2014-2_6.pdf (дата обращения: 22.08.2019).

Чижевський Д. Гнана правда // Чижевський Д. Філософські твори : у 4 т. Т. 3 : Філософія Людовіта Штура. Філософська славістика. Київ : Смолоскип, 2005. С. 217–227.

Шведова Н. В. Образ России в Словакии // *Славянский альманах* 2011. М. : Индрик, 2012. С. 536–542.

Шведова Н. В. Русский человек в сознании словацкой интеллигенции последних десятилетий // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М. : Центр книги Рудомино, 2014. С. 429–442.

Широкова Л. Ф. Трансформация образа русского в словацкой прозе второй половины XXI века // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах* / отв. ред. Е. С. Узенева. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 271–279.

Широкова Л. Ф. Герои и жертвы: русские персонажи в романах Ладислава Тяжкого // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. М. : Центр книги Рудомино, 2014. С. 421–428.

Широкова Л. Ф. Стереотип или индивидуальность: образ русского в словацкой литературе XX в. // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений) / отв. ред. д. ф. н. И. Е. Адельгейм. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 179–187.

Blashkiv O. Vagaries of (Academic) Identity in Contemporary Fiction // *Journal of Education Culture and Society*. 2018. 9 (1). P. 151–160. <https://doi.org/10.15503/jecs20181.151.160>

Čandíková Paraličová L. Oslobodzujúca radosť z rozprávania. Poznámky k románu Stanislava Rakúsa *Excentrická univerzita* // 5. Študentská vedecká konferencia : zborník príspevkov / ed. M. Chovanec, J. Sipko, G. Harčariková. Prešov : Prešovská Univerzita, 2010. S. 825–831. URL: <https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Chovanec1/subor/70.pdf> (дата обращения: 22.08.2019).

Dalton-Brown S. Is There Life Outside of the Genre of the Campus Novel? Academic Struggles to Find a Place in Today's World // *The Journal of Popular Culture*. 2008. 41 (4). P. 591–600.

Gruszevska-Blaim L. Academic Fiction and the Professorial Shadowlands: The (Dis)empowerment of the Eastern European Scholar // *The campus novel: regional or global?* / ed. D. Fuchs, W. Klepuszweski. Leiden ; Boston : Brill Rodopi, 2019. P. 49–63.

Kuzmíková J. Brat alebo utláčateľ: dôvody a dôsledky mimoriadnej pozície Rusa v slovenskej vojnovej literatúre // Новая русистика. 2013. № 1. С. 41–71. URL: <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/128368> (date of access: 05.07.2019).

Kuzmíková J. The Character of the Russian in Slovak War-Themed Literature // *Acta Slavica Iaponica*. 2014. T. 34. P. 49–67. URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/56934/1/ASI34_003.pdf (date of access: 26.08.2019).

Mitka M. Naratívne a literárnoteoretické korelácie diskurzivity v románoch S. Rakúsa: hľadanie autora (nielen v časoch socializmu) // Codex Historico-Critica. Noetické východiská v kontexte interdisciplinárnych prístupov k histórii, literatúre, jazyku a umeniam / ed. L. Šteflová, P. Karpinský. Prešov : Prešovská Univerzita, 2018. S. 124–134. URL: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Steflova1/subor/Mitka.pdf> (date of access: 22.08.2019).

Sidowska K. Polska powieść uniwersytecka // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Polonica. 2015. № 4 (30). S. 149–157.

Showalter E. Faculty Towers. The Academic Novel and Its Discontents. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2005.

SRGL — Słownik rodzajów i gatunków literackich / red. G. Gazda, S. Tynecka-Makowska. Kraków : Wydaw. Universitas, 2006.

Williams J. J. The Rise of the Academic Novel // American Literary History. 2012. 24 (3). P. 561–589.

Zajac P. Stratené existencie a ich čas. URL: www.konzervativizmus.sk/article.php?312 (date of access: 05.07.2019).

References

Antsyferova, O. Yu. (2009). Universitetskij roman: zhizn' i zakony zhanra [The Campus Novel: Life and the Laws of Genre]. *Voprosy literatury*, 4, 264–295.

Blashkiv, O. (2018a). Istoricheskie peripetii skvoz' prizmu ukrainskogo universitetskogo romana [Historic Vicissitudes through the Prism of the Ukrainian Academic Novel]. *Conversatoria Litteraria*, XII, 135–149. Retrieved from <https://czasopisma.uph.edu.pl/index.php/conversatorialitteraria/article/view/638/561>

Blashkiv, O. (2018b). Vagaries of (Academic) Identity in Contemporary Fiction. *Journal of Education Culture and Society*, 9(1), 151–160. <https://doi.org/10.15503/jecs20181.151.160>

Blashkiv, O. (2019). Radians'kij dzhentelmen: ukrajins'kij professor suproty vyklykiv istorii [A Soviet Gentleman: Ukrainian Professor in the Face of Historic Turmoil]. *Kultura Wschodnioslowianskie — Oblicza i Dialog*, 9, 11–22. <https://doi.org/10.14746/kw.2019.9.1>

Čandíková Paraličová, L. (2010). Oslobodzujúca radosť z rozprávania. Poznámky k románu Stanislava Rakúsa Excentrická univerzita. In M. Chovanec, J. Sipko, & G. Harčariková (Eds.), *5. Študentská vedecká konferencia. Zborník príspevkov* (pp. 825–831). Prešov: Prešovská Univerzita. Retrieved from <https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Chovanec1/subor/70.pdf>

Chyzhevs'kyj, D. (2005). Hnana pravda [The Persecuted Truth]. In D. Chyzhevs'kyj, *Filosofs'ki tvory* [Philosophic Works] (Vol. 3: *Filosofia Ludovita Shtura. Filsofs'ka slavistyka* [Ludovit Shtur's Philosophy. Philosophic Slavic Studies], pp. 217–227). Kyiv: Smoloskyp.

Dalton-Brown, S. (2008). Is There Life Outside of the Genre of the Campus Novel? Academic Struggles to Find a Place in Today's World. *The Journal of Popular Culture*, 41(4), 591–600.

Gazda, G., & Tynecka-Makowska, S. (Eds.). (2006). *Słownik rodzajów i gatunków literackich*. Kraków: Wydawnictwo Universitas.

Gruszewska-Blaim, L. (2019). Academic Fiction and the Professorial Shadowlands: The (Dis)empowerment of the Eastern European Scholar. In D. Fuchs, & W. Klepuszweski (Eds.), *The campus novel: regional or global?* (pp. 49–63). Leiden; Boston: Brill Rodopi.

Kuzmíková, J. (2013). Brat alebo utláčateľ: dôvody a dôsledky mimoriadnej pozície Rusa v slovenskej vojnovnej literatúre. *Novaya russistika*, 1, 41–71. Retrieved from <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/128368>

Kuzmíková, J. (2014). The Character of the Russian in Slovak War-Themed Literature. *Acta Slavica Iaponica*, 34, 49–67. Retrieved from https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/56934/1/ASI34_003.pdf

Mashkova, A. (2014). Poetika metatrilogii Stanislava Rakusa [Poetics of the Metatrilogy by Stanislav Rakús]. *Slavica Litteraria*, 17(2), 51–58. Retrieved from https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132888/1_SlavicaLitteraria_17-2014-2_6.pdf

Mitka, M. (2018). Naratívne a literárnoteoretické korelácie diskurzivity v románoch S. Rakúsa: hľadanie autora (nielen v časoch socializmu). In L. Šteflová, & P. Karpinský (Eds.), *Codex Historico-Critica. Noetické východiská v kontexte interdisciplinárnych prístupov k histórii, literatúre, jazyku a umeniam* (pp. 124–134). Prešov: Prešovská Univerzita. Retrieved from <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Steflova1/subor/Mitka.pdf>

Shirokova, L. F. (2012). Transformatsii obraza russkogo v slovatskoi proze vtoroi poloviny XX veka [Transformations of the Image of the Russian in the Slovak Prose of the Second Half of the 20th Century]. In E. S. Uzeneva (Ed.), *Slavianskij mir v tretjem tysiacheletii. Obraz Rossii v slavianskikh stranakh* [The Slavic World in the Third Millennium. The Image of Russia in Slavic Countries] (pp. 271–279). Moscow: Institute for Slavic Studies RAS.

Shirokova, L. F. (2014). Geroi i zhertvy: ruzskie personazhi v romanakh Ladislava Tiazhkogo [Heroes and Victims: Russian Characters in the Novels of Ladislav Tiazhky]. In A. V. Lipatov, & Yu. A. Sozina (Eds.), *Rossia i russkij chelovek v vospriatii slavianskikh narodov* [Russia and the Russian Man in Perception of Slavic Peoples] (pp. 421–428). Moscow: Tsentr knigi Rudomino.

Shirokova, L. F. (2017). Stereotypy ili individualnost': obraz russkogo v slovatskoi literature XX veka [Stereotypes or Individuality: The Image of the Russian in 20th-Century Slovak Literature]. In I. Ye. Adelgeim (Ed.), *Preemstvennost' kak faktor literaturnogo protsesssa. Opyt Tsentralnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy (po materialam I Khorevskikh chtenij)* [Continuity as a Factor of the Literary Process. The Experience of Central and Southern-Central Europe (Materials of the First Khorev Readings)] (pp. 179–187). Moscow: Institute for Slavic Studies RAS.

Showalter, E. (2005). *Faculty Towers. The Academic Novel and Its Discontents*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Shvedova, N. V. (2012). Obraz Rossii v Slovakii [The Image of Russia in Slovakia]. *Slavianskij almanakh 2011*, 536–542.

Shvedova, N. V. (2014). Russkij chelovek v soznanii slovatskoi intelligentsii poslednikh desiatiletij [The Russian Man in the Consciousness of Slovak Intellectuals in the Last Decades]. In A. V. Lipatov, & Yu. A. Sozina (Eds.), *Rossia i russkij chelovek v vospriatii slavianskikh narodov* [Russia and the Russian Person as Perceived by the Slavic Peoples] (pp. 429–442). Moscow: Tsentr knigi Rudomino.

Sidowska, K. (2015). Polska powieść uniwersytecka. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Polonica*, 4 (30), 149–157.

Williams, J. J. (2012). The Rise of the Academic Novel. *American Literary History*, 24(3), 561–589.

Zajac, P. (2005). *Stratené existencie a ich čas. 17 marca 2005*. Retrieved from www.konzervativizmus.sk/article.php?312

Zelenkova, A. (2014). K probleme slavianskoi imagologii (receptsia russkoi sredy i kultury v vospominaniakh i perepiske M. Murko i I. Polivki na rubiezhe XIX–XX vv.) [On the Issue of Slavic Imagology (Reception of the Russian Environment and Culture in Memoirs and Letters of M. Murko and I. Polivka at the Turn of the 20th Century)]. In A. V. Lipatov, & Yu. A. Sozina (Eds.), *Rossia i russkij chelovek v vospriatii slavianskikh narodov* [Russia and the Russian Person as Perceived by the Slavic Peoples] (pp. 142–152). Moscow: Tsentr knigi Rudomino.

Блашкив Оксана

кандидат филологических наук, адъюнкт
Институт языкознания и литературоведения
Естественно-гуманитарный университет
в г. Седльце
ul. Konarskiego, 2,
08-110 Siedlce, Polska
E-mail: oksana.blashkiv@uph.edu.pl

Blashkiv, Oksana

PhD (Philology), Associate Professor
Institute of Linguistics and Literary Studies
Siedlce University of Natural Sciences
and Humanities
2, Konarskiego Str., 08-110 Siedlce, Poland
Email: oksana.blashkiv@uph.edu.pl
<https://orcid.org/0000-0002-3607-9895>
ResearcherID: U-1274-2017

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.037

УДК 7.036 + 316.7 + 159.923.2 + 82-343 +
+ 130.121 + 821.161.1

Роман Мних

¹ *Варшавский университет*

Варшава, Польша

² *Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского*

Нижний Новгород, Россия

СВОЙ VS ИНОЙ / ДРУГОЙ / ЧУЖОЙ В ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ МОДЕРНИЗМА

В статье рассмотрена проблема *другого / чужого* в идейно-эстетической парадигме модернизма. В контексте модернистских идей проанализирована философия диалога и феноменологические проекты Другого в гуманитарном мышлении XX в. На этом фоне предложены интерпретации трех магистральных аспектов *другого / чужого* в модернизме: 1) мифологическая традиция, которая через образ Другого провоцирует образ врага; 2) романтическая традиция двойничества; 3) философская / феноменологическая традиция телесности, в контексте которой личность рассматривается как Я и «мое тело». Анализ идейного смысла этих аспектов предложен на примере поэтических произведений Александра Блока, Иннокентия Анненского и Осипа Мандельштама. В статье также подчеркнута, с одной стороны, условность такого разделения рассматриваемой проблемы на три аспекта, а с другой стороны — влияние анализируемых аспектов *другого / чужого* на культуру постмодернизма. Модернизм в европейской культуре в отличие от других культурно-исторических эпох характеризуется прежде всего тем, что многие его идеи и концепты были только провозглашены, но не представлены в виде законченных теоретических концепций / систем. В этом смысле модернизм оказался открытым для будущего, что позволяет назвать его «незавершенным проектом» (Ю. Хабермас). Предыдущие эпохи предлагали решения важных экзистенциальных проблем в виде законченных философских систем (И. Кант или Г. В. Ф. Гегель), идей или концептов (идея «вечного мира» и моральный императив у И. Канта, идея государства и права у Г. В. Ф. Гегеля). Модернизм под влиянием философии Ф. Ницше разрушал системность мышления, сомневался в традиционной морали и предложил парадоксальные решения многих проблем в виде вопросов-концептов, о которых мы размышляем и дискутируем до сегодняшнего дня. Одним из таких незавершенных модернистских проектов была концепция *другого / чужого*, вокруг которой уже более ста лет продолжаются дискуссии.

Ключевые слова: модернизм; другой; чужой; враг; миф; двойник; диалог; Эдмунд Гуссерль; Осип Мандельштам

Цитирование: Мних Р. *Свой vs иной / другой / чужой* в идейно-эстетической парадигме модернизма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 233–245. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.037>

Поступила в редакцию: 21.11.2020

Принята к печати: 25.03.2021

Roman Mnich

¹ *University of Warsaw*
Warsaw, Poland

² *National Research Lobachevski State University
of Nizhny Novgorod*
Nizhny Novgorod, Russia

**ONE'S OWN VS. OTHER / ANOTHER / ALIEN
IN THE CONCEPTUAL AND AESTHETIC PARADIGM
OF MODERNISM**

This article focuses on the issue of the *Other/Alien* within the conceptual and aesthetic paradigm of modernism. In the context of modernistic ideas, the author analyses the philosophy of dialogue and phenomenological views on the Other as represented in the intellectual heritage of the twentieth century. Taking into consideration these ideas, the author discusses three mainstream aspects of the *Other/Alien* in Russian modernist literature: 1) mythological tradition, which provokes the image of the enemy through the image of the Other; 2) Romantic tradition of the double (*doppelganger*), and 3) philosophical / phenomenological notion of the body, which views personality as “me/Self” and “my body”. Conceptual analysis of these aspects is provided with reference to poetic texts by Alexander Blok, Innokenty Annensky, and Osip Mandelstam. The author stresses the conventionality of such a division, on the one hand, and the influence of the analysed aspects of the *Other/Alien* onto the conceptual system of Postmodernism. Modernism in European culture, in contrast to other historical periods, is characterised primarily by the fact that many of its ideas and concepts were only proclaimed, but not presented in the form of complete theoretical concepts/systems. In this sense, modernism turned out to be open to the future, which allows us to call it an “uncompleted project” (Jürgen Habermas). Previous eras offered solutions to important existential problems in the form of complete philosophical systems (Immanuel Kant or Georg Wilhelm Friedrich Hegel), ideas or concepts (Kant’s concept of “eternal peace” and a moral imperative, Hegel’s idea of state and law). Modernism, influenced by the philosophy of Friedrich Nietzsche, destroyed the systematic nature of thinking, doubted traditional morality, and offered paradoxical solutions to many problems in the form of conceptual questions, which are discussed to this day. One of these uncompleted modernist projects was the concept of the *Other/Alien*, discussions about which have been going on for over a century.

Key words: modernism; Other; Alien; enemy; myth; *doppelganger*; dialogue; Edmund Husserl; Osip Mandelstam

For citation: Mnich, R. (2021). *Svoi vs inoi / drugoi / chuzhoi v ideino-esteticheskoi paradihme modernizma [One's Own vs. Other / Another / Alien in the Conceptual and Aesthetic Paradigm of Modernism]*. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 233–245. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.037>

Submitted: 21.11.2020

Accepted: 25.03.2021

Среди тех проблем, которые постоянно к нам возвращаются из прошлых эпох и одновременно актуализируются разными способами и средствами в наше время, вопрос об *ином* / *другом* / *чужом* является, пожалуй, самым фундаментальным. Всевозможные уровни и разные аспекты этого вопроса сопровождали человека всегда, были регуляторами поведения и общения в древних обществах; те же проблемы беспокоят ученых и сегодня, провоцируя рефлексии в разных областях научного и «ионаучного», по терминологии Сергея Аверинцева, знания. Очевидно, что практически любой конфликт в мифологии, истории и даже современности (социальный, политический, идеологический психологический, антропологический, религиозный, семейный) в своей основе содержит проблему *иного* / *другого* / *чужого*.

Парадоксальным образом эта же проблема имеет не только внешние по отношению к нашему Я (как бы мы его ни понимали) корни, но и внутренние, касающиеся онтологической структуры индивидуального сознания человека. Философия XX в. со всей очевидностью показала, что психологическая конструкция нашего индивидуального сознания и нашего Я во многом зиждется на проблеме отношения к себе как *другому* / *чужому*. Открытия и идеи Михаила Бахтина, касающиеся проблемы и ценности Другого в их этическом и эстетическом измерении [Демидова] во многом способствовали экстраполяции вопроса о *другом* / *чужом* в область русского литературоведения, в то время как в западном литературоведении эта проблематика была обусловлена преимущественно влиянием представителей феноменологии. Публикации последних лет ярко свидетельствуют о том, что весь обозначенный комплекс проблем так или иначе отражался и отражается в художественной литературе, причем наиболее ярко — в поэзии, как самом субъективном способе репрезентации творческого сознания [Бройтман, с. 211–282].

В современном гуманитарном дискурсе отсутствует четкая терминология, описывающая теоретический уровень понятий *иной* / *другой* / *чужой*, а также субъектов, «наделенных» этими понятиями. Обращение философов, психологов и литературоведов к этим понятиям, равно как и их обращение к понятиям личности, человека, субъекта, Я, всякий раз зависит от текстов или переводов текстов тех классических мыслителей, к наследию которых обращается исследователь. Понятно, что в контексте мысли Михаила Бахтина понятия *другого* / *чужого* будут иметь иное значение, нежели в теоретическом дискурсе Мартина Хайдеггера или Макса Шелера. Поэтому в настоящей статье я буду исходить из следующих соображений. В плане терминологическом понятия *иной*, *другой*, *чужой*, конечно же, отличаются семантикой, а иногда и сферами научного употребления. В лексико-морфологическом отношении понятие *иной* родственно *чужому* хотя бы по принципу словообразования: *инопородный* / *чужеродный*. Понятие *другой* ассоциируется прежде всего с другим человеком, другим Я (другим субъектом), хотя, как показал опыт философии XX в., вполне реальна и проблема «Я как Другой». В таком контексте именно понятия *чужой* и *другой* представляют семантические полюса по отношению к Я: *другой* как

просто иной по отношению ко мне, а *чужой* — как враждебный по отношению ко мне. И в таком смысловом разграничении я буду обращаться к этим понятиям в данной статье.

В европейской гуманитарной мысли проблема *другого* / *иного* / *чужого* со всей ее очевидностью была поставлена — но, конечно, не решена — философией модернизма. Понятно, что разнообразные теоретические попытки объяснения этой проблемы мы встречаем и в предыдущих эпохах (в философии Средневековья, например, или в идеологии романтизма), но ни в одну эпоху перед модернизмом эти вопросы не были так широко представлены во всех областях гуманитарного знания и творчества (психология, философия, теология, художественная литература) и не отразились в таком огромном количестве исследований и публикаций. Весьма характерно, что понятие *другой* (*Der Andere*) представлено как одно из центральных в энциклопедии ключевых понятий европейской философии именно XX в. [Welsen], где оно рассматривается в двух основных аспектах: как понятие философии диалога и как понятие феноменологии. Петер Вельзен, автор упомянутой энциклопедической статьи, подчеркивает, что, несмотря на то, что проблема Другого была актуальной для философии немецкого идеализма, именно в начале XX в. она становится магистральной в гуманитарном мышлении. Философия диалога и феноменология рассматривали проблему Другого с разных точек зрения, но для современной научной парадигмы (уже XXI в.) именно феноменологический опыт оказывается более актуальным [Welsen, S. 7]. В связи с этим в своей статье П. Вельзен рассматривает последовательно проблему Другого у шести самых видных представителей феноменологии прошлого столетия (Э. Гуссерля, М. Шелера, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса и П. Рикера).

В этих мыслях немецкого автора прочитывается не столько критика философии диалога, сколько констатация своеобразного «поражения» философии диалога как эпистемологического проекта в идейной и культурной парадигме XX в. Отмечу, что своеобразная критика философии диалога прослеживается также и в современной религиозной философии, поскольку нынешние гуманитарии фундаментальный диалог между Богом и человеком переносят исключительно в область диалога между разными человеческими Я, что приводит к характерному для модернизма «культурному униформизму» [Kierés]. Может ли человек обрести себя и свою сущность в диалоге с другими людьми, или же ему необходим для этого диалог с Богом? — это фундаментальный вопрос, разные ответы на который составляют ядро сегодняшних теологических решений вопроса о Другом.

Подчеркну также, что вопрос о сущности диалога предстает огромной проблемой не только для религиозных мыслителей, но и для целого ряда российских гуманитариев, критически настроенных по отношению к идеям М. Бахтина. Безусловно, М. Бахтин был уникальным явлением в русской культуре XX в., и популярность его идей стала причиной своеобразной «бахтинизации» русского литературоведения [Мних, 2005]. Но даже сегодня, после издания корпуса

текстов ученого, огромной проблемой остается вопрос об источниках идей М. Бахтина, в том числе и идей о сущности диалога. Сергей Аверинцев в разговоре с Михаилом Гаспаровым в этой связи замечал следующее: «Отсутствие ссылок ни о чем не говорит: Бахтин не ссылался на Бубера. Я при первой же встрече (к неудовольствию окружающих) спросил его – почему; он неохотно ответил: “Знаете, двадцатые годы...” Хотя антисемитизм у нас был выдуман позже» [Гаспаров, с. 110].

Если же мы будем говорить о сущности диалога в жизни и творчестве самого М. Бахтина, то тот же М. Гаспаров в октябре 1992 г. в письме Ирине Подгаецкой так объяснял ситуацию: «Читаю американскую биографию Бахтина, о которой много слышал. Очень хорошая. Конечно, в жизни у него всё было наоборот взглядами (sic! — Р. М.): несмотря на культ романа, любил (“авторитарную”) поэзию и зачитывал собеседников наизусть; *несмотря на культ диалога, не замечал своих собеседников и не всегда отличал их друг от друга*» (курсив мой. — Р. М.) [Ваш М. Г., с. 128]. А через полгода, весной 1993 г. в письме М. Гаспарова к Наталии Автономовой читаем своеобразное продолжение этих рассуждений: «У меня всё больше записей в книжке о том, что *диалог — вещь немыслимая*, что это лишь нашинкованные монологи, и что собеседник занят пониманием собеседника ровно настолько же, насколько геолог пониманием камня» (курсив мой. — Р. М.) [Там же, с. 335]. Как видим, контекст приведенных высказываний М. Гаспарова выстраивает совершенно другую перспективу и концепцию Другого в культуре, основанную на «немыслимости» диалога как такового.

Очевидно, мысли М. Гаспарова (как это ни парадоксально!) в какой-то мере оказываются сродни тем феноменологическим проектам Другого в культуре XX в., в которых основное внимание сосредоточено не на диалоге, а на проблемах постижения, с одной стороны, внутреннего мира человека, а с другой — постижения мира самим человеком как индивидуальным Я. В связи со сказанным вспомним, что часть исследователей видит в проблематизации вопроса о Другом в современной гуманитарной мысли «воскрешение субъекта» [Можейко, Майборода, с. 342], а также введение этого субъекта в разнообразные парадигмы отношений в постмодернистском обществе — от отношений к Богу до отношений к массам, коллективу, друзьям и врагам.

Возвращаясь к эпохе модернизма, отмечу, что именно модернизм, выражаясь фигурально, серьезно засомневался в том, что Я — это действительно Я, а не кто-то Другой: речь шла о новом понимании Я (прежде всего у Э. Гуссерля), а также новых подходах к пониманию проблемы отношения между телом и сознанием человека. Европейский модернизм актуализировал также огромный потенциал мифологического и романтического мышления на тему другого, чужого, врага, двойника, тени. В литературе в этом плане *чужими* («остраненными» и «отстраненными») оказались разные стороны поэтической целостности произведения: от художественного мира до отдельного слова / образа. Поэтика именно «чужого слова» впоследствии станет краеугольным камнем интертекстуальности в теории и практике европейских постмодернистов. Среди

упомянутых трех обозначений (*иной / другой / чужой*) самые существенные — это *другой* и *чужой*, поскольку понятие *иного* не настолько индивидуально эксплицировано в текстах эпохи модернизма, и оно может быть обобщенным обозначением как *другого*, так и *чужого*. В европейской культуре первой половины XX в. проблема *другого / чужого* ярче всего проявилась в философии диалога (Я и Другой), постулировавшей экзистенциальную необходимость Другого для существования Я. Одновременно эта же проблема была заявлена в самых разных социальных, гуманитарных и политических дискурсах, что особенно касается вопроса о *чужом*: от «чужого любовника» в романах до «врагов народа» и «врагов Рейха» в политических дискурсах.

Анализируя конкретный материал эпохи модернизма, мы можем говорить о том, что в идейно-эстетической парадигме этого времени проблема *другого / чужого* актуализировалась в трех аспектах, которые в свою очередь были связаны с разными дискурсами эпохи.

Во-первых, обращение к мифу, мифологическим мотивам и структурам, актуализировало вопрос о *чужом*, прежде всего в семантике *чужой* как враг. В политическом дискурсе модернизма, особенно в период перед Первой мировой войной и после — во время утверждения сталинского режима в России, а гитлеровского в Германии — проблема врага (врага народа, врага государства, врага нации, личного врага вождей) становится магистральной. В своих корнях эта проблема, как показали работы Э. Кассирера [Cassirer], представляла собой прежде всего возврат к мифологическим структурам сознания: на дихотомии «свой — чужой как враг» держится практически всякая мифологическая система образов и мотивов. Одновременно господство этого мифологического по сути сознания в обществе позволило в России утвердиться во власти большевикам, выиграть гражданскую войну и расстрелять царскую семью Романовых, а в Германии «борьба против врагов нации» помогла Гитлеру захватить власть в стране и утвердить нацистский режим. Не вдаваясь сейчас в анализ очень сложных отношений между идеологией европейского модернизма и идеологиями, породившими Первую мировую войну, подчеркну, что именно война актуализировала проблему Другого как врага в эту эпоху.

Второй аспект, тоже связанный с семантикой мифа, но в большей мере представляющий романтическую традицию, — это проблема Другого как двойника / двойников. Как я уже упоминал, двойничество было одним из магистральных концептов эпохи романтизма, который в русском модернизме был усилен идеологией «Двойника» Ф. Достоевского. Насколько эта проблема была важной и многослойной для русской культуры, свидетельствуют три разные статьи о двойничестве в словаре, посвященном поэтике и эстетике Ф. Достоевского. Но если в теории и практике романтиков проблема двойника отражала сущность романтического двоения, то у Ф. Достоевского двойничество было связано с той экзистенциальной катастрофой субъекта, которую видный филолог и философ Дмитрий Чижевский назвал потерей «онтологического места в мире» [Мних, 2015, с. 406–410]. Исследователи отмечают, что эта онтологическая

неустойчивость личности в художественном мире Ф. Достоевского является прежде всего следствием нравственной деградации человека, что в свою очередь связано с невозможностью осуществить на земле свое предназначение [Васильева].

Двойничество в самых разнообразных семантических ракурсах стало лейтмотивом в литературе эпохи модернизма: оно отразилось на уровне художественных образов (двойник, Голем, Недотыкомка), на уровне структуры текста и сюжета, на уровне общей идеологии символистов. В концентрированном виде проблема двойника представлена в известном стихотворении А. Блока «Двойник» (1915) [Блок, с. 9–10], представляющем целый комплекс романтических традиций в их модернистском преломлении: старость / молодость, движение / покой, любовь / ненависть, миг / вечность, день / ночь, кажущееся / действительное. В специальной статье, посвященной этому тексту А. Блока, известный блоковед Д. Максимов отмечал, что рассматриваемое стихотворение представляет «ощущение беспримерной смысловой спаянности» и отражает «объективное идеальное бытие» эпохи с ее теориями «вечного возвращения», «святого воспоминания», «мистического откровения» [Максимов, с. 152–182].

Если речь идет об этом аспекте осмысления проблемы Другого, то именно в литературе и эстетике модернизма актуализируется утверждение / убеждение / идея о том, что всякая личность по сути своей не является неделимой целостностью (*индивидуумом* в этимологическом значении этого слова), но содержит в себе одновременно как бы несколько личностей / личин. Эту идею чрезвычайно точно определил Александр Блок в записке 1915 г. к Елене Тагер: «В каждом человеке несколько людей, и все они между собой борются. И не всегда достойнейший побеждает. Но часто жизнь сама разрешает то, что казалось всего неразрешимей» [Воспоминания Е. М. Тагер..., с. 303]. Такая ситуация и порождает отношение к себе как Другому, заявленное на разных уровнях осмысления модернистского двойничества.

Но в литературе модернизма концепт двойничества иногда представлял и совершенно другой ракурс проблемы, как, например, в стихотворении И. Анненского «Двойник» [Анненский, с. 56]. Первый стих этого текста — «Не я, и не он, и не ты...» — в какой-то мере провоцирует ницшеанский контекст «ближнего» и «дальнего»: «ты» как ближний, а «он» как дальний по отношению ко мне. Отмечу также, что постмодернизм, конечно же, унаследовал модернистские концепции двойничества, но чаще всего сводил их к формальным литературным приемам, подчеркивающим раздвоенность и зеркальность бытия. Иосиф Бродский, анализируя подобные приемы в творчестве Владимира Набокова, назвал их «принципом рифмы»: «В конечном счете, главная его тема: раздвоенности, зеркальности бытия, отражения одной жизни в другой, эха и т. д. — есть не что иное, как разогнанный до гигантских масштабов принцип рифмы» [Мельников, с. 157–158].

Наконец, третий аспект заявленной проблемы связан с философским дискурсом на тему Другого, отразившимся прежде всего, как уже отмечалось,

в философии диалога и в феноменологии. С одной стороны, опубликованная в 1923 г. книга Мартина Бубера «Я и Ты» представила своеобразный вариант экзистенциальной философии, и это был совершенно другой полюс по отношению к проекту М. Хадейггера: не заброшенность в мире, а диалог с Другим, таким же, как и Я. С другой стороны, феноменология выдвинула на новый уровень проблему сознания личности и осознания ею своего бытия — материального, этического, даже эстетического. Отсюда феноменологические вопросы о формализме в этике, о симпатии и о «ресентименте в структуре моралей», наконец, фундаментальный вопрос о телесности личности и связанных с этой телесностью проблемах восприятия окружающего мира.

Философская феноменологическая проблематика, касающаяся вопроса о Другом, очень ярко отразилась в поэзии модернистов. Поэзия отличается исключительной концентрацией смысла и символики в пределах небольшого по размерам текста, кроме того, поэзия представляет особый, спонтанный опыт творческого сознания, что принципиально важно для феноменологии [Hamburger]. Не вдаваясь сейчас в дискуссии по поводу онтологии поэтического вдохновения, а также связи поэзии и философии, отмечу, что европейская философия начала XX в. очень часто обращалась к поэтическому опыту для подтверждения своих выводов и теорий, а философские дискуссии и открытия начала XX в., в свою очередь, отражались в литературе и, возможно, прежде всего в поэзии. Правда, само обращение философов XX в. к опыту поэзии парадоксально. Ведь если учесть традицию Платона в европейской философии и те идеи, которые высказывал древнегреческий философ на тему поэтов и поэзии, то следует действительно считать парадоксом тот факт, что самые видные философы первой половины XX в. обращались к опыту поэзии для подтверждения своих идей и мыслей. Как известно, Платон рассматривал поэзию как род безумия, как «подражание подражания» и предлагал изгнать поэтов из идеального государства [современный контекст проблемы см.: Timmermann]. И когда Мартин Хайдеггер для разъяснения понятия истины одновременно обращается и к Платону, и к Ф. Гёльдерлину, то возникает вопрос о том, как соотносятся эти две истины в истории культуры и философии.

Возвращаясь к третьему аспекту проблемы Другого в модернистских дискурсах, вспомним, что одной из важнейших проблем в феноменологии XX в. стала проблема тела и телесности, которая тоже рассматривалась в аспекте вопроса о Другом. Э. Гуссерль специально отмечал сложность конституирования тела в феноменологическом опыте, подчеркивая, что тело изначально представляет собой физическую вещь и одновременно является органом восприятия окружающего мира (*Wahrnehmungsorgan des erfahrenden Subjektes*); тело, обладая реальными физическими свойствами, излучает тепло, позволяет ощутить холод, прикосновения к предметам внешнего мира, т. е. обладает чувствами, которых не достаёт другим, чисто материальным вещам [Husserl, S. 144–147]. Именно у Э. Гуссерля намечается такое своеобразное разделение личности на Я и «мое тело», которое мы встретим в знаменитом стихотворении Осипа Мандельштама

«Дыхание» [Мандельштам, с. 91–92]. Уже первая строфа этого стихотворения («**Дано** мне тело — что мне делать с ним, // Таким единым и таким моим?») репрезентирует со всей очевидностью проблему Другого: Я и «мое тело», т. е. что-то другое по отношению ко мне как субъекту. Как видим, в мире, который представляет этот текст, очень сложное отношение человека к самому себе раздваивается на отношение к своему телу и отношение к себе — субъекту, которому это тело дано. Парадокс ситуации состоит в том, что тело оказывается «своим» (моим) и одновременно как бы «отделенным» от мыслящего субъекта. По отношению к Я тело — это нечто другое, и в этом ракурсе мы сразу же сталкиваемся с парадигмой «*свой (мой) — иной (чужой)*».

В связи со сказанным, вспомним, что в первой публикации стихотворение О. Мандельштама начиналось иначе: «**Имею** тело: что мне делать с ним...»; оно было своеобразной реакцией на стихотворение Ф. Сологуба «Больному сердцу больно..» [Лекманов, с. 453–456]. Таким образом, в сознании О. Мандельштама противопоставление тела и субъекта как «носителя» тела присутствовало на разных феноменологических уровнях: изначального обладания или полученного дара. Но для нас самое важное в этом контексте — это то раздвоение личности на Я и «тело», которое мы встречаем в художественном мире стихотворения. Тело становится *другим / чужим* по отношению к Я, и, по всей видимости, именно с телом связаны образы дыхания, тепла, в то время как образ «темницы мира» представляет платоновскую традицию и связан с Я. Исследователи уже отмечали, что «Осип Мандельштам интуитивно осмыслил проблему взаимоотношения бытия и сознания в феноменологическом ключе, о чем свидетельствуют типологические сближения его семантических идей с учением Э. Гуссерля и его последователей» [Кихней, с. 33]. Отмечу также, что подобный феноменологический опыт мы наблюдаем и в стихотворении И. Анненского «У гроба», представляющем встречу Я с «ужасом тела» [Анненский, с. 56].

Подводя итоги сказанному, отмечу, что Другой как враг, Другой как двойник и Я как Другой — это три магистральных аспекта проблемы *другого / чужого* в идейно-эстетической парадигме модернизма. Они соотносимы с мифологической, романтической и философской традициями, но, конечно же, не сводимы к ним. В модернизме вопрос о *другом / чужом* провоцировал проблемы идентичности и самоидентичности (национальной, социальной, языковой), но при этом в философии «не я» (Другой) оказывался необходимым собеседником, без которого нет и меня как личности, а в политике и истории Другой представлял прежде всего врага и противника. Поэзия модернистов содержит удивительные по своей символической глубине примеры феноменологического опыта о Другом, эти примеры отражают коренную ломку сознания и варианты его раскола в начале XX в. [Кадимов].

Конечно же, определение только трех аспектов проблемы *другого / чужого* является в определенной мере методологической условностью, позволяющей прежде всего структурировать саму проблему. Идеология модернизма была богаче и сложнее, нежели наши сегодняшние интерпретации этой эпохи,

и большинство своих идей на тему *другого / чужого* модернизм почерпнул из предыдущих эпох. До эпохи модернизма европейская гуманитарная мысль не знала такой глубокой рефлексии, касающейся философской сути вопроса о *другом / чужом*. За исключением, возможно, образов евреев, в русской литературе до эпохи модернизма вообще вопрос о *чужом* как враге не заострялся: французы в «Войне и мире» Л. Толстого или в «Былом и думах» А. Герцена, конечно же, враги, но не в такой мере, как сами русские, «враги народа» в литературе и публицистике 1920–1930-х гг.

Модернизм оставил нам в наследство множество нерешенных проблем, в том числе и проблему *другого / чужого*. Если предыдущие эпохи предлагали всё-таки решения экзистенциальных проблем в виде законченных философских систем (И. Кант или Г. В. Ф. Гегель), идей или концептов (идея «вечного мира» и моральный императив у И. Канта, идея государства и права у Г. В. Ф. Гегеля), то модернизм, разрушая системность мышления и традиционную мораль, предложил парадоксальные решения в виде вопросов-концептов, о которых мы размышляем и дискутируем до сегодняшнего дня. Модернизм — прежде всего в художественном творчестве — оставил нам в качестве наследия также многие попытки и предложения по поводу решения проблемы *другого / чужого*. Современная культура пытается как-то актуализировать это наследие, однако общая идеологическая тенденция современности — эта замена *другого чужим* (прежде всего — врагом) на самых разных уровнях: в религиозных храмах или школах, на избирательных участках и в парламентах, даже среди знакомых и друзей. В этом смысле современность свернула с пути философии диалога (конфессионального, экуменического, политического, общественного) в сторону мифологического сознания, об опасностях которого предупреждал Эрнст Кассирер в последней своей книге, посвященной мифу государства. В современном мире философия диалога все больше выглядит утопией, потому что в человеческом обществе XXI в. мифическое мышление своим радикализмом «перевешивает» мышление рациональное [Cassirer, S. 7]. Попытки преодоления в себе чувства *чужого* по отношению к *другому* предлагает художественное творчество, и в этом смысле оно оказывается оптимистичнее жизни. В свое время Юрий Лотман, анализируя отношения *своего* и *чужого* в культуре, подчеркивал, что на этих отношениях «основаны наиболее трагические противоречия человеческой истории», но в искусстве эти «фундаментальные противоречия предстают перед нами как некое высшее тождество», поэтому искусство, предлагая парадоксальные решения, снимает противоречия [Лотман, с. 24]. Опыт модернизма в этом плане, конечно же, не был исключением, и только наше будущее может показать, насколько оптимизм Ю. Лотмана был оправдан и насколько искусство всё еще способно влиять на жизнь.

Источники

Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л. : Советский писатель, 1990.

Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 3 : Стихотворения. Книга третья (1907–1916). М. : Наука, 1997.

Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб. : Академический проект, 1997.

Исследования

Бройтман С. Н. Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики: субъектно-образная структура. М. : РГГУ, 1997.

Васильева М. А. Проблема двойника в работах Пражского Семинария по изучению Достоевского: Открытое пространство // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. С. 95–106.

Ваш М. Г. Из писем Михаила Леоновича Гаспарова / [сост. Е. Шумилова]. М. : Новое изд-во, 2008.

Воспоминания Е. М. Тагер о Блоке. Вступительная статья, публикация и комментарии З. Г. Минц // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии IV. 1961. С. 296–303.

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М. : Новое литературное обозрение, 2008.

Демидова Е. В. О ценности другого в философии поступка М. М. Бахтина через призму современных дискуссий о другом // Другой в литературе и культуре : сб. науч. тр. : в 2 т. / [ред.-сост. А. Г. Степанов, С. Ю. Артёмова]. М. : Новое литературное обозрение, 2019. Т. 1. С. 9–30.

Кадимов Р. Г. Тема раздвоенного сознания в поэзии Блока и Анненского // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 85–93.

Кихней Л. Г. «Феноменологические» открытия О. Мандельштама: «Закон тождества» как принцип конституирования поэтического смысла // Осип Мандельштам и феноменологическая парадигма русского модернизма : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Житенева. Воронеж : Изд.-полигр. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. С. 33–47.

Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск : Водолей, 2000.

Лотман Ю. Роль искусства в динамике культуры // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* IV. «Свое» и «чужое» в литературе и искусстве. 1995. С. 9–24.

Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л. : Советский писатель, 1981.

Мельников Н. Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников (1910–1980-е годы). М. : Новое литературное обозрение, 2013.

Мних Р. Три заметки о бахтинизации современного литературоведения // Бахтинский вестник. Орел, 2005. С. 637–642.

Мних Р. Философ Дмитрий Чижевский (полемические заметки) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2014–2015. 2015. С. 396–414.

Можейко М. А., Майборода Д. В. Другой // Новейший философский словарь / [гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов]. Минск : Книжный дом, 2001. С. 342–343.

Cassirer E. Vom Mythos des Staates. Hamburg : Felix Meiner Verl., 2002.

Hamburger K. Die phänomenologische Struktur der Dichtung Rilkes // *Jahrbuch für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*. 1965. Bd. 10. S. 217–234.

Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. IV : Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Buch 2 : Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution / Hrsg. von M. Biemel. Haag : Martinus Nijhoff, 1952. (Husserliana ; Bd. IV)

Kierś H. Dialogu filozofia // *Powszechna encyklopedia filozofii*. T. 2 : C — D / red. A. Maryniarczyk. Lublin : Polskie Towarzystwo Tomasza z Akwinu, 2001. S. 570–571.

Timmermann J. Platon // *Ästhetik und Kulturphilosophie. Von der Antike bis zur Gegenwart in Einzeldarstellungen* / Hrsg. von J. Nida-Rümelin und M. Betzler. Stuttgart : Alfred Kröner Verl., 1998. S. 631–640.

Welsen P. Der Andere // Schlüsselbegriffe der Philosophie des 20. Jahrhunderts / Hrsg. von C. Bermes und U. Dierse. Hamburg : Felix Meiner Verl., 2010. S. 7–23.

References

Broytman, S. N. (1997). *Russkaia lirika XIX — nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki: subjektno-obraznaia struktura* [Russian Lyric Poetry of the 19th — Early 20th Centuries in the Light of Historical Poetics: Subject-Image Structure]. Moscow: RGGU.

Cassirer, E. (2002). *Vom Mythos des Staates*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.

Demidova, E. V. (2019). O tsennosti drugogo v filosofii postupka M. M. Bakhtina cherez prizmu sovremennykh diskussij o drugom [On the Value of the Other in the Philosophy of the Act of M. M. Bakhtin through the Prism of Modern Discussions about the Other]. In A. G. Stepanova, & S. Yu. Artemova (Eds.), *Drugoj v literature i kulture* [The Other in Literature and Culture] (Vol. 1, pp. 9–30). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Gasparov, M. L. (2008). *Zapisi i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Hamburger, K. (1965). Die phänomenologische Struktur der Dichtung Rilkes. *Jahrbuch für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*, 10, 217–234.

Husserl, E. (1952). *Gesammelte Werke. Bd. IV: Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Buch 2: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution* (M. Biemel, Ed.). Haag: Martinus Nijhoff.

Kadimov, R. G. (2007). Tema razdvoennogo soznaniia v poezii Bloka i Annenskogo [The Theme of a Split Consciousness in the Poetry of Blok and Annensky]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, 1, 85–93.

Kierś, H. (2001). Dialogu filozofia. In A. Maryniarczyk (Ed.), *Powszechna encyklopedia filozofii* (Vol. 2: C — D, pp. 570–571). Lublin: Polskie Towarzystwo Tomasza z Akwinu.

Kikhney, L. G. (2008). “Fenomenologicheskie” otkrytiia O. Mandelshtama: “Zakon tozhdestva” kak printsip konstituirovaniia poeticheskogo smysla [“Phenomenological” Discoveries of O. Mandelstam: “The Law of Identity” as a Principle of Constituting Poetic Meaning]. In A. A. Zhitenev (Ed.), *Osip Mandelstam i fenomenologicheskaiia paradigma russkogo modernizma: sbornik nauchnykh trudov* [Osip Mandelstam and Phenomenological Paradigm of Russian Modernism] (pp. 33–47). Voronezh: Voronezh State University Publishing Centre.

Lekmanov, O. A. (2000). *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [Book on Acmeism and Other Works]. Tomsk: Vodoley.

Lotman, Yu. (1995). Rol’ iskusstva v dinamike kultury [The Role of Art in the Dynamics of Culture]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV. “Svoe” i “chuzhoe” v literature i iskusstve*, 9–24.

Maksimov, D. (1981). *Poeziia i proza Al. Bloka* [Poetry and Prose by Al. Blok]. Leningrad: Sovetskii pisatel’.

Melnikov, N. (2013). *Portret bez skhodstva. Vladimir Nabokov v pis’makh i dnevnikakh sovremennikov (1910–1980-e gody)* [A Portrait without Resemblance. Vladimir Nabokov in Letters and Diaries of his Contemporaries (1910s–1980s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Mints, Z. G. (Ed.). (1961). Vospominaniia E. M. Tager o Bloke [Memories of E. M. Tager about Blok]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii IV*, 296–303.

Mnich, R. (2005). Tri zametki o bakhtinizatsii sovremennogo literaturovedeniia [Three Notes on the Bakhtinisation of Modern Literary Criticism]. *Bakhtinskiy vestnik* (pp. 637–642). Orel.

Mnich, R. (2015). Filosof Dmitry Chizhevsky (polemicheskie zametki) [Philosopher Dmitry Chizhevsky (Polemical Notes)]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhia imeni Aleksandra Solzhenitsyna 2014–2015*, 396–414.

Mozheyko, M. A., & Mayboroda, D. V. (2001). Drugoy [Other]. In A. A. Gritsanov (Ed.), *Novejschij filosofskij slovar’* [The Newest Philosophical Dictionary] (pp. 342–343). Minsk: Knizhnyi Dom.

Shumilova, E. (Comp.). (2008). *Vash M. G. Iz pisem Mikhaila Leonovicha Gasparova* [Your M. G. From the Letters of Mikhail Leonovich Gasparov]. Moscow: Novoe izdatelstvo.

Timmermann, J. (1998). Platon. In J. Nida-Rümelin, & M. Betzler (Eds.), *Ästhetik und Kulturphilosophie. Von der Antike bis zur Gegenwart in Einzeldarstellungen* (pp. 631–640). Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.

Vasilyeva, M. A. (2010). Problema dvojnika v rabotakh Prazhskogo Seminarii po izucheniiu Dostoevskogo: Otkrytoe prostranstvo [The Doppelganger Issue in the Works of the Prague Seminary for the Study of Dostoevsky: Open Space]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 95–106.

Welsen, P. (2010). Der Andere. In C. Bermes, & U. Dierse (Eds.), *Schlüsselbegriffe der Philosophie des 20. Jahrhunderts* (pp. 7–23). Hamburg: Felix Meiner Verlag.

Мних Роман

доктор филологических наук,

¹ адъюнкт кафедры русистики

Варшавский университет

Krakowskie Przedmieście, 26/28,

00-927, Warszawa, Polska;

² научный сотрудник кафедры

зарубежной литературы

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского

603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: r.mnich3@uw.edu.pl

Mnich, Roman

Dr. Hab. (Philology),

¹ Assistant Professor

Department of Russian Studies

University of Warsaw

26/28, Krakowskie Przedmieście,

00-927 Warsaw, Poland;

² Researcher

Department of Foreign Literature

Lobachevsky National Research State

University of Nizhny Novgorod

23, Gagarin Ave.,

603950 Nizhny Novgorod, Russia

Email: r.mnich3@uw.edu.pl

<https://orcid.org/0000-0003-3384-2821>

Scopus AuthorID: 57210281826

НАРОДНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТРАДИЦИИ FOLK LANGUAGE TRADITIONS

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.038

УДК 811.11'373.22 + 811.51'373.22 + 81'42 +
+ 81'38

Е. Г. Галицына

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ТЫСЯЧЕЛИСТНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ (*ACHILLEA MILLEFOLIUM* L.) В НАРОДНОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ ГЕРМАНСКИХ И ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются народные названия (фитонимы), обозначающие тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.) в двух германских (английский, немецкий) и трех финно-пермских языках (финский, включая ингерманландские говоры, карельский и коми). Эти фитонимы анализируются с точки зрения мотивации, определяются признаки, которые могут лежать в основе названий данного растения. Некоторые наименования, относящиеся к германским языкам, рассматриваются также в диахроническом аспекте. В исследовании применяются описательный, контрастивный и сравнительно-исторический методы. В качестве основных источников материала используются следующие работы: «Dictionary of English Plant Names» (J. Britten, R. Holland), «Die Deutschen Volksnamen der Pflanzen» (G. Pritzel, C. Jessen), «Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen» (H. Marzell), «Suomalaiset kasvinnimet» (P. Suhonen), «Финская народная лексика флоры (становление и функционирование)» (Ю. Э. Коппалева), «Коми-русский ботанический словарь» (А. Н. Ракин).

Установлено, что наименования тысячелистника мотивированы следующими признаками: форма; использование в народной медицине; место произрастания; эффект, производимый растением; использование в пищу животными; народные поверья и обычаи; цвет; особенности структуры. Автор приходит к выводу, что представления о тысячелистнике в пяти рассмотренных языках в целом совпадают, что может объясняться общностью взгляда на растение у носителей данных языков. В фитонимах обеих языковых групп содержатся следующие признаки: форма; использование в народной медицине; эффект, производимый растением; народные поверья и обычаи; цвет. Только в финно-пермских наименованиях отмечаются место произрастания и особенности структуры, и только в германских

фитонимах встречается признак использования в пищу животными. Кроме того, в статье содержатся выводы относительно распространенности тех или иных признаков номинации в названиях тысячелистника в пяти рассматриваемых языках; также описаны некоторые сложности, которые могут возникнуть при анализе и классификации данного материала.

Ключевые слова: фитонимия; народные названия растений; английский язык; немецкий язык; финский язык; карельский язык; коми язык; номинация; мотивация; сравнительный анализ

Цитирование: Галицына Е. Г. Тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.) в народной номенклатуре германских и финно-пермских языков // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 246–258. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.038>

Поступила в редакцию: 20.10.2020

Принята к печати: 15.04.2021

Elena G. Galitsyna

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

COMMON YARROW (*ACHILLEA MILLEFOLIUM* L.) IN THE FOLK TAXONOMY OF THE GERMANIC AND FINNO-PERMIC LANGUAGES

This article deals with folk names (phytonyms) that denote common yarrow (*Achillea millefolium* L.) in two Germanic (English, German) and three Finno-Permic languages (Finnish including Ingrian Finnish dialects, Karelian and Komi). The author analyses the motivations of these folk names and identifies some of the nominative characteristics which the names of this plant can be based upon. Some names belonging to the Germanic languages are also viewed in the diachronic perspective. The research employs the descriptive, contrastive, and comparative methods. The material mainly draws from the following sources: *Dictionary of English Plant Names* (J. Britten, R. Holland), *Die Deutschen Volksnamen der Pflanzen* (G. Pritzel, C. Jessen), *Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen* (H. Marzell), *Suomalaiset kasvinnimet* (P. Suhonen), *Finnish Folk Plant Vocabulary (Formation and Functioning)* (Yu. E. Koppaleva), and *Komi-Russian Botanical Dictionary* (A. N. Rakin).

It is established that the names of yarrow are motivated by the following characteristics: form; usage in folk medicine; habitat; effect produced by the plant; usage by animals as food; folk beliefs and customs; colour; features of structure. The author concludes that the images of yarrow in the five languages considered mostly correspond with each other. This can be explained by the common view on the plant among the speakers of these languages. The names belonging to both language groups contain the following characteristics: form; usage in folk medicine; effect produced by the plant; folk beliefs and customs; colour. The Finno-Permic languages alone note the habitat and features of structure and only the Germanic languages note usage

by animals as food. In addition, the article contains observations as to how frequently these nominative characteristics occur in the names of yarrow in the five languages studied. The author also describes some difficulties that can arise during the analysis and classification of this material.

Key words: phytonymy; folk names of plants; English language; German language; Finnish language; Karelian language; Komi language; nomination; motivation; comparative analysis

For citation: Galitsyna, E. G. (2021). Tysiachelistnik obyknovennyi (*Achillea millefolium* L.) v narodnoi nomenklature germanskikh i finno-permskikh iazykov [Common Yarrow (*Achillea millefolium* L.) in the Folk Taxonomy of the Germanic and Finno-Permic Languages]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 246–258. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.038>

Submitted: 20.10.2020

Accepted: 15.04.2021

Изучение номенклатуры растений позволяет проникнуть в картину мира различных народов, их представления о природе и окружающей действительности в целом. Особенно любопытно сопоставить названия растений (фитонимы), относящиеся к двум языковым семьям (индоевропейской и уральской). Тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.) — растение, широко распространенное на территории проживания носителей как германских, так и финно-пермских языков; оно играет важную роль в народной медицине и имеет ряд хорошо узнаваемых особенностей. Благодаря этому в двух рассматриваемых группах языков существует большое количество наименований тысячелистника, имеющих различную мотивацию.

Германские языки

В современных английском и немецком языках наиболее широко распространены названия тысячелистника, имеющие общее происхождение: англ. *yarow* и нем. *Garbe*. Известны соответствия этим названиям в истории обоих языков: английскому фитониму предшествовали др.-англ. *gearwe* и ср.-англ. *yarowe*, *yarwe*; немецкому — др.-в.-нем. *gar(a)wa* и ср.-в.-нем. *garwe* [Klein, p. 836]. Однако дальнейшая их этимология является неясной. Согласно одной версии, данные слова происходят от общегерм. **garwo*, чей источник, возможно, исторически связан с корнем современного слова *yellow* ‘желтый’ [OED]. Другая версия связывает фитоним с нем. *gar* ‘готовый’ (например, о еде) (< общегерм. **garwa*); причины такого происхождения объясняются также по-разному. Растение может именоваться «готовым», «подготовленным» благодаря своему традиционному и широко известному использованию в качестве кровоостанавливающего средства. Другой источник трактует название тысячелистника в германских языках как «красивый и полностью снаряженный» (в таком случае

описываются его изящные листья, состоящие из множества частей) [цит. по: Marzell, S. 82].

В древнеанглийском языке, помимо упомянутого названия, *Achillea millefolium* также мог обозначаться *rēade gearwe* (букв. «красный тысячелистник»). Вероятно, этот фитоним относился к подвиду тысячелистника обыкновенного, имеющему красные цветки [Krischke, p. 373]. В среднеанглийский период, кроме *yarowe*, *yarwe*, появились и другие наименования растения: *mil-foil*, *nōse-blēde* и *sanguinārīe*.

Первый фитоним в настоящее время имеет форму *milfoil*; он был заимствован в среднеанглийский язык из старофранцузского (*milfoil*), куда он, в свою очередь, проник из латинского (*mīlifolium*, *millefolium*, от *mille* ‘тысяча’ и *folium* ‘лист’) [МЕС; OED]. Признаком номинации стала форма листьев растения: они рассечены на тонкие сегменты и будто бы состоят из множества маленьких листочков [Иллюстрированный определитель растений..., с. 319].

Среднеанглийский фитоним *nōse-blēde* (от *nōse* ‘нос’ и *blēden* ‘кровоточить’) сохранился в языке до настоящего времени (совр. англ. *nosebleed*). Относительно его мотивации обнаруживаются противоречивые данные. В «Гербарии» Джона Джерарда — фундаментальном труде о растениях, написанном в конце XVI в., — указывается следующее свойство тысячелистника: если его листья положить в нос, то из него пойдет кровь [Gerard, p. 1073]. Однако в гербарии Джона Паркинсона 1640 г., напротив, утверждается, что тысячелистник может использоваться как средство против носового кровотечения [Parkinson, p. 695]. Подобные наименования существуют и в других языках: например, нем. *Blutnase* и фр. *saigne-nez*. Немецкое название объясняется тем, что дети кладут в нос листья тысячелистника с целью вызвать кровотечение из него; французский же фитоним мотивирован способностью растения такое кровотечение останавливать [Marzell, S. 89]. Среднеанглийский фитоним мог быть образован от французского путем калькирования, как многие языковые единицы в этот период; в таком случае его мотивация связана с лечебным действием. Но для определения признака, лежащего в основе названия, необходимо более подробно изучить материал различных языков, что является задачей дальнейшего исследования.

Еще одно среднеанглийское наименование тысячелистника, перешедшее в современный язык, — *sanguinārīe* (< лат. *sanguināria*, ж. р. от *sanguinārius* ‘кровяной, кровавый’: использовалось в качестве сокращения от *herba sanguināria*, букв. «кровяная трава») [МЕС]. В современном английском языке фитоним *sanguinary* (букв. «кровавый») обозначает тысячелистник и мотивирован кровоостанавливающим действием, которым обладает растение [Prior, p. 197; Лекарственные растения..., с. 249]. Это же свойство воплощено в наименованиях *bloodwort* (букв. «кровь-трава») и *carpenter-grass* (букв. «плотник-трава»). Второе из них объясняется тем, что плотники легко могут пораниться во время своей работы, поэтому тысячелистник для них — особенно ценное растение [DEPN, p. 563; Marzell, S. 89]. Наличие французского соответствия *herbe à charpentier*

[Marzell, S. 89] позволяет предположить, что фитоним *carpenter-grass* был получен путем калькирования; дополнительно на это указывает то, что англ. *carpenter* было заимствовано из англо-французского языка в XIV в. (англ.-фр. *carpenter*) [OED]. Возможно, что название *carpenter-grass* возникло еще в средне-английский период, однако не было зафиксировано и попало в словари только на современном этапе развития языка.

Некоторые современные английские названия тысячелистника обыкновенного выражают уже отмеченный признак формы листьев, например, *hundred-leaved grass* (букв. «трава с сотней листьев») и *thousand-leaf* (букв. «тысяча-лист»). Присутствует также группа наименований, которые, очевидно, мотивированы свойством растения вызывать чихание: *sneezewort* (букв. «чиханье-трава»), *old man's mustard* (букв. «горчица старика») и *old man's pepper* (букв. «перец старика») [DEPN, p. 439, 563]. Вероятно, такая особенность тысячелистника объясняется его запахом; но точного указания на это не найдено, поэтому признак номинации можно обозначить как «эффект, производимый растением» (так же определим мотивацию фитонима *nosebleed*).

В англоязычном фольклоре тысячелистник встречается в большом количестве поверий, прежде всего связанных с гаданием на суженого. Однако эти поверья практически никогда не проявляются в фитонимах. Среди исключений — название *seven years' love* (букв. «любовь семи лет»); в одной из областей Англии традицией было влетать тысячелистник в свадебный венок, что должно было гарантировать семь лет счастливой семейной жизни [Watts, p. 441]. Фитоним *traveller's ease* (букв. «легкость путешественника») [Macmillan, p. 273] может иметь как медицинское, так и фольклорное основание. Тысячелистник использовался против судороги (для этого нужно было носить его лист в обуви) [Allen, Hatfield, p. 301–302]; возможна и вера в то, что, положив растение в обувь, путник не будет уставать. Известно, что второе свойство приписывалось полыни [Watts, p. 258]; в отношении тысячелистника подобного поверья не зафиксировано, но, возможно, оно также существовало.

Учитывая роль тысячелистника в народной медицине и традиции, можно заключить, что это растение имеет довольно хорошую «репутацию». На этом фоне неожиданным является объяснение наименования *fever-plant* (букв. «лихорадка-растение»), которое приводится на сайте Plant-Lore: по словам информанта, считалось, что тысячелистник вызывает болезнь, и его нельзя срывать или приносить в дом [Yarrow]. Учитывая это объяснение, можно отнести название к группе «Народные поверья и обычаи». Однако вероятно также и то, что изначально мотивация фитонима была основана на способности растения лечить лихорадку, а упомянутое поверье появилось позднее, возможно, под влиянием внутренней формы названия.

В немецком языке существует два общеупотребительных фитонима, обозначающих тысячелистник обыкновенный — *Garbe* (см. выше) и *Schafgarbe*. Сложный фитоним *Schafgarbe* (букв. «овца-тысячелистник») мотивирован тем, что растение охотно поедают овцы (признак «использование в пищу

животными») [Kluge, S. 793]. Но в данном названии роль играет и то, что частое место произрастания тысячелистника — на овечьих пастбищах [DWDS].

Помимо этих двух фитонимов, в немецком языке существует множество менее частотных или отмеченных только в отдельных диалектах названий тысячелистника. Важным признаком, — пожалуй, более распространенным, чем в английском, — является применение в народной медицине, прежде всего как средства от кровотечений при ранах и порезах. Так, номинацию *Gachheil* и родственные ей (*Gacherl* и т. д.) можно буквально перевести как «быстро исцеляющая (трава)»: элемент *gach* восходит к др.-в.-нем. *gahi* и ср.-в.-нем. *gâhi* и соответствует совр. нем. *jäh* «быстрый, стремительный», а второй элемент образовался от глагола *heilen* «лечить, исцелять». О таком же лечебном использовании свидетельствуют фитонимы *Heil allen Schaden* (букв. «исцеление от всех повреждений») и *Bluatstiller* (букв. «останавливающий кровь») [Marzell, S. 87–89; Deutsches Wörterbuch]. Название *Bauchwehkrout* (букв. «боль в животе — трава») мотивировано другим лекарственным свойством растения: в народной медицине тысячелистник используется для лечения различных заболеваний желудочно-кишечного тракта [Pritzel, Jessen, S. 6; Лекарственные растения..., с. 249].

Особенности строения листьев стали мотивацией для следующих названий: *Tausendblatt* (ср.-в.-нем. *Tausendplat*; букв. «тысяча-лист»), *Schafrippe* (букв. «овца-ребро»), *Schafzunge* (букв. «овца-язык»), *Katzenschwanz* (ср.-в.-нем. *Katzenzagal*; букв. «кошачий хвост») и *Schafscheer* (букв. «овца-ножницы») [Pritzel, Jessen, S. 6–7; Marzell, S. 86]. Первый фитоним соответствует англ. *thousand-leaf*; согласно Г. Марцеллу, как немецкое, так и английское названия представляют собой кальку лат. *millefolium*. Номинация *Schafrippe* объясняется тем, что расположение сегментов на листе может напоминать расположение ребер; на образование третьего и четвертого названий повлияло то, что листья растения узкие и гибкие. Любопытным образом форма листьев воплощена в диалектном названии *Schafscheer*. Г. Марцелл возводит это и другие подобные названия к глаголу *scheren* «стричь», первоначальное значение которого — «разрезать, растрепать»: листья будто разрезаны на много частей [Marzell, S. 85–86]. В фитонимах с компонентом *Schaf* могло также отразиться место обитания тысячелистника и то, что он поедается овцами (см. *Schafgarbe*).

Довольно большую группу в немецком языке составляют наименования *Röllike*, *Reilken*, *Rielße* и т. п. (с различной фонетической структурой). Эти номинации имеют нижненемецкое происхождение (ср.-н.-нем. *roleke*, *releke*, от ср.-н.-нем. *rôle* «круглый предмет»). Объяснение, которое дается таким фитонимам, — «листья [тысячелистника] закручиваются, как кудрявые волосы» [Ibid., S. 83–84; Schiller, Lübben, S. 503]. Мягкие листья растения действительно иногда закручиваются, и, по-видимому, при создании указанных названий такие листья напомнили завитки. Но все же мотивация остается не вполне ясной и требует дальнейшего анализа.

Небольшое количество немецких названий *Achillea millefolium* мотивировано народными поверьями и обычаями. В основе одного из них — *Melkkruut* (букв.

«молоко-трава») — лежит последовательность действий, которая применялась для того, чтобы коровы не теряли в молоке на пастбище. Для этого по дороге на дойку доярка должна была сорвать три листа тысячелистника и положить их в ведро для молока. На обратной дороге надо было снова сорвать три листа и положить их на «деревянный диск» другого ведра (по-видимому, имеется в виду деревянное основание перевернутого ведра) [цит. по: Marzell, S. 89].

Достаточно редким в немецком языке является обозначение тысячелистника по оттенку соцветий. Так, в различных диалектных вариантах встречается фитоним *Grützenkraut* (букв. «трава крупы (каши)»), а в одной из областей Германии — слово *Riesbloom* (букв. «рис-цветок») [Ibid., S. 86–87]. Кроме того, кажется вероятным, что на образование этих номинативных единиц повлияла и форма соцветий (особенно это касается первого примера).

Финно-пермские языки

Наиболее распространенное финское название тысячелистника обыкновенного (а также рода в целом) — *kärsämö* (от *kärsä* ‘(свиное) рыло’). Его мотивацию можно объяснить при помощи других подобных фитонимов, таких как *kärsäheinä* (букв. «рыло-трава»), *siankärsä* (букв. «свиное рыло») и *siansiera* (букв. «свиная ноздря») [Suhonen, s. 20–23]. Можно было бы предположить, что внутренняя форма этих слов связана с тем, что растение применяется в качестве корма для свиней; но, согласно определителю, животные поедают тысячелистник только в молодом возрасте [Вакар, с. 353]. Более того, для *Achillea millefolium* отсутствуют номинации вида «свиная трава». Все обозначения с компонентом *sian* также содержат слово *kärsä* ‘(рыло)’ или — реже — *siera* (последнее в словаре переводится как «точильный камень», но здесь, вероятно, является диалектным вариантом *sierain* ‘ноздря’). Представляется, что все приведенные фитонимы имеют в своей основе признак формы: круглая центральная часть цветка немного приподнята и в ней есть небольшие отверстия, поэтому соцветия и сравниваются со свиным рылом.

Форма листьев *Achillea millefolium* в финском языке отразилась в фитониме *satalehti* (букв. «сто-лист»). Числительное содержится и в названии *tuhatlatva* (букв. «тысяча-верхушка»); но в данном случае имеется в виду форма соцветия, которое состоит из множества цветков. Еще одна номинация, основанная на строении растения, — *häränhäntä* (букв. «бычий хвост») [Lönnrot, Saelan, s. 381]. В отличие от нем. *Katzenschwanz*, данный фитоним, скорее всего, мотивирован формой стебля — длинного и покрытого листьями («кисточками»). Это подтверждается тем, что наименование *häränhäntä* может обозначать также полынь обыкновенную (*Artemisia vulgaris* L.) [Ibid., s. 382] и определенно относится к ее стеблю (листья полыни хвост совершенно не напоминают). Кроме того, на возникновение фитонима могло повлиять то, что у тысячелистника, как и у полыни, жесткий стебель (признак «особенности поверхности и структуры») [Ильина, с. 151; Вакар, с. 384].

Как и в германских языках, среди финских обозначений тысячелистника важное место занимает признак лекарственного использования. Внутренняя форма фитонима *rautaheinä* (букв. «железо-трава») объясняется тем, что тысячелистник применялся для заживления ран, нанесенных железом. Такие раны считались наиболее тяжелыми; для их лечения использовались особые лечебные травы и заговоры, в основе подобных номинаций растений лежат древние поверья [Бродский, 2006, с. 79–80]. Название *lavanautiheinä* (букв. «[брюшной] тиф-трава») [Lönnrot, Saelan, s. 381] можно сравнить с нем. *Bauchwehkraut*. Сомнительно, однако, что растение действительно помогает при столь серьезном заболевании; поэтому фитоним отражает лишь традицию использовать тысячелистник в народной медицине, а не его лекарственное действие. Еще одно название, основанное на признаке лекарственного использования растения, — фин. ингерм. *nor'heinä* (букв. «норица-трава»): тысячелистник применялся в качестве противовоспалительного средства для лечения крупного рогатого скота [Коппалева, с. 198].

В отличие от английского и немецкого, в финском языке распространенным является обозначение тысячелистника по месту произрастания. Этот признак проявляется, в частности, в фитонимах *peldoruoho* (букв. «поле-трава») и *pellonvanhin* (букв. «полевой старейшина») [Suhonen, s. 21]. Если мотивация первого из них вполне очевидна, то второе содержит дополнительный признак и требует комментария. Помимо слова *pellonvanhin*, существует еще несколько финских названий тысячелистника с буквальными значениями «старший в поле», «полевой старец» и т. п. [Ibid.]; вероятным кажется предположение, что в этих номинациях выражена значимость растения, — в первую очередь, в народной медицине.

Как в говорах на территории Финляндии, так и в ингерманландских говорах присутствуют названия, указывающие на другое место обитания тысячелистника — вдоль дорог [Иллюстрированный определитель растений..., с. 319]. К таким фитонимам относятся, например, фин. ингерм. *tuant'ienkukka* (букв. «(при)дорожный цветок») и *t'ienvierenromaska* (букв. «придорожная ромашка») [Коппалева, с. 65, 90].

Пожалуй, наиболее интересное и вместе с тем загадочное наименование из этой группы — *pyörtänä-pöllö* (букв. «обочина-дурак (болван)») [Suhonen, s. 22]. Казалось бы, этот фитоним (а также сходные с ним) противоречит названиям наподобие *pellonvanhin*: в последнем отмечается «мудрость» растения, его незаменимость, а в первом, как можно подумать, — его бесполезность, «бестолковость». Но на самом деле такого противоречия нет: компонент *pöllö*, вероятно, всего лишь указывает на сходство растения с человеческой фигурой. О подобных случаях пишет Н. А. Синица на материале славянских языков: мотивацией для некоторых фитонимов является сходство цветка с головой (ср. рус. *головки*, *головняк* ‘короставник полевой’, *Scabiosa arvensis*) или сходство всего растения с прямоходящей фигурой человека [Синица, с. 240–241; Анненков, с. 317]. Правда, в отличие от тысячелистника, соцветие короставника

имеет шарообразную форму; в качестве же примеров ко второй мотивации в цитируемой статье приводятся наименования вида *non*, *noný* и т. п. [Синица, с. 240–241]. Однако такое уподобление, наряду с местом произрастания, вполне может лежать и в основе фин. *pyörtänö-pöllö*.

В некоторых финских названиях отмечается способность тысячелистника вызывать чихание (*akantupakki*, букв. «бабий табак») и кровотечение из носа (*nenäheinä*, букв. «нос-трава») [Suhonen, s. 19–20]. Компонент *akan* ‘бабий’ в первом фитониме имеет значение ‘ненастоящий, неполноценный’; эту же функцию выполняет сочетание *old man’s* в англ. *old man’s mustard* и *old man’s pepper*. Изредка упоминается оттенок соцветий: например, в фин. ингерм. *valkijaromaska* (букв. «белая ромашка»; *romaska* < рус. *ромашка*). Слово *romaska* выступает в качестве родового наименования и объединяет, в частности, тысячелистник и пижму (последняя обозначается названием *keltaneromaska*, букв. «желтая ромашка») [Коппалева, с. 198]. Признак структуры стебля (его жесткости) лежит в основе фитонима *hurstinkukka* (букв. «цветок дерюги») [Suhonen, s. 19].

Наконец, два наименования — *kirokukka* и *kuiperkeikka* [Ibid., s. 20] — имеют неясную мотивацию, которая может быть связана с народными поверьями и обычаями. Первый фитоним буквально переводится как «проклятие-цветок»; возможно, это следует понимать как «цветок, защищающий от проклятия». Известно, что в Ирландии тысячелистник наделялся силой разгонять злых духов; в некоторых областях Англии считалось, что он отражает злые чары, а если положить эти растения на порог, в дом не осмелится зайти ни одна ведьма [Watts, p. 440]. Возможно, подобные представления существовали и в Финляндии: растению, столь важному в народной медицине, могли приписываться и магические свойства. Фитоним *kuiperkeikka* довольно широко распространен в Финляндии, а также зафиксирован в ингерманландских говорах. Это слово также имеет значение ‘переворот’ или ‘кувырок’ и связано с глаголом *keikkuu* ‘прыгать’ [Коппалева, с. 114]. Можно предположить, что фитоним отражает какой-то народный обычай, однако неизвестно, какой именно.

В карельском языке наиболее широко распространенный фитоним со значением ‘тысячелистник’ — *rauduheiny* (букв. «железо-трава») [БРКС, с. 357]. Данное название соответствует фин. *rautaheinä* и мотивировано лекарственным применением растения. Еще одно название — *kiviheinä* (букв. «каменная трава») [Бродский, 2014, с. 315] — указывает на то, что это неприхотливое растение может встречаться в том числе на каменистых почвах (признак «место произрастания»). Наименования тысячелистника в карельском языке немногочисленны; но, скорее всего, это объясняется меньшей изученностью лексического состава этого языка по сравнению, например, с финским. Вероятно, помимо зафиксированных названий, существуют (или существовали ранее) и другие фитонимы, обозначающие растение.

Большинство коми названий *Achillea millefolium* основаны на лекарственных свойствах растения, наиболее часто упоминаемое из которых — способность останавливать кровь. Об этой способности свидетельствуют следующие

наименования: *вир дугдодан турун* (букв. «трава, запрещающая кровь»), *вир кутан турун* (букв. «трава — держатель крови», т. е. «трава, сдерживающая кровь»), *вир ланьтдодан турун* (букв. «трава, успокаивающая кровь»). Фитоним *кортдой турун* (букв. «рана от железа (металла) — трава») практически аналогичен фин. *rautaheinä* и карел. *rauduheiny* [Ракин].

Другими «направлениями» использования в народной медицине мотивированы следующие коми названия тысячелистника: *пиня турун* (букв. «трава (от) зуба»), *ньомдой турун* (букв. «трава (от) опухоли») и *пөдөм турун* (букв. «одышка (удушие)-трава»). Первое из них, как и предыдущие, основано на кровоостанавливающем действии растения: оно применялось при кровоточивости десен и кровотечении из зуба [Бродский, 2006, с. 82, 141]. Второй фитоним, по-видимому, отражает свойство тысячелистника излечивать не только порезы, но и другие болезненные состояния кожи. Мотивацию наименования *пөдөм турун* можно подтвердить сведениями о том, что *Achillea millefolium* традиционно используется при бронхите и астме [Allen, Hatfield, p. 301–302].

В основе фитонимов *чарла турун* (букв. «серп-трава») и *чарлапинь турун* (букв. «зубья (насечка) серпа — трава») [Ракин] лежит форма листьев растения. Острые серпа имеет мелкие зазубрины [ЭСБЕ]; вероятно, с этим острием сравнивается неровный (и к тому же узкий) край листа тысячелистника, характерные очертания которому придает его разделенность на множество сегментов. Формой мотивировано также наименование *коз лыс турун* (букв. «трава — еловая хвоя») [Ракин]: листья *Achillea millefolium* действительно напоминают ветку ели. В одном обозначении указывается на твердый стебель тысячелистника: *болонь турун* переводится как «заболонь-трава» [Там же].

Заключение

В статье рассмотрено 75 единиц народной номенклатуры растений, обозначающих тысячелистник обыкновенный (41 в германских языках и 34 в финно-пермских языках), включая исторические номинации (в английском и немецком). В основе данных фитонимов лежат следующие признаки номинации: форма; использование в народной медицине; место произрастания; эффект, производимый растением; использование в пищу животными; народные поверья и обычаи; цвет; особенности структуры.

Проанализировав данный материал, можно заключить, что представления о тысячелистнике в пяти рассмотренных языках в целом совпадают. Отчасти это стало следствием заимствований (например, из латинского); но основной причиной такого совпадения является то, что разные народы отмечают в языке одни и те же свойства и особенности растения. В фитонимах обеих языковых семей упоминаются следующие признаки: форма; использование в народной медицине; эффект, производимый растением; народные поверья и обычаи; цвет. Как правило, эти черты хорошо заметны: их легко наблюдать в повседневной жизни, особенно находясь вблизи от природы. Поэтому форма, цвет

и производимый «эффект» стали признаками, характеризующими тысячелистник как в германской, так и в финно-пермской народной номенклатуре. Лечебные свойства *Achillea millefolium* не только заметны, но и чрезвычайно важны (прежде всего это касается кровоостанавливающего действия). Роль в народных поверьях может в некоторой степени объясняться важностью тысячелистника для народной медицины.

Два признака — место произрастания и особенности структуры — присутствуют только в финно-пермских наименованиях *Achillea millefolium*. Местом произрастания могут быть отчасти мотивированы некоторые немецкие фитонимы; но этот признак выражается в них не так явно и менее распространен, чем в финском языке. В свою очередь, только в германских языках (немецком) встречается признак использования в пищу животными.

Некоторые наблюдения касаются также распространенности тех или иных признаков номинации. В рассмотренных фитонимах обеих групп наиболее часто отмечаются форма и лекарственные свойства тысячелистника. При этом в германских языках самый упоминаемый признак — форма (13 названий), а в финно-пермских — применение в медицине (12) (применением в медицине мотивировано 8 германских названий, а формой — 11 финно-пермских). На третьем месте среди финно-пермских фитонимов находится признак места произрастания (6 названий), а среди германских — эффект, производимый растением (6). Народные поверья и обычаи обозначены в не очень большом количестве номинаций (4 в германских языках и 2 в финно-пермских), как и цвет (3 и 1 соответственно). Использованием в пищу животными мотивировано 4 германских фитонима; 3 финно-пермских наименования мотивированы особенностями структуры, а 2 — эффектом, который производит растение.

Необходимо также заметить, что не всегда возможно точно определить признак, воплощенный в фитониме. Так, среди германских названий 6 имеют неясную мотивацию (это касается наиболее древних из них); подобные примеры есть и в финно-пермской группе. Кроме того, в основе фитонима нередко лежит не один, а два или несколько признаков, что может усложнить анализ и классификацию материала.

Сокращения в наименованиях языков и диалектов

англ.	английский	ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
англ.-фр.	англо-французский	ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
др.-англ.	древнеанглийский	рус.	русский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий	совр. англ.	современный английский
карел.	карельский	совр. нем.	современный немецкий
лат.	латинский	фин.	финский
нем.	немецкий	фин. ингерм.	ингерманландские говоры
общегерм.	общегерманский		финского языка
ср.-англ.	среднеанглийский	фр.	французский

Источники

- Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1878.
- БРКС — Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие) / Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркианова. Петрозаводск : Verso, 2011.
- Вакар Б. А. Определитель растений Урала. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964.
- Иллюстрированный определитель растений Средней России : в 3 т. Т. 3 : Покрытосеменные (двудольные: раздельнолепестные) / И. А. Губанов, К. В. Киселева, В. С. Новиков, В. Н. Тихомиров. М. : Т-во науч. изданий КМК : Ин-т технол. исследований, 2004.
- Ильина Т. А. Большая иллюстрированная энциклопедия лекарственных растений. М. : Эксмо, 2015.
- Лекарственные растения в научной и народной медицине / Б. Г. Волынский, К. И. Бендер, С. Л. Фрейдман [и др.] ; под ред. Р. Ф. Носковой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1967.
- Ракин А. Н. Коми-русский ботанический словарь. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1989. URL: <http://foto11.com/коми/vocabular/botanic.php> (дата обращения: 05.10.2020).
- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus> (дата обращения: 30.09.2020).
- DEPN — Dictionary of English Plant Names / ed. by J. Britten, R. Holland. London : Trübner & Company, 1886.
- Deutsches Wörterbuch / von J. Grimm und W. Grimm. URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB (date of access: 01.10.2010).
- DWDS — Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (date of access: 28.09.2020).
- Gerard J. The Herball, or Generall Historie of Plantes. London : Print. by Adam Islip, Joice Norton and Richard Whitakers, 1636.
- Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. London : Elsevier, 1971.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache / bearb. von E. Seebold. 25. Aufl. Berlin : De Gruyter, 2011.
- Krischke U. The Old English Complex Plant Names: a Linguistic Survey and a Catalogue. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2013.
- Lönnrot E., Saelan Th. Flora Fennica. Suomen kasvio. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjapainossa, 1866.
- Macmillan A. S. Popular Names of Flowers, Fruits, etc., as Used in the County of Somerset and the Adjacent Parts of Devon, Dorset and Wilts. Yeovil : Western Gazette etc. Co., Ltd., 1922.
- Marzell H. Wörterbuch der Deutschen Pflanzennamen. In 5 Bde. Leipzig : Verl. von S. Hirzel, 1959. Bd. 1.
- MEC — Middle English Compendium. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary> (date of access: 04.10.2020).
- OED — Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (date of access: 04.10.2020).
- Parkinson J. Theatrum Botanicum = the Theater of Plants: or, An Herball of a Large Extent. London : Print. by Tho. Cotes, 1640.
- Prior R. C. A. On the Popular Names of British Plants, Being an Explanation of the Origin and Meaning of the Names of Our Indigenous and Most Commonly Cultivated Species. London : Williams and Norgate, 1863.
- Pritzel G., Jessen C. Die Deutschen Volksnamen der Pflanzen. Hannover : Verl. von Philipp Cohen, 1882.
- Schiller K., Lübken A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. 3. Bremen : Verl. von J. Kühtmann's Buchhandlung, 1877.
- Suhoen P. Suomalaiset kasvinnimet. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Oy., 1936. (Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicæ Fennicæ Vanamo ; Vol. 7, No. 1).

Watts D. C. Dictionary of Plant Lore. London : Elsevier, 2007.

Yarrow // Plant-Lore : [site]. URL: <https://www.plant-lore.com/yarrow/> (date of access: 06.10.2020).

Исследования

Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках : На материале прибалтийско-финских и коми языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2006.

Бродский И. В. Номинация растений по признаку места их произрастания в финно-пермских языках // Вопросы уралоистики 2014 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб : Нестор-История, 2014. С. 300–361.

Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2007.

Синица Н. А. Образы христианских служителей культа в славянских народных названиях растений // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII, ч. 2. С. 239–255.

Allen D. E., Hatfield G. Medicinal plants in folk tradition: an ethnobotany of Britain and Ireland. Portland ; Cambridge : Timber Press, 2004.

References

Allen, D. E., & Hatfield, G. (2004). *Medicinal Plants in Folk Tradition: an Ethnobotany of Britain and Ireland*. Portland; Cambridge: Timber Press.

Brodsky, I. V (2006). *Nazvaniia rastenii v finno-ugorskikh iazykakh: Na materiale pribaltiisko-finskikh i komi iazykov* [Names of Plants in the Finno-Ugric Languages: Based on the Material of the Finnic and Komi Languages] (doctoral dissertation). Institute for Linguistic Studies of the RAS, St Petersburg.

Brodsky, I. V. (2014). Nominatsiia rastenii po priznaku mesta ikh proizrastaniia v finno-permskikh iazykakh [The Nomination of Plants According to Their Habitat in the Finno-Permian Languages]. In S. A. Myznikov (Ed.), *Voprosy uralistiki 2014* [Issues of Uralic Studies 2014] (pp. 300–361). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Koppaleva, Yu. E. (2007). *Finskaia narodnaia leksika flory (stanovlenie i funktsionirovanie)* [Finnish Folk Plant Vocabulary (Formation and Functioning)]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS.

Sinitsa, N. A. (2017). Obrazy khristianskikh sluzhitelei kul'ta v slavianskikh narodnykh nazvaniiax rastenii [The Images of Clerics in the Slavonic Folk Plant Names]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniï RAN*, 13(2), 239–255.

Галицына Елена Георгиевна

ассистент кафедры германской филологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: helen25-00@mail.ru

Galitsyna, Elena Georgievna

Teaching Assistant
Department of Germanic Philology
Ural Federal University
620000, 51, Lenin Ave.,
Yekaterinburg, Russia
Email: helen25-00@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0812-123X>

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.039

УДК 39(=512.15) + 398.22 + 821.52.15

М. Т. Сатанар*Северо-Восточный федеральный университет**им. М. К. Аммосова**Якутск, Россия*

ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В ЯКУТСКОМ И ШОРСКОМ ЭПОСЕ

Актуальность обращения к данной теме обусловлена необходимостью системного исследования природы мифологического сознания, вызванного усилением тенденции признания мифа как действенного духовного инструмента, имеющего гуманистическую ценность. Статья посвящена исследованию особенностей пространственно-временной организации эпических миров якутских и шорских сказаний. Пространство и время служат основополагающими категориями, моделирующими картину мира народа. Предметом настоящей статьи является мифологический хронотоп, т. е. миромоделирование в эпических традициях якутов и шорцев. Выявляются и анализируются элементы мифопоэтических воззрений, которые обнаруживаются в сюжетных мотивах, в глубоких пластах фольклорных текстов, в архаическом чувственном восприятии древних людей. Целью исследования является выявление сходств и различий в мифологическом миромоделировании якутских и шорских эпических сказаний. В работе применяются сравнительно-типологический подход, методы описания, герменевтики, моделирования, структурно-семантический анализ. Автор делает вывод, что в якутской и шорской эпических традициях наблюдается единый принцип в миромоделировании эпических пространств, общая логика мифологической географии, при этом в процессе сравнения анализируемых текстов, на фоне достаточно стройной мифологической системы якутского эпоса обнаруживается шорская система с признаками отражения отдельных черт архаичного мифа, содержащая очень древние элементы, свидетельствующие о более ранней стадии традиции и характеризующиеся большей обнаженностью смыслов. Тем больший интерес будут представлять для дальнейших сравнительных исследований новые издания шорского эпоса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: олонхо; шорский эпос; мотив; эпическая формула; хронотоп; Средний мир; Верхний мир; Нижний мир; Солнце; Луна

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Северо-Восточного федерального университета «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

Ц и т и р о в а н и е: Сатанар М. Т. Особенности мифологического хронотопа в якутском и шорском эпосе // Известия Уральского федерального университета.

Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 259–279. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.039>

Поступила в редакцию: 30.04.2020

Принята к печати: 15.04.2021

Marianna T. Satanar

*Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia*

FEATURES OF THE MYTHOLOGICAL CHRONOTOPE IN YAKUT AND SHOR EPOS

The relevance of this topic is conditioned by the need for a systematic study of the nature of mythological consciousness caused by the growing trend of recognising myth as a powerful spiritual tool possessing humanistic value. This article studies the features of the spatial and temporal organisation of the epic worlds of Yakut and Shor tales. Space and time serve as fundamental categories that model the world of nations. The subject of this article is mythological chronotope, i. e. world modeling in the epic traditions of the Yakuts and Shors. The author identifies and analyses elements of mythopoetic views expressed in plot motifs, which are deep layers of folklore texts related to the archaic sensory perception of ancient people. The author aims to demonstrate similarities and differences in the mythological world-modeling of the Yakut and Shor epics. The paper employs a comparative typological approach, using methods of description, hermeneutics, modeling, and structural and semantic analysis. The author concludes that in the Yakut and Shor epic traditions, there is a single principle in the world modeling of epic spaces and a common logic of mythological geography. At the same time, the comparison of texts in question demonstrates that while there exists a fairly harmonious mythological system of Yakut epos, the Shor system bears signs of reflection of certain features of the archaic myth, containing very early elements indicating an earlier stage in the tradition, and characterised by a greater transparency of meanings. As a result, new editions of Shor epos are going to be even more interesting for further comparative studies.

Key words: Olonkho; Shor epos; motif; epic formula; chronotope; Middle world; Upper world, Lower world; Sun; Moon

Acknowledgements

The study was carried out as part of the North-Eastern Federal University research project “Epic Monument of the Yakut Intangible Culture: Textological, Typological, Cognitive, and Historical-comparative Aspects”.

For citation: Satanar, M. T. (2021). Osobennosti mifologicheskogo khronotopa v iakutskom i shorskom epose [Features of the Mythological Chronotope in Yakut and Shor Epos]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 259–279. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.039>

Submitted: 30.04.2020

Accepted: 15.04.2021

Введение

Любой тип дискурса подразумевает явное или скрытое наличие пространства и времени как основных категорий мышления человека. Восприятие эпической действительности, организация сюжетно-композиционной структуры текстов обеспечивают эти характеристики [ЛЭС, с. 487]. Закрепление в понятийном аппарате гуманитарных наук термина *хронотоп* принадлежит М. М. Бахтину, который понимал его как неразрывную связь и обусловленность пространственно-временных отношений [Бахтин, с. 234]. Пространственно-временные представления, являющиеся основой мифологической картины мира, С. Ю. Неклюдовым обозначены как *мифологический хронотоп* [Неклюдов, с. 12]. По В. Н. Топорову, события, происходящие в мире мифопоэтического сознания, определяются *мифопоэтическим хронотопом*, при котором сами события «хронотопичны по своим истокам» [Топоров, 2010б, с. 322]. Понятие хронотопа освещается в научных изысканиях многих исследователей (П. А. Флоренский, В. Я. Пропп, В. М. Гацак, А. В. Кудияров, Б. Н. Путилов и др.), для которых характерно применение разных терминов: *хронотоп*, *топос*, *локус*, *хроноакт*. Принято считать, что представления о пространстве генетически являются более ранними, чем о времени [Мелетинский, с. 217]. Мифологическое пространство неоднородно, для него характерно членение по горизонтальной и вертикальной оси координат. Мифологическому времени свойственно иметь линейный или дискретный характер. При этом «пространство осознается в передвижении, а время осмысливается в абстракции (счет)» [Пропп, с. 152].

Исследованию хронотопа в якутском эпосе олонхо посвящены труды А. В. Кудиярова [Кудияров, 2002], Л. Н. Семеновой [Семенова, 2006], Л. Л. Габышевой [Габышева, 2009] и др. Значительный вклад в исследование шорских мифологических воззрений и, в частности, в изучение пространственно-временной организации шорского эпоса был внесен Н. П. Дыренковой [Дыренкова, 1940], А. И. Чудояковым [Чудояков, 1995], Л. Н. Арбачаковой [Арбачакова, 2001], Г. Ф. Благовой [Благова, 2006], Д. М. Токмашевым [Токмашев, 2012] и др.

В качестве материала исследования избраны тексты олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» П. П. Ядрихинского [2019] и «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева [1996], а также тексты шорских эпосов «Кан Перген» и «Алтын Сырык» П. И. Кыдыякова [ШГС]. Для автора было важно, что эти эпические тексты записывались со слов сказителей фольклористами П. Н. Дмитриевым, В. В. Илларионовым, А. И. Чудояковым в одно время, в период с 1967 по 1975 г., и расцениваются исследователями как лучшие образцы национального эпического жанра. Согласно замечанию А. Т. Хроленко, именно своеобразный фольклорный язык становится средством познания национальной ментальности [Хроленко, с. 24]. В эпосах народов пространственно-временные отношения, вырабатываясь языковым сознанием, концептуализируются по-разному, и в каждой национальной культуре они помогают конструировать свою особую модель мира [Невская, с. 3]. Итак, нас интересуют сходства и различия мифологических

представлений в текстах якутского и шорского эпосов в ракурсе пространственно-временной организации, выявление форм их взаимосвязей на уровне эпических мотивов. При вычленении сюжетных мотивов автор придерживается положения Б. Н. Путилова о том, что «сюжет движется не просто мотивами, а сцеплениями нескольких мотивов, называемых блоками» [Путилов, с. 187], для достижения максимальной синхронизации мотивов различных эпосов.

Мотивы эпического времени, сотворения мира

Уже с первых строк построения сюжетной линии якутских сказаний возникает идея «в начале тех стародавних времен», когда еще ничего не было сотворено, где время предстает как категория упорядоченного начала:

Далеко за вершинами
Древних лет тревожных,
Давно за хребтами
Стародавних дней бранных,
За далями дальними
Минувших времен беспокойных,
Когда три саха еще не появились,
Пять саха еще не расселились...
(«Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта»)
[Ядрихинский, с. 27, стк. 1–8]

В зачине якутского текста, не затрагивая тонкостей пространственных понятий, концептуализируется упорядоченно абстрагированная категория – время. В архаичном сознании подчеркивается наличие рубежа, содержащего сообщение о начальном времени, некогда «предшествовавшего началу отсчета исторического времени» [Топоров, 2010а, с. 173], тем самым качественно отделяющего отношения между мифическим и историческим временем, сакральным и профанным временем.

Такое же начало фиксируется и в шорском эпосе, с акцентом «когда всё только начинало сотворяться»:

Давно-давно это было, оказывается...
Когда впервые земля и вода разделялись,
Когда земля сотворялась, тогда было, оказывается.
Когда мешалкой землю делили,
Когда камысом воду делили,
Когда на березах-деревьях, проклеываясь,
Лист выходил, тогда было.
(«Алтын Сырык») [ШГС, с. 323, стк. 1, 4–9].

Как видно из примеров, тема «времени первотворения» является общей для вступительных формул эпосов. Как отмечает Е. Н. Кузьмина, такие «типические места» («общие места»), которые играют важную роль в сюжетосложении

эпосов, являются клишированными в эпосах народов Сибири [Кузьмина, с. 4]. Ни в одном из текстов не упоминается, кто является мироустроителем, но он предполагается, судя по «технологическому» аспекту космогонического акта. В обеих традициях улавливается единая внутренняя направленность — наличие логики космогонических действий. Продолжим цитировать фрагмент зачина олонхо:

Эта важная-прославленная,
Восьмикрайняя, восьмигранная,
Со спорами-раздорами,
Красивая-нарядная,
Изначальная мать-земля
Назначена-сотворена была, говорят.
[Ядрихинский, с. 27, стк. 9–14]

При этом «событийная» канва позволяет предположить, что в первотворении сделан намек на наличие создателя:

Когда впервые мир-народ сотворялся.
Когда на тополе-дереве распускаясь,
Впервые лист появлялся, тогда было.
Когда впервые весь народ сотворялся,
Когда впервые зеленая трава вырастала,
Когда впервые зеленый соловей запел.
Нарядная, с семьюдесятью перевалами золотая гора выросла.
[ШГС, с. 323, стк. 10–16]

Следовательно, подразумевается и наличие акта творения. Исходя из этого предполагается, что была все-таки некая сила — энергетическая и разумная, которая и явилась первопричиной вселенского процесса.

Важно заметить, что в приведенном первом фрагменте шорского мотива наличествует архаический пласт свернутого мифологического клише в виде «когда мешалкой землю делили, / когда камысом воду делили», аналогичное более развернутому варианту мотива сотворения мира в олонхо:

Госпожа мать-земля моя,
величиной с пятку серой белки будучи,
расширяясь-растягиваясь,
разрастаясь, рождалась;
подобно вывернутому,
мягкому, как замша, уху
двухгодовой важенки
растопыриваясь во все стороны,
постепенно увеличилась, оказывается...
[Каратаев, с. 77–79, стк. 27–35]

В шорском варианте процесс космогенеза представляется в виде оппозиций «земля — вода», являющихся первостихиями материального мира. Судя

по космогоническим мифам многих народов, именно для последнего компонента (воды) характерна первичность, соответственно, иллюстрированный вариант оппозиции означает противопоставление «порядок – хаос». В якутском варианте описание увеличения земли, по классификации С. Ю. Неклюдова, указывает на события, относящиеся к эпохе «расширяющейся Вселенной». Космогенез оформляется посредством оппозиций «хаос – космос», «тьма – свет», «пустота – вещество», «покой – движение», «точка – расширение пространства», их постепенного изменения и перехода. Оба варианта, отражающие отделение суши от воды и неба от земли, восходят к свернутой серии «хаос – порядок».

С позиций общих концепций тюрко-монгольской мифологии показателен фрагмент шорского эпоса:

Алтын Кан услышал:
С вершины золотой горы с семьюдесятью перевалами
Богатырский крик по всей четырехугольной Вселенной,
По всему богом сотворенному белому свету
Оттуда разносится.

[ШГС, с. 339, стк. 344–348]

Такая же концепция (что земля была похожа на четырехугольный коврик *тэллэх*) фиксируется и в якутской традиции [Гоголев, с. 95].

Если дальше развивать эту концепцию в ракурсе качеств Среднего мира, то можно установить, что он в обоих вариантах представляется плоским, что обуславливается эмпирическим восприятием мира, отраженного в словосочетаниях *обширной белой поляны* (в якутском варианте) и *бескрайней синей степи* или *черной степи, что взглядом не охватишь* (в шорском варианте). Исследователь шорских сказаний Д. М. Токмашев утверждает, что такая тенденция служит индикатором наиболее развитого эпоса, «преодолевшего» миф [Токмашев, с. 48]. Вместе с тем тексты шорских эпосов изобилуют описаниями многослойности земли:

На тверди земли золотой дворец вознесся.
Низ его в шестидесятом слое [земли],
На шести ногах он поднимается.
С верха его, [выше] трех небес,
Три бахромы спускаются...
Низ золотой коновязи для привязи коня
В тридцатом слое [земли],
На тридцати корнях она поднималась, оказывается...

[ШГС, с. 323–325, стк. 28–32, 36–38]

При этом интересно точное указание границы между земным и подземным мирами. Приведем отрывок речи Кара Салгына — посланника Нижнего мира, обращенного к Алтын Сырык:

Когда три творца этим именем тебя нарекли,
Весь до нашей земли дошла.

Когда об этом мы услышали, в нашем мире,
Который под девяностым слоем земли находится,
Все богатыри собрались, — сказал.
[ШГС, с. 347, стк. 525–529].

Число *три* в тексте функционирует в качестве фольклорной универсалии, характерной для тюркских народов [Кудияров, с. 185]. Верхний мир в якутском олонхо воспевается так:

Когда это восьмьярусное
Желтое-белое небо
Еще только создавалось,
Уха оленя лысого
С обреза-чэчээ было,
Бесконечно расстилаясь,
Безмерно возгордясь,
Расширяться оно начнет,
Небосвод пошатнется опасаясь,
К девятилучистому
Отменному солнцу белому
Поводьями подвязали.
[Ядрихинский, с. 29, стк. 48–59]

Сакральное число *девять* является производным числа *три* [Кудияров, с. 185]. В олонхо по отношению к небесной сфере устойчиво наблюдаются сочетания эпических числительных *ус* «три», *сэттэ* «семь», *абыс* «восемь», *тобус* «девять» [Избекова, с. 30]. Подробный структурно-семантический анализ точных количеств слоев различных ярусов небесного пространства проведен автором статьи [Сатанар, Илларионов, 2017, с. 571–573], в результате чего были выявлены трехслойность первого, семислойность второго, восьмислойность третьего, девяти-слойность четвертого небесных уровней. Приведем пример из шорского эпоса:

На высоте трех небес
Белая нить натягивается.
Лучшие из коней, приближаясь, бегут,
У основания сорока небес скачут.
[ШГС, с. 305, тирада 73, стк. 11–14]

Заметим, что особенностью сказания «Кан Перген» сказителя П. И. Кыдыякова является характер его исполнения — сочетание стихов с музыкальным сопровождением на инструменте комус. Указанные во фрагменте варианты количества небес не единственны, в эпосах встречаются *семь*, *девять*, от *шестнадцати* до *девятнадцати*, *тридцать*, *сорок*, а то и *семьдесят* небес. Принято считать, что представления о множественности небесных слоев заимствованы из шаманской космогонии [Дыренкова, с. 377]. В якутской традиции форма небес в текстах предстает как куполообразный свод, в шорской — как полусфера,

накрывающая четырехугольную землю. Понятие многослойности Нижнего мира в олонхо отсутствует, в шорских традициях оно устойчиво функционирует преимущественно в виде семи и девяти слоев.

В текстах олонхо наличествует пантеон светлых божеств с достаточно стройной структурой, количество и имена которых варьируются в эпосах, а функциональные характеристики константны. В текстах шорского эпоса нет категорий различных божеств, персонифицированных образов сил природы, отсутствует и образ первопредка. В «Алтын Сырыке» в кульминации первого звена сюжета присутствует мотив встречи главного героя с тремя творцами, а далее и в мотиве сватовства друга главного героя Алтын Шаппы фиксируется эпизод с девятью грозными богами, при этом образы богов более не развиваются.

Мотивы родной окраины, жилища

В начале целесообразно указать на единый сказительский прием — описание происходящего ведется от имени сказителя путем «оглядывания» по сторонам, согласно принципу «взора, помещенного вовнутрь событий» или «наблюдения извне», и сопровождается «формулами достоверности» [Семенова, с. 40] типа «так это было», «оказывается», «если присмотреться, то...» и т. д.

Во вводном описании олонхо важной темой, структурирующей мифологическое пространство, является описание образа Мирового древа, определяющего ключевые параметры системы. Известно, что неотъемлемой чертой архаического мышления является моделирование по принципу «тождества», согласно которому конструируется не только космическое пространство, земля, но и другие пространственные элементы [Топоров, 2010а, с. 12]. Они вводятся последовательно при горизонтальном разворачивании пространства. Так, страна героя, родной *алаас* (*алаас* — луговое или полевое пространство, окруженное лесом [Пекарский, стлб. 67]), усадьба, коновязь, жилище, очаг находятся на самой середине эпического пространства, центры которых совпадают с сакральным центром мирового древа:

Увидим-узрим —
Этого мира срединного
На заливке возвышающемся,
На холке его высокой,
На лоне обширном,
В центре непоколебимом,
В середине самой
Поле величественное находится...

<...>

В середине поля безбрежного,
Где солнце встает,
Эта долина светозарная
Стоит, оказывается, друзья!

[Ядрихинский, с. 31, стк. 96–103, 106–109]

Вводное описание природы в шорском эпосе отличается отсутствием мифологического образа мирового древа, которое сразу заменяется образом родовой горы, предстающей аналогом древа, соответственно, восходящей к мифологическому трехчастному делению:

Нарядная, с семьюдесятью перевалами золотая выросла.
Золотую гору с семьюдесятью перевалами
Рассекая, по ложбине спускался,
Пробиваясь, поток воды,
Деять поворотов делая,
Рассекая [гору], спускался, становясь золотым морем.
У золотого моря,
Друг друга тесня, улус-народ
Жил, оказывается.
У подножья золотой горы с семьюдесятью перевалами,
Друг другу на хвосты наступая, словно морская галька
Табуны лошадей рассыпались.

[ШГС, с. 323, стк. 16–27]

Описание стандартно для всех шорских эпосов с незначительными вариативными трактовками, касающимися цветовой символики горы (черная, белая, серебряная, зеленая и т. д.). В текстах обязательно постулированы элементы горы, отражающие вертикальную доминанту мира, множество перевалов, отражающих горизонтальное членение мира, а также расположение стойбища у подножья горы, наличие скота. Характеристика пространства задается оппозициями «гора – море», «статика – динамика», «вертикаль – горизонталь». Интересно дальнейшее вещественное наполнение эпического пространства. При постепенном развертывании Вселенной с четырьмя направлениями в мотиве описания местности упоминается, что:

У подножья черной горы белый скот пасется, оказывается.
Посередине улуса-народа
На пуп черной земли опираясь,
Бахромами на небесах красуясь,
Луны и солнца свет отражая,
Золотой дворец стоит.

[ШГС, с. 263–264, тирада 2,9 стк. 10–15]

Во фрагменте указание на «пуп земли» отражает качественную установку мифологического сознания на изоморфизм образа мироздания и человека, при котором центр земли соотносится с названием центрального элемента человеческого тела – пупком. Такая метафорическая перекодировка констатируется и в якутском олонхо (см. выше).

Повторим, что для текстов олонхо характерно уподобление жилища-балагана богатыря пространственной модели космоса, где четыре стороны якутского балагана соотносятся с четырьмя сторонами света:

Боясь, что пошатнется,
С южной стороны
Из девяноста лиственниц молодых
Подпорку поставили;
Думая, что разойдется,
С западной стороны
Из восьмидесяти лиственниц толстых
Опору прочную соорудили;
Считая, что сплющится,
С северной стороны
Множеством лиственниц,
Крепко-накрепко подперли;
Опасаясь, что накренится,
С восточной стороны
Семьюдесятью столбами,
Чтобы не качалось,
Глухо-наглухо сколотили.

[Ядрихинский, с. 71, стк. 848–864]

Здесь приведена лишь незначительная часть фрагмента в силу невозможности представления полного текста (описание жилища вместе с элементами внутреннего убранства занимает 235 стихотворных строк). Но мы напомним, что олонхо изобилует калейдоскопом множества знаков: так, в оформлении эпических формул, описывающих жилище богатыря, участвуют помимо пространственного кода еще цветовой, географический, зооморфный, геометрический, а также имплицитированный числовой коды. В рассмотренных нами шорских эпических сказаниях устойчиво употребляется формула «четыре угла света» в сокращенном варианте, без детализирующих элементов. Вот как прощается богатырь Кан Перген со своим золотым дворцом:

«До моего возвращения, четыре угла дворца моего,
Невредимыми-целыми стойте», — сказав,
Четырем углам поклонившись,
Славный, одинокий Кан Перген
Из золотого дворца шагом вышел.

[ШГС, с. 264–265, тирада 4, стк. 1–5]

Такая формула является стереотипной для большинства эпических текстов древнетюркских народов [Габышева, с. 27]. Добавим, что стилистическая фигура идеи прочности постройки, выполняющей защитную функцию, имеется в обоих текстах: в якутском варианте, благодаря многократно повторяющимся напоминаниям и усилениям устойчивости путем перечисления многих частей постройки, эта идея доминирует в сравнении с шорским эпосом, где все предельно лаконично:

Рядом с дворцом золотым
Коновязь золотая стоит.

За всю жизнь, отцом данную,
Ни один конь ее не выдернет.

[ШГС, с. 264, тирада 2, стк. 16–19]

В шорском варианте основную нагрузку идеи прочности берет на себя именно цветовая символика. Заметим, что фрагмент текста свидетельствует об оседлом образе жизни героя, о том, что «в фольклоре спрессовались несколько исторических состояний» [Аникин, с. 228–278].

Излюбленным объектом воспевания в олонхо является образ домашнего очага, семантика которого также восходит к образу священной вертикали, при котором дым-жар очага предстает скрепляющим миры элементом, тождественным кроне и корням Мирового древа, и поэтому очаг становится символом «несанкционированного» входа-выхода жилища, понимаемого как самый уязвимый участок, содержащий угрозу. Приведем отрывок олонхо, иллюстрирующий речь умирающего богатыря *абаасы* Нижнего мира:

«Убив меня,
счастье свое возвысишь ли — неизвестно.
Когда твоей дочери
ножницами играть время настанет,
когда твоему сыну
стрелами забавляться время придет —
из-под очага твоего,
черным сквозняком обернувшись,
я вынырну!» — сказал.

[Каратаев, с. 183, стк. 2247–2255]

Шорский эпос не стремится к детализации составных элементов, очаг жилища местами упоминается в текстах эпоса в виде семантического маркера благополучной жизни, символа мирной жизни. Приведем прощальную речь Кан Пергена, обращенную к Кок Торгу:

— Пусть очаг твой, Кок Торгу, не погаснет,
Кровь твоя не иссякнет, — сказал.
Приветствиями обменявшись,
Славный Кан Перген
Из золотого дворца шагом вышел.

[ШГС, с. 270, тирада 15, стк. 21–25]

Или, например, вот как отвечает Алтын Сырык на вопрос Кара Шмелдей:

Куда бы я мог ехать? К Кан Сулазыну,
Каменные очаги его разрушить,
Море-золу его развезать я еду.

[ШГС, с. 355, стк. 719–721]

Специфика якутского мифологического пространства заключается (в некоторых случаях), в изоморфности вертикальной и горизонтальной ориентировок: в северном направлении расположены *абаасы* Нижнего мира, на восточной стороне (а иногда на южной) — светлые божества *айыы*. Отсюда берет начало традиционное якутское мировоззрение о тождестве понятий «вниз по течению означает север», «верх значит юг». Данный изоморфизм обозначается символом креста, отражающего сразу две ориентации в единой конструкции — при вертикальном расположении символизирующего мировое древо, при горизонтальном же — четыре стороны света [Косарев, с. 208]. Эксплицитное позиционирование с использованием геометрического кода обнаруживается и в шорском эпосе. Приведем фрагмент мотива сватовства, где описываются конные скачки за отпущенной богами-творцами синей стрелой с девятью перьями:

Конь бело-серый и конь бело-сивый
За синей стрелой с девятью перьями
Гнались и гнались.
Четырехугольную эту Вселенную
Четырежды крест-накрест они пробежали.

[ШГС, с. 397, стр. 1627–1631]

Далее повествуется и о *девяти*, и даже о *тридцати* повторных движениях «крест-накрест». Очевидно, что если стрела выпущена богами, то речь идет не только о горизонтальной, но и о вертикальной проекциях маршрута стрелы, очерчивающего крест, следовательно, налицо изоморфизм ориентировок. М. М. Маковский отмечает, что в древности символ креста почитался в виде олицетворения единства Неба и Земли, связи трех миров [Маковский, с. 268–269].

Мотивы-ситуации и мотивы-действия в пространственном передвижении персонажей

Примечательно, что в олонхо все три мира структурируются весьма четко, при их суммарном конструировании единая пространственная организация мироздания выглядит как пирамида. Подробное построение геометрической модели мира олонхо описано в исследовании [Сатанар, Илларионов, 2018, с. 471–481]. Структуры трех миров шорского эпоса в текстах представлены слабо: как отмечают исследователи, в силу того, что художественный аспект затмевает мифологические начала [Чудояков, с. 213]. Тем не менее, при внимательном рассмотрении текстов можно обнаружить отрывки мифопоэтических экспозиций с пространственными характеристиками Верхнего и Нижнего миров, представляющих собой точную копию Среднего мира — с горами, степями, морями [ТМТЮС, с. 16].

Пространственные перемещения персонажей в другие миры в шорском эпосе происходят через гору, что является трансформированным вариантом

мотива трехчастного мироздания. Ярким примером последнего служит мотив погребения богатыря на дереве, находящемся на вершине горы:

Шагом поднялись. Поднявшись, затем увидел
Славный Алтын Сырык:
На самой вершине молодой красивой горы
С семьюдесятью перевалами
Золотая лиственница —
Выше семидесяти небес —
Выросла оказывается...
Вершину золотой лиственницы
[К земле] пригнув,
Золотой гроб к ней подвесили.
Когда [вершину] они отпустили,
Тело Алтын Тылчыса
Тридцать небес
Своим сиянием осветило.

[ШГС, с. 383–385, стк. 1330–1336, 1342–1348]

Данный фрагмент отражает два пласта представлений. Эпический аспект заключается во временной ограниченности жизни богатыря, глубинный мифологический аспект — в обрядовом акте, при котором путь к предкам пролегает по мировой оси. Следует отметить, что согласно научным изысканиям В. С. Баевского [1985], А. В. Кудиярова [2002], более мелкий пространственный элемент, обозначаемый как «локус» (дерево), определяет функцию «топоса» (гора) — крупного пространственного элемента [Баевский, с. 213; Кудияров]. В якутском олонхо функциональную роль перехода в другой мир выполняет дополнительный константный элемент *аартык* «теснина, горное ущелье, перевал, дорога, проход» [Пекарский, стлб. 152]. Причем имеют место четыре такие дороги, фиксирующиеся в олонхо с разными локусами, функциональными предназначениями и собственными именами: в сторону восточного неба пролегает «бело-молочная дорога госпожи Иййиэхсит», ведущая к *Юрюнг Аар Тойону*; в сторону западного неба — «кровавая дорога Кяхтия», ведущая в страну *Улуу Тойона*; «иссушающая дорога Куктуй» ведет к Арсан Дуолаю; в сторону южного неба — «с ледяным дыханием дорога» ведет в страну чар и бедствий [Ойунский, с. 25]. В олонхо описание всех четырех дорог-перевалов сопровождается различными кодовыми конфигурациями.

Как правило, сюжетно-композиционная завязка в пространственном отношении задается пересечением установленных статичных границ богатыря — пространственных сфер *алааса*, усадьбы, жилища (в якутском варианте), направленных снаружи вовнутрь действиями положительных или отрицательных персонажей, или движением самого богатыря изнутри наружу. При этом враждебное нарушение границы обязательно сопровождается последовательностью формул «предупреждающих действий-событий»:

С восьмьярусного
Желто-белого неба
Со сквозным ветром студеным
С западной части нижней,
С теснинами коварными
По краям северным,
Будто шкуру медведя матерого
С лапами-когтями
Разложили,
Черные, страшные
Темные тучи снежные
Толстым слоем грозным
На небе нависли,
Снегом навалило,
Градом накатило.

[Ядрихинский, с. 359, стк. 6449–6463]

Такая же событийная последовательность с использованием метеорологического кода реализуется и в завязке шорского эпоса:

Когда [Алтын Кан] свой великий аш пил,
Земной хребет закачался,
С края Вселенной гром раздался.
Буйный ветер подул,
Буйный ветер поднялся.
Это услышав, Алтын Кан
Створчатое окно настежь распахнул и увидел...

<...>

На черно-гнедом коне
Лучший из богатырей, подобный горе,
Сидит верхом, оказывается...

[ШГС, с. 327, стк. 82–88, 93–95]

Немаловажное место в организации эпического пространства занимают Солнце и Луна, которые, как правило, присутствуют в описании миров эпоса. Следует заметить, что позиционирование этих светил в качестве атрибута миров служит маркером степени сакральности местности. Исследователи отмечают, что страной высшего божества — молочно-белотелого *Юрюнг Айыы Тойона* является страна с незаходящим солнцем [Емельянов, с. 12], что *Юрюнг Айыы Тойон* источает жару и свет, воспринимается видимым светилом — солнцем [Эргис, с. 132]. Средний мир как солнечная страна воспевается:

По утрам восходящим
С солнцем лучистым,
По ночам бегущей
С луною рядом,

небо желто-белое
Создано-сотворено стоит.
[Ядрихинский, с. 31, стк. 80–85]

Примечательно, что шорский эпос признает нераздельность жизни человека с этими светилами, привязывая данные атрибуты мира, например, к мотиву смерти богатыря:

Через какое-то время
Бело-серый золотогривый конь
По краю черного тумана прошел.
Проходя, всмотревшись, тогда увидел:
На этой земле, бледнея, лучшая из лун умерла,
Синея, лучшее из солнц умерло.
[ШГС, с. 375, стк. 1130–1135]

В обоих эпосах Солнце и Луна служат своего рода отправными точками Среднего мира в мотивах начала богатырского похода. Приведем фрагмент описания речи-наставления девяти творцов, указывающих маршрут богатырей:

Направо, туда, где солнце восходит.
В сторону Кун-кана ты, Алтын Сырык, поедешь,
Налево, туда, где солнце заходит,
В сторону Ай-кана Алтын Шаппа поедет.
[ШГС, с. 409, стк. 1866–1869]

Общеизвестно использование в обоих традициях образов этих светил в эпических формулах, восхваляющих красоту девушки. Аналогичные клише обнаруживаются также у других народов [Бурыкин, с. 24]. В качестве антагониста Верхнего мира Нижний мир в якутских олонхо представлен в следующем виде:

Ну так вот,
по стране племен абаасы,
где и солнце щербатое,
где и луна ущербная,
по сумрачным ее равнинам
легкой трусцой мчась...
очень большое расстояние проехал
[Каратаев, с. 307, стк. 4899–4904, 4913],

— являющемся типовым выражением, характеризующим враждебность места. В шорской традиции подземный мир обозначается тусклым свечением Солнца и Луны. В целом семантика статичных мотивов-ситуаций в обоих эпосах получает полное раскрытие при соприкосновении персонажей с эпическими локусами.

В олонхо путь богатыря описывается при помощи устойчивых эпических формул типа:

Осень по ненастью узнавая,
весну по заморозкам ощущая,
лето по дождю определяя,
зиму по инею распознавая, —
вот так свой путь продолжал.

[Каратаев, с. 120–121, стк. 945–949]

Подразумевается, что здесь закодировано сообщение о времени, а именно что богатырь движется один год, при этом используются фенологический и метеорологический коды. По замечанию В. М. Гацака, такие «формулы длительности пути определенно обладают свойством хронотопа (“времяпространство”»)» [Гацак, с. 15]. Для передачи функционального единства описаний пространственно-временной связи В. М. Гацак применяет термин *хроноакт* (*времядействие*) [Там же, с. 16]. В олонхо активно используются и формулы, имплицитно выражающие характер движения — скорость:

Мир срединный проезжал:
Вверх взглянуть — небо,
Вниз взглянуть — небо,
Мир бескрайний пролетал.
В ушах
Будто утки-гоголь
От крыльев летящих
Шумело-гудело,
В лицо-глаза
Будто плетью
Ветром сильным хлестало

[Ядрихинский, с. 189, стк. 3134–3144],

— и указывающие на ускоренное движение. В приведенном отрывке категория скорости оформляется посредством звукового и тактильного кодов. В шорском эпосе время описывается своеобразно:

Краснее красной крови красно-игренивый конь,
Копытами ударив, вперед поскакал.
Быстрее прежнего скачет,
Легче прежнего мчится.
Мало ли скачет, много ли скачет [времени],
За пределы трижды по семьдесят светил,
За пределы трижды по семьдесят ханств выехал.

[ШГС, с. 301, тирада 65, стк. 26–32]

Здесь трехкратное пересечение пределов протяжения семидесяти светил и семидесяти ханств указывает на длительность пути при быстром перемещении. В текстах встречается и более эффектное скрытое указание времени:

Лучший из богатырей Алтын Сырык
Юного богатыря от борьбы отстранил,
С Кара Сулазыном снова схватился.
Мало ли прошло, много ли прошло [времени],
Через какое-то время
Понял тогда Алтын Сырык
Дважды по девяносто лет миновало, оказывается.

[ШГС, с. 377, стк. 1188–1194],

или скорости:

— Попробуем побороться, —
Алтын Сырык сказал,
Золотое седло снимая.
Двух коней рядом поставили.
Когда вскачь коней пустили —
Верхушки травы не шелохнулись,
Пыль с земли не успела подняться.

[ШГС, с. 417, стк. 2052–2058]

Фрагменты текстов демонстрируют стилистическое отличие шорской традиции — гиперболический прием, указывающий на количество повторов (дважды, трижды, четырежды), без сомнений, придающих своеобразность языку шорского фольклора.

Выводы

Анализ мифологических экспозиций в эпосах якутов и шорцев показывает наличие в текстах начального времени первотворения, единой трехчастной вертикальной и четырехчастной горизонтальной организации пространственных картин мира, признания акта творения и многослойности структуры мира, общих геометрических форм неба и земли. Пространственные представления в эпосах организуются посредством мотивов с различным языковым оформлением, но с помощью семантических оппозиций, в конечном виде восходящих к единой свернутой серии «хаос — порядок». В текстах наблюдается единый принцип тождества в моделировании пространственных представлений, подчиняющихся общему сакральному центру, наличие антропокосмической метафоры и сходных границ перехода от внутреннего пространства к внешнему, от сакрального к периферийному. Иногда в шорском эпосе встречается организация по принципу изоморфности вертикальной и горизонтальной ориентировок эпического пространства, что является специфической чертой мифологических представлений якутов. Это обстоятельство свидетельствует о наличии общей логики мифологической географии. Пространственно-временные связи представлены самобытно, но идентичность количественных и качественных характеристик сохраняется. Заметны разные стилистические приемы в оформлении эпических формул, обозначающих фольклорное время и пространство. Присутствие

«излюбленных» образов светил в мифологических пластах эпосов восходит к соляным и лунным культам древнетюркской эпохи. Однако в шорском эпосе отсутствует стройная структура божеств Верхнего мира, мифологические образы, олицетворяющие культ Неба и Солнца, образ первопредка (в отличие от олонхо), которые ярко демонстрируют признаки еще непреодоленного мифа, находящегося в состоянии раннего этапа своего развития. Так, с одной стороны, богатырю шорского эпоса свойственны мифические элементы, с другой, он смертен и его деяния социально обусловлены, т. е. в текстах наблюдается напластование разных эпох. Эпические миры якутского и шорского эпосов отражают различные элементы ландшафта. Если в олонхо пространственными элементами предстают родной *алаас* героя, лес, гора, море, то в шорском эпосе развертывание пространства реализуется с помощью статических локусов гор, морей, пустынь, степей, отражающих географические особенности территорий. Мифологические экспозиции эпосов обладают богатой семиотикой, при этом имеют разную степень развернутости: шорские — емки, лаконичны, якутские же отличаются пространными, детализированными описаниями.

Источники

Каратаев В. О. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох» / вступ. ст. Н. В. Емельянова, В. В. Илларионова ; отв. ред. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов. Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; т. 10).

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов) / отв. ред. Н. А. Алексеев. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005.

ЛЭС — Литературный энциклопедический словарь / подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др. ; под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл., 1987.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка : в 3 т. Л. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1.

ШПС — Шорские героические сказания / вступ. ст., подгот. текста, пер., коммент. А. И. Чудоякова ; музыковед. ст. и подгот. нотного текста Р. Б. Назаренко ; отв. ред. Х. Г. Короглы. М. : Новосибирск : Наука, 1998. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; т. 17).

Ядрихинский П. П. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Олонхо / отв. ред. В. В. Илларионов. Якутск : Көмүөл, 2019.

Исследования

Аникин В. П. Теория фольклора: курс лекций : учеб. пособие. М. : Книжный дом Университет, 2004.

Арбачакова Л. Н. Текстология шорского героического эпоса: (На примере материалов Н. П. Дыренковой и А. И. Чудоякова). Новосибирск : Наука, 2001.

Баевский В. С. Художественное пространство в «Евгении Онегине» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985. Т. 44, № 3. С. 213–224.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худож. литература, 1975. С. 234–407.

Благова Г. Ф. Антропонимическая микросистема как проекция космологических и социальных представлений пратюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.

Пратюрский язык-основа. Картина мира пратюрского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо. М. : Наука, 2006. С. 660–751.

Бурыкин А. А. К проблематике исследования якутско-тунгусских взаимосвязей в эпосе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2018. № 2 (10). С. 22–30. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.10.14550>

Табышева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск : Наука, 2009.

Гацук В. М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М. : Наука, 1989.

Гоголев А. И. Основные сюжетные вариации в якутской мифологии // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск : Изд-во ЯГУ, 1988. С. 93–102.

Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940.

Емельянов Н. В. Мифологические божества в олонхо «Потомки Юрюнг Айыы Тойона» и «Баай Барылаах — дух-хозяин черного леса» // Мифология народов Якутии : сб. науч. тр. / [отв. ред. В. Т. Петров]. Якутск : Якутский филиал СО АН СССР, 1980. С. 17–20.

Избекова Е. И. Числительные в олонхо: структура и семантика. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2014.

Косарев А. Ф. Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Университетская книга, 2000.

Кудияров А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М. : ИМЛИ РАН, 2002.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Невская И. А. Функционально-семантическое поле пространственности в языках Сибири // Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования : сб. науч. тр. / отв. ред. И. А. Невская. Новосибирск : СО РАН, 1998. Вып. 1. С. 3–17.

Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология : сб. ст. / сост. М. В. Ахметова ; отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2005. С. 9–26.

Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. Якутск : Сайдам, 2013.

Пропп В. Я. Поэтика фольклора (Собрание трудов В. Я. Проппа) / сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М. : Лабиринт, 1998.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура ; In memoriam. СПб. : Петерб. востоковедение, 2003.

Сатанар М. Т., Илларионов В. В. Структурный анализ локуса основ якутского пантеона божеств // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 571–573.

Сатанар М. Т., Илларионов В. В. Модель мира саха: семантика в ракурсе геометрии форм (на материале якутского эпоса) // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 6. С. 471–481. <https://doi.org/10.15643/libartus-2018.6.4>

Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетики. СПб. : Петерб. востоковедение, 2006.

ТМТЮС — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, 1988.

Токмашев Д. М. Категория пространства в шорском героическом эпосе: лингвокультурологический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3(19). С. 40–58.

Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010а.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010б. С. 318–3821.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие. М. : Наука, 2005.

Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово : Кн. изд-во, 1995.

Эргус Г. У. Очерки по якутскому фольклору / [отв. ред. д. ист. н. В. Е. Гусев ; отв. за переизд. к. филол. н. В. М. Никифоров]. Якутск : Бичик, 2008.

References

Anikin, V. P. (2004). *Teoriia fol'klora: kurs leksii: uchebnoe posobie* [Theory of Folklore: A Lecture Course: A Handbook]. Moscow: Knizhnyi dom Universitet.

Arbachakova, L. N. (2001). *Tekstologiya shorskogo geroicheskogo eposa: (Na primere materialov N. P. Dyrenkovej i A. I. Chudoyakova)* [Textology of Shor Heroic Epos: (With Reference to N. P. Dyrenkova's and A. I. Chudoyakov's Materials)]. Novosibirsk: Nauka.

Baevsky, V. S. (1985). Khudozhestvennoe prostranstvo v "Evgenii Onegin" [Artistic Space in *Eugene Onegin*]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 44(3), 213–224.

Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i hronotopa v romane: ocherki po istoricheskoi pojetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics]. In M. M. Bakhtin, *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniia raznykh let* [Literature and Aesthetics: Studies from Different Years] (pp. 234–407). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Blagova, G. F. (2006). Antroponimicheskaya mikrosistema kak proektsiya kosmologicheskikh i sotsial'nykh predstavlenij pratiurkov [Anthroponymic Microsystem as a Projection of Cosmological and Social Representations of Proto-Turks]. In E. R. Tenishev, & A. V. Dybo (Eds.), *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskiy iazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka* [Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages. Proto-Turkic Language. The Worldview of the Proto-Turkic Ethnos according to Linguistic Data] (pp. 660–751). Moscow: Nauka.

Burykin, A. A. (2018). K problematike issledovaniia iakutsko-tungusskikh vzaimosvyez v epose [On Research Issues of the Yakut-Tungus Interconnections in Epos]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie*, 2 (10), 22–30. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.10.14550>

Chudoyakov, A. I. (1995). *Etiudy shorskogo eposa* [Essays on Shor Epos]. Kemerovo: Knizhnoe izdatel'stvo.

Dyrenkova, N. P. (1940). *Shorskii fol'klor* [Shor Folklore]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Press.

Emelyanov, N. V. (1980). Mifologicheskie bozhestva v olonkho "Potomki Yuryung Ajyy Tojona" i "Baaj Barylaakh — dukh-khozyain chernogo lesa" [Mythological Deities in the Olonkho *Descendants of Yuryung Ajyy Toyon* and *Baaj Barylaakh — the Master Spirit of the Black Forest*]. In V. T. Petrov (Ed.), *Mifologiya narodov Yakutii* [The Mythology of Yakut Peoples] (pp. 17–20). Yakutsk: Yakutskii filial SO AN SSSR.

Ergis, G. U. (2008). *Ocherki po iakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut Folklore]. Yakutsk: Bichik.

Gabyшева, L. L. (2009). *Fol'klornyj tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoj pamiati* [Folk Text: Semiotic Mechanisms of Oral Memory]. Novosibirsk: Nauka.

Gatsak, V. M. (1989). *Ustnaia epicheskaya traditsiya vo vremeni: Istoricheskoe issledovanie poetiki* [The Oral Epic Tradition in Time: A Historical Study of Poetics]. Moscow: Nauka.

Gogolev, A. I. (1988). Osnovnye svyaznyye variatsii v iakutskoj mifologii [The Main Plot Variations in Yakut Mythology]. In *Yazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri* [Language — Myth — Culture of the Peoples of Siberia] (pp. 93–102). Yakutsk: YaGU Press.

Izbekova, E. I. (2014). *Chislitel'nye v olonkho: struktura i semantika* [Numerals in Olonkho: Structure and Semantics]. Yakutsk: SVFU Publishing House.

Khrolenko, A. T. (2005). *Osnovy lingvokul'turologii: uchebnoe posobie* [The Bases of Linguoculturology: A Handbook]. Moscow: Nauka.

Kosarev, A. F. (2000). *Filosofiya mifa. Mifologiya i ee evristicheskaya znachimost'* [The Philosophy of Myth. Mythology and Its Heuristic Significance]. Moscow: PER SE; St Petersburg: University Book.

Kudiyarov, A. V. (2002). *Khudozhestvenno-stilevyie traditsii eposa mongolioazychnykh i tiurkoazychnykh narodov Sibiri* [Artistic and Stylistic Traditions of the Epos of the Mongol-speaking and Turkic-speaking Peoples of Siberia]. Moscow: IMLI RAN.

Lvova, E. L., Oktyabr'skaya, I. V., Sagalaev, A. M., & Usmanova, M. S. (Eds.). (1988). *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoj Sibiri: Prostranstvo i vremia. Veshchnyj mir* [The Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia: Space and Time. Real World]. Novosibirsk: Nauka.

Makovsky, M. M. (1996). *Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropskikh iazykakh: Obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: The Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow: Gumanitarnyj izdatel'skij tsentr VLADOS.

Meletinsky, E. M. (2000). *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAN.

Neklyudov, S. Yu. (2005). Struktura i funktsiia mifa [The Structure and Function of Myth]. In S. Yu. Neklyudov (Ed.), *Sovremennaiia rossijskaia mifologiya: sbornik statei* [Contemporary Russian Mythology: Collection of Articles] (pp. 9–26). Moscow: RGGU.

Nevskaya, I. A. (1998). *Funktsional'no-semanticheskoe pole prostranstvennosti v iazykakh Sibiri* [Functional-semantic Field of Spatiality in the Siberian Languages]. In I. A. Nevskaya (Ed.), *Shorskaia filologiya i sravnitel'no-sopostavitel'nye issledovaniia* [Shor Philology and Comparative Studies] (Iss. 1, pp. 3–17). Novosibirsk: SO RAN.

Ojunskey, P. A. (2013). *Iakutskaja skazka (olonkho), ee siuzhet i sodержanie* [Yakut Tale (Olonkho), its Plot and Content]. Yakutsk: Sajdam.

Propp, V. Ya. (1998). *Poetika fol'klora (Sobranie trudov V. Ya. Proppa)* [The Poetics of Folklore: Collected Works of V. Ya. Propp]. Moscow: Labirint.

Putilov, B. N. (2003). *Fol'klor i narodnaia kul'tura; In memoriam* [Folklore and Folk Culture; In Memoriam]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Satanar, M. T., & Illarionov, V. V. (2017). Strukturnyj analiz lokusa osnov iakutskogo panteona bozhestv [Structural Analysis of the Locus of the Foundations of the Yakut Pantheon of Deities]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 6 (67), 571–573.

Satanar, M. T., & Illarionov, V. V. (2018). Model' mira sakha: semantika v rakurse geometrii form (na materiale iakutskogo eposa) [Sakha Model of the World: Semantics from the Perspective of Geometry of Forms (Based on the Material of Yakut Epos)]. *Rossiiskij humanitarnyj zhurnal*, 7(6), 471–481. <https://doi.org/10.15643/libartus-2018.6.4>

Semenova, L. N. (2006). *Epicheskii mir olonkho: prostranstvennaia organizatsiia i siuzhetika* [The Epic World of Olonkho: Spatial Organisation and Plot]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Tokmashev, D. M. (2012). Kategorii prostranstva v shorskom geroicheskom epose: lingvokul'turologicheskij aspekt [The Category of Space in Shor Heroic Epos: Linguocultural Aspect]. *Bulletin of Tomsk State University*, 3 (19), 40–58.

Toporov, V. N. (2010a). *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы* [World Tree: Universal Sign Complexes] (Vol. 2). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Toporov, V. N. (2010b). Prostranstvo i tekst [Space and Text]. In V. N. Toporov, *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы* [World Tree: Universal Sign Complexes] (Vol. 1, pp. 318–382). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.

Сатанар Марианна Тимофеевна
научный сотрудник сектора
«Олонховедение» Научно-
исследовательского института Олонхо
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
677000, Якутск, ул. Кулаковского, 42
E-mail: satanar68@mail.ru

Satanar, Marianna Timofeevna
Researcher
Department of Olonkho Studies
Olonkho Research Institute
North-Eastern Federal University named after
M. K. Ammosov
42, Kulakovskiy Str., 677000 Yakutsk, Russia
Email: satanar68@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3546-7343>
ResearcherID: AAH-5055-2019

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.040
УДК 321.61(436)(09) + 39(=811.11) +
+ 329.(09)

Ю. Е. Бут
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГАБСБУРГСКИХ НАРОДОВ В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Рец. на кн.: Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. : очерки / М. С. Ващенко, О. И. Величко, М. Ю. Дронов [и др. ; под ред. О. В. Хавановой (отв. ред.) и др.]. Москва : Индрик, 2018. 408 с.

В статье анализируется содержание и значимость коллективной монографии, ставшей первым в отечественной историографии комплексным трудом, в котором представлена динамика политической культуры и этапы партийного строительства народов композитарной монархии Габсбургов в 1848–1914 гг. В форме очерков авторы монографии описывают, как габсбургские народы с разной степенью активности и успешности претендовали на признание собственной коллективной идентичности, а также добивались признания в качестве коллективных субъектов государства. Характеризуются основные трудности в составлении системного обзора политической культуры народов монархии, обусловленные сложным типом государственно-политической структуры, характером политических объединений и партий, разным уровнем развития национальной идеи. Подчеркивается методологическая новизна монографии и пересмотр авторами телеологического подхода, характерного для историографии XX в. При этом отмечаются определенные недочеты в изложении материала, доказательности утверждений, приведении имен собственных и названий организаций. Тем не менее, достоинства монографии позволяют ей занять важное место среди отечественных трудов по центральноевропейской истории Нового времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политические партии; национальные движения; монархия Габсбургов; Австро-Венгрия; парламентаризм; политическая пресса; Новое время; дуализм; история Центральной Европы; XIX век

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-59-23005 «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы».

Ц и т и р о в а н и е: *Бут Ю. Е.* Политическая культура габсбургских народов в середине XIX — начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 280–287. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.040>. Рец. на кн.: Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. : очерки / М. С. Ващенко, О. И. Величко, М. Ю. Дронов [и др. ; под ред. О. В. Хавановой (отв. ред.) и др.]. Москва : Индрик, 2018. 408 с.

Поступила в редакцию: 28.09.2020

Принята к печати: 15.04.2021

Yulia E. But

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

**POLITICAL CULTURE OF THE HABSBURG PEOPLES
IN THE MID-19th AND EARLY 20th CENTURIES**

Review of: Vashhenko, M. S., Velichko, O. I., Dronov, M. Yu., et al. (2018). Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg.: ocherki [Political Parties and Social Movements in the Habsburg Monarchy, 1848–1914: Essays]. Moscow: Indrik. 408 p.

This review characterises the content and comments on the importance of a collective monograph which can be regarded as the first comprehensive work in the Russian historical science to depict the dynamics of political culture and the stages of party building by almost all the peoples of the multinational Habsburg monarchy in 1848–1914. In a series of essays, the authors demonstrate how Habsburg peoples fought, though with a varying degree of ardour and success, for the recognition of their collective identity and claimed to be recognised as collective subjects of the state. The review reveals the main issues that thwart drawing a comprehensive review of the political culture of the peoples of the monarchy resulting from the composite state structure, the nature of political associations and parties, and the different development stages of the national idea. The authors revise the teleological approach of 20th-century historiography which can be considered a novelty in the Central European studies in Russia. Yet, the book contains occasional weaknesses in the chains of reasoning and evidence. Nonetheless, the strengths of the book make it possible to rank it among the authoritative books on the Central European history of the modern period.

Key words: political parties; national movements; Habsburg monarchy; Austro-Hungary; parliamentarism; political press; modern time; dualism; history of Central Europe; 19th century

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for Basic Research* in the framework of project 19-59-23005 “The Habsburg Monarchy: New Trends in Research of Economic, Sociopolitical, and National Development of the Central European Composite State”.

For citation: But, Yu. E. (2021). Politicheskaya kul'tura gabsburgskikh narodov v seredine XIX — nachale XX v. [Political Culture of the Habsburg Peoples in the Mid-19th and Early 20th Centuries]. *Review of: Vashhenko, M. S., Velichko, O. I., Dronov, M. Yu., et al. (2018). Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg.: ocherki* [Political Parties and Social Movements in the Habsburg Monarchy, 1848–1914: Essays]. Moscow: Indrik. 408 p. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 280–287. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.040>

Submitted: 28.09.2020

Accepted: 15.04.2021

Рецензируемая монография написана в жанре очерков коллективом ведущих специалистов в области истории центральноевропейских народов в Новое время. Она посвящена проблеме политической динамики и партийного строительства в монархии Габсбургов в период между революцией 1848 г. и кануном Первой мировой войны. При всей кажущейся «избитости» темы партийно-политического устройства европейских государств, в отношении монархии Габсбургов эта монография стала первым в российской исторической науке комплексным исследованием такого охвата, характеризующимся всесторонним рассмотрением означенной проблемы.

В наши дни анализ политической культуры и партийного строительства габсбургских народов сохраняет свою актуальность. Сформировавшиеся во второй половине XIX — начале XX в. либерально-националистическое, социально-христианское и социал-демократическое движения играли ключевую роль в новейшей истории центральноевропейских государств и остаются традиционными «лагерями» в политической жизни современной Австрии.

Решение проблемы, рассматриваемой в монографии, представляет ряд трудностей. Первая связана с типом государственно-политической структуры монархии Габсбургов, которую авторы относят к самым сложным образованиям Европы Нового времени и вслед за зарубежными исследователями определяют как «композиционную» (категория введена Г. Кёнигсбергером [Koenigsberger] и популяризована Дж. Эллиотом [Elliott]).

Уже одно название этого государства представляет проблему для современного читателя, поскольку даже по отношению к одному и тому же хронологическому периоду в исторических трудах используются разные варианты: Австрия, владения Австрийского дома, Габсбургская монархия, Австрийская монархия, Дунайская монархия, монархия Габсбургов, империя Габсбургов и Габсбургская империя, а применительно к периоду после 1867 г. к этому перечню добавляются Австро-Венгерская монархия, Дуалистическая монархия, Двуетная монархия,

Австро-Венгерская империя и Австро-Венгрия. Важно, что, в отличие от других исследований, авторы рецензируемой монографии предоставляют свои комментарии по поводу разнообразия используемых названий, которое может запутать неспециалиста.

Вторую трудность представляет предмет исследования — политические партии XIX в., которые в ходе столетия эволюционировали от элитарных клубов с постоянно меняющимися названиями, нечеткими программами и нефиксированным членством до массовых партий в современном понимании, представлявших конкретные политические лагеря. В этой связи вполне правомерным является выбор авторами широких хронологических рамок, нижней границей которых стали революционные события 1848 г. Как следует из главы 1, именно они положили начало модернизации и переходу к правовому государству и гражданскому обществу в Австрийской империи. Широкие хронологические рамки исследования позволили авторам охарактеризовать не только собственно политические партии как сложившиеся общественно-политические организации с четко выработанной программой, внутренней структурой, электоратом и мандатами в парламенте, но также и предварявшие их добровольные объединения, ассоциации, клубы и окол властные группы, деятельность которых рассматривается в главе 2.

В эволюции собственно политических партий Австро-Венгрии авторы монографии выделяют три этапа, которым посвящены главы 3–5: 1) 1860–1880-е годы характеризовались размытостью партийных рамок и политических программ; 2) в период с 1890-х гг. до начала XX в. появляются первые четко структурированные партии, боровшиеся за представительство в законодательных органах и расширение электората; и 3) 1906–1914 годы определяются как эра массовых партий, поставивших под угрозу старый порядок и само существование габсбургского государства. Название главы 5, в которой анализируется последний из этапов, содержит иную нижнюю границу этапа, а именно 1904/1905 г. Однако содержание главы не противоречит заявленной во введении хронологии (с. 26), так как в действительности характеризует период, начинающийся именно с 1906–1907 гг., отмеченных введением всеобщего избирательного права для мужчин.

Глава 6 посвящена становлению парламентаризма в Австро-Венгерской монархии с момента принятия Соглашения 1867 г., создавшего систему дуализма в габсбургском государстве. Эта глава представляет особую ценность для неспециалистов, поскольку в ней подробно объясняются устройство и функциональные особенности центральных и провинциальных парламентских структур обеих частей дуалистического государства. Удачным представляется также решение авторов осветить в главе 7 спектр политической прессы того времени, являющейся важным источником по истории политической культуры, национальных движений и массового сознания.

Политические группировки, коалиции, партии и аффилированная с ними пресса формировались в Дунайской монархии в первую очередь

по этнонациональному признаку и лишь во вторую — по политико-идеологическому. В монографии освещены особенности политической культуры австрийских немцев, словенцев, чехов, словаков, венгров, румынов, хорватов, сербов, поляков, угорских и галицийских русинов, украинцев и трансильванских саксов, т. е. всех основных австрийских народов, за исключением итальянцев. Последнее не может не вызывать определенного сожаления, поскольку в противном случае удалось бы представить практически исчерпывающую картину политической жизни государства в рассматриваемый период.

Системный обзор политической культуры такого числа разных народов, сосуществующих, по выражению авторов, «в пестром этническом море империи» (с. 137), представляет третью и основную трудность. Если одни народы проживали в исторических провинциях, сохраняя территориальную автономию, и могли апеллировать к историческому праву, т. е. многовековым традициям собственной государственности, то другие, по словам авторов, «отсутствовали на политической карте державы» (с. 11), имея слабое представительство в ландтагах или вовсе не имея такового. Интересно наблюдение о том, что национально-политические движения «неисторических» наций «отставали» в своем развитии: их формирование началось лишь в середине XIX в., и вплоть до Первой мировой войны эти народы так и не добились признания в качестве коллективных субъектов (с. 36).

В плане методологии авторы верно отмечают, что господствовавший в историографии XX в. подход, который они определяют как телеологический (с. 12), предполагал «неминуемый распад» «лоскутной» монархии под гнетом межнациональных противоречий. Такой подход привел к подмене монархии Габсбургов как фактора европейской истории фрагментами истории отдельных ее народов. Одним из печальных результатов, по крайней мере, для отечественной науки стало весьма слабое и даже неудовлетворительное представление Новой истории центральноевропейского региона в трудах общего характера и учебной литературе.

Авторы рецензируемой книги заявляют, что в своем труде они решили отказаться от прежнего подхода и представить этнонациональный ландшафт Дунайской монархии «сквозь призму единственного легитимного в XIX в. признака», а именно — основанного на историческом праве деления на провинции или коронные земли (с. 12). Решение интересное, но, на мой взгляд, авторам все же не удалось реализовать его в полной мере. В каких-то главах национально-политическая динамика представлена действительно в рамках исторических регионов монархии, тогда как в других внимание сосредоточено на конкретных народах, а не землях, что также нашло отражение в названиях подразделов глав.

В послесловии авторы отмечают, что выводы, к которым они приходят на протяжении книги, соотносятся с современной теорией о национальной индифферентности, т. е. массовом безразличии граждан к вопросам этнонациональной принадлежности, которое было характерно для аграрного населения

монархии Габсбургов [см. об этом: Judson, 2006; Zahra]. Правда, сама теория в книге не рассматривается и не подтверждается каким-то конкретным материалом. Что подтверждают материалы монографии, так это наличие у населения Дунайской монархии парадоксально устойчивой лояльности к правящей династии — феномен, отмечаемый многими зарубежными исследователями [Ingrao, p. 2; Judson, 2016, p. 100; Unowsky, p. 181–182]. Один из выводов, который может сделать читатель, заключается в том, что на протяжении рассматриваемого периода политические элиты габсбургских народов в целом разделяли идею сохранения многонациональной империи под эгидой дома Габсбургов, но выдвигали различные предложения по поводу ее политического устройства. Одни настаивали на сохранении дуалистической структуры и стремились укрепить ее путем смягчения социальных и национальных противоречий. Другие взяли курс на ревизию дуализма и выдвигали предложения по преобразованию монархии на федеративной, конфедеративной, субдуалистической или триалистической основе. Были также предложения по созданию в рамках империи замкнутых языковых областей с собственными администрацией и представительством (так называемая «Троицына программа» 1899 г.). К концу XIX в. стали выдвигаться единичные радикальные идеи. Ближе к 1914 г. сомнения в сохранении Дуалистической монархии и предложения создать новые государства вне Австро-Венгрии высказывались все чаще, однако широкий отклик и массовую поддержку такие идеи получили только в ходе Первой мировой войны.

Среди достоинств монографии стоит отметить пояснение всех исторических терминов и реалий описываемой эпохи по ходу изложения материала в тексте либо в подстрочных сносках, а также сопровождение их написанием на языке оригинала, что позволяет избежать двусмысленности и путаницы. Книгу отличает транскрибированное написание имен собственных и фамилий, т. е. так, как они звучат на языке оригинала: например, «Люегер» и «Ауэрсберг» вместо часто встречающихся в отечественной литературе «Люгер» и «Ауэршберг». К сожалению, иногда даже при первом упоминании персоналии приводится только фамилия без инициалов (например, «д-р Брестель» или «фон Хаснер»), что вынуждает читателя предпринимать дополнительные изыскания, чтобы понять, о ком именно идет речь. Также неудобным для читателя является использование в некоторых местах книги названий газет и обществ без перевода на русский язык («Pozor», «Slovenský týždenník», «Reichspost») и транскрибированных названий без оригинального написания и перевода («Эдиност», «Заточник»). Смущает одновременное использование двух вариантов для обозначения членов Христианско-социальной партии — «социальные христиане» и «христианские социалисты», а также соответствующих прилагательных — «социально-христианские» и «христианско-социальные».

Иногда достаточно категоричные заявления в тексте монографии не подерживаются доказательной базой или ссылками на проведенные исследования, — например, утверждение о «полной мадьяризации» румынских дворян Трансильвании (с. 22) или росте пророссийских настроений среди русинов

Галиции в связи с переброской в Венгрию крупного русского корпуса для подавления революции (с. 41). Интерес вызывает тезис о том, что созданная правительством Цислейтании автономия Галиции обеспечила наиболее благоприятные условия для национального развития по сравнению с другими частями Польши (с. 115), но он, к сожалению, не подкрепляется фактами или ссылкой на компаративные исследования о положении польских земель в составе австрийского, российского и прусского (германского) государств. Местами выпущенные из текста детали мешают читателю следить за логикой развития событий: например, на с. 49 читаем, что «Иосифа Раячича провозгласили митрополитом», а в следующем абзаце говорится о требованиях делегации «во главе с патриархом Раячичем». Другая информация, напротив, излишне повторяется несколько раз в разных разделах книги (например, содержание языковых указов Бадени). На с. 150 и с. 317 два подряд идущих предложения повторяются дословно. Тем не менее, указанные недочеты не умаляют общей значимости и научной ценности книги.

Монография основана на широком пласте отечественной и зарубежной литературы, как дореволюционной, так и самой современной. Несмотря на выбранный авторами формат исторических очерков, в ходе работы над книгой были привлечены также и архивные материалы, личная корреспонденция, программы политических партий и материалы прессы описываемого периода. В целом рецензируемая монография будет полезна не только узким специалистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей империи Габсбургов, а также преподавателям и студентам исторических направлений. Ввиду того, что в ней поясняются многие процессы и факты из истории Центральной Европы XIX – начала XX в., которые зачастую неполно изложены в других изданиях, рецензируемая монография способствует восполнению существующей лакуны и недостатков современной научной и учебной литературы на русском языке.

Исследования

Elliott J. H. A Europe of Composite Monarchies // *Past & Present*. 1992. Vol. 137 (The cultural and political construction of Europe). P. 48–71. <https://doi.org/10.1093/past/137.1.48>

Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000.

Judson P. Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria. Cambridge, Massachusetts : Harvard Univ. Press, 2006.

Judson P. The Habsburg Empire: A New History. Cambridge, Massachusetts : The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2016.

Koenigsberger H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe: *Dominium Regale* or *Dominium Politicum et Regale* // *Theory and Society*. 1978. # 5 (1). P. 191–217. <https://doi.org/10.1007/BF01702161>

Unowsky D. L. The Pomp and Politics of Patriotism: Imperial Celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette : Purdue Univ. Press, 2005.

Zahra T. Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69 (1). P. 93–119. <https://doi.org/10.1017/s0037677900016715>

References

- Elliott, J. H. (1992). A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*, 137 (The Cultural and Political Construction of Europe), 48–71. <https://doi.org/10.1093/past/137.1.48>
- Ingrao, Ch. (2000). *The Habsburg Monarchy, 1618–1815*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Judson, P. (2006). *Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Judson, P. (2016). *The Habsburg Empire: A New History*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Koenigsberger, H. G. (1978). Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe: *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society*, 5 (1), 191–217. <https://doi.org/10.1007/BF01702161>
- Unowsky, D. L. (2005). *The Pomp and Politics of Patriotism: Imperial Celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916*. West Lafayette: Purdue University Press.
- Zahra, T. (2010). Imagined Noncommunities: National Indifference as a Category of Analysis. *Slavic Review*, 69(1), 93–119. <https://doi.org/10.1017/s0037677900016715>

Бут Юлия Евгеньевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: komleva79@mail.ru,
j.e.komleva@urfu.ru

But, Yulia Evgenievna

PhD (History), Associate Professor
Department of Modern and Contemporary
History
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620083 Yekaterinburg, Russia
Email: komleva79@mail.ru,
j.e.komleva@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4105-2387>
Scopus AuthorID: 57196410782

DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.041

УДК 377:7.07 + 7.02 + 7.072

Е. П. Алексеев

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ИСКУССТВО БЫТЬ ИСКУССТВОВЕДОМ

Рец. на кн.: Искусство постигать искусство : сборник статей к 100-летию Н. А. Дмитриевой / отв. ред. М. А. Бусев. Москва : БуксМАрт, 2020. 408 с.: ил.

В рецензии рассматривается сборник научных статей «Искусство постигать искусство», выпущенный по материалам конференции «Историко-теоретические проблемы искусствознания: к 100-летию со дня рождения Н. А. Дмитриевой» (состоялась 24–25 апреля 2017 г. в Государственном институте искусствознания Министерства культуры РФ). В первой части сборника представлены воспоминания коллег о творчестве Н. А. Дмитриевой, раскрывающие различные грани ее дарования. Во второй части книги научные статьи современных историков искусства посвящены проблемам, волновавшим Н. А. Дмитриеву. Среди них: история искусствovedческой мысли и художественного образования в России, теоретические и методологические вопросы (изображение и слово, проблемы интерпретации, китч), творчество П. Пикассо, М. Врубель, А. Чехова. В третьем разделе опубликованы фрагменты дневника Н. А. Дмитриевой, а также две ранее не издававшиеся статьи.

Ключевые слова: Н. А. Дмитриева; теория и история искусства; художественное образование в России; П. Пикассо; М. Врубель; А. Чехов

Цитирование: Алексеев Е. П. Искусство быть искусствоведам // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 288–296. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.041>. Рец. на кн.: Искусство постигать искусство : сборник статей к 100-летию Н. А. Дмитриевой / отв. ред. М. А. Бусев. Москва : БуксМАрт, 2020. 408 с.: ил.

Поступила в редакцию: 04.11.2020

Принята к печати: 15.04.2020

Evgeny P. Alekseev

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

ART OF BEING AN ART CRITIC

Review of: Busev, M. A. (2020). *Iskusstvo postigat' iskusstvo: sbornik statei k 100-letiiu N. A. Dmitrievoi* [Art of Comprehending Art: Collected Articles for N. A. Dmitrieva's 100th Birthday]. Moscow: BooksMArt. 408 p.: Il.

This review examines *Art of Comprehending Art*, a collection of scholarly articles based on the materials of the conference *Historical and Theoretical Issues of Art Studies: For N. A. Dmitrieva's 100th Birthday* (held on April 24–25, 2017 at the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation). The first part of the collection presents colleagues' memories about N. A. Dmitrieva's work revealing various facets of her talent. In the second part of the book, scholarly articles by contemporary art historians are devoted to the issues that N. A. Dmitrieva examined, i.e. the history of art criticism and art education in Russia, theoretical and methodological issues (image and word, issues of interpretation, kitsch), the creative work of P. Picasso, M. Vrubel, and A. Chekhov. The third section contains fragments of N. A. Dmitrieva's diary, as well as two previously unpublished articles.

Key words: N. A. Dmitrieva; theory and history of art; art education in Russia; P. Picasso; M. Vrubel; A. Chekhov

For citation: Alekseev, E. P. (2021). *Iskusstvo byt' iskusstvedom* [Art of Being an Art Critic]. *Review of:* Busev, M. A. (2020). *Iskusstvo postigat' iskusstvo: sbornik statei k 100-letiiu N. A. Dmitrievoi* [Art of Comprehending Art: Collected Articles for N. A. Dmitrieva's 100th Birthday]. Moscow: BooksMArt. 408 p.: Il. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 288–296. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.041>

Submitted: 04.11.2020

Accepted: 15.04.2021

В истории отечественного искусствознания XX столетия, богатой на яркие имена, Нине Александровне Дмитриевой (1917–2003) принадлежит особое место. Признанный специалист, автор более двадцати книг о творчестве В. Ван Гога, М. Врубеля, П. Пикассо, А. Чехова, она обладала особым даром увлекать рядовых читателей. Написанная Н. А. Дмитриевой в 1968 г. «Краткая история искусств» [Дмитриева, 1968; 1975; 1993] (Государственная премия РФ, 2003) многократно переиздавалась¹ и стала настольной книгой для всех любителей изобразительного искусства. Творческое наследие Нины Александровны притягательно не из-за упрощенного описания сложных художественных явлений или нарочитой эффектности подачи материала (чем грешат многие популяризаторы), а благодаря продуманности и точности характеристик мастеров, убедительности анализа произведений мирового искусства. Желание донести до читателя всю глубину и многогранность художественного творчества определяет ясный, лаконичный и в то же время богатый образный язык исследователя. В одной из статей Н. А. Дмитриева писала: «В качестве искусствоведа и критика я не хотела бы чувствовать себя ни толмачом, ни присяжным советчиком, ни приводным ремнем какого-то механизма, ни даже генератором. Я предпочитаю

¹ Первый выпуск переиздавался в 1969, 1985, 1986, 1987 и 1988 гг.; второй — в 1989 и 1990 гг.; все выпуски, объединенные в одну книгу, изданы в 2000, 2008 и 2020 гг.

бы быть не генератором, а литератором; просто автором “деловой прозы”, если угодно — очеркистом» [Дмитриева, 1977, с. 28–29].

О гранях дарования Нины Александровны вспоминают ее коллеги в первой части сборника. И. А. Антонова (Москва, ГМИИ) отметила, что автор «Краткой истории искусств» — представитель поколения ученых с широким взглядом, которые видели историю искусств объемно и понимали важность взаимосвязей прошлого и современности. Народный художник РФ Б. М. Неменский (Москва, РАХ) рассказал о том, что в 1960-е гг. Н. А. Дмитриева активно поддерживала его, в ту пору молодого живописца, в творческих поисках. О работе Нины Александровны в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии на искусствоведческом отделении УрГУ в 1981 г. поведал С. В. Гольинец (Екатеринбург, УрФУ). Деятельность сектора эстетики в Институте истории искусств, где Н. А. Дмитриева проработала более десяти лет (а в Институте — почти тридцать), подробно описывает А. С. Вартанов (Москва, ГИИ МК РФ). О непростых взаимоотношениях Н. А. Дмитриевой с известным философом и эстетиком М. А. Лифшицем написала В. И. Чайковская (Москва).

Наряду с воспоминаниями присутствуют статьи с анализом научной деятельности Нины Александровны. Книга «Послание Чехова» [Дмитриева, 2007], составленная из статей Н. А. Дмитриевой, написанных в разные годы, вызвала интерес филологов. А. П. Кузичева (Москва) обращает внимание на размышления Н. А. Дмитриевой о природе гениального дара Чехова. По мнению Н. М. Щаренской (Ростов-на-Дону, ЮФУ), Н. А. Дмитриевой важно было подчеркнуть своеобразие изобразительных приемов писателя. О. С. Давыдова (Москва, НИИ РАХ) видит в Н. А. Дмитриевой тонкого аналитика, для которого главной задачей было рассмотреть за произведением искусства «мысль-переживание». Е. В. Степанян-Румянцева (Москва, РГУ) размышляет о литературном стиле Н. А. Дмитриевой, отмечая, что если язык специалистов часто предназначен только «для своих», то Нина Александровна — пример открытого стиля. Высокий профессионал, Н. А. Дмитриева стремилась сохранить точность повествования, но при этом широко пользовалась метафорами, образными сравнениями, лирическими отступлениями. Именно подобный стиль позволял приобщать читателей, порой далеких от искусствоведческой науки, к проблемам творчества, к парадоксальным и противоречивым художественным явлениям. Н. В. Гемашвили (Москва, РАЖВиЗ) сравнила подходы французского культуролога Андре Мальро и Нины Дмитриевой к анализу творчества Пикассо, отметив, что оба исследователя были свободны от методологических шаблонов.

Проблемам, волновавшим Н. А. Дмитриеву, посвящены научные тексты, представленные во второй части сборника. В статье «Из истории исследования московской художественной школы второй половины XIX века» О. В. Калугина (Москва, РГГУ) выделяет труд Н. А. Дмитриевой «Московское училище живописи, ваяния и зодчества» [Дмитриева, 1951], который более пятидесяти лет был единственным исследованием истории учебного заведения. Н. А. Дмитриева уделяла особое внимание личности одного из организаторов

Московского художественного класса М. Ф. Орлова, активно опираясь в своих исследованиях на «Отчет Московского Художественного Клас­са» (1835) и «Материалы для истории художеств в России» (1863). История Московского училища живописи, ваяния и зодчества была значительно дополнена в последние десятилетия. На основе новых научных изысканий С. С. Степанова [2005], М. М. Фролова [2016], Н. Д. Корина [2014] в своих трудах существенно расширили информацию, представленную в книге Н. А. Дмитриевой.

А. А. Бабин (Санкт-Петербург, ГЭ), упоминая о статье Н. А. Дмитриевой «Передвижники и импрессионисты» (1978) в связи с выставкой «Передвижники и импрессионисты. На пути в XX век» (ГМИИ, 2017), пытается проследить взаимоотношения русских и французских художников в конце XIX — начале XX в. Остановившись на эпизодах французской жизни В. Васнецова, В. Перова, И. Крамского, И. Репина, В. Поленова, В. Кандинского, К. Петрова-Водкина, З. Серебряковой, исследователь демонстрирует процесс приобщения русских мастеров к достижениям мировой культуры. Как редкий случай влияния русского искусства на европейских живописцев автор называет интерес А. Матисса к полотну А. Венецианова «Туалет Дианы» (1847, ГТГ²), под впечатлением от которого французский мастер написал ряд работ.

Оттолкнувшись от мнения Н. А. Дмитриевой о том, что в произведении М. Врубеля «Пирующие римляне» (1883, ГРМ) большое значение имеет эффект *non-finito* (итал. *non-finito* 'незаконченное'), А. Н. Мережников (Екатеринбург, УрФУ) сравнивает акварель русского мастера с работами его современника художника-академиста Л. Альма-Тадемы (их произведения объединяет общая иконографическая модель «сцена в экседре»). После подробного анализа врубелевской композиции исследователь приходит к выводу, что замысел художника можно назвать *метафорическим*. Мастер органично соединяет две иконографические модели — «на пиршественном ложе» и «в экседре», добиваясь в камерной вещи важного для исторических картин второй половины XIX в. «эффекта присутствия». Подчеркнутая незавершенность (*non-finito*) ранней работы станет для Врубеля в дальнейшем одним из качеств его творческого метода.

О вкладе чешского художника Йозефа Чапека в искусство детской книги 1920–1930-х гг. пишет Е. К. Виноградова (Москва, ГИИ МК РФ). Сделав обзор основных работ Чапека в этой области, она отмечает, что понимание психологии ребенка (тяга детей к игре, фантазирование, наивность и желание понять мир взрослых) определяли творческие подходы мастера.

Ряд статей сборника связаны с творчеством Пикассо, о котором Н. А. Дмитриева опубликовала книгу [Дмитриева, 1971], не потерявшую своей научной ценности и в наши дни. Так М. А. Бусев (Москва, ГИИ МК РФ) в статье «Молодой Пикассо и скульптура» рассказывает о первых пластических опытах испанского мэтра. В скульптурах Пикассо 1902–1909 гг. есть эволюция художественных приемов, обусловленная поисками выразительного языка. Если

² Картина экспонировалась на выставке «Два века русского искусства» в Париже в 1906 г.

поначалу художника интересует пластика человеческого тела (его «Сидящая женщина» (1902) и «Голова пикадора со сломанным носом» (1903) созданы под определенным влиянием О. Родена), то впоследствии он будет стремиться к упрощению, геометризации форм. Эстетика кубизма, определившая живописное творчество Пикассо, скажется и на его скульптурных работах этого периода («Голова женщины», 1909; «Яблоко», 1909). Малоизвестные современникам пластические произведения художника демонстрируют, что Пикассо уже в 1900-е гг. был не только новатором в области живописного языка, но и одним из ярких авангардных скульпторов.

Теме «Пикассо и музыка» посвящает свою статью *Е. М. Тараканова* (Москва, ГИИ МК РФ). Заметив пристрастие мастера, на разных этапах его творчества, к изображению музыкальных инструментов, она полагает, что художнику была важна многозначительность образов его персонажей. Скрипки, гитары, флейты связывали героев с материальным миром, конкретным действием и в то же время определяли символику произведения, превращаясь в работах периода кубизма в самодостаточные знаки.

Т. А. Галева (Екатеринбург, УрФУ) анализирует проблемы взаимоотношений американского художника Джона Грэма и Пикассо. Представитель русской эмиграции Грэм (И. Г. Домбровский) с большим интересом следил за творчеством испанского мастера и разделял его увлечение африканским примитивным искусством. В 1937 г. он опубликовал программную статью «Искусство примитива и Пикассо» [Graham], а в книге «Система и диалектика искусства» (1937) подавал фигуру автора «Герники» как знаковую. Во второй половине 1940-х гг. Грэм не только отказался от эстетики Пикассо, но и подверг критике сложившийся в США культ художника. Сделавший много для популяризации творчества Пикассо в США Грэм стремился свергнуть кумира с пьедестала, предчувствуя, что молодым американским мастерам скоро надоеет играть второстепенную роль и ориентироваться на художественную жизнь Европы.

Для *А. К. Якимовича* (Москва, НИИ РАО) интерес представляют отношения Пикассо с компартией. После 1944 г. художник сближается с французскими коммунистами и официально вступает в ряды партии. Известны его произведения, созданные для коммунистических и профсоюзных организаций. Со стороны советских партийных идеологов были попытки убедить мастера принять программу соцреализма, но они закончились провалом. Дороживший своей независимостью Пикассо резко, но без публичного скандала, дистанцировался от коммунистической системы. Убежденный пацифист, он откликнется на события в Корее и Вьетнаме антивоенными произведениями, но сделает это по собственной воле.

Пикассо в 1950-е гг. стал героем фильмов, которые снимали французские кинорежиссеры А. Рене («Герника», 1950) и А.-Ж. Клузо («Тайна Пикассо», 1956). *Н. П. Баландина* (Москва, ГИИ МК РФ) анализирует творческие подходы мастеров кинематографа, которые пытались приобщить зрителей к выразительности языка современной живописи и своеобразию художественного процесса.

Н. А. Дмитриеву интересовали проблемы массового искусства и китча, в свое время она опубликовала по этому поводу ряд статей. В настоящем сборнике об аспектах китча размышляет А. А. Курбановский (Санкт-Петербург, ГРМ). Подробно прослеживая сложение и развитие «теории китча», исследователь отмечает, что китч — это «бессознательная область», и его основная функция — удовлетворение бессознательных желаний. По мнению З. Фрейда, одно из основных влечений человеческой природы есть влечение к смерти, и именно в этом А. А. Курбановский видит суть китча.

Рассказывая о стихах-картинах чешских поэтистов 1920-х гг., Е. В. Надеждина (Москва, ГИИ МК РФ) подчеркивает проблему перевода вербального в визуальное (и наоборот). Художники, поэты, музыканты, объединившись в группу «Devětsil» под руководством К. Тейге, стремились к поиску нового визуального языка. Автор статьи замечает, что, наряду с кубизмом, главным источником вдохновения для них был кинематограф. Поэтому закономерным становится соединение техники коллажа и принципов кинематографического монтажа.

Статья А. В. Рыкова (СПбГУ) посвящена анализу книги В. Хофмана «Земной рай» (1960) [Hofmann] — одной из наиболее значительных работ по искусству XIX в. Продолжая традиции венской школы искусствознания, В. Хофман предлагает для интерпретации искусства общую *матрицу понятий*. Австрийский ученый отмечает в искусстве XIX столетия утрату первоначальной целостности, индивидуализацию, разрыв между чувственным и интеллектуальным. Разрушительный потенциал в искусстве этого времени он видит в «открытии природы». Рыков замечает, что труд В. Хофмана носит асоциальный характер, так как автор, основываясь на философских и литературных источниках, отказывается от исторических. Желание В. Хофмана уберечь искусство XIX в. от конкретного социального контекста и подчинить нескольким абстрактным принципам делает его исследование образцом классической искусствоведческой риторики.

В. Ф. Колязин (Москва, ГИИ МК РФ) замечает, что в Европе Чехова-драматурга первыми оценили немцы. Гастроли Художественного театра Станиславского в Германии в 1906 г. произвели на зрителей сильное впечатление, и Чехов занял на немецкой сцене самостоятельное место. Отмечая разнообразные периоды в истории «немецкого Чехова», автор статьи делает акцент на постановках 2010-х гг. в австрийских и немецких театрах. Его привлекает смелый немецкий синтетизм, всевозможные эксперименты, как в духе психологического театра, так и в духе постмодернистского или постдраматического.

Творчеству Ж. Миро посвящает свой текст К. В. Орлова (Москва, ГИИ МК РФ). Для нее важно подчеркнуть, что в поисках нового языка художник обращается к классической живописи. В серии «Голландские интерьеры» (1928) Миро пытался воссоздать работы старых мастеров на современном языке форм и цвета. В 1960–1970-е гг. мэтр сюрреализма вновь увлекся «игрой в классику», в которой он видел отправную точку для творческих экспериментов.

На произведения классической живописи ориентировался и французский художник Ф. Буарон. Анализируя его работы 1980–2000-х гг., Т. В. Малова (Москва, РГУ) приходит к выводу, что мастеру было важно зафиксировать новые качества искусства. Беря на себя роль художника-репортера, Буарон использует видеодокументацию и компьютерную обработку для нового прочтения живописной традиции в ситуации тотальной медиальности.

Л. И. Акимова (Москва, ГМИИ) — соавтор Н. А. Дмитриевой по книге «Античное искусство» [Дмитриева, Акимова] — опубликовала статью «Прохожий и Умерший в надгробиях Аттики: эволюция мемориальной пластики». Рассказав, как менялись погребальные обряды, исследователь отмечает, что с начала VI в. до н. э. на афинских некрополях стали появляться каменные статуи и стелы с изображением умершего. Мемориальная пластика и эпитафия были адресованы прохожим, которым надлежало принести символическую жертву — оплакать погребенного. Анализируя сюжет «встречи живых и умерших», представленный на стеле Гегесо (ок. 400 г. до н. э.) и стеле юноши с Илисса (ок. 340–330 гг. до н. э.; обе стелы из Национального археологического музея, Афины), Л. И. Акимова объясняет, как изменяется содержание образов умершего и прохожего.

В третьей части сборника опубликованы фрагменты дневника Н. А. Дмитриевой с размышлениями о жизни и специфике творчества искусствоведа. Искусствоведческому сообществу стала доступна статья Н. А. Дмитриевой «Использование понятий “психологический жест” и “атмосфера” при описании произведений искусства». Поездку в Китай в 1957 г. Н. А. Дмитриева описывает в рассказе «Экзотика». Творческое наследие историка искусств представлено и прокомментировано С. Ф. Членовой (МГУ).

Сборник статей «Искусство постигать искусство» стал одним из наиболее значительных академических изданий последних лет. Специалистам по изобразительному искусству России и Западной Европы будут интересны как новые факты, так и подходы к историко-теоретическим проблемам, авторские взгляды и оценки. Обращение к наследию Н. А. Дмитриевой не только дань памяти замечательного искусствоведа. Творческая судьба Нины Александровны демонстрирует, насколько важна для любого исследователя индивидуальная позиция, собственный взгляд на мир искусства. Недаром крупнейший отечественный искусствовед А. Г. Габричевский утверждал: «В основе каждого подлинного творчества мысли и всякого подлинного исследования лежит некое интуитивно вспыхнувшее прозрение... Таким образом, индивидуальнейшее и интимнейшее, что есть в человеке — единственный путь к всеобщему и мировому. Поэтому прислушиваться к своему личному предметному пафосу и его культивировать — значит выразить то, что близко и дорого очень многим...» [Габричевский, с. 83].

Сокращения

ГИИ МК РФ Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Москва

ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва
ГРМ	Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
ГЭ	Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
МГУ	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
НИИ РАХ	Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва
ПСТГУ	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва
РАЖВиЗ	Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет, Москва
РГУ	Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
ЮФУ	Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Исследования

- Габричевский А. Г.* Морфология искусства. М. : Аграф, 2002.
- Дмитриева Н. А.* Московское училище живописи, ваяния и зодчества. М. : Искусство, 1951.
- Дмитриева Н. А.* Краткая история искусств : очерки. Вып. 1 : От древнейших времен по XVI в. М. : [Искусство], 1968 ; Вып. 2 : Северное возрождение: страны западной Европы XVII–XVIII веков; Англия; Россия XVIII века. М. : [Искусство], 1975; Вып. 3 : Страны Западной Европы XIX века; Россия XIX века. М. : Искусство, 1993.
- Дмитриева Н. А.* Пикассо. М. : Наука, 1971.
- Дмитриева Н. А.* Живое слово критика // Декоративное искусство СССР. 1977. № 6. С. 28–29.
- Дмитриева Н. А.* Послание Чехова. М. : Прогресс-Традиция, 2007.
- Дмитриева Н. А., Акимов Л. И.* Античное искусство: [очерки : для сред. и ст. шк. возраста]. М. : Дет. лит., 1988.
- Корина Н. Д.* Московское Училище живописи, ваяния и зодчества как центр формирования московской школы живописи в сер. XIX — нач. XX в // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2014. Вып. 2 (14). С. 117–135.
- Степанова С. С.* Московское училище живописи и ваяния: годы становления. СПб. : Искусство — СПб, 2005.
- Фролова М. М.* Из истории московского дворянства: «Задумывая Московскую Академию художеств...» (1833–1843). М. : ВайзМедиа, 2016.
- Graham J. D.* Primitive Art and Picasso // Magazine of Art. 1937. № 4, April. P. 236–239.
- Hofmann W.* Das irdische Paradies: Kunst im neunzehnten Jahrhundert. München : Prestel, 1960.

References

- Dmitrieva, N. A. (1951). *Moskovskoe uchilishche zhivopisi, vaianiia i zodchestva* [Moscow School of Painting, Sculpture, and Architecture]. Moscow: Iskusstvo.
- Dmitrieva, N. A. (1968). *Kratkaia istoriia iskusstv: ocherki* [A Brief History of Art: Essays]. Iss. 1: *Ot drevneishikh vremen po XVI v.* [From Ancient Times to the 16th Century]. Moscow: Iskusstvo.
- Dmitrieva, N. A. (1971). *Picasso*. Moscow: Nauka.
- Dmitrieva, N. A. (1975). *Kratkaia istoriia iskusstv: ocherki* [A Brief History of Art: Essays]. Iss. 2: *Severnoe vozrozhdenie: strany zapadnoi Evropy XVII–XVIII vekov; Angliia; Rossiia XVIII veka*.

[Northern Renaissance: Countries of Western Europe of the 17th–18th Centuries; England; Russia of the 18th Century]. Moscow: Iskusstvo.

Dmitrieva, N. A. (1977). Zhivoe slovo kritika [The Living Word of a Critic]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, 6, 28–29.

Dmitrieva, N. A. (1993). *Kratkaia istoriia iskusstv: ocherki* [A Brief History of Art: Essays]. Iss. 3: *Strany Zapadnoi Evropy XIX veka; Rossiia XIX veka* [Countries of Western Europe of the 19th Century; Russia of the 19th Century]. Moscow: Iskusstvo.

Dmitrieva, N. A. (2007). *Poslanie Chekhova* [Chekhov's Message]. Moscow: Progress-Traditsiia.

Dmitrieva, N. A., & Akimova, L. I. (1988). *Antichnoe iskusstvo* [Ancient Art]. Moscow: Detskaia literatura.

Frolova, M. M. (2016). *Is istorii moskovskogo dvorianstva: "Zadumyvaia Moskovskuiu Akademiuii khudozhestv..." (1833–1843)* [From the History of the Moscow Nobility: "Conceiving the Moscow Academy of Arts..." (1833–1843)]. Moscow: WiseMedia.

Gabrichovsky, A. G. (2002). *Morfologia iskusstva* [Morphology of Art]. Moscow: Agraf.

Graham, J. D. (1937, April). Primitive Art and Picasso. *Magazine of Art*, 4, 236–239.

Hofmann, W. (1960). *Das irdische Paradies: Kunst im neunzehnten Jahrhundert*. München: Prestel.

Korina, N. D. (2014). Moskovskoe Uchilishche zhivopisi, vaianiia i zodchestva kak tsentr formirovaniia moskovskoi shkoly zhivopisi v ser. XIX — nach. XX v. [Moscow School of Painting, Sculpture, and Architecture as the Centre of Formation of the Moscow School of Painting in the mid-19th — Early 20th Centuries]. *Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva*, 2 (14), 117–135.

Stepanova, S. S. (2005). *Moskovskoe uchilishche zhivopisi i vaianiia: gody stanovleniia* [Moscow School of Painting and Sculpture: Years of Formation]. St Petersburg: Iskusstvo — SPb.

Алексеев Евгений Павлович

кандидат искусствоведения, доцент
кафедры истории искусств и музееведения
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: ev-alex@yandex.ru

Alekseev, Evgeny Pavlovich

PhD (Art Studies), Associate Professor
Department of Art History and Museum
Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: ev-alex@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3460-6679>

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2021. Т. 23. № 2

Редактор и корректор	<i>А. А. Макарова</i>
Редактор перевода	<i>Т. С. Кузнецова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свободная цена

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.01.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Дата выхода в свет 05.07.2021. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 24,87. Усл. печ. л. 25,51. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 155.

Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>